

240
1944/3

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ACADÉMIE DES SCIENCES DE LA RSS DE GEORGIE

საქართველოს საელმწიფო მუზეუმის
ბოლბო

В Е С Т Н И К || B U L L E T I N
Государственного Музея Грузии   du Musée de Géorgie

XIII-B

თბილისი
1944

საქართველოს
მეცნიერებათა
აკადემია

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗ. ССР — ACADÉMIE des SCIENCES de la RSS de GEORGIE

В Е С Т Н И К
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ГРУЗИИ

B U L L E T I N
DU MUSÉE DE GÉORGIE

XIII-B

240
199
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ს ა ქ ა რ თ ვ ე ლ ო ს ს ს რ მ ი ც ნ ი ე რ ა ბ ა თ ა ა კ ა დ ე მ ი ა

საქართველოს სახალხოეთო მუზეუმის
მ ო ა მ ბ ე

5736

XIII-B

ს ა ქ ა რ თ ვ ე ლ ო ს ს ს რ მ ი ც ნ ი ე რ ა ბ ა თ ა ა კ ა დ ე მ ი ა ს ა მ ო რ ფ ი ა მ ო ლ ბ ა

1 9 4 4

თბილისი

დაიბეცდა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა
აკადემიის პრეზიდიუმის განკარგულებით
*Напечатано по распоряжению президиума
Академии Наук Грузинской ССР*

რედაქტორი ა. აფაქიძე

ბელმოწერილია დასაბეჭდად უკ. ფ. 10.3.1744; ბეჭდურ ფორმათა რაოდენობა 15
უე 05993. შეკვეთის № 14. ტირაჟი 400.

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობის სტამბა, ა. წერეთლის ქ. № 7

შინაარსი—СОДЕРЖАНИЕ—CONTENTS

1. ბ. ა. კუფტინი, ურარტული „კოლუმბარიუმი“ უ პოდოშვი არა- რატა ი კურა-არაკსიი ენეოლითი	1
ბ. კუფტინი, ურარტული „კოლუმბარიუმი“ არარატის ძირში და მტკვარ-არაქსის ენეოლითი	128
B. A. Kuftin, The Urartian «Columbarium» at the foot of Ara- rat and the eneolithic stage of the Kura-Araks basin	137
2. გ. ნიორაძე, არქეოლოგიური დაზვერვები მტკვრის ხეობაში	173
G. Nioradze, Archaeological inquirces in the gorge of the river Kura	221
3. ა. აფაქიძე, ანტიმონის წარმოების ისტორიისათვის საქართველო- ში	227
A. Apakidze, To the history of antimon production in Geor- gia	227

Б. А. КУФТИН

УРАРТСКИЙ „КОЛУМБАРИЙ“
У ПОДОШВЫ АРАРАТА
и
КУРО-АРАКССКИЙ ЭНЕОЛИТ

I. МОГИЛЬНИК-КОЛУМБАРИЙ И „ГЛИНЯНЫЙ ГОРОДОК“ БЛИЗ ИГДЫРА

В 1914 году в Археологическое Отделение бывшего Кавказского Музея, теперь Гос. Музея Грузии, поступил от П. Ф. Петрова (1) своеобразный материал из раскопок, произведенных им в Игдырском участке бывшего Сурмалинского уезда, у южной подошвы Арарата. Несмотря на то, что П. Ф. Петров не является археологом специалистом, доставленная им коллекция выгодно отличается от ряда других поступлений в Музей тщательностью сбора, документальностью полевой описи, наличием краткого дневника раскопок и приложенного к нему альбомчика с подробной зарисовкой погребений и кроки изученной местности. К сожалению в инвентарь Музея была внесена только часть коллекции, именно та, которая связана с раскопкой могильника*. Остальной материал из культурного слоя зольника был мною обнаружен лишь в 1935 году в полевых упаковках и опознан по пометкам автора раскопок, при личном его участии. Только один ящик с коллекциями где то затерялся и до сих пор его не удалось найти.

Согласно пояснительной записке и чертежам приложенным к дневнику, исследованный участок находился в 8-ми верстах от сел. Игдыра у сел. Малакю, по дороге в с. Маркару, как раз у десятого верстового столба от последнего селения на юг. Он расположен на северном конце небольшой вытянутой с юга на север узкой скалистой гряды, двух с половиной метров высоты, которая представляет собой последний южный отрог подошвы Арарата, врезавшийся мысом в ровную до-

* Коллекция зарегистрирована в Археологическом Отделе Музея под инвентарным номером 30—14. В тексте предметы этой коллекции указываются только под номером предмета, с опущением номера коллекции. Остальные ссылки на коллекции музеев Грузии снабжаются полными инвентарными номерами с присоединением впереди литературных обозначений, какого города музей имеется в виду или же печатный каталог Уваровой. Государственные Музеи ССР Армении и Азербайджана имеют перед номером обозначения „Ар.“ и „Аз.“.

Пользуюсь здесь случаем принести свою благодарность администрации и сотрудникам музеев братских республик Армении и Азербайджана за предоставленные мне возможности проработать интересовавшие меня материалы.

лину Аракса. По своему происхождению и строению эта гряда представляет собой лавовый поток, покрывающий шапкой мягкий лессовый грунт, который возвышается здесь под его защитой над окружающей, очевидно денудированной равниной. Дорога пересекает отрог на две части: на северную, изолированный холм, который автор раскопок называет условно „глиняный городок“ и южную возвышенность, названную им „могильной горой“, поскольку именно на прилегающем к дороге ее северном конце был обнаружен могильник (рис. 1). На „глиняном городке“ под покровом лавы залегает зольный слой, заключающий в себе саманный кирпич, древесный уголь, перегар других органических веществ, кости человека и животных и, среди всего этого, предметы быта: каменные ступки, зернотерки, обсидиановые осколки, фрагменты глиняных сосудов нередко крупной величины, указывающие, что здесь мы имеем дело с селищем, а не с могильником. Отсутствие каких либо признаков железа, а также меди и стекла свидетельствует о достаточной древности этого слоя, что подтверждается по мнению наблюдателя и положением его под потоком лавы выше уровня равнины, так что требовалось достаточно времени для того, чтобы произошло понижение последней уже после извержения.

„Глиняный городок“ быстро разрушается жителями, которые вывозят отсюда весной и осенью плодородную золу для удобрения полей. Глиняные сосуды бьют при этом в куски, и выбранные с пашен они образуют целые груды, где можно найти много предметов. Разрушение идет столь быстро, что, по мнению П. Ф. Петрова, 1—2 года и городок должен будет сравняться с прилегающими полями.

Хотя на ту часть возвышенности, которая ныне обособлена и названа „могильной горой“, указанное селище и не распространялось, и следов его под лавой нигде не заметно, сам лавовый поток является прекрасной стратиграфической границей, устанавливающей, что могильник, помещенный в расщелинах вулканического туфа, имеет значительно позднейшее происхождение, будучи, по пронизательному замечанию в дневнике, отделенным от эпохи селища „тысячелетиями“. Об этом же говорит и инвентарь погребений, заключающий железное оружие, бронзовую посуду украшения и стеклянные бусы.

Могильник занимает небольшую площадь, по восточному гребню возвышенности, всего протяжением около 50 шагов, и вне ее поиски погребений, несмотря на тщательную разведку по сторонам и на противоположном гребне на месте первого открытого погребения, не дали никаких результатов. Весь же остальной прилегающий район возвышенности разрыт каменщиками.

Рассмотрим теперь оба памятника, начиная с более позднего могильника.

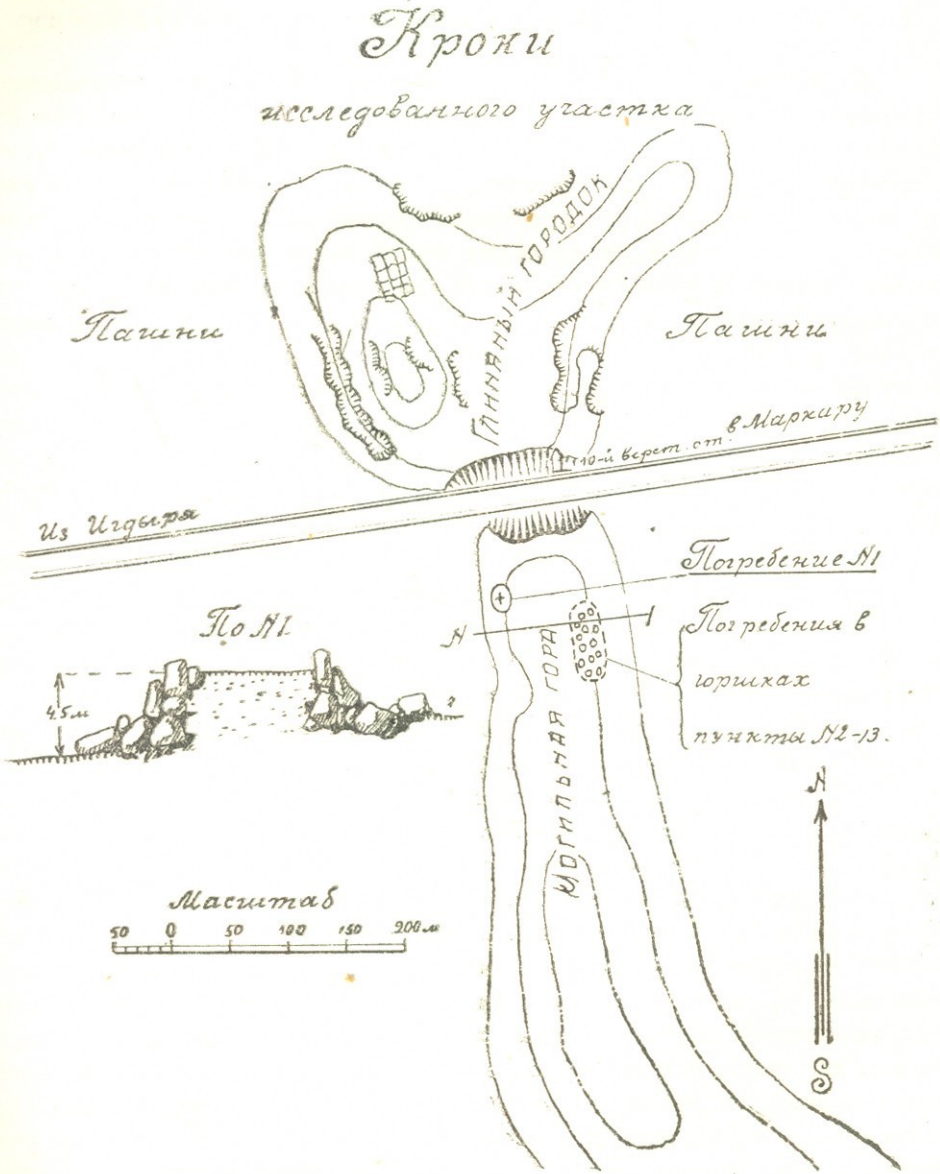

Рис. 1. Место раскопок «колумбарий» ванской эпохи и древнего селища на дороге из Игдыра в Мархару.

А. Могильник-нолумбарий

1. Характер погребений в игдырском «колумбарии»

За исключением одного изолированного погребения, на западном склоне, с человеческими костями и без следов огня, все остальные погребения, по восточному склону, представляют собою глиняные урны с пеплом покойников, поставленные в мягкую песчанную засыпь в расщелинах скал и заботливо прикрытые большими каменными глыбами. Инвентарь, состоящий из железных ножей, наконечников копий и стрел, медной посуды и личного убранства, находится рядом с урнами отдельными кучками. Ввиду того, что урны с пеплом расположены, обычно, тесными группами в отдельных удобных для захоронения местах, не всегда удается решить к какому именно погребению относится тот или другой инвентарь. Однако при полной его однородности, также как и однородности самих урн, это не имеет существенного значения, тем более, что комплексность отдельных групп вещей обычно довольно ясно устанавливается.

Нумерация погребений в дневнике отражает не столько фактические погребальные комплексы, сколько пункты одновременных находок одной или нескольких урн или инвентарных групп, связанных с урнами или отдельных от них. Поэтому в дальнейшем, сохраняя эту нумерацию, я заменял в ней слово „погребение“ словом „пункт“, а в самом описании этих пунктов свожу данные дневника, чертежей, полевой описи и самих коллекций*.

Пункт 1-ый представляет собою, повидимому, погребение женщины с двумя (?) детьми, без следов кремации (рис. 2 и 3). Расположено оно изолированно от прочих погребений на западном краю гряды, кнаружи западного гребня скал (рис. 1), в узкой расщелине, длиною около 1,5 метра и шириной 0,3—0,4 метра. Под земляной обсыпкой находились в северном конце два сосуда (№№ 47, 48): темноглиняный горшок и узкогорлый красный кувшинчик с ручкой, в обломках, заложенные мелким камнем. На расстоянии в полметра от них, на том же приблизительно уровне, были найдены истлевшие длинные кости человека и два бронзовые браслета (№№ 29 и 30). Голова его, потревоженная рабочими при первом ударе киркой, лежала, по их указанию, тут же немного южнее, так что все остатки взрослого человека умещались в беспорядке на пространстве около одного метра. Имеющийся материал не дает возможности точно установить, было ли тут погребение покойника в скорченной на боку или сидячей позе, или же

* Приложенные к описанию чертежи выполнены производителем раскопок по-жарандашным его чертежам, уже согласно указанным коррективам.

вторичное захоронение костей. Однако предполагать последнее нет еще достаточного основания, хотя костей таза и позвоночника действительно не обнаружено. Рядом с черепом взрослого находились черепные и другие кости детские, и тут же несколько детских бронзовых и железных браслетов (№№ 32, 33, 35—37).

Вся земля в районе черепа взрослого и детей была насыщена множеством рассыпанных бус (№№ 22, 24, 26, 27, 28 и 31), главным образом, сердоликовых (90 штук), агатовых, а также бронзовых, пасто-

Погребение №1 Семейная могила

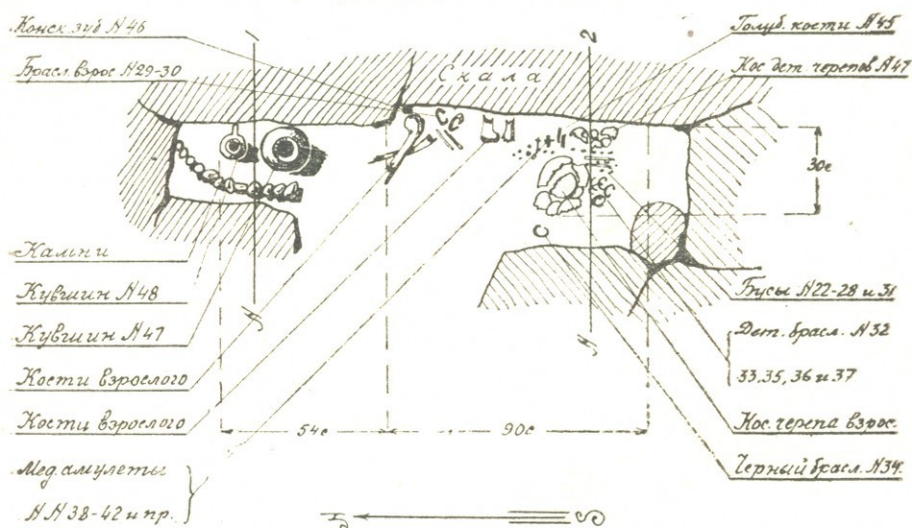

Рис. 2. Коллективное погребение № 1 взрослого с детьми.

вых и стеклянных. Здесь же среди бус находились обломки (№№ 39—41) двух бронзовых булавок (табл. V_{1,2}), раковина каури (№ 25) и каменная блоковидная пронизка (№ 23) с резными изображениями птиц на каждой стороне (табл. IX_{3,5}).

Пункт 2-ой (рис. 4) обнаружен случайно рабочими по восточному скату гряды у края верхнего плато. У самой поверхности земли в узкой расщелине под камнем находились в кучке бронзовые мелкие предметы, рассыпавшиеся по удалении камня. Здесь имелся рубчатый (№ 51) и четковидный бронзовый браслет (№ 49), истлевший и рассыпающийся на шаровидные фрагменты, две медные трубочки (№ 50), обломки бронзового пояса (№ 52), подобного как в пункте 10—11-ом (табл. IV₁), темная агатовая буса (№ 53).

К погребению № 1.

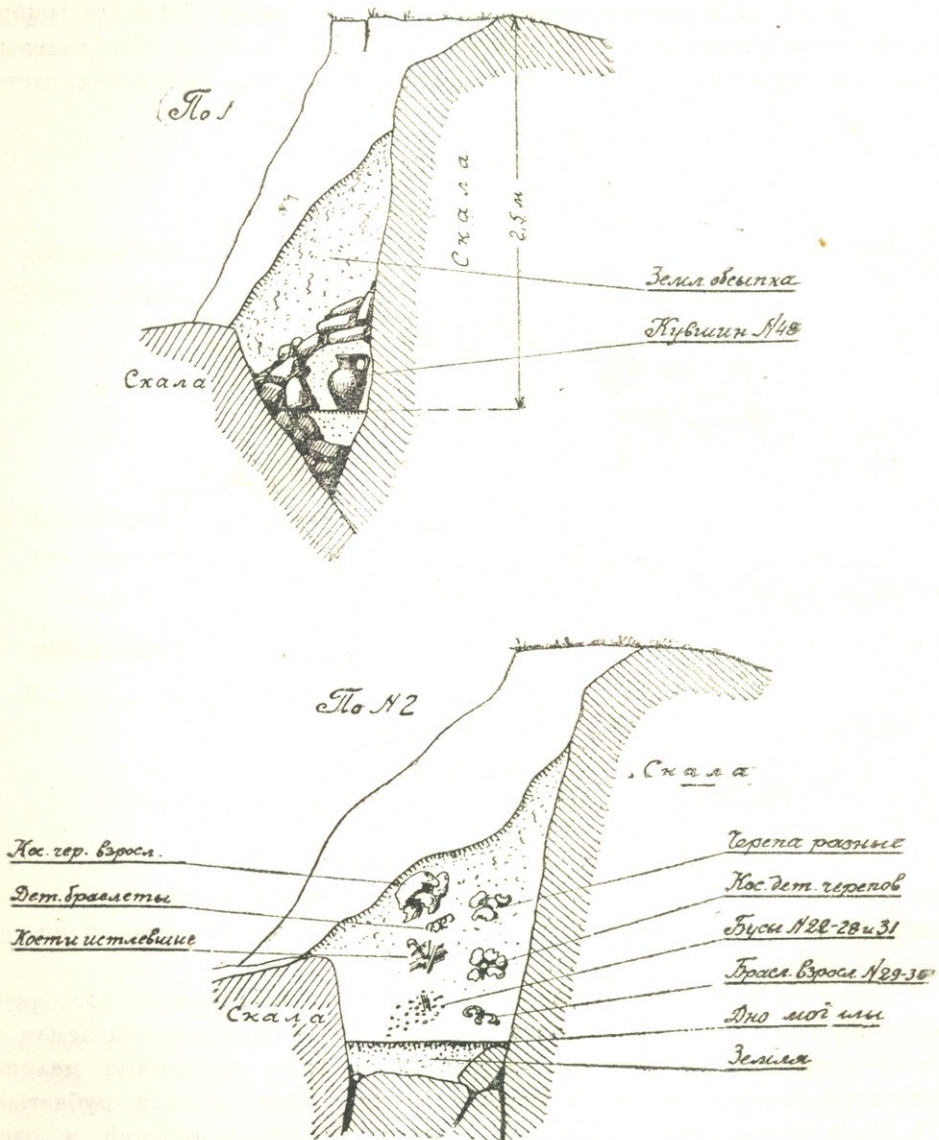
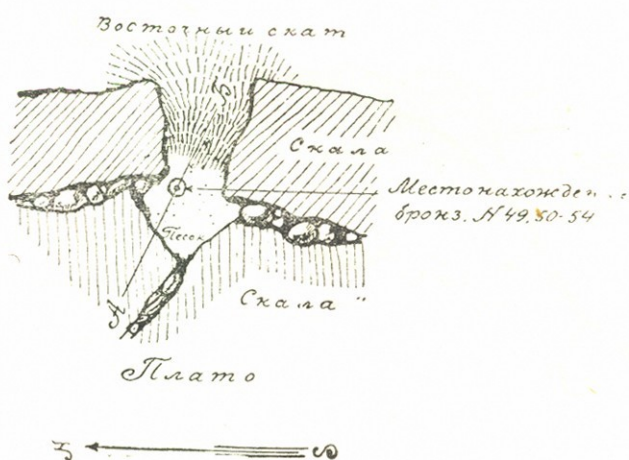

Рис. 3. Поперечные разрезы через погребение № 1.

Пункт №2

По АБ

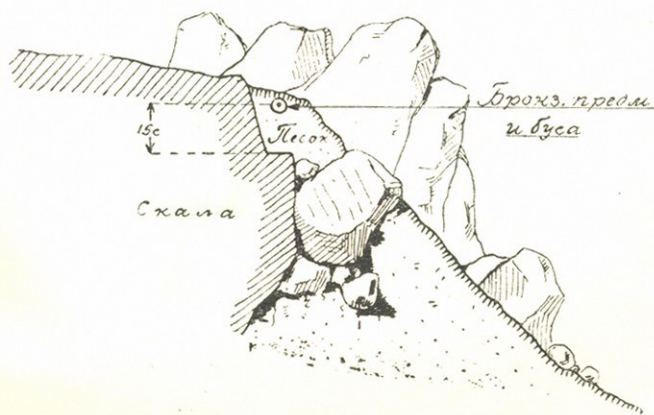
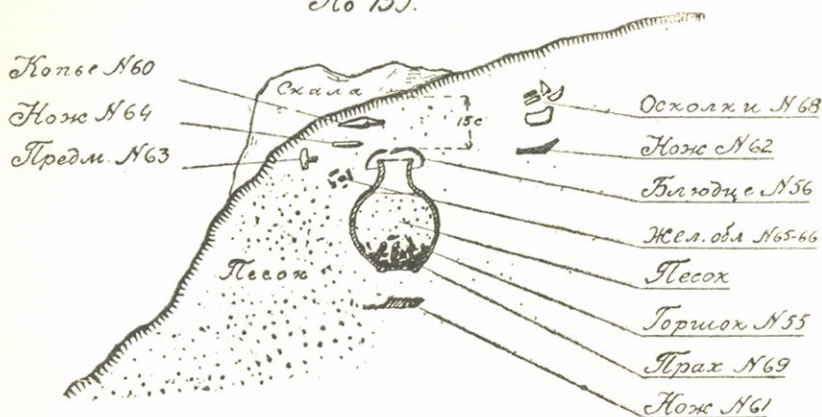

Рис. 4. Место находок бронзовых пронизок и бусы в щели между скалами.

Пункт 3-й и 4-й (рис. 5 и 6) представляет собою широкоугольную расселину между скалами у края плато, где на глубине 40—45 см стояли три раздавленные урны с пеплом (№№ 55, 57, 82), накрытые

К пункту № 4

По ВТ.

По АБ

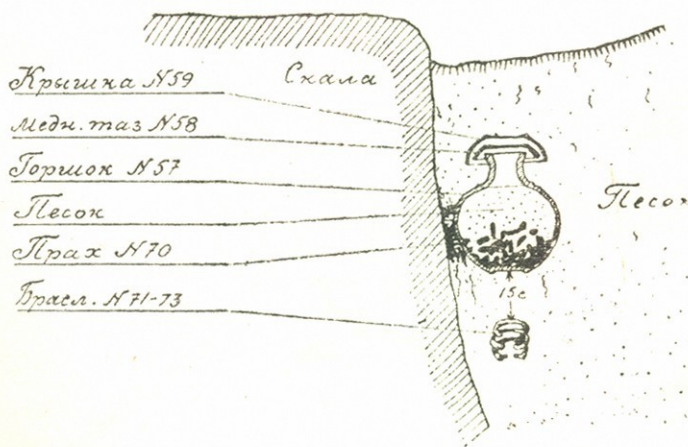
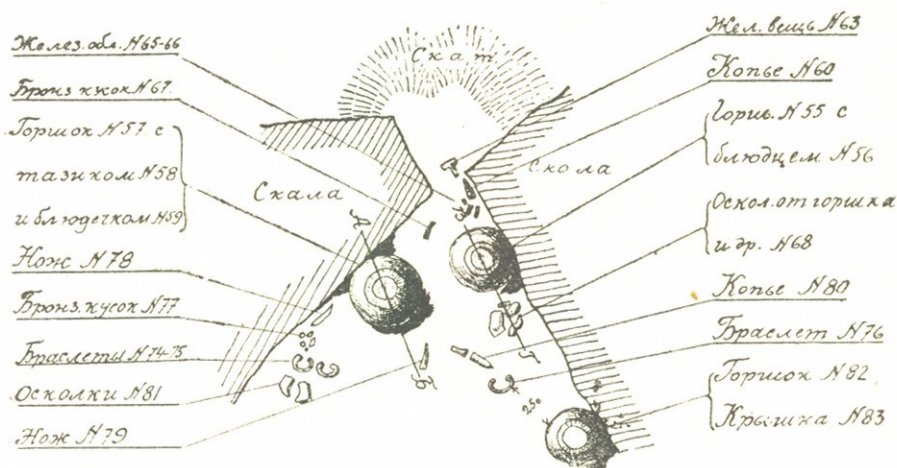

Рис. 5. Положение урн с пеплом покойников и инвентаря в пунктах № 3 и № 4, в вертикальных разрезах.

глиняными чашками (№№ 56, 59, 83) и одна, кроме того, еще медным блюдцем (№ 58). Под дном этой последней урны, на глубине 12 см, лежали три бронзовых браслета с „львиными“ головками (№№ 71—73);

Пункт №3 и 4

Пункт №5

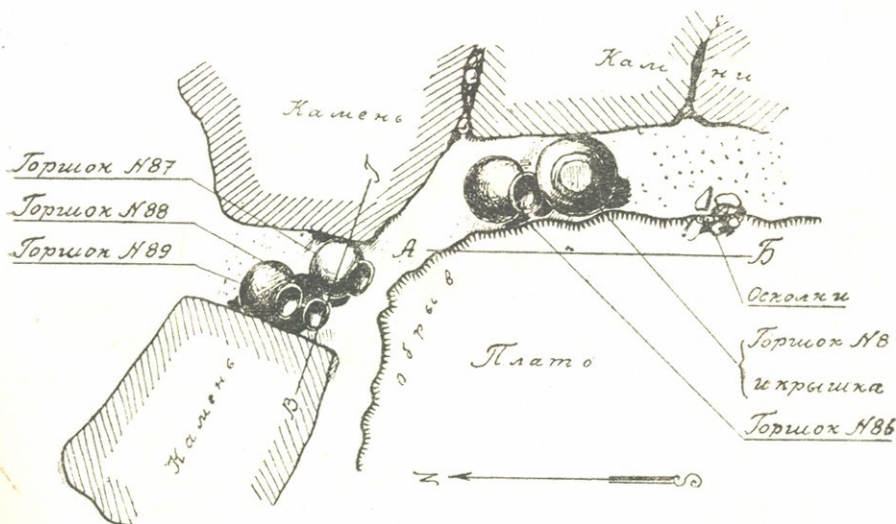

Рис. 6. Положение урн с пеплом покойников и инвентаря в расщелинах скалы, в пунктах №№ 3, 4 и 5. Вид сверху.

рядом с урной—железный нож в двух обломках (№ 78) и, еще далее, два целых бронзовых браслета (№№ 74, 75), обломок третьего и осколки глиняной чашки. Сбоку второй меньшей урны, прилегавшей к самому углу расщелины и частью под ней, находился железный инвентарь, со-

К пункту № 5

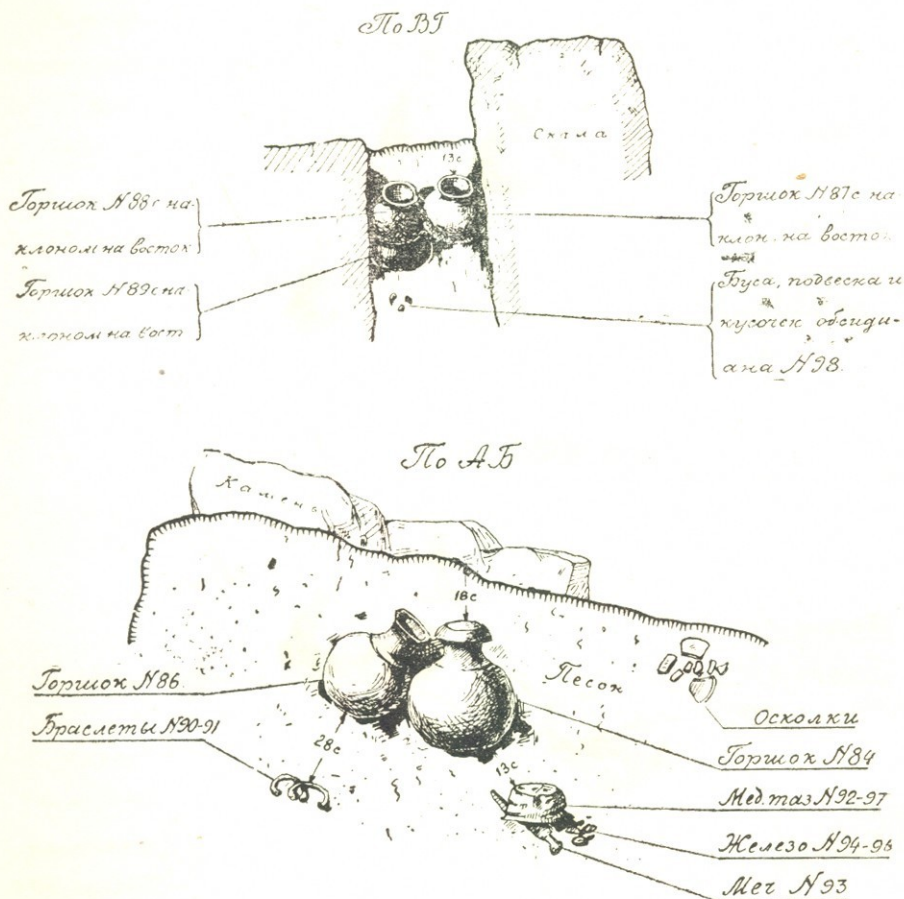

Рис. 7. Положение урн с пеплом покойников и инвентаря (железный меч, копьа, под медным тазиком, браслеты) в пункте № 5. Вид сбоку.

стоявший из железного копьа в двух фрагментах (№ 60), обломков ножей (№№ 61—64), топора (?) (№ 65), двух сильно перержавевших наконечников булавы (?) (№№ 63 и 66) и пр. В пространстве между этими двумя и третьей урной находились, в 25 см от последней, брон-

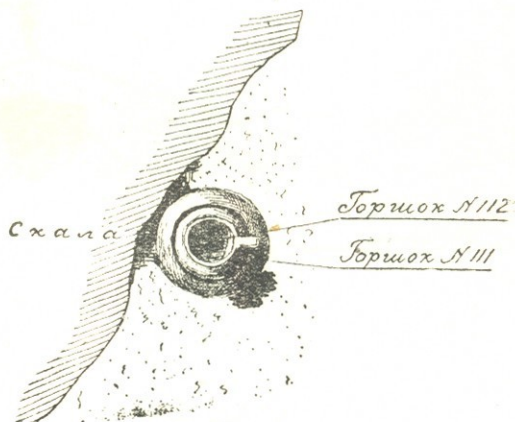
зовый браслет (№ 76) и далее, в середине под отдельными осколками (№ 68) еще одной урны, фрагменты железного копья (№ 80) и двух ножей (№№ 61 и 79).

Пункт 5-ый (рис. 7 и табл. VII) находился у внутреннего края восточного гребня в углублении между скалой и обрывистым краем плато. Здесь найдено пять погребальных урн, раздавленных землей, в двух группах. Одна группа, в узкой щели между камнями, состояла из трех накрытых чашками урн (№№ 87—89), под которыми оказались (№ 98): шаровидная пережженная халцедоновая буса, кусочек обсидиана и глиняная столбчатая печать с изображением грифона (рис. 33₁). Другая группа состояла из двух урн рядом, также накрытых чашками (№№ 84—86). Под одной из них, на глубине 30 см ниже дна, лежали два бронзовых браслета с „львиными“ головками (№№ 90—91), под другой, на глубине 15 см, было сложено железное оружие, прикрытое небольшим медным тазиком, совершенно истлевшим и плоскими фрагментами медных листов от какого-то предмета (№ 92). Железное оружие состояло из широкого меча (№ 90), наконечников копий, одиннадцати стрел и чего-то вроде булавы (?) (№№ 94—97) в двух экземплярах, сильно разрушенных (рис. 32₁).

Пункт 6-ой содержал в тонком слое земли, заполнявшей впадину в скале, под кустом, черепок урны, осколок бронзового сосуда (№ 99) и куски железа.

Пункт № 9

Детское погребение

Положение горшков №№ 112 и 111

Рис. 8. Детское погребение в пункте № 9: урна с пеплом и молочник с носиком на ней. Вид сверху и сбоку.

Пункт 7-ой: на площадке у самой скалы в рыхлом наносе на глубине 10—12 см находилась раздавленная землей красная чашка, покрывавшая красную урну (рис. 12₂) с пережженными костями (№ 105). Рядом

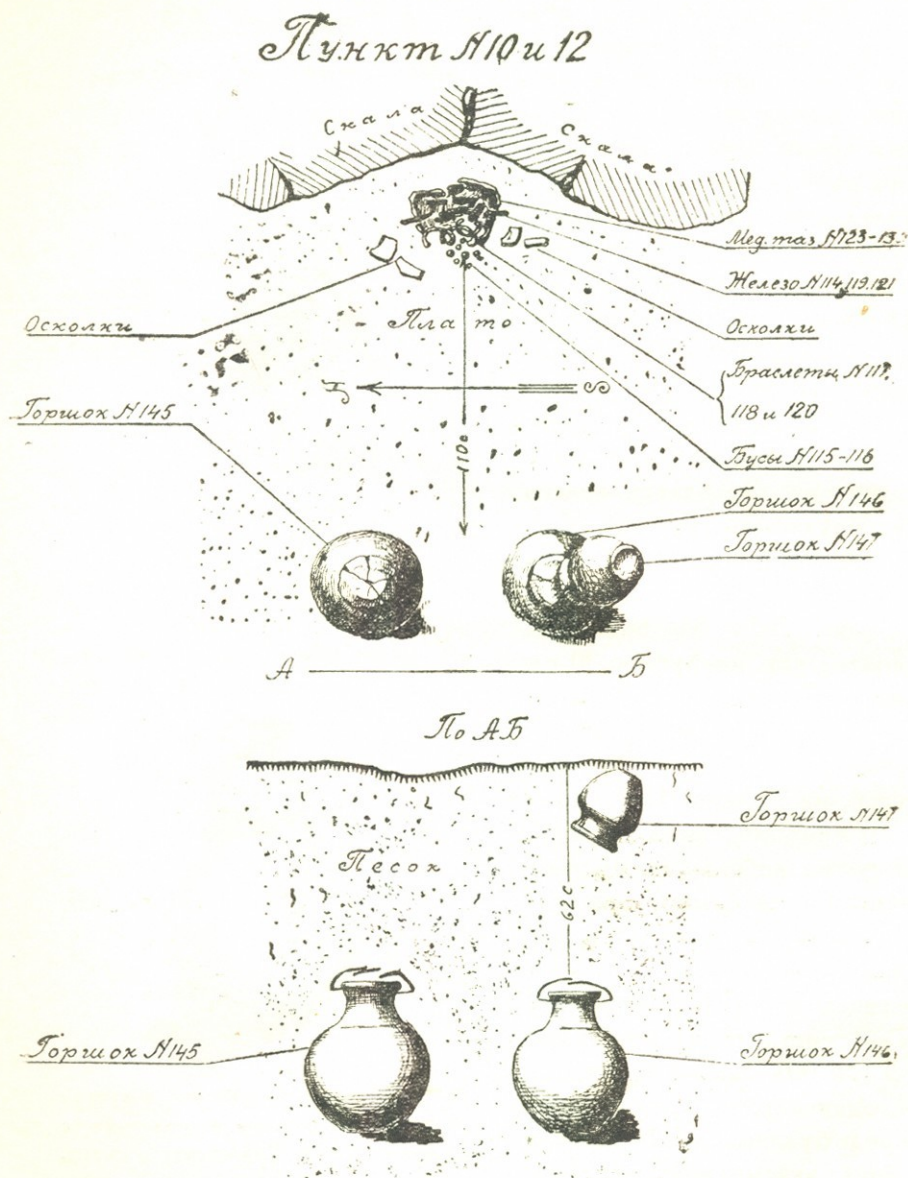

Рис. 9. Положение урн, с пеплом покойников, и кухонного горшка в пункте № 10 и 12, в горизонтальном и вертикальном планах.

с урной—темно-глиняный горшок (№ 104), видимо с пищей (табл. II₈), фрагмент железного ножа и наконечник копья в двух кусках.

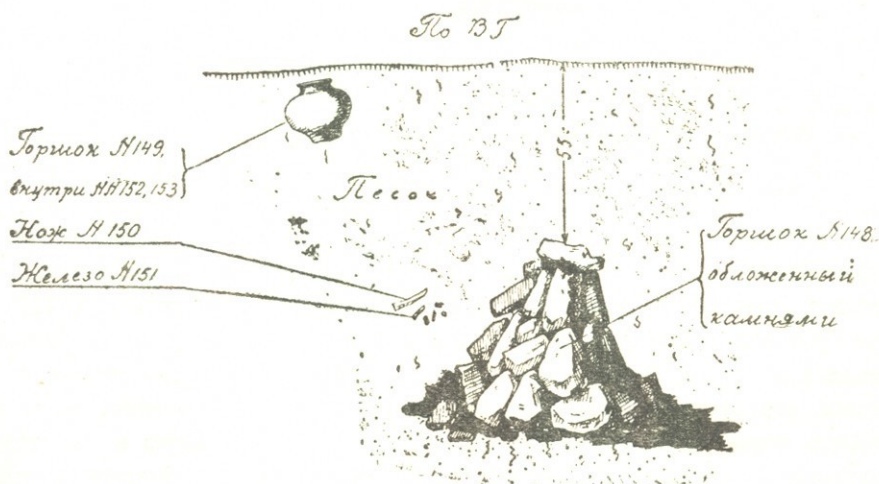
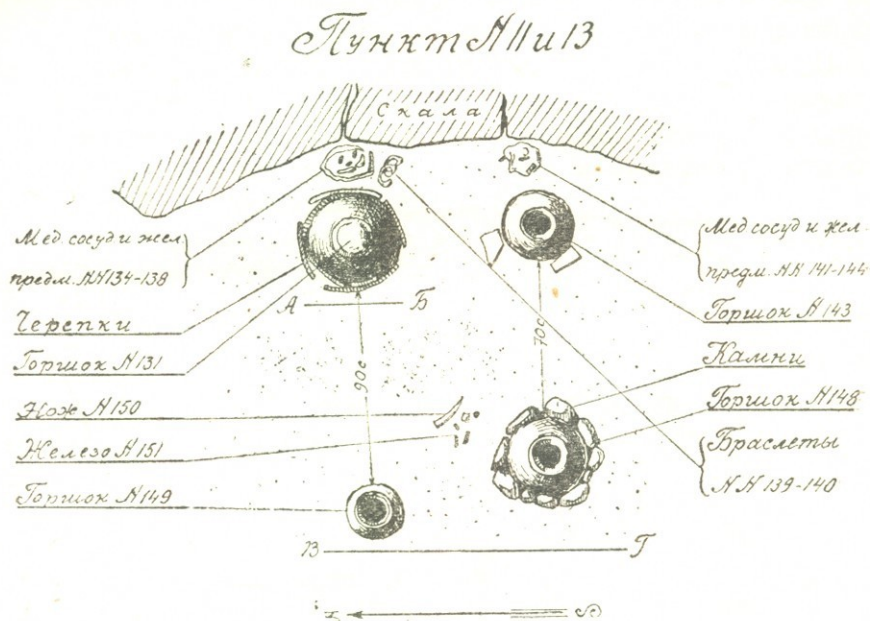

Рис. 10. Положение урн с пеплом покойников и их защита каменной обкладкой в пункте № 11 и 13, в горизонтальном и вертикальном планах.

Пункт 8-ой: в условиях подобных предыдущему имелось разрушенное погребение, черепок от урны, четыре наконечника железных стрел (№ 109), кусочки железа и фрагменты бронзовой чаши (№ 108) с выпуклым ребристым корпусом (рис. 22₁).

Пункт 9-й: (рис. 8) в тех же условиях, у внутренней стенки скалы, находилось, повидимому, детское погребение: миниатюрная красная урна (111) с пережженным прахом, покрытая маленьким темноглиняным сосудиком с отбитым трубчатым носиком и с ручкой (табл. I₇).

Пункт 10-й и 12-й (рис. 9) заключал в себе, у края площадки на глубине 0,8—0,9 м, две рядом стоящие целые урны (табл. II_{6, 7}), накрытые чашками и, в одном метре от них, у самой скалы в ее углублении, сложенный в грудку довольно многочисленный инвентарь,

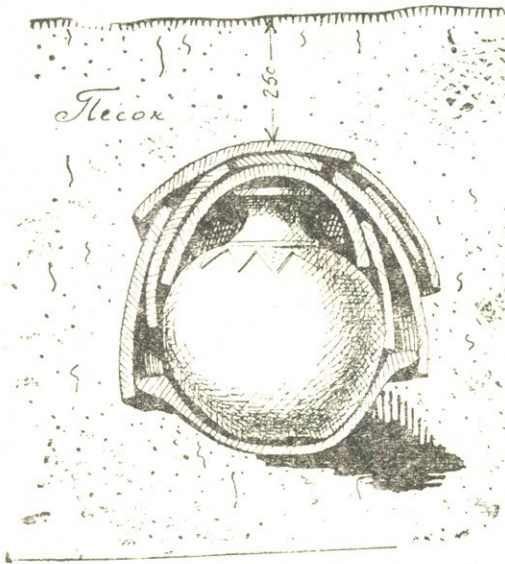

Рис. 11. Защита урны № 131, с неплот покойника в пункте № 11 и 13, посредством обкладки ее черепками глиняной посуды.

состоящий из посуды и украшений, подвергшихся действию огня. Кроме того, вблизи этих урн, над ними у самой поверхности земли, находились, вверх дном, два сероглиняных горшка (№№ 147, 156). После разбора инвентарного лома, деформированного огнем и окислами (№№ 114, 121, 125—129), удалось выяснить, что здесь имеются следующие вещи: довольно большой таз из медного листа на железном каркасе, бронзовая чаша с выпуклым ребристым корпусом, как в пункте 8-ом, бронзовая кружка с двушной ручкой (рис. 22_{1, 2}), железная чашка от весов (?) с остатками трех цепочек, фрагменты бронзового пояса (№ 123), относящиеся к тому же предмету, как и фрагменты найденные в пункте 11-ом (№ 141), десять бронзовых брашлетов с „львиными“ головками (№ 118), бронзовый пинцетик (№ 117), четыре бронзовых конических репья с петлей (рис. 27), две тонкостенных конических полых подвески и наконец куча разнообразных бус (стеклянных, агатовых, бронзовых), среди которых удалось обнаружить пре-красную столбчатую печать (табл. IX_{2, 6}), не отмеченную в дневнике и в полевой описи. Вместе с этими предметами здесь был обнаружен небольшой фрагмент красной урны с необычной гофрированной поверхностью (табл. I₅ и стр. 20).

Пункт 11-й и 13-й (рис. 10 и 11) является, частично, продолжением предыдущего и связан с ним фрагментами (табл. IV и рис. 26) одного и того же предмета (бронзового пояса), находившегося здесь также у самой скалы (№ 141), вместе с разбитой урной (№ 133), железным но-

жом (№ 147) и шаровидной стеклянной бусой. Рядом, у той же стены, стояла в глиняной чаше (№ 132) прекрасно сохранившаяся орнаментированная треугольниками красноглиняная урна (№ 131), обложенная тщательно черепками глиняной посуды и около нее 3 бронзовых браслета с „львиными“ головками, жженые бусы (№ 157) и сильно смятые фрагменты бронзового тазика с выпуклым ребристым корпусом (№ 135), как в предыдущем пункте. В расстоянии 0,8—0,9 метра от скалы здесь также находились две раздавленные урны—одна у самой поверхности миниатюрная (№ 149), вероятно, детская, с бусами (№№ 152, 153) внутри, и другая обычного размера (№ 148), рядом с железным ножом (№ 150), на глубине около 0,7—0,8 метра, обложенная камнями, которые ее и раздавили.

В районе 10—13-го пункта были сделаны кроме того находки двух железных ножей (№ 157), двух бараньих альчигов и любопытных фрагментов от двух красноглиняных сосудов, той же техники изготовления, как урны, но совершенно особой формы (табл. I^{9, 10, 6}): двойного блюда (№ 154) и блюда на ножке (№ 155).

Пункт 14-й у той же скалы, в расстоянии одного метра от нее, заключал только одну раздавленную красноглиняную чашу (№ 159).

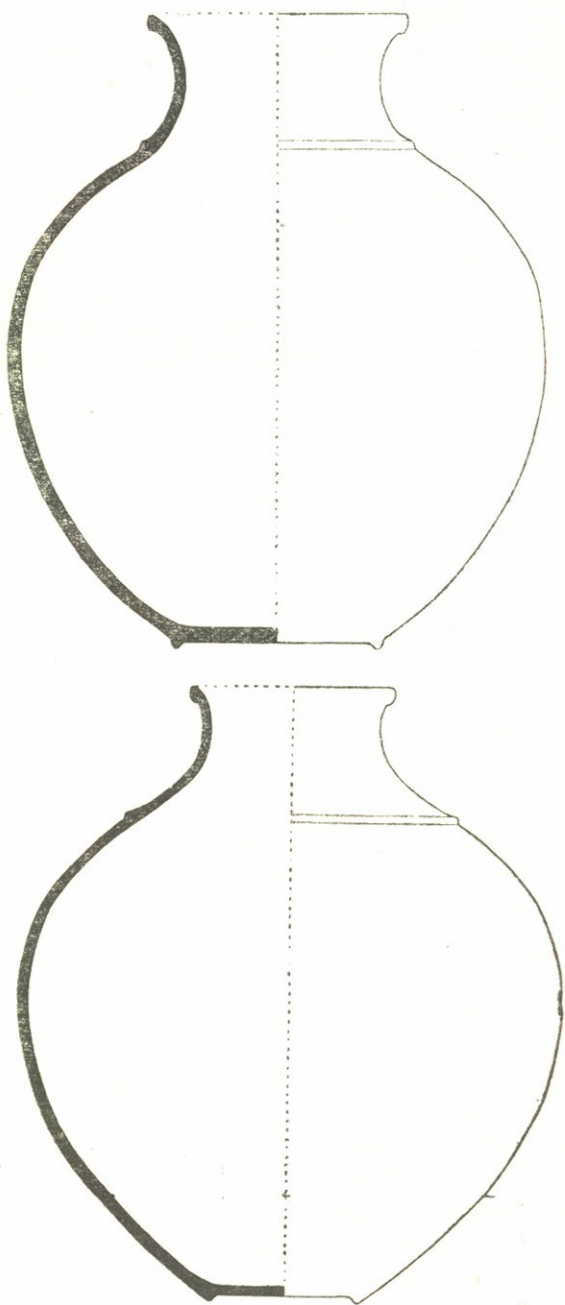

Рис. 12. Краснополированные урны №№ 57 и 105 из игдырского «колумбария», в профильных сечениях. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

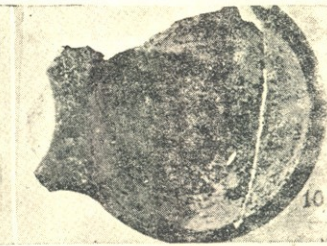
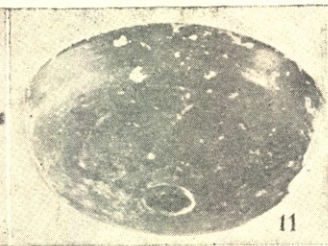
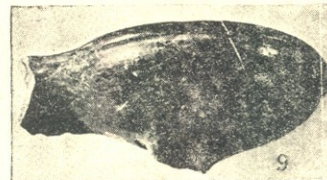
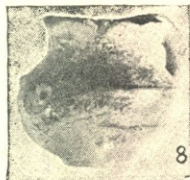
Все описанные погребения, как видно, характеризуются одними и теми же общими чертами за исключением погребения в пункте 1-ом, которое отстает от остальных в том отношении, что содержит костные остатки покойников, не затронутые огнем, в то время, как все остальные представляют погребения через сожжение, с положением мелких кусочков обгорелых костей и пепла в урны, которые снабжены специально просверленным отверстием и покрыты чашками. По своему инвентарю первое погребение также имеет некоторое отклонение от других, хотя в общем и принадлежит к одной с ними группе. Так, красный кувшин отличается здесь несколько иной формой; он узкогорлый и снабжен ручкой (табл. I₂), тогда как кувшины-урны обычно все без ручек (рис. 12). Только в первой могиле были найдены сердоликовые бусы, в большом количестве (табл. VI₃₀), бронзовые булавки (табл. V_{1,2}) и замкнутые бронзовые браслеты с спиральной обвивкой железной проволокой. Браслеты с „львиными“ головками также отличались здесь от остальных менее резко выработанной и менее дифференцированной от стержня головкой.

Кроме исследованных четырнадцати пунктов с погребениями, были сделаны местными жителями отдельные находки предметов, большей частью, повидимому, связанных с тем же могильником-колумбарием, в разных местах „могильной горы“. Отсюда имеются две красные урны, обычного типа, но лучше орнаментированные треугольным узором (№№ 1, 16), бронзовые браслеты с „львиными“ головками (№№ 3, 4, 7—12, 17), фрагменты железных ножей и наконечников копий, донышко стаканчика (№ 21) и, наконец, римский серебряный денарий Антонина Пия. Эти предметы, собранные „подрядчиком“ от крестьян и сданные „по начальству“, поступили к П. Ф. Петрову уже через третьи руки.

Поскольку общий инвентарь могильника с кремацией, красноглиняной посудой, железным оружием казался поздним и чуждым более древнему слою южно-кавказских могильников, случайно найденная здесь монета Антонина Пия считалась датирующим фактором для всего комплекса, относимого поэтому к римской эпохе. Необычность для римского времени ассортимента бус и своеобразие керамики не принималось при этом во внимание. Однако, проводившаяся мною проработка археологических фондов для выставки заставила меня обратить внимание и на эту коллекцию и выставить ее в 1935 году, отнеся к концу первой четверти I тысячелетия до нашей эры, то есть к эпохе Ванской экспансии на территории Южного Кавказа.

Главным основанием для этой датировки были:

Во-первых, установление среди обломков бронзовой посуды из пункта 10-го фрагментов кружки с двушнурной ручкой, в точности сов-

Керамика из урартского „колумбария“ близ с. Игдыра: 1,—темносерая;
 2—11,—полированная по красному покрову. Около 1/3 нат. вел.

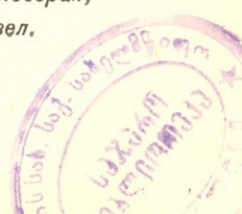
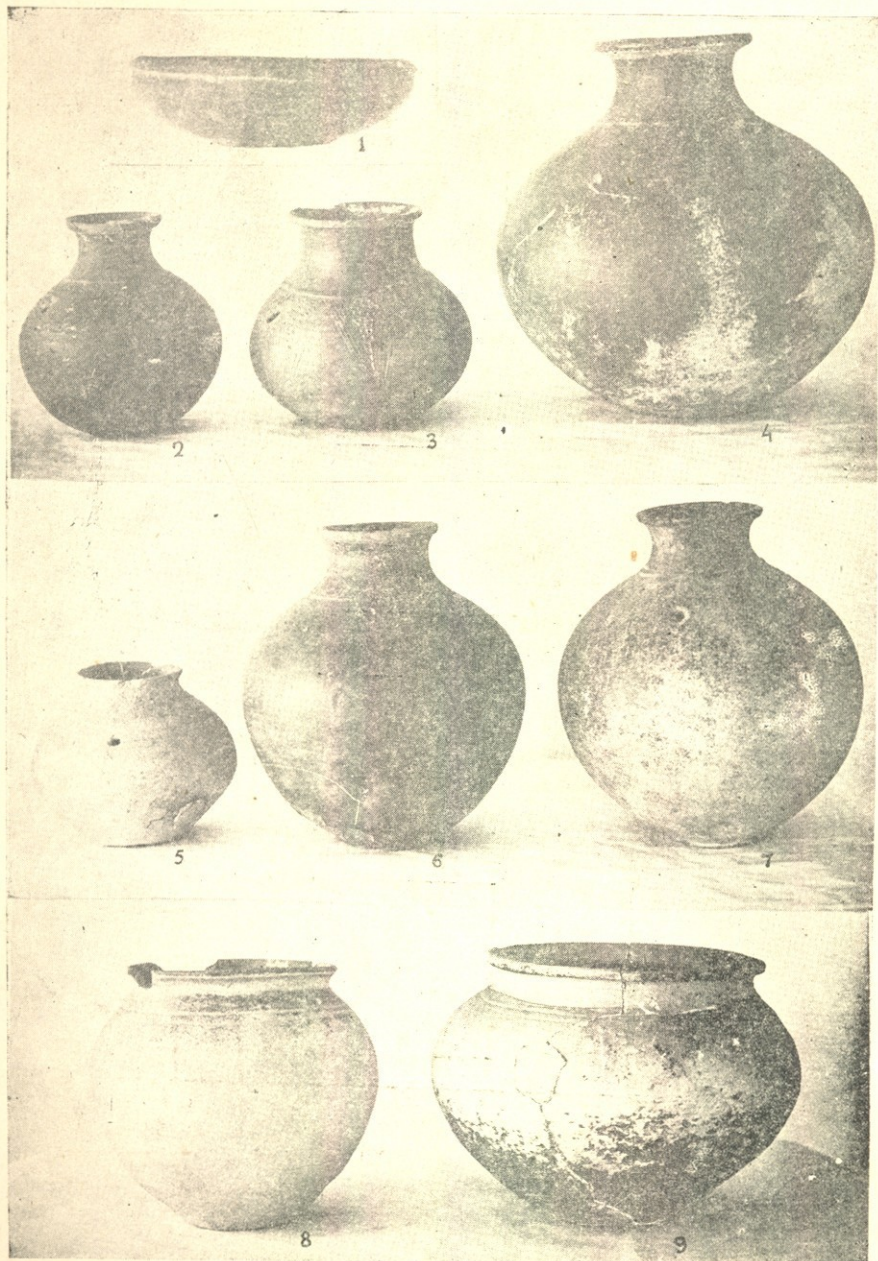

Табл. II

Керамика из урартского „колумбария“ близ с. Игдыра: 1,—красноокрашенная чашка; 2--7,—краснополированные урны для пепла с отверстиями; 8—9,—темносерые горшки. Около $\frac{1}{6}$ нат. вел.

падающей с кружкой из лечхумского клада, заключающего в себе типичный кобанский инвентарь (тонкой отделки топоры) в бронзовой ситуте, и фрагментов бронзовой чаши с ребристым корпусом, соответствующей известной чаше с иероглифическим знаком из Топрак-Кале на оз. Ване.

Во-вторых,—обнаружение среди бус и подвесок трех своеобразных печатей с резными зооморфными изображениями: одной блоковидной и двух столбчатых, неизвестного до сих пор, по публикациям, типа, но среди изображений на которых одно оказалось полностью совпадающим (в обратном расположении) с отпечатком на глиняной таблетке из Топрак-Кале на оз. Ване.

Наконец, в-третьих, возможность сопоставить керамику с красным тонко лощеным покровом с керамикой из Топрак-Кале и с керамикой обнаруженного мною, на основании материала из раскопок в 1879 году А. С. Уварова, П. С. Уваровой и А. Д. Ерицова, в древнем Армавир-Блуре слоя ванской эпохи, который остался незамеченным самими исследователями.

Полученная таким образом неожиданная датировка колумбария, столь необычного на Южном Кавказе в указанную эпоху, заставила поставить вопрос о принадлежности этого памятника не местному, а пришлому населению, каким естественно могли быть в это время племенные группы, составлявшие войско и гарнизоны урартских завоевателей. Об этом говорят найденные в погребениях печати ванского типа, не встречающиеся в обычных местных погребениях этого времени на Южном Кавказе.

2. Инвентарь «колумбария» и синхроничные памятники

1. *Керамика* принадлежит к двум основным группам: красно-глиняной, с красной полированной обмазкой, и темно-глиняной, более простой по обработке. Красная керамика представлена, главным образом, сосудами двух типов: а) гидриями без ручек с шаровидным корпусом, с уверенной красиво оформленной шейкой, обязательно отделенной от плечиков уступом или валиком, и округло отогнутым венчиком (рис. 12) и б) блюдцевидными чашками четкого профиля с небольшим часто внутрь вдавленным или окруженным кольцевидно выступающим кантом плоским доньшком (рис. 15 и 16). Эту посуду характеризует искусная лепка, хороший обжиг светлорозовый цвет глины, красная обмазка, покрывающая сосуд снаружи вместе с дном и верхней частью горла внутри, и тщательное лощение окрашенной поверхности, придающее сосуду вид красно-лакового. Чашки имеют красный покров и лощение целиком со всех сторон.

а) Безручные гидрии-урны (табл. II₂₋₇) встречаются здесь двух размеров: большие имеют высоту 30—32 см, наибольший диаметр 27—29 см, диаметр венчика 11—13 см и меньшие—вдвое ниже, тех же пропорций (№ 16) или более широкогорлы (№№ 1, 9). Донышки большей частью имеют кольцевидный выступающий кант (рис. 12₁) 9—11 см в диаметре (№№ 55, 57, 82, 145, 146, 148, 149); реже мы видим донышки в виде плоского углубления (рис. 12₂) в 5,5—8,5 см диаметром (№№ 1, 105, 131). Кроме того кувшины-урны различаются по тщательности лепки и искусности полировки. Так, например, из двух рядом стоявших в пункте 10-ом и 12-ом урн № 145 и № 146, одна отличается тяжелой толстостенной лепкой и грубовато отделанной поверхностью (табл. II₇), другая прекрасным ровным блеском и тонкими легкими стенками (табл. II₆).

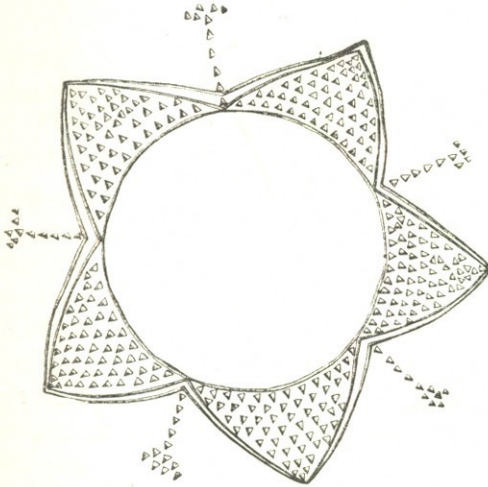

Рис. 13. Схема звездообразной орнаментации плечиков урны № 16, из игдырского «колумбария», клиновидными вдавлениями в пять шевронов, при взгляде на сосуд сверху.

В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

Мастер не ограничивался при этом одной контурной линией, но утраивал ее, избегая сухой графичности. Поверхность очерченных, таким образом, треугольников заполнялась характерными рябчатыми вдавлениями, то клиновидными, то полукруглыми (рис. 13 и 14) производимыми, как бы, ровно обрезанным концом косо поставленной полукруглой палочки или кости (№№ 1, 16, 131). Характерно при этом, что орнаментальная композиция пользуется нечетным делением окружности сосуда, представляя пятилучевые (№ 16), семилучевые (№ 131) и девятилучевые (№ 1) формы.

б) Чашки также обнаруживают некоторые варианты в деталях. Наиболее обычен тип прекрасно лепленных низких фиалов (рис. 15 и

несут на себе еще орнаментальные украшения по плечикам в виде спускающихся от основания горла треугольных выступов-шевронов (табл. I_{3,4} и табл. II_{2,3,4}). Эти выступы вычерчены по подсыхающей поверхности большей частью тупым гладким твердым шлифующим концом стилоса, не прорезающего, а большей частью вдавливающего глиняную поверхность сосуда лощеным же-

табл. I₁₁) с тонким прямым довольно пологим краем 15—17 см в диаметре и круглой плоской небольшого диаметра (2—2,5 см) выемкой на дне, не вызывающей однако выпуклости на внутренней поверхности сосуда

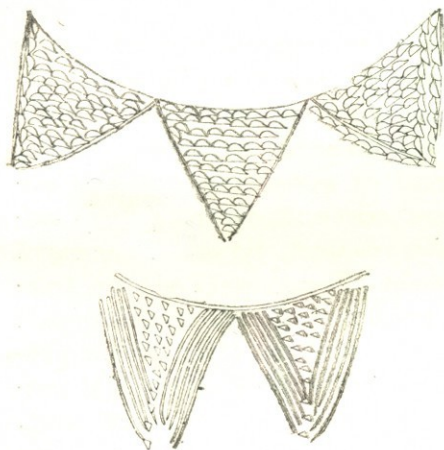

Рис. 14. Детали ornamentации плечиков урн треугольными шевронами помощью желобчатых линий и полулунных (урна № 131) и клиновидных (урна № 1) вдавленных. В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

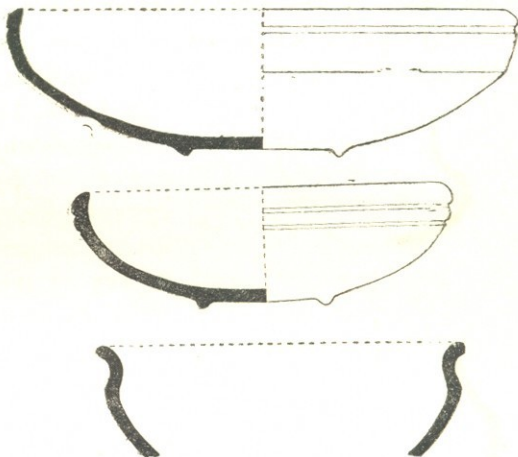

Рис. 16. Краснополированные тяжелые чаши №№ 132, 159 и миска № 81 из игдырского «колумбария», в профильных сечениях. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

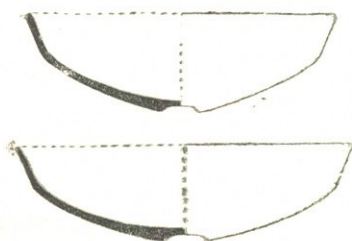

Рис. 15. Краснополированные легкие чаши-фиалы из игдырского «колумбария» с вдавленными донышками №№ 83 и 87, в профильных сечениях. В $\frac{3}{4}$ нат. вел.

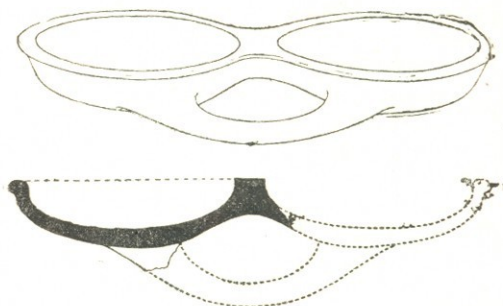
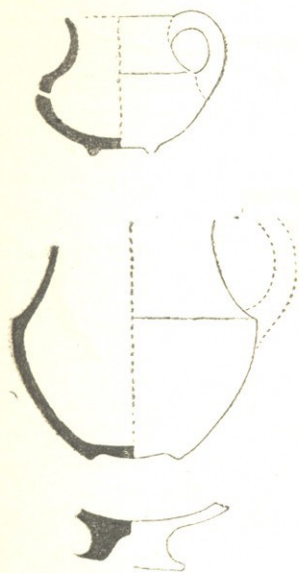

Рис. 17. Двойная ритуальная краснополированная чаша в реконструкции и в профильном сечении. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

(№№ 56, 83, 86, 87). Другой тип широких чашек (рис. 16_{1,2} и табл. II₁), более массивных и грубых, отличается согнутым слегка внутрь краем, с утолщенным кантом, и донышком, или с кольцевидным выступом (№№ 132, 159), или же с низким поддоньем (№ 85).

Кроме этих двух главных групп среди красной полированной керамики колумбария имеются в единичных экземплярах некоторые другие формы посуды: кувшины с ручкой, глубокие чаши или миски, двойные чаши и, наконец, вазы на ножке.

в) Кувшины с ручкой, представленные одним целым сосудом, одним неполным и одним черепком, принадлежат к трем различным вариантам (табл. I_{2, 7, 3}): узкогорлый кувшин (№ 48)

из погребения без сожжения, высотой в 20,5 см, с длинной ручкой от венчика и плоским выступающим дном имеет характерный, для вышерассмотренных гидрий, уступ, отделяющий шейку от плечиков. Такого рода уступы имеются на серо-черных лощеных кувшинчиках этой формы из Топрак-Кале (2). Другой кувшинчик из детского погребения (№ 111) высотой в 12,5 см, с обломанной ручкой (рис. 18₂) отличается полушарным корпусом, отделенным острым перегибом от плечиков, которые составляют одно целое с широкой шейкой сосуда, и маленьким вогнутым доньшком 4 см в диаметре. Наконеч черепок (№ 122) ангобированный и полированный только снаружи принадлежит, судя по следам ручки, кувшину, плечики которого были правильно каннелированы (табл. I₅).

Рис. 18. Детский молочник № 112, краснополированный кувшинчик № 111, служивший урной для пепла ребенка и ножка краснополированной вазы № 155, из игдырского «колумбария», в профильных сечениях. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

г) Глубокая чаша или миска, представленная только двумя фрагментами (№ 81) верхнего края грубо ангобированного сосуда, имеет выгнутый профиль стенок с округло отогнутым венчиком (рис. 16₃).

д) Двойная чаша (№ 154) представлена фрагментами, из которых удалось склеить половину сосуда, в виде блюдцевидной чаши с кантом по краю венчика и сохранившимся на дне основанием дугообразной ручки, повидимому шедшей ко дну второй такой же чаши в плоскости наклонной под острым углом к горизонтальной поверхности сосуда (рис. 17 и табл. I_{9, 10}).

е) Ваза на ножке не может быть восстановлена полностью в своей форме, так как от нее имеется только хорошо лепленная невысокая ножка с глубоким округлым перехватом и полостью со стороны основания (рис. 18₃ и табл. I₆). Вазы с подобными ножками мы встречаем уже среди энеолитической керамики с одной стороны в Трое I, с дру-

гой, в Иране (Тепе-Гисар I и II), а также в верхней Месопотамии (Ниневия V, Тепе-Гавра VII) и, наконец, у нас в Триалети (3).

По характеру отделки поверхности с тонко полированным красным ангобом, эта керамика сближается, как мы выше отметили, с той группой керамики из Топрак-Кале, которую Леман-Гаупт считает ближайшим образом совпадающей с фригийской керамикой Гордиона, Трои I и нижнего этажа Трои II и наконец хеттской из Богазкоя. Как показывают точные стратиграфические наблюдения при раскопках Алишарского холма, прекрасно полированная с красной обмазкой (ангобом „slip“) керамика, лепленая от руки, появляется в восточной Анатолии вслед за черной лощеной еще в энеолите и господствует, вытесняя последнюю в слое Ia и Ib. В Каппадокийский период, т. е. в конце III тысячелетия, наряду с получившей распространение расписной, мы видим совершенно особую по совершенству и разнообразию изощренных форм керамику, изготовленную на гончарном кругу, с тончайшей полировкой коричнево-красных оттенков (красочный покров, „wash“). Красная же ангобированная керамика, как показывают образцы из Шамрамалти (4) также встречается уже в эпоху ранней бронзы. Поэтому трудно согласиться с Леман-Гауптом, рассматривающим эту керамику, как доказательство западного происхождения урартийцев (халдов) (5). Скорее прав А. Гётце, что возникновение техники красного ангоба надо искать именно на востоке, а не на западе (6). Во всяком случае южно-кавказский материал дает опору именно для этого взгляда, так как, несмотря на всю кажущуюся изолированность полированной красной керамики из Малакля, она имеет и здесь явные местные корни, указывающие, что Южный Кавказ не являлся оторванным от территории древнего Урарту в эпохи, предшествовавшие образованию Ванского царства. В этом отношении следует ее сопоставить с архаичной расписной керамикой из Кизыл-Кала („Тазакенд“) на реке Занге, а также из цалкинских курганов (№№ I, VII, XV), с которыми она роднится, несмотря на всю огромную хронологическую разницу, по форме красно-окрашенных кувшинов-гидрий без ручек с яйцевидно-шаровидным корпусом и характерной лепкой горла с округло отгибающимся профилем. Что касается чашек, то для них находится еще более близкая аналогия в керамике из древнего Армавира из раскопок „Блура“ А. С. Уваровым и А. Д. Ерицовым в 1879 году (7). К сожалению, как упоминали выше, судя по отчету А. С. Уварова, в Трудах Предварительного Комитета (8), раскопка не была произведена с достаточной тщательностью, а главное, исследователи совершенно не разобрались в добытом материале, приняв его за мало интересный и относящийся к поздней эпохе. Этот материал находится в Археологическом Отделе Музея Грузии в неразработанном и спущенном

танном виде. Но, разбирая его, легко убедиться, что он содержит в себе инвентарь двух могил поздней сасанидской эпохи (Ув. №№ 2913 и 2914), инвентарь погребения ахеменидской эпохи (Ув. № 2915) и керамику, из которой значительная часть принадлежит, как увидим ниже, погребениям древнейшего „энеолитического“ слоя, близкого или тождественного с зольным слоем „глиняного городка“ в Малакю, чего Уваров и не подозревал. Кроме того здесь оказались керамические фрагменты культурного слоя Ванской и предшествующей ей эпохи, существование которых Уваров просто отрицал. Эти последние и представляют собою осколки нескольких крупных чашек (рис. 19), покрытых красным лощеным ангобом (№№ 1904—1911), поражающим в некоторых образцах сходством с керамикой из колумбария в Малакю. Армавирские чаши, судя по черепкам (№№ 2904, 2905, 2908 и 2910 по каталогу П. С. Уваровой), столь же хорошо лепленные, отличаются, однако, почти сферической поверхностью (диаметр венчика 29 см), при легком иногда загибе края чаши внутрь (№ 2911) с простым уплощенным

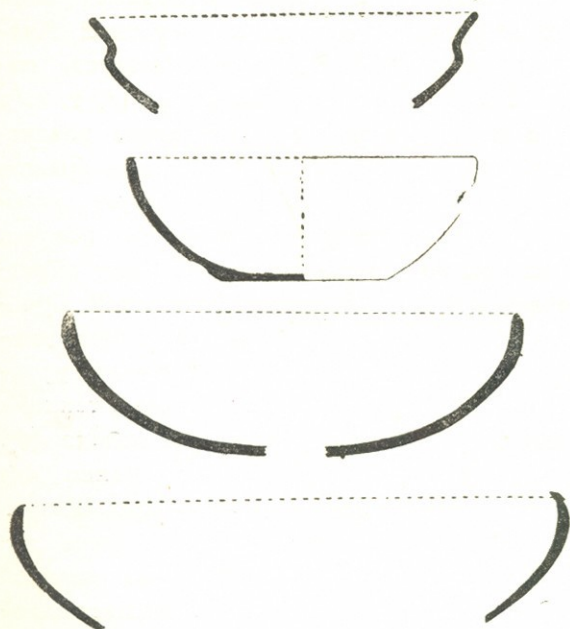

Рис. 19. Краснополированные фрагментированные чаши из раскопок А. С. Уварова 1879 года в Армавир-Блуре, в профильных сечениях (Ув. №№ 2904, 2905, 2907 и 2911). В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

дном, до 9 см в диаметре. Венчик также простой без канта. Черепок № 2904 принадлежит чаше с выгнутым профилем и отогнутым прямым краем. Обжиг не всегда полный. Часть черепков в изломе темно серые с резко выраженным желтоватым слоем (от 0,4—0,7 мм), как бы обмазкой снаружи и внутри (№№ 2904, 2905), сверх чего наложена еще красная краска. Краска покрывает черепки или равно снаружи и внутри, или с одной стороны, без дна, со следами неровных мазков кисти по краям окрашенного поля. Лощение чаще ласами, то есть не сливающимися между собой полностью полосами, обычно, горизонтальными. Только три черепка без номера, видимо от кувшинов со следами правильной бороздчатости от вращения на гончарном кругу по внутрен-

вание которых Уваров просто отрицал. Эти последние и представляют собою осколки нескольких крупных чашек (рис. 19), покрытых красным лощеным ангобом (№№ 1904—1911), поражающим в некоторых образцах сходством с керамикой из колумбария в Малакю. Армавирские чаши, судя по черепкам (№№ 2904, 2905, 2908 и 2910 по каталогу П. С. Уваровой), столь же хорошо лепленные, отличаются, однако, почти сферической поверхностью (диаметр венчика 29 см), при легком иногда загибе края чаши внутрь (№ 2911) с простым уплощенным

ней не окрашенной их стороне, имеют прекрасно полированную наружную поверхность в точности совпадающую с лучшими образцами из Малакю.

Кроме окраски наблюдается на некоторых черепках из древнего Армавира также роспись двумя красками, черной и красной. Примером могут служить фрагменты (№№ 2908, 2910) от полусферической, точнее полуяйцевидной чаши, снаружи красной, а внутри расписанной черными фестонами, по красной обмазке края, и бордюром из перевитых черных и красных лент, под ними (рис. 20). Повидимому мы здесь имеем как раз промежуточную группу между красной монохромной керамикой из цалкинских курганов и керамикой из Малакю с железным инвентарем, где, вместо росписи, мы наблюдаем давленный узор, сохраняющий лишь в композиции характерную пяти-семи-девяти-лучевую орнаментацию плечиков сосуда шевронами. Если при этом вспомнить существование в Армавире еще более глубокого культурного слоя, прослеженного в идентичных формах, как увидим ниже, на значительном пространстве центральной части Южного Кавказа от «глиняного городка» в Малакю до Тбилиси, то необходимость учитывать для решения вопроса о происхождении ванской красной полированной керамики местную и южно-кавказскую филиацию этой техники станет вполне очевидной.

Наряду с красной керамикой в погребениях колумбария находились, как мы говорили, сосуды совсем иного типа, принадлежащие к группе темно-глиняной керамики. Это главным образом простые черно-серые широкогорлые горшки без ручек, не украшенные никаким орнаментом, кроме простых горизонтальных поясков на плечиках (табл. II, 8, 9). Тип горшков не однороден. Имеются: типичные широкие репчатые формы (№ 156) с отношением ширины к высоте как 4 к 3, с диаметром венчика 24 см, почти превышающим высоту сосуда, затем более вытянутые округло-яйцевидные формы (№ 104) и, наконец, более своеобразные—с корпусом, имеющим наибольшую ширину несколько ниже

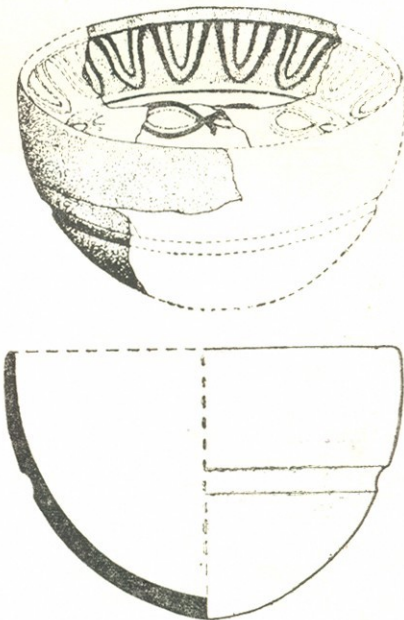

Рис. 20. Полихромно расписной круглодонный кубок из раскопок А. С. Уварова 1879 года в Армавир-Блуре, в реконструкции и профильном сечении. В $\frac{1}{2}$ нат. вел.

середины сосуда. К последнему типу принадлежит толстостенный тяжелый, но сглаженный горшок (№ 47) из первого погребения без сожжения (табл. I₁).

Кроме горшков мы имеем в группе темно-глиняной керамики маленький кувшинчковоидный сосудик с ручкой и трубчатым сосочком (отломан) в середине корпуса (№ 112) из детского погребения. Полушарной формой корпуса и переходящей в плечики шейкой, резко отделенной острым ребром от корпуса, этот сосудик в подчеркнутом виде повторяет красноощенный кувшинчик-урну с пеплом (№ 111) из того же детского погребения (табл. I₈, рис. 8 и 18_{1,2}).

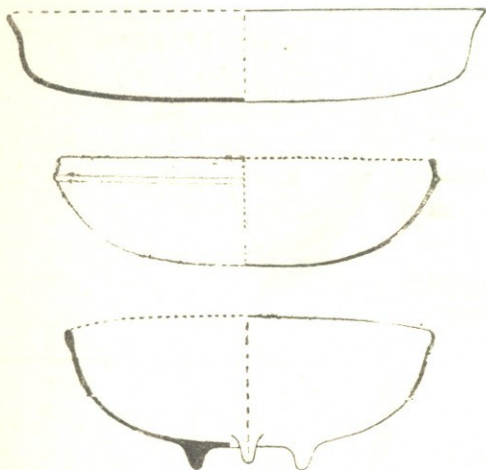

Рис. 21. Бронзовые тазики №№ 92, 136 и чаша на трех ножках № 108 из игдырского «колумбария» в графической реконструкции.

В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

Так как черная керамика, находимая в могильнике, не имела, в отличие от красных урн, просверленных в корпусе отверстий, можно думать, что она выполняла совершенно иную функцию, являясь простой кухонной посудой, которая ставилась при погребениях с пищей.

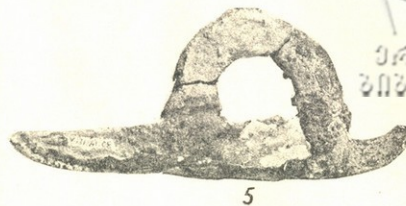
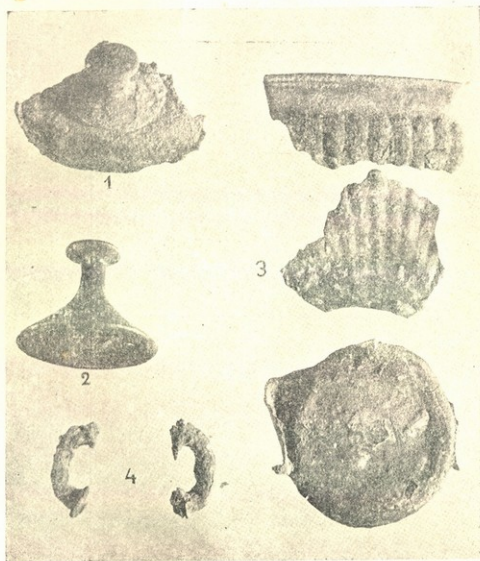
Мало, в общем, характерный облик этой посуды не позволяет с достаточной опреде-

ленностью сопоставлять ее с другими известными типами черно-глиняной керамики из могильников Армении и Азербайджана. Можно только подчеркнуть ее как бы нейтральный, не имеющий достаточных специфических черт облик, хотя репчатая форма и указывает, может быть, на некоторую ее особенность.

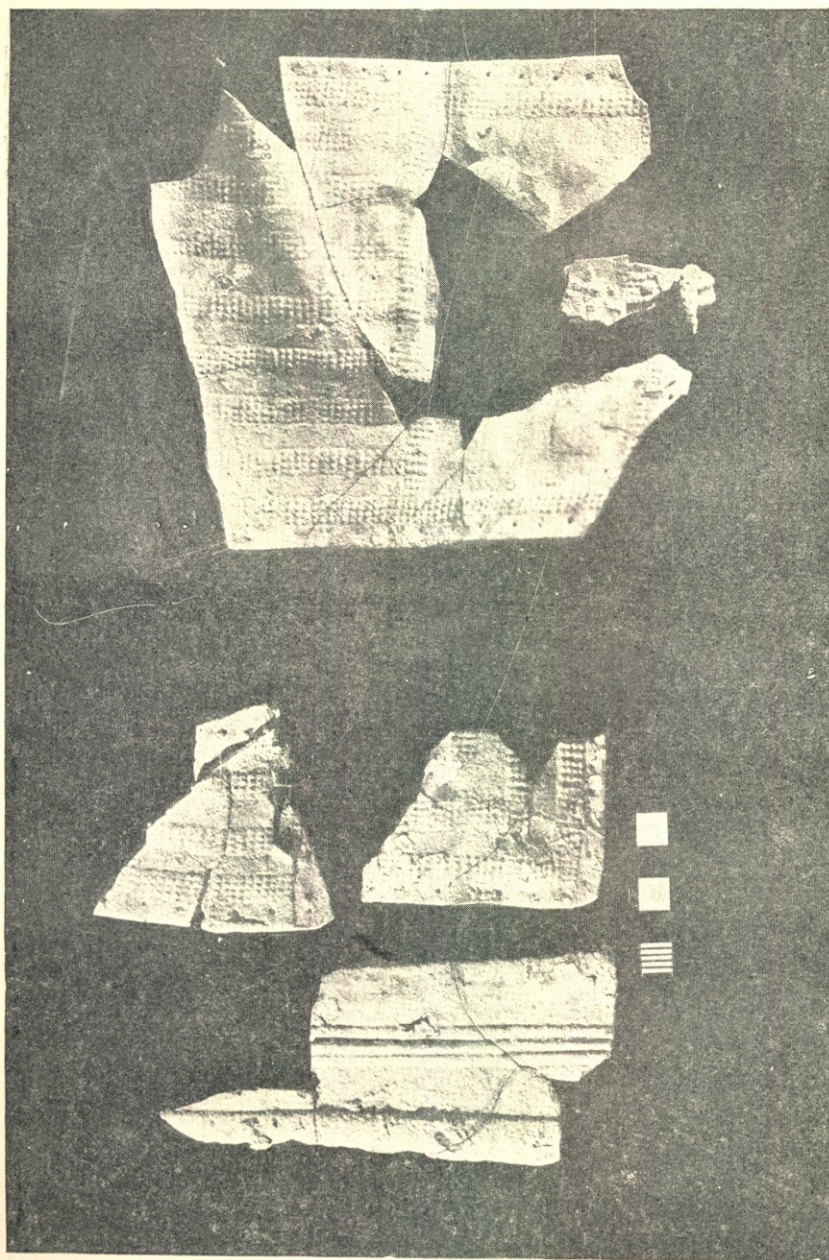
II. *Металлическая посуда колумбария* представлена лишь обломками насквозь окислившейся бронзы и меди, причем окислению подверглись уже сильно перед тем деформированные предметы. Поэтому восстановить полностью невозможно было ни одного сосуда и пришлось ограничиться лишь выяснением размеров, очертаний и графической реставрацией форм по отдельным деталям. Таким образом удалось установить наличие следующих образцов посуды.

а) Котел из медного листа на железном каркасе. От него кроме мелких обломков листовой меди сохранились фрагменты железного обруча (№ 127), составлявшего край сосуда с двумя вертикально стоя-

Фрагменты металлической посуды из урартского „колумбария“ близ Игдыра: 1—4, 6, 7,—бронза;
 5,—железная ручка бронзового котла. Около $1\frac{1}{2}$ нат. вел.

Фрагменты бронзовых обшивок пояса и пр. из урартского «колумбария»
близ Игдыра. Около $\frac{2}{3}$ нат. вел.

чими дугообразными железными ручками (табл. III₅). Стенки котла огибали и заковывали железный край.

б) Медные кованые „тазики“, составляют наиболее обычный в могильнике вид посуды (рис. 21_{1,2}, табл. VII₂). Ими покрывались часто урны. По форме они представляли собой или плоскодонные тарелки с приподнятым краем и прямым (№ 136) или слегка отогнутым венчиком (№ 92) или неглубокие сферической формы с округлым дном чаши в 15 см диаметром и 4,3 см высоты с утолщенным краем и рельефным тонким валиком вокруг (№ 134).

в) Полусферический миниатюрный котелок или чаша (рис. 21₃) около 14 см в диаметре на трех (?) массивных сосковидных ножках (№ 108). От сосуда сохранились три фрагмента венчика со стенками и один фрагмент доньшка с ножкой.

г) Чаши с ребристым корпусом (рис. 22₁), найдены в фрагментах в пунктах 8-ом, 10-ом и 11-ом (№№ 108, 126 и 135). Судя по наиболее полно сохранившимся частям такой чаши (табл. III₃) из пункта 10-го, она представляла собой кованый из одного куса сосуд, высотой в 10 см и 17 см в наибольшем диаметре, с выпуклым круто-плечим корпусом, широким прямо стоящим венчиком и небольшим доньшком, с явно выраженным выпуклым кольцевидным кантом. По своему типу эти чаши находят себе близкую аналогию в

бронзовой чаше из Топрак-Кале на озере Ване (9), замечательной наличием „иероглифического знака“ на наружном краю венчика. Эта чаша несколько шире и ниже наших (Д.=22,3 см, Н=8,3 см), но имеет такой же прямой гладкий венчик и выпукло ребристый корпус, с закруглением каждого ребра в лепесток розетки. Подобного рода сосуд, найденный в фрагментированном виде на о. Кипре в Идалионе, датируется

Рис. 22. Бронзовая ребристая чаша № 125—129 в реконструкции худ. Д. Н. Цицишвили и бронзовая кружка, реконструированная по ручке № 120, игдырского «колумбария».

В $\frac{2}{3}$ нат. вел.

500 годами до н. э. (10). Любопытно, что в местной керамике, как увидим ниже, сам мотив такого оформления в прекрасном выражении, восходит к энеолитическому слою (см. рис. 71).

д) Сосуд в форме выкованного из целого куска стаканчика с прямыми, слегка суживающимися стенками (табл. III₇). Сохранилась нижняя помятая его половина (№ 21). Принадлежит стаканчик к случайной (см. стр. 16) находке на территории могильника.

е) Сосудик неизвестной формы с двумя вклепанными дугообразными ручками: сохранились только две ручки (табл. III₄), повидимому, прикреплявшиеся к сосуду в вертикальной плоскости.

ж) Бронзовые крышки от сосудов с приклепанной к середине довольно массивной высокой кнопкой (табл. III₁).

Среди всех этих остатков металлической посуды, представленной таким образом рядом разнообразных форм не оказалось ни одного со следами пользования токарным станком, столь распространенным в римской торевтике. Основными приемами изготовления медной посуды здесь, повидимому, былаковка из целого куска меди или же, как видно по следующему ниже приводимому образцу, из ряда склепываемых листов.

з) Кружка с ручкой, имеющей наверху головку животного с длинными ушами (табл. III₆), легко восстанавливается в своей форме (рис. 22₂) при сопоставлении ее обломков, особенно ручки (№ 120), с подобным сосудом, опубликованным П. С. Уваровой (11) из аула Рухти (и из других мест Северной Осетии), а также с найденными, в цельном виде, в Западной Грузии: в лечхумском кладе колхидско-кобанской бронзы из сел. Окуреша (табл. XII). Этому последнему кладу принадлежат три сосуда, склепанные из листовой бронзы: большая ситула с двумя ручками, полностью совпадающая всеми деталями техники, формы и величиной с двумя такими же ситулами (рис. 25₂) из ранне-скифского кургана в сел. Жаботин (30), Киевской области, и две той же формы и техники кружки. Все эти сосуды имеют ручки с головкой животного, совершенно одной формы с северо-осетинскими и с ручкой из Малаклю, при чем ручка одной из лечхумских кружек украшена литым шнуровым орнаментом в точности повторяющимся и на последней. Это делает особенно убедительной нашу реконструкцию формы сосуда, отвечающего своим профилем и размером кривизне ручки.

Ручка из Малаклю (табл. III₆ и табл. XII₂) лишь одной небольшой деталью отличается от вышеупомянутых: закругленным кончиком морды животного, а не прямоугольным, как на грузинских находках, разделяющих однако эту маленькую подробность с обеими жаботинскими ситулами, а также и с подобной ситулой Варшавского Музея из Таганча (близ Канева), обнаруженной в 1894 году И. А. Хойнов-

ским (33) в насыпи одного кургана. Эти наблюдения достаточны чтобы пересмотреть самый вопрос о происхождении украинских находок, относительно которых образовалось совершенно неверное представление, что они попали сюда с запада из Гальштатта (30, 33). При несомненной близости украинских ситул с западно-европейскими (34), скорее, однако, с наиболее древними из них,—с вздутым, а не коническим, как в позднем Гальштатте, корпусом, украинские находки резко отличаются строением ручек и положением их в вертикальной плоскости, примеров чего на западе не имеется. Напротив полное подобие украинских ситул и по устройству корпуса и по форме ручек грузинским образцам, которые в свою очередь, как видим, связываются с инвентарем зааракского колумбария, может свидетельствовать только о существовании южнокавказского импорта этих изделий на Украину в предскифскую эпоху. Сходство же этих ситул с гальштаттскими приходится в таком случае относить на долю общих переднеазиатских источников, поскольку сами гальштаттские ситулы явно зависят, как известно (35), от венетских и этрусских форм, пропитанных в свою очередь восточными влияниями.

Указанные факты явились для меня первым и главным основанием, заставившим пересмотреть, с одной стороны, датировку колумбария, с другой, вопрос о возможной синхронизации цветущей поры кобанской бронзы с эпохой Ванского царства, поскольку клад из Окурешы содержит в своем составе кроме ситулы и кружек, типа Малак-лю, прекрасный подбор вещей чисто кобанских форм, при чем, большей частью, в свежее изготовленном состоянии, не позволяющем предполагать длительного пользования ими перед тем, как попасть им в клад. Поэтому, мне кажется, в известной степени, поучительно рассмотреть здесь полностью инвентарь лечхумского клада, столь резко противопоставляющего цветущую бронзовую индустрию богатого медными рудами Кавказа перешедшему всецело, в это же самое время, на железное вооружение Ванскому царству. Это рассмотрение имеет тем большее значение, что становится в разрез с недавно высказанными Пржеворским соображениями о датировке концом II тысячелетия клада из Орду с колхидско-кобанской бронзой (20).

III. *Клад колхидско-кобанской бронзы из Лечхуми* найден в 1924 г. у подножия Ладжоби, выше селения Окурешы, в лесу крестьянином Эрастом Арджеванидзе-Асланикашвили под основанием разобранной ими древней каменной кладки, в виде стены около 3 сажень длиной и 1 саж. высотой. Тогда же клад, представлявший собой большую бронзовую ситулу, наполненную бронзовыми предметами в количестве 29 штук, был осмотрен сотрудником Бочоридзе и доставлен в Музей Этногра-

фического общества при Тбилисском университете (инв. 4059—4088)*. Таким образом условия приобретения клада не возбуждают сомнения в факте находки его целиком, как выше указано, хотя несколько предметов (браслеты) оказались поломанными находчиками с целью выяснить не из золота ли они. Характер вещей, связанных здесь друг с другом, также ни в коей мере не противоречит возможности относить их к одному цельному комплексу, о чем особенно явно говорит полная однородность редкой по своему качеству тонкой просвечивающей блестящей черной патины по прекрасно полированной поверхности большинства предметов клада, в том числе и кружек. Только 7 предметов клада, 6 топоров, одна миниатюрная модель топорика и одно редкое орудие, которому можно дать наименование серпо-топор (табл. XIII₅ и ₆), имеют более обычную грязно-зеленую патину. Хотя принадлежность к общему комплексу и этой группы может быть обоснована, кроме общего свидетельства о находке, также и помощью сравнительного материала, в частности, наличием фрагмента в точности такого же серпо-топора в комплексе колхидских топоров из Цхинвали (Гос. Муз. Грузии инв. 8—09), я в данном случае, чтобы не уклоняться в сторону, не стану эти предметы принимать во внимание и ограничусь всей основной во всех отношениях единой группой. Состав этой группы достаточно характерен (табл. XII—XIV). В нее входят кроме бронзовой ситулы и двух кружек, гарнитур украшений, состоящий из массивной шейной гривны, двух легких браслетов и шести тяжелых „ножных колец“ (два из них поломаны), и коллекция топоров, одного поперечного, и остальных втульчатых колхидско-кобанских, двух типов: семи тончайше полированных „второго типа“ Ганчара (24), с клиновидным обухом и симметричным лезвием, и двух более крупных и грубых топоров „первого типа“, с шестигранно-уплощенным обухом и сильно ассиметричным лезвием. Для ассортимента бронзовых украшений характерно отсутствие кобанских фибул, вообще сравнительно редких для территории Колхиды, височных завитков, подвесок, а также перстней, почти совсем не бывших тогда в употреблении, ни в Северной Осетии, ни в Западной Грузии. Бронзовая гривна (инв. 4079) принадлежит к хорошо известному кобанскому типу, но является довольно редким предметом (13). Она представляет собою подковообразно свернутый (наибольший внутренний диаметр 12 см) круглый массивный (вес гривны 573 г), прокованный молотом и отшлифованный бронзовый прут (1,5 см в диам.), утончающийся к концам, где он пере-

* В настоящее время этот материал полностью сосредоточен в Археологическом отделе Гос. Музея Грузии, но занесен в инвентарь не как комплексная находка, а в разбивку с различной для каждого рода предметов инвентарной нумерацией, поэтому ссылки делаются на инвентарь Общества.

ходит, наконец, с каждой стороны, в сплюсненную ленту, которая закручивается кнаружи в спиральный завиток. Хотя Шантр (14) и заявляет, что в Кобанском могильнике подобные гривны являются принадлежностью мужских погребений, полностью подтвердить это трудно. В Абхазии подобная гривна была найдена в с. Приморском (Петропавловское) совместно с двумя топорами, первого варианта (более грубых, но орнаментированных изображением зверя), с двумя топорами, второго варианта, кинжалом, литым вместе с ручкой, с копьями и дугообразной одночленной фибулой, повидимому, в качестве могильного инвентаря в кувшинном погребении (15). Имеется гривна этого же типа в Сухумском Музее из сел. Анухва, Гудаутского р., а вторая, более тонкая, у А. Л. Лукина из другой находки (в 1931 г.) в сел. Приморском же, вместе с орнаментированным (шахматным и кружковым узором) топором, второго варианта, и бронзовым кинжалом. Вне Абхазии на Южном Кавказе подобная гривна более нигде не находилась.

Исключительно необычным для южной стороны Кавказа является типичный для кобанского варианта колхидской бронзы пластинчатый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами (инв. 4086), представленный в лечхумском кладе легким его вариантом (табл. XIV₁), с несильно выступающими тремя острыми продольными ребрами на наружной поверхности (16). Второй браслет (инв. 4087) клада, в виде равноширокой ленты с тремя продольными каннелюрами (табл. XIV₂) и выступающими между ними четырьмя округлыми ребрами, подобный браслету, опубликованному Вирховым из Чми (17), имеет еще известную мне аналогию в браслете из Дзвели-Анага в Кахетии (Гр. инв. 22—30). Наконец в кладе имеется еще небольшой лентовидный фрагмент (инв. 4086) вероятно тоже от браслета (табл. XIV₄). Он покрыт грубыми зооморфными мотивами, выполненными проступающей наружу пунктирной набивкой с внутренней стороны.

Совершенно новыми по форме являются четыре целых и два в обломках браслетовидных массивных ножных разомкнутых кольца с наибольшим диаметром, в среднем, около 11,7 см из узкоовального, в сечении, толстого (3,3 и 1,5 см в диаметрах) бронзового прута с попросту обрезанными концами (табл. XIV_{7,8}). Различный и не кратный друг к другу вес браслетов (1115, 963, 961, 543 и 516 грамм) не позволяет предполагать в них монетные единицы обмена. Все кольца имеют гладкую, тонко отшлифованную поверхность без всякого орнамента. Мне неизвестно более ни одной находки с такими же в точности кольцами, но характер их патины указывает с несомненностью на происхождение их из тех же мастерских, где изготовлены и остальные предметы клада.

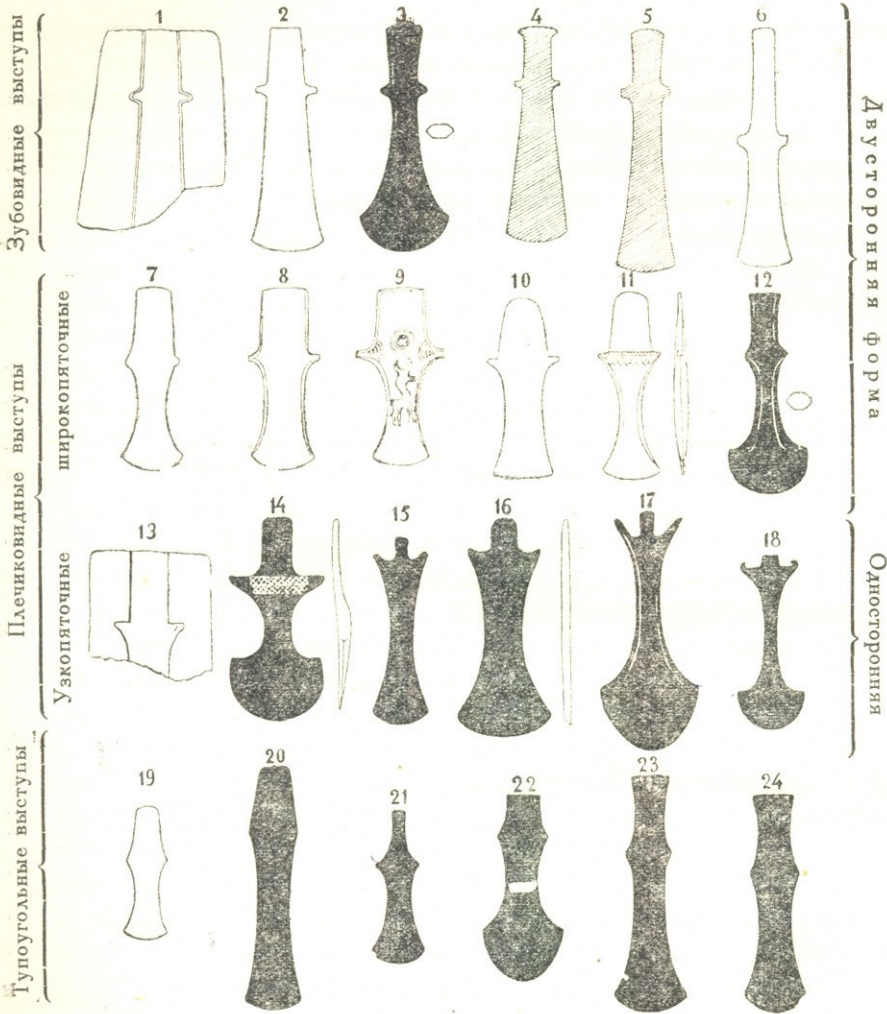

Рис. 23 а. Типологическая таблица плоских топоров с боковыми выступами: (4 и 5 железные, остальные бронзовые; чернорисунтные изображения принадлежат территории Кавказа): 1. Литейная форма из VII города Трои; 2. Рим, Монте Ровелло; 3. Рача (Грузия, Ув. инв. 1009); 4. Гальштатт; 5. Приднепровье; 6. Астерабад, Тюренг Тепе (Иран); 7. Алишарский холм (М. Азия); 8. Орду (Понтийское побережье М. Азии); 9. Керчь; 10. Богаз-Кей; 11. Кайзеря; 12. Зугдидский район (Грузия); 13. Фрагмент литейной формы из Муханат Тапа (Ереван); 14. Река Посхов-Чай, сел. Мерс; Ак. Н. инв. 378 : 9); 15. Севанское озеро; 16. Сасирети (Грузия); 17. Цхинвали (Грузия, инв. 8—09); 18. Зангезур (Армения); 19. Кайзеря (М. Азия); 20. Богаз-Кей (М. Азия); 21. Талыш (по Моргану); 22—23. Кутайси (Кут. инв. 918 и 221 : 1); 24. Пятигорск. Около $\frac{1}{6}$ нат. вел.

Имеющийся в кладе, в одном экземпляре, плоский поперечный топор-тесло (табл. XIV₅) отличается отливкой его в двусторонней, а не односторонней, форме (как, например, топоры типа Сасирети (18) или кургана 91 в Карабулахе (19) у Ивановского), полукруглой дугой лезвия, веерообразной формы, вытянутыми изящными пропорциями, клинком, составляющим одно целое с несколько расширенной к концу, а не языковидно дифференцированной пяткой, которая отделяется,

от тела топора, в данном случае, только благодаря наличию двух зубовидных боковых выступов, а не благодаря своей форме и резко выраженным плечикам клинка, что характеризует другой основной тип этого орудия, широко распространенный, в широкопяточном варианте (рис. 23а₇₋₁₁) в Малой Азии (за исключением южной Анатолии) (20), а в узкопяточном (рис. 23а₁₃₋₁₈), характеризующий, главным образом, территорию Южного Кавказа (широкая „поцховская“ форма, узкая „ходжалинская“ (19) и средне-широкая „сасиретская“ (18) формы), где встречается, как в чистом виде, так и в гибридной (рис. 23б₅₋₈) разновидности (с первым „колхидским“ типом), например, в Самтавро Байерна (Увар.

инв. 1652), в сел. Лайлаши, тоже в Лечхуме, (Кут. инв. 1229) и пр. (21.) В точности такой же топор, как в кладе из Окурешы, был найден там же в Лечхуме, по соседству, у сел. Сурмуши в „металлическом сосуде“, также в сопровождении колхидско-кобанского инвентаря, между прочим, в точности такого же, как в Окурешы, тонко полированного топора, второго типа, и другого—зооморфно орнаментированного, третьего кобанского типа, отсутствующего в окурешском кладе, с тонким S-видно изогнутым телом*. Для полноты характеристики

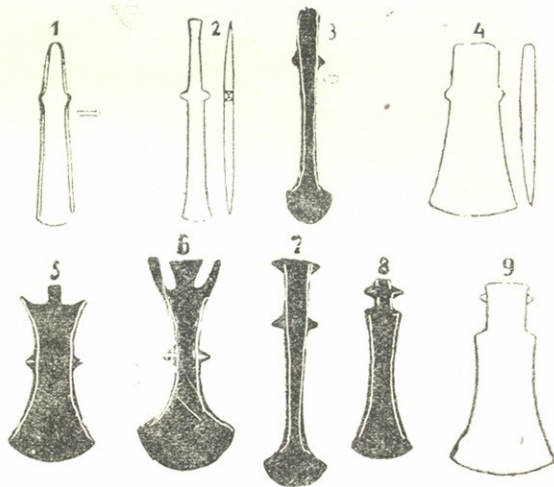

Рис. 23 б. Плоские топоры с боковыми выступами. Верхний ряд—суженные и расширенные формы: 1. Элабуга (Вятский край); 2. Беркшир (Англия); 3. Кутаиси (Кут. инв. 220 : 3); 4. Северо-западная Индия (долина Куррама). Нижний ряд—гибридные формы: 5. Самтаврский могильник (Грузия); 6. Цхинвальский клад (инв. 8—09) (Сталинир, Юго-Осетия); 7. Кутаиси (Кут. инв. 220—2); 8. Бакурцихе (инв. 11—32 : 58); 9. Сицилия, Модикский клад (схематично). Около 1/6 нат. вел.

* Вероятно именно из этого клада, найденного в 1923 году, происходит замечательно тонко орнаментированный подобный окурешскому топор, второго типа, хранящийся в Кутаисском Музее, как единичная находка (Кут. инв. № 705) из сел. Сурмуши.

следует упомянуть о возможности выделить еще один тип,—со слабо дифференцированными тупоугольными боковыми выступами (рис. 23а₁₉₋₂₄), придающими телу топора ромбовидные очертания. Этот тип известен, как по находкам в М. Азии, например, из Кайзерей (22), из Богазкая (23), так и на Южном Кавказе: в Талыше (24), в Грузии (Кутаисский Музей: инв. 220:1, в узкой форме, и инв. 918, в широкой форме).

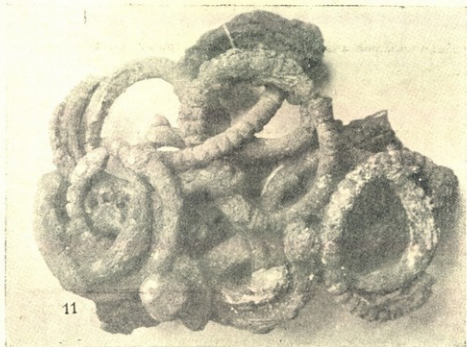
Рис. 24. Грузин плотник с поперечным топором „пехечо“ на крыше подземного дома в сел. Вале (Ахалд. р.). Фот. Б. А. Куфтина, Этнографическая экспед. ЦМН, 1929 г.

На Северном Кавказе плоский топор-тесло с боковыми выступами вообще считается отсутствующим (25), хотя в Пятигорске (27) он был найден в третьем варианте (рис. 23а₂₄). Описанный же нами тип из лечхумского клада действительно характеризует только колхидский (сравни пять из семи такого рода топоров „апти“, хранящихся в Кутаисском Музее под суммарным № 220, и близкий сюда своим шестиугольным сечением (25) топор Зугдидского Музея рис. 23а₁₂) вариант кобанской

бронзы, и, вне области распространения последней—южнее Кавказского хребта, встречается на огромной территории от Италии (Рим-Монте Ровелло, IV этапа бронзы, рис. 23а₂) (26), через Трою (фрагмент формы из VII города, рис. 23а₄) (27) до восточного Ирана (рис. 23а₆), в узкой разновидности (Астерабад) (28), и даже до Индии* (рис. 23б₄) (близ

* Плоские топоры с боковыми отростками, хорошо известные, также в бронзовых находках (рис. 23б₂), в Англии (37), и, в железном уже материале (рис. 23а₄), в Гальштаттской культуре Центральной Европы (36), тяготеют по формам к этому, римско-тройяно-колхидскому типу, в то время как прекрасный зооморфно орнаментированный экземпляр плоского топора из Керчи, (38) явно принадлежит второму типу, именно малоазийскому его, широкопяточному, а не южнокавказскому, варианту (рис. 23а₂). К сожалению, остается неизвестной мне форма Киевского (сел. Тальное Уманского района) „медного клина с боковыми лопастями“, о котором только вскользь упоминает А. А. Спицын (39), но судя по железному плоскому топору (рис. 23а₅) с боковыми выростами, из Киевского собрания Ханенко (40), во всяком случае, можно говорить о проникновении сюда первого типа.

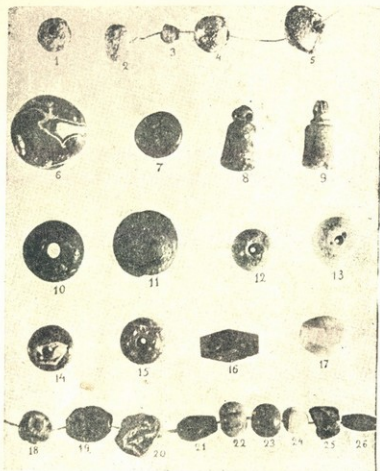
Таким образом, на территорию Восточной Европы плоский топор с выступами проникал тремя путями: с востока через Кавказ, с юга через Крым и с запада через Гальштатт. Каково же происхождение и роль в этом процессе уральской (41) „нейтральной“ разновидности такого топора (рис. 23а₁) пока неясно.

საქართველოს
მეცნიერებათა
აკადემიის
ისტორიკულ-მემორიალური
მუზეუმი

Бронзовые украшения из урартского «колумбария» близ Игдыра: булавки, браслеты, пинцет, ухвертка, буса.

Табл. V

Каменные и стеклянные бусы из урартского «колумбария» близ
 Игдыра: 1—26 в $\frac{1}{2}$ нат. вел., 27—28 в $\frac{1}{2}$ н. в. и 29—33 в $\frac{1}{4}$ н. в.

Афганской границы), в широкой разновидности (29). Любопытно, что в Западной Грузии традиция пользоваться тесловидным поперечным топором при плотничьих работах удержалась и до настоящего времени в железном топоре „пехечо“ * в Джавахетии: клинок топора не имеющий отверстия снабжен ступенчатым уступом и прикрепляется к топищу железной скобой, как это можно видеть на снятой мною в 1929 году фотографии (рис. 24) в сел. Вале близ Ахалциха.

Характерный для колхидского варианта колхидско-кобанской бронзы перевес в пользовании вторым типом топора (с клиновидным обухом, с косо направленным отверстием для древка и симметричным полукругло очерченным лезвием) сказывается и на составе лечхумского клада, в котором все 8 топоров этого типа, с однородной кладу патиной, отличаются наилучшей технической отделкой и прекрасной формой. Длина их колеблется от 171 до 192 см, вес от 407 до 575 г. Пять из них имеют совершенно гладкую полированную и четко моделированную поверхность (табл. XII₄). Три топора этой группы (табл. XIII₁₋₃) несут кроме того рельефную (имитирующую шнур) и гравированную орнаментацию, строго соответствующую форме топоров и придающую им необычайно нарядный и в то же время „по классически“ выдержанный вид.

Группа топоров второй разновидности отличается меньшим совершенством моделировки и отсутствием шлифовки поверхности, которая лишь тщательно мелко прокована (табл. XIII₄). Сюда принадлежат два крупных и массивных топора (инв. 4060 и 4061) до 895 г веса и до 218 см длины с черной патиной и три более простых, по очертаниям и отделке, экземпляра со следами поношенности от работы на лезвиях и на расплюснутых обухах (табл. XIV₆).

Большая ситула (33 см высоты), в которой находился клад, имеет характерную форму: вздутый к верхней трети корпус с прямо довольно высоким раструбным венчиком (табл. XII₃). Доньшко представляет собою отдельно выкованную часть, в форме блюда с прямыми поднятыми, слегка наклонно, краями, к которым помощью медных заклепок прикрепляются плотно вдвинутые внутрь нижние края стенок ситулы. Такого же устройства дно имеется у ситулы найденной со слитками меди и колхидской бронзовой мотыжкой в сел. Шуахеви Душетского района (Гр. инв. 11—28) и отличающейся от лечхумской, при той же форме корпуса, невыраженностью венчика и пластинчато-лентовидными, не вертикальным, а поперечно приклепанными у края горла, ручками, как на „кимерийских“ ситулах В. А. Городцова (32). Боковой шов

* Сравнение бронзового поперечного топора с грузинским столярным инструментом „хелечо“ (18), имеющим мотыгообразное укрепление рукояти в отверстии, порождено, видимо, каким то недоразумением.

корпуса лечхумской ситулы образован подверткой обоих краев и сверху того закреплен заклепками. Ручки, укрепленные на уровне наибольшего расширения корпуса, производят впечатление отлитых в согнутом, готовом уже, виде в специальной форме по восковой модели. Некоторые детали заставляют подозревать возможность того, что отливка происходила на готовом уже сосуде, так что отливная форма прикладывалась непосредственно к стенке, где имелись сквозные отверстия, соответствующие точкам укрепления концов дужек. Проливающийся при литье в эти отверстия металл удерживался внутри сосуда сособыми частями формы, в которых от-

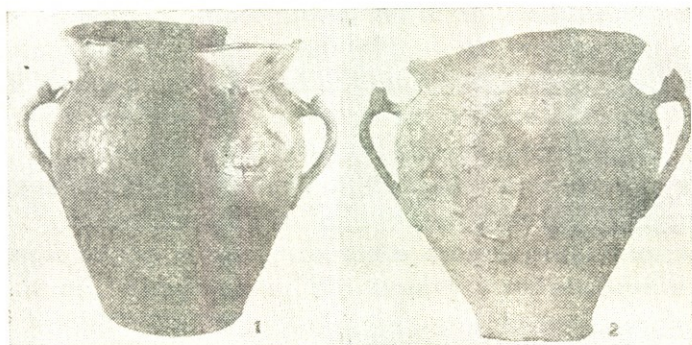

Рис. 25. Бронзовые ситулы в $\frac{1}{8}$ нат. вел.: 1.—Лечхуми, сел. Окуреши (Грузия) и 2.—сел. Жаботин (Киевская область).

ливались, этим приемом, большие полушарные шляпки, прочно соединяющие ручки с сосудом. О таком способе свидетельствует во-первых форма и размер этих внутренних наплывов застывшего металла, что недостижимо путем расковки концов пропущенного внутрь стержня ручек, и во-вторых положение литейного бугорка на ручках, как раз на средние дужки сверху, что неуместно, если предполагать отливку ручек изолированно от сосуда, так как в этом случае отливку удобнее делать с одного из двух концов дужки. Несомненно, конечно, что расплавленный металл при этой операции не должен был перегреваться, чтобы не расплавить стенок сосуда. Совершенно также отливались ручки и на жаботинских ситулах, где литейные бугорки посреди сгиба ручек прекрасно заметны и на фотографиях (рис. 25₂). Автор публикации этих ситул (30), не отмечая литейных бугорков, останавливает внимание на отверстиях, которые получаются иногда в этом месте, в случае неудачного отлома излишнего металла, и объясняет происхождение этих отверстий неверно, якобы необходимостью „дать выход воздуху“ при раскаленном состоянии ручки, которая по его мнению, припаивалась к сосуду. Но помимо всего сказанного, знакомство с техникой

припаивания у владельцев ситул, мне кажется, следует вообще исключить, поскольку ситулы как лечхумские, так и жаботинские, несут совершенно одинаковые следы ремонта стенок заплатами, на заклепках, то есть тем же приемом, каким соединялись швы при изготовлении сосуда. Починка эта повидимому была достаточно эффективной, так как найденные в Лечхуме и Жаботине ситулы оказались покрытыми толстыми слоями нагара, указывающего на использование их для варки на огне уже после многократного ремонта.

Оба маленьких сосуда, в виде кружек с одной ручкой, находившиеся в большой ситule лечхумского клада, отличаются от большой, при сходной общей форме, устройством донной части (табл. XII₁). Дно здесь также выковано отдельно в виде блюда с высокими несколько расходящимися бортами, но присоединено оно к корпусу иначе, вверх доньшком и вниз бортиками, вдвинутыми внутрь стенок сосуда и приклепанными к ним. Именно такого рода дном, но от крупного размера ситулы, является и та часть красно-медного сосуда из Мехчис-Цихе (сел. Мерс бывш. Посковского участка, Карсской области), которую А. А. Иессен (31) описывает, так сказать, в перевернутом положении, в виде „плоской чашки, вправленной и удерживаемой 11 заклепками в оборванном ободе“ из такого же листа красной меди (Ак. Н. инв. 378:12). Следовательно и замечательный поцховский клад Антропологического Музея Академии Наук был заключен, повидимому, в медной ситule, типа лечхумской или скорее шуахевской, если принять во внимание отсутствие среди обломков звероголовых ручек, но эта ситула, в отличие от двух последних, подобно лечхумским кружкам, оканчивается стоявшей на высоком поддонье.

Обе лечхумские кружки имеют по одной ручке с звероподобными головками, совершенно той же формы, как у большой ситулы. Отличаются друг от друга обе кружки лишь деталями. Один из сосудов — несколько шире, имеет каннелированную продольно, слегка наискось, ребристо прокованную поверхность и кругло-стержневую ручку. Другой сосуд, более стройной формы, гладко отполирован, а ручка его уплощенная, четырехгранной формы, имеет на наружной поверхности шнуровидную отделку, в виде уложенных рядов перевитой проволоки (табл. XII₁), но на самом деле полученных отливкой по утериваемой восковой модели, вместе с дужкой. Такого рода шнуровидно орнаментированная четырехгранная ручка с обломками ситулы хранится также в Кутаисском Музее (Кут. инв. 732). Она происходит из обильного находками селения Зекари, Маяковского района, где найдена вместе с четырьмя колхидско-кобанского типа топорами и тяжелыми браслетами, опять-таки, повидимому, в качестве клада.

IV. *Бронзовые принадлежности туалета и украшения* представляют значительную, но не очень разнообразную группу предметов колумбария.

а) Бронзовая пластинчатая облицовка пояса или колчана обнаружена в мелких сильно смятых и окисленных фрагментах (табл. IV), происходящих из ряда пунктов 2-го, 10-го и 11-го. Из последних двух пунктов фрагменты (№№ 123 и 141) оказались сходящимися по изломам. При реконструкции (рис. 26) получается бронзовая полоса в 15 см ширины с мелкими отверстиями по краям, помощью которых облицовка нашивалась на кожанную основу, и со штампованной орнамен-

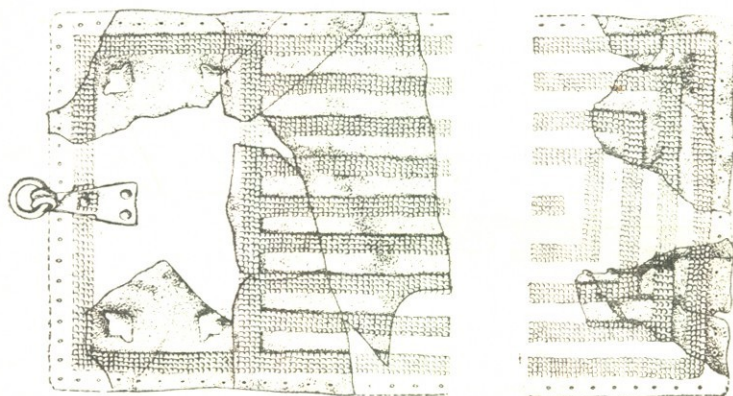

Рис. 26. Бронзовый „пояс“ из Малакю В $\frac{1}{2}$ nat. вел.

тацией, в виде параллельных лент из густо расположенных, по четыре, выпуклых точек, с прикрепленным на ленте колечком (рис. 26). Вопрос о месте приклепа, как будто бы, к поперечному короткому краю решается отсутствием второй пунктирной ленты на фрагменте с петлей. В оставленном свободным от пунктира на одном конце ленты четырехугольном поле выбиты по четырем углам выпуклые фигуры в форме цветочных бутонов или трилистников. Бронзовая облицовка у его обладателя получила поперечную трещину в одном месте и подверглась починке: была положена изнутри металлическая заплата, прикрепленная в нескольких местах к обоим краям трещины мелкими заклепками, то есть приемом, характерным для ремонта вышеописанных колхидских ситул.

Мода на подобного рода бронзовые пояса существовала с конца второго и в первую половину первого тысячелетия не только на Южном Кавказе, но и в ряде других областей Передней Азии, как можно судить: по находке бронзового пояса с изображением охотничьей сцены в Луристане по предполагаемому изображению подобного пояса на известном барельефе Тешуба на воротах в Богазкое (42), наконец

по находкам и на территории Южного Кавказа и Курдистана (табл. XI) бронзовых поясов, стилистически отступающих от обычной южно-кавказской продукции бронзовых ленточных поясов всем характером своей выпукло-чеканной, а не гравированной, орнаментации.

По применению выпукло точечной штамповки и отсутствию изобразительной орнаментики „пояс“ из Малакю ближе всего стоит к бронзовому поясу из наиболее богатого первого погребения в нижнем этаже Самтавро, раскопок Байэрна, но отступает и от него, как вообще от явно поясных бронзовых лент Южного Кавказа (но не от вышеупомянутых Передней Азии) наличием закрепительных отверстий вдоль обоих краев ленты и подвесного колечка, типа колечек на колчане из Кармир-Блура в Армении (43).

б) Булавки не характерны для могильника и найдены только в двух фрагментированных экземплярах в особом погребении № 1. Обе бронзовые булавки (табл. V_{1,2}), размер которых не превышает 7—9 см, имеют хорошо выраженные головки с отверстием внизу, в форме поперечно-резной колонки с центральным вздутием и двумя валиками сверху и снизу (№№ 39, 40). Колонка одной из булавок увенчивается кроме того характерной капителью в виде четырех крючковидных лопастей (№ 39). Близкого типа булавка была найдена близ сел. Ацхари Ахалцихского района, повидимому, с предметами колхидско-кобанского и после-кобанского типов*.

Кроме этих двух булавок в первом погребении находилась еще подобного же размера бронзовая иголка с ушком (№ 41).

в) Пинцет бронзовый и ухвертка (табл. V₄), повидимому, первоначально соединенные на одном колечке, были найдены в сильно окисленном и сломанном виде (№ 117) только в пункте 10-ом. Пинцет длиной в 7,5 см имеет узкие лопасти и напущенное на них колечко, помощью которого концы его могут прочно зажиматься. Как известно, пинцет, часто в сопровождении ухвертки, является чрезвычайно широко распространенной туалетной принадлежностью, сохраняющей в продолжении нескольких тысячелетий, с начала металла и до наших дней (75), одни и те же формы в Европе, на Ближнем Востоке и на Кавказе. Г. Чайльд (76) различает две главные формы: древнейшую сумеро-индийскую (Гараппа): из скрепления двух отдельных пластинок, и египетско-эгейскую, получившую распространение в

* В Гос. Музее Грузии булавка значится под №№ 56—14 : 10; приобретена она от перекупщика вместе с поясной пряжкой кобанского типа, фрагментом бронзовых удил (74), дугообразной фибулой с привесной иглой, двумя колокольчиками и еще тремя бронзовыми булавками, из которых одна (№ 11) совсем иной, сасанидской эпохи, также как и еще несколько относящихся к этой же покупке предметов.

Передней Азии и Европе, из одной согнутой пластинки. В пределах последней формы также была попытка различить два варианта с различным географическим распространением (77): древне-кипрский и микенский, в виде простой дужки, и средне-европейский, с петельчато оформленным основанием. На Южном Кавказе наблюдаются оба эти варианта, причем в колхидском комплексе преимущественно второй (78). Что касается нашего пинцета, то он принадлежит также этой второй разновидности, ближе всего, по наличию напущенного на ветви колечка, напоминая находки А. А. Ивановского в кедабекских и карабахских могильниках (79). Любопытно, что

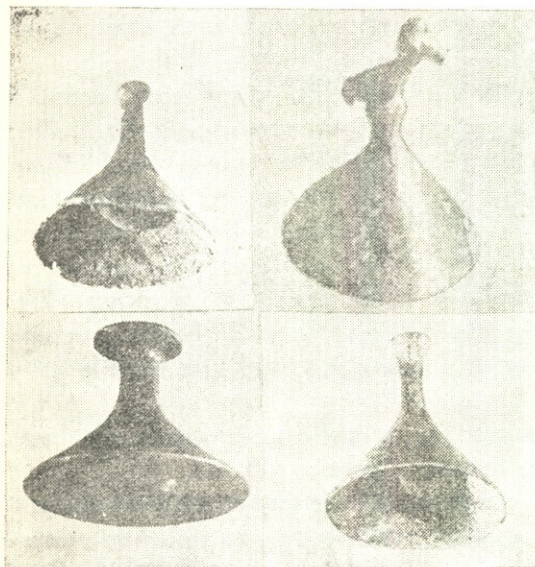

Рис. 27. Репьи бронзовые: 1, 2 и 4 — Эшеры (Абхазия); 3. — Малаклю. В $\frac{3}{5}$ нат. вел.

эту же подробность можно наблюдать и на европейских находках пинцетов этого же типа (80).

г) Репьи бронзовые конические (высотой 3,5 и в диаметре 5 см), с кнопкообразной вершиной и крепкой дугообразной петлей (для прикрепления их) внутри (рис. 27₃ и табл. III₂), найдены в 10-м погребении в количестве четырех штук. Назначение их не вполне ясно. Совершенно такого же вида и размера предметы с такими же петлями были находимы, также обычно в количествах кратных четырем, в Абхазии в погребениях колхидской бронзы (рис. 27), то с кнопочными вершинами (97), то фигурными (рис. 27₂),

в виде парных звериных головок (98) или даже целых животных (97). Это обстоятельство еще лишний раз подтверждает вышеуказанную синхроничность колумбария с эпохой расцвета колхидско-кобанской культуры на Кавказе.

д) Две подвески бронзовых полых тонкостенных (3,5 см в диаметре и в высоту) „грушевидной“ формы, полученной путем соединения полушарной нижней и конической верхней половинок, с неподвижной петлей-колечком наверху (табл. VII₃) найдены в пункте 10-м.

е) Браслеты составляют наиболее многочисленную здесь и типичную группу украшений. Они принадлежат к трем различным типам: браслет (№ 49) четковидный (сохранился фрагментарно только в од-

ном погребении в пункте 2-ом) (табл. V₈), как бы составленный из шаровидных бронзовых бус (ср. браслет из с. Велисцихе в Кахетии, Тб. инв. 103—13); браслеты (№ 35) из простой медной проволоки, спирально обвитой редкой железной обмоткой (табл. V₇), найдены только в первом погребении (без следов сожжения) и, наконец, браслеты заканчивающиеся двумя „львиными“ головками (табл. V₉₋₁₁). Браслеты этого последнего типа сопровождают большинство погребений.

„Львиноголовые“ браслеты (табл. V₉₋₁₁) отличаются в большинстве случаев резко дифференцированными от основного прута массивными головками, своеобразно стилизованными (рис. 27₄₋₇), часто грубо моделированными в почти кубической плоско-угловатой форме (рис. 27₃). В типичных случаях выступают сзади два коротких уха и, предносовым углублением сверху, отделяется передняя часть морды с резко выраженными поднятыми ноздрями. На верхней плоскости отмечаются полукруглыми резными петлями щиток темени и два валика бровей. На боковых плоскостях, более или менее выделяются дужки век

и между ними кругловатый глаз. Пасть определенно не выражена. Иногда головки более вытянутые и со сглаженными углами напоминают

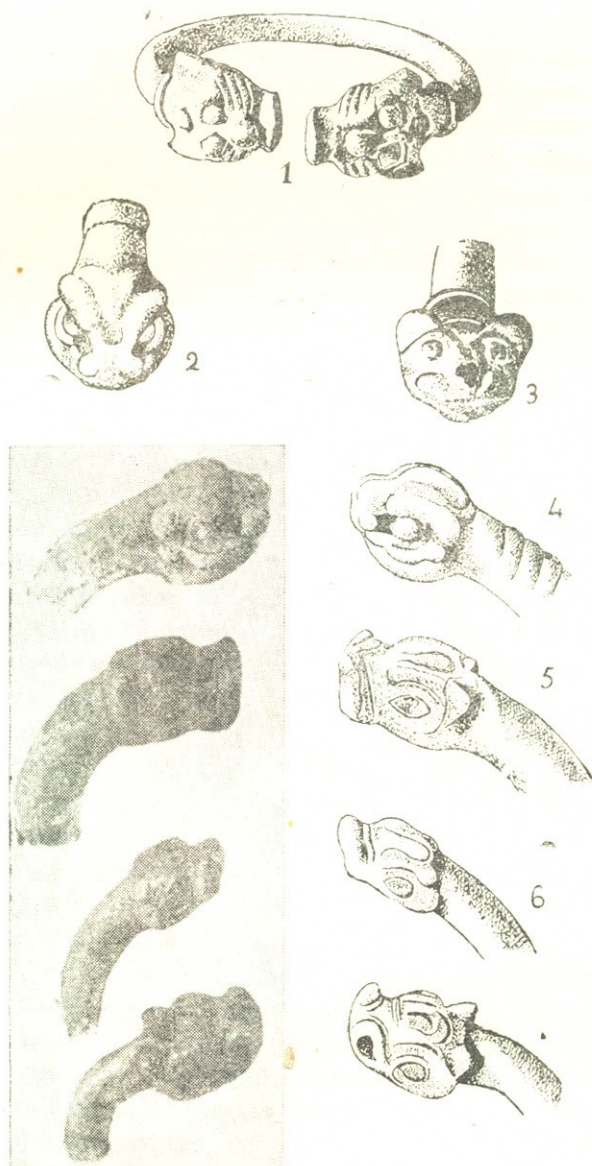

Рис. 28. Бронзовые браслеты с „львиными“ головками: 1, 3. Луристан, 2, 4—7. Игдырский «колумбарий». В нат. величину.

змеиные (рис. 28_б). Стержень браслета обычно является круглым, гладким или реже червеобразным, рубчатым наверху (табл. V₁₁ и рис. 28_а).

Подобные браслеты не встречаются в обычных могильниках Южного Кавказа. Мне известен только один браслет из Армавира (Арм. инв. 13336) и эрмитажный браслет (рис. 29₁), найденный в бывшем Ольгинском округе в сел. Заким (44), вместе с бронзовым поясом, украшенным своеобразным рельефным узором, который был в свое уже время А. А. Спициным сопоставлен, по характеру священного дерева, с орнаментацией золотой обкладки меча и ножен из Мельгуновского клада.

Это обстоятельство указывает на особую культурную и художественную среду, с которой может быть связано появление браслетов, типа Малакю, на территории Южного Кавказа. Попытаемся поэтому разобраться в происхождении памятников подобных находке из Закима.

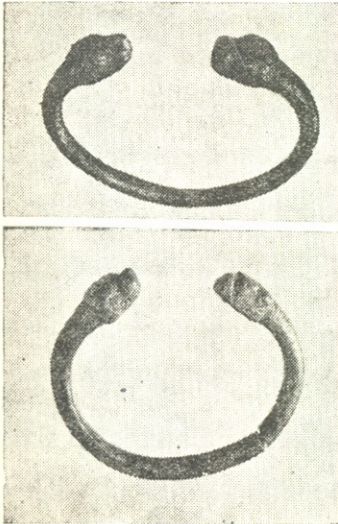

Рис. 29. Бронзовые браслеты из с. Заким (быв. Ольгинский округ) и из Малакю. Около $\frac{1}{2}$ нат. вел.

V. *Ольгинский пояс и находка 1905 года на оз. Урмии.* Ольгинский пояс, по трактовке фигур бегущего быка, львов, крылатых сиренообразных стрельцов, пальметок и шестилучевых розеток из кружков принадлежит к одной группе с другим поясом (табл. XI), найденным, по свидетельству Атрпета (45), в 1905 году в Курдистане в районе Салмас на оз. Урмии крестьянами сел. Гушчи в каменной камере при скелете быка, залитом воском (обычай в отношении человеческих захоронений, приписываемый Страбоном (46) персам и упоминаемый также Сервием Грамматиком в коммента-

рии к шестой книге (VI₄₂₀) Энеиды Вергилия) вместе с серебряной посудой, украшениями и двумя полыми несколько различными по росту фигурами быков, от которых были сохранены лишь бронзовые головы прекрасной скульптурной работы, напоминающей, по мнению Ф. Сарре (47), более поздние головы капителей дворца Ксеркса в Персеполесе, поскольку последние действительно созданы на основе форм, выработанных в ассирийском или скорее, по Герцфельду, ванском искусстве. Ф. Сарре опубликовал одну из этих голов, находящуюся в частном собрании в Берлине, как памятник мидийской (доахеменидской) эпохи. Как показывает простое сличение его фотографии с фотографией головы быка (48) у Атрпета (сравнить, например, характер

и очертание изъянов рогов и щеки) именно эта голова и является той самой бронзовой головой из коллекции Меджид-Салтане, которая, согласно Атрпету, принадлежала одному из упомянутых быков, разбитых находчиками молотами в поисках золота (табл. X₁). Вторая также сохранными ими голова была послана в подарок экс-шаху Магомед Алла Мирза, по поручению которого она была вынесена на торг, и попала в результате Автанделяну, увезшему ее в Европу. Где эта вторая голова, теперь неизвестно. Судя по приведенной Атрпетом ее фотографии (48), ею не является бронзовая голова, из частного собрания Келикяна, фигурировавшая на выставке Иранского искусства в Лондоне в 1931 году и воспроизведенная Поопом (49), как памятник иранского искусства ахеменидской эпохи*, хотя она в точности повторяет обе упомянутые выше (табл. X₂).

Если бы даже и не было свидетельства Атрпета о принадлежности голов скульптурным фигурам быков или если этому свидетельству и не вполне доверять, нельзя все-таки согласиться с предположением Ф. Сарре, что эти головы могли являться украшением большого сосуда. Этому противоречит строение открытого шейного края всех трех голов, которые, очевидно, вставлялись внутрь если и не шейного конца туловища скульптуры, то, во всяком случае, какого-то трубчатого предмета и укреплялись в нем. В этом отношении эти головы резко отличаются от эрмитажной (51) бронзовой головы быка (№ 16004), о назначении которой в качестве аппликации котла говорят типичные крыловидные выступы плеч и отросток внизу шеи, позволяющие прочно укрепить голову к стенке сосуда (табл. XI₁). Эта последняя голова, принадлежность которой к урартскому искусству является легко доказуемой, позволяет в то же время установить путем сравнения и урартское, а не иранское, происхождение упомянутых голов из сел. Гушчи.

Действительно голова быка эрмитажного собрания, как показывает опубликованная недавно Б. Б. Пиотровским (52) выписка из рукописного каталога Кизерицкого (т. III стр. 44, 46 и 47) была найдена в 1859 году в Курдистане близ границ с Южным Кавказом вместе с другой бронзовой ручкой (Эрмитаж № 16003), в виде сиренообразной фигурки с женской головой и руками, протянутыми вдоль распущенных крыльев, и с птичьим хвостом (51), связь которой, именно, с урартской („алародийской“) культурной средой была впервые одновременно предугадана еще в 1871 году Лонперье (54) и особенно В. В. Стасовым (55), в подробном его стилистическом анализе двух совершенно таких же ручек (рис. 30) с озера Вана, опубликованных Броссе (56).

* К сожалению мне осталась совершенно недоступной публикация Р. Дюссо, в 1933 году, о бронзовой голове быка ахеменидской эпохи (50) и я не могу сказать даже о каком именно памятнике идет в данном случае речь.

В настоящее время, когда и количество находок этих ручек поразительно возросло, обнаружив огромную территорию их распространения на запад до Этрурии (Ветулония, Флоренция, инв. 9618) и Греческого Архипелага (57)

Рис. 30. Бронзовая сиренообразная ручка из Вана, по фот. Д. И. Ермакова. Около $\frac{1}{3}$ нат. вел.

„через синопский экспорт“, по мнению Ад. Фуртвенглера (58), когда прояснился характер хеттского искусства и начали выявляться культурные центры митанийско-хурритско-урартских племен и в частности накопилось уже значительное количество несомненно ванских изделий, сиренообразные ручки с лицом и буклями грузинского, по Леман-Гаупту (53), типа сделались руководящими формами для выявления художественных особенностей урартского искусства. Между прочим и отмеченные В. В. Стасовым* характерные особенности сиренообразной ручки, например, чуждое ассирийским памятникам и присущее, в известной степени, некоторым персепольским четырехрядное и даже много-

рядное оперение крыльев, наблюдаемое также в Малой Азии (59) на хеттских барельефах (сфинксы

* Я. И. Смирнов (58) уже отмечал, что, при более обычных ссылках на заметку Броссе, напечатанная тогда же и в том же органе обстоятельная статья В. В. Стасова на французском языке остается мало известной.

крыльев почти на всех известных фигурных изображениях, происходящих из Топрак-Кале на озере Ване: у массивного стоящего грифона (60) Берлинского Музея (V. A. 775), у пары стоящих крылатых быков с человеческим торсом (61) и у пары же лежащих крылатых быков Эрмитажа (16001 и 16002) и Британского Музея (инв. № 91.247 и 91.248, катал. № 328, 329) (62), у крылатого быка на мебельной ножке из коллекции Вогюэ (63), наконец у крылатого быка с птичьей шеей и утеренным лицом из собрания А. С. Уварова (64).

С другой стороны эрмитажная аппликация котла в форме головы быка, конструктивно аналогичная боковыми и нижними выступами, соответствующими крыльям и хвосту, сиренообразной ручке, найденной вместе с ней, с теми же техническими и художественными приемами моделировки формы, сходная с ней по металлу, находит для себя, в других отношениях, близкую аналогию в бронзовых головках быка Британского Музея, которые отличаются однако отсутствием вышеупомянутых выступов и считаются навершиями колесничных перекладин (66). Как можно судить по Манзелевским фотографиям (инв. 91.241, кат. № 324) и опубликованному изображению одной из этих голов (67), они близко совпадают общей формой, так и отдельными деталями, с эрмитажной головой, несмотря на различное назначение и иной характер выполнения, более графичный, у лондонских голов. Вместе с тем в обоих случаях они воспроизводят, в менее или более огрубленном ремесленником виде, высоко художественный оригинал, какой и представляют гушчинские находки. Это соотношение названных памятников между собой легко видеть, наблюдая, например, как три типичные рельефные морщины поперек носа животного и пара вен по сторонам носа на гушчинской скульптуре, отмечаются на лондонских и эрмитажном изделиях тремя и двумя двойными бороздами, как заглублен контурным рельефным кантом надбровный дугообразный мускул на эрмитажной голове и орнаментирован, в духе более поздних персепольских изображений, на лондонской, которая вообще предвосхищает и некоторые другие излюбленные ахеменидскими мастерами мотивы, как, например, превращенная в орнаментальную деталь (в виде ожерелья) гривка вдоль нижнего края челюсти животного (сравнить между прочим, головки тельцов на золотой рукояти меча из Чартомлыцкого кургана 72). Крупные миндалевидные глаза, лишь графически вычерченные резцом на лондонской голове, на эрмитажных фигурных ручках (как у быка, так и у „сирены“, ср. рис. 30) примитивно окаймлены равномерно приподнятыми краями век, вместо тонкой жизненной моделировки, в каковой проработаны глаза у гушчинских быков. Нельзя также не узнать и типичной прямоугольной густой (высокой) из двухрядного руна чолки гушчинских быков в эрмитажной и особенно лондонских репли-

ках. Совершенно очевидно, что ни лондонские „навершья от колесницы“, ни эрмитажная „ручка“ не могли возникнуть с наличными в них стилистическими чертами, если бы не существовало уже в те время таких скульптурных памятников, как гушчинские быки.

Вместе с тем сравнивая гушчинские бычьи головы с явно родственными им головами быков персепольских капителей, нельзя не заметить, как свежее и непосредственное чувство реальности у первых сменяется

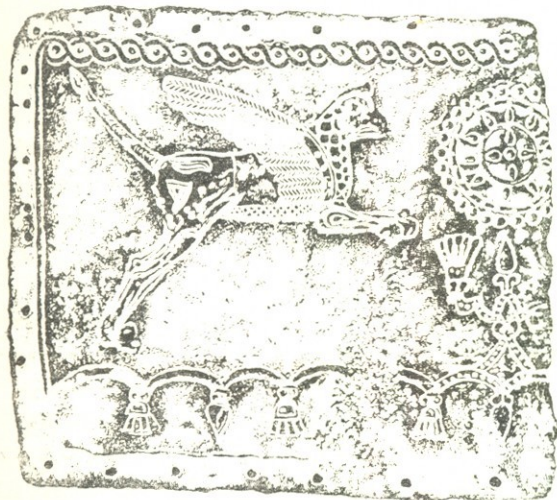

Рис. 31. Медная пластинка с рельефным изображением грифона и священного дерева из Ширака (Ленинаканский район).

В $\frac{1}{2}$ нат. вел.

на ахеменидских памятниках, может быть, и более изящных, условной стилизацией и орнаментальным пониманием деталей, в жизненно реальном выражении наличных у урартских образцов.

По пропорции и профилю урмийские головы быков с короткой мордой очень близки изображениям быков на найденном там же поясе, а также и на фрагментах щита Русы II из Топрак-Кале (68), которые в свою очередь должны быть сближены между собой как по сти-

лю, так и деталям трактовки львов и быков (например, своеобразная, присущая и ахеменидским памятникам, форма хвостов и условная орнаментация тела у быков, например, пунктир вдоль хребта, изображающий завитки волос, которые мы видим и на соответствующих скульптурных памятниках, характерная линия шеи и посадка головы львов с уплощенным теменем и пр.), несмотря на то, что в одном случае, на обоих ванских щитах (Русы II и Русы III, Берлинского и Британского Музеев), животные представлены спокойно идущими (69), как и на ванском фризе, найденном И. А. Орбели в 1911-12 (70), в другом, на обоих поясах, ольтинском (табл. XIII) и урмийском,—в состоянии галопа (прыгающего бега), с характерным слиянием (но не полным) передней и задней пары ног и с положением последних значительно ниже, чем поднятые передние. В этом отношении изображения на поясах сближаются с фигурой крылатого грифона (тель-халафского образа—с орлиной головой и львиным телом) на замечательном фрагменте (рис. 31) от лентовидной,

того же размера, но массивной толстой, медной обивки, найденном в Ленинанканском районе в Шираке и подаренном музеею Армении в 1929 году Ак. Карапяном. Рельефно литая, подправленная чеканом орнаментация этой обивки содержит кроме главной фигуры грифона мотивы шнура, подобно лондонскому фрагменту ванского щита, гирлянды с пальметками и плодами, параллельно берлинскому экземпляру, и священного дерева, того самого типа, как на глиняных оттисках печатей из Топрак-Кале (71), на орнаменте меча Мельгуновского клада (72) и на поясе из Закима. С мельгуновским кладом сближаются, особенно по типу лиц и положению рук с луком, крылатые с птичьим туловищем стрельцы и самого урмийского пояса (табл. XI₁), с тем отличием, что у последних по две человеческих ноги, тогда как на ножнах меча все стрельцы имеют туловища четвероногих зверей. Сама фигура животного на ширакской пластинке трактована „по ассирийски“ с типичным узором мускулатуры ног и с графической проработкой оперения крыла, заставляющей вспомнить подобные детали у фигурных мебельных аксессуаров из Топрак-Кале, например крыло, шею и ноги быка из собрания Уварова (64), но в менее ремесленно-вялом выражении, чем на последних. Вообще оба сближаемые нами, в данном случае, памятник,—урмийский пояс и ширакская обивка с грифоном, хотя и отличаются, ярко выступающей динамичностью построения, как от застылых форм скульптурных ванских фигур, так и от ритмически спокойной композиции щитов, а также, повидимому, и ванского дворцового фриза, остаются всецело в кругу художественных навыков именно урартского искусства, определяющего происхождение их и время.

Таким образом и вышеупомянутый бронзовый браслет из сел. Заким оказывается, подобно браслетам из Малакю, связанным с комплексом одного и того же, в основе урартского, производства. К этим браслетам сравнительно близки по форме бронзовые браслеты с львиными головками (рис. 28₁) из Луристана, той же эпохи (73). Эти последние также имеют резко дифференцированные широкие головки на тонком круглом стержне, но построение морды здесь совершенно иное, скорее примитивно-натуралистическое (рис. 27): выступающий кверху узкий нос, сближенные наверху круглые глаза, круглая шишка на темени, пасть, усы и прочее (рис. 28₃), что указывает на совершенно другую художественную среду и как бы более раннюю стадию оформления общего мотива.

VI. Бусы идырского «колумбария» (табл. VI) составляют наиболее многочисленную часть инвентаря могильника, но найдены преимущественно в трех погребениях, в пунктах 1-ом и, отчасти, в 5-ом и 10-ом. Наряду с прекрасно обработанными каменными, встречаются в большом количестве бусы из стекла, из пасты, а также бронзовые. В очень

небольшом числе имеются бусы из раковин. Характерным для всего ассортимента бус погребений с сожжением является почти полное отсутствие сердолика, в большом количестве (90 штук) встреченного (табл. VI₃₀) только в могиле № 1 с костными остатками покойников. Зато большую роль играет агат.

Рассмотрим вкратце отдельные группы: а) раковины; б) камень: сердолик, агат, халцедон; нефрит (?); в) паста; г) стекло.

а) Раковины представлены только единичными экземплярами. Из погребения № 1 происходит ракушка каури (№ 25) с проломанной, для нанизывания на нитку спинной шишкой. Ввиду того, что бусы из могил с сожжением часто несут на себе следы действия огня, трудно сказать, входила ли и там в состав ожерелий эта раковина, вряд ли способная сохраниться после пережигания. Во всяком случае следов ее в собранном материале не отмечается, даже в детских погребениях, для которых она, повидимому, более обычна. Но пронизка (№ 115), сделанная из основания завитка конической раковины рода Turbo сохранилась в пункте 10-ом в черном полуобугленном виде (табл. VI₁₁). Этот последний тип пронизки в виде кружков около 2,5 см в диаметре со спиральным ходом раковинного завитка и отверстием для нитки вдоль среза характерен для ряда могильников с бронзовым инвентарем ганджа-карабахского и алазанского типа (напр., в Бакурцихе с тупоконечными мечами, по инвентарю *Общ. Ист. и Этн.* № 4389) и особенно близок, по нанесенному на них пунктирному орнаменту, пронизкам из клада (81) сел. Киркиджан (близ Шуши) с бронзовыми секировидными („амазонскими“) топорами и бронзовыми набалдашниками типа, найденного Ресслером (82) в кургане на р. Хаченагетке (р. Хачен) между сел. Балукая и Сирхованде. Это указывает на распространение этих пронизок еще в эпоху развитой бронзы.

б) Камень. Наиболее характерным для всего ассортимента бус является преобладающее количество бус из агата (ленточного халцедона), обычно редких, единичных в соответствующих комплексах Южного Кавказа, где главная роль принадлежит в это время бусам из сердолика. Напротив, в могильнике селения Малакю сердоликовые изделия оказались только в отступающем от остальных, по своему характеру, погребении 1-ом.

Агатовые бусы отличаются разнообразием форм, прекрасной шлифовкой и, большею частью, крупной величиной (табл. VI_{6, 32} и др.). В этом отношении особенно замечательно ожерелье (№ 116) из пункта 10-го, где имеются прекрасно шлифованные образцы бус веретенообразной формы (табл. VI_{31, 32}), достигающие 52,5—55 мм длины (табл. VI₃₂). Значительная часть этих бус несет на себе следы сильного дей-

ствия огня, благодаря которому бусы потеряли свою прозрачность и сделались молочно белыми с серыми прожилками. Проделанные мною опыты с прокалкой мелких фрагментов агатовых бус в пламени газовой горелки, то есть в температуре 800—850, действительно показали, что в опаковых бусах этого рода мы имеем не естественную разность какого-то кварцевого минерала, а подвергшийся прокаливанию агат. Этим объясняется и различие между агатовыми бусами могилы 1-ой, не подвергшимися действию огня, и бусами остальных могил.

К ожерелью из могилы 10-ой (табл. VI₃₂) принадлежат еще другие крупные агатовые бусы такого же размера, но имеющие овально-вытянутую и слегка уплощенную форму с шестью продольными гранями (табл. VI₁₇). Этот тип огранки с шестиугольным поперечным сечением известен и для некоторых групп сердоликовых бус в могильниках к северу от Куры, в частности в Кахетии, где, например, в Бакурцихе оказались в погребениях вместе с тупоконечными бронзовыми мечами, алазанской культуры, также бусы из красивого розового сердолика. Эти бусы отличаются лишь, в этом случае, большей уплощенностью и широкоовальным очертанием.

Наиболее обычным типом агатовых бус в Малакю являются бусы средних размеров, 1,5—3 см длины, цилиндро-бочковидной формы (табл. VI₂₉). К этой именно группе принадлежат бусы (№ 27) и из могилы 1-ой. Наконец имеется еще одна красивая агатовая буса из пункта 10-го, в виде подушечки круглой формы около 2,5 см в диаметре, пронизанной отверстием вдоль сечения (табл. VI₆).

Наряду с этими прекрасно выделанными бусами из агата, имеются, в том же ожерельи из пункта 10-го, бусы грубой работы из светло-серого опаловидного халцедона (табл. V₃₁). Поверхность этих бус, в форме четырехугольных подушек до 3 см длины и 2,2 ширины, несет следы простой обивки, недостаточно сглаженной. Просверлены они вдоль длинной оси. Из сопоставления этих бус между собой получается впечатление, что, в одном случае, имеем дело с привозным товаром, а в другом—с местным изделием. Это предположение вполне вероятно, так как агатовые бусы, указанных типов, хорошо известны в больших количествах в могильниках Ирана, в более древнюю эпоху, до появления железа, напр., в Дамгане, Тепе-Гиссаре III (83). Возможно, что именно на Иранском плоскогорье следует искать центр этого производства. Во всяком случае им не могут быть горные области Кавказа, где агатовые бусы очень редки в это время.

Сердоликовые бусы (№ 31), найденные в 1-ом погребении в количестве 90 штук, колеблются по размеру от 7 до 18 мм. Все эти бусы из розовато-красного сердолика имеют округлую, но не вполне правильную форму под шлифованной поверхностью (табл. VI₃₀). Только одна из

крупных бус представляет собою почти правильный шар (табл. VI₁₄), прекрасно отшлифованный красно-коричневого тона, и напоминает бусы, найденные в 1940 году экспедицией Армянского Филиала Академии Наук СССР в Кармир-Блуре (84) в берестяном свертке вместе с стремя столбчатыми урартского типа печатями.

Сердоликовые бусы типа, подобного основной группе 1-го погребения, являются наиболее обычными для погребального инвентаря конца бронзовой и ранне железной эпохи Южного Кавказа, в частности мы находим их в ящичных „погребениях Ванской эпохи“ в Триалети.

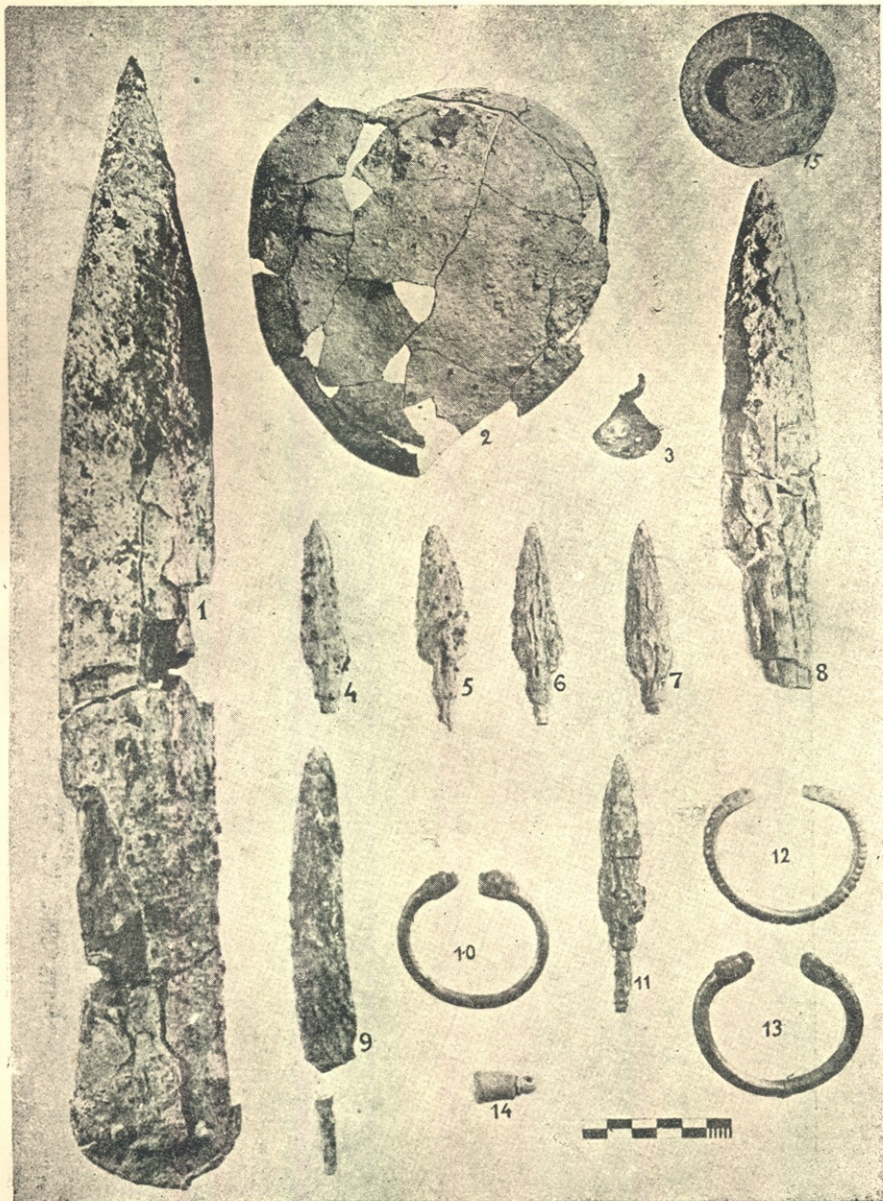
К комплексу 1-го погребения относится буса из розового сердолика овального очертания, уплощенно шестигранной формы (табл. VI₁₇). Она очень напоминает вышеупомянутые бусы из Бакурцихе в Кахетии. Кроме этого имеются здесь еще одна буса грушевидной формы (табл. VI₂₁) с отверстием вдоль длинной оси и мелкие веретенообразные буски (табл. VI₂₆) в виде продолговатых зернышек. „Рубленных“ бус, из сюргучевидного непрозрачного сердолика, обычных для погребений нижнего этажа в Самтавро (напр. мог. 568 Байэрна) и соответствующих памятников, здесь не имеется ни одной.

Кроме кварцевых минералов для изготовления бус служили и более мягкие породы, но в значительно меньшей степени. Так, имеются шаровидные бусы из какого-то белого и светло-серого мраморовидного с прожилками материала (табл. VI_{12, 13}), видимо алебастра, часто использовавшегося для разнообразных поделок на Ближнем Востоке. Алебастровые бусы зарегистрированы в Месопотамии и Иране (83) в погребальном инвентаре очень древних эпох, с IV тысячелетия, но встречаются они часто и в более позднее время.

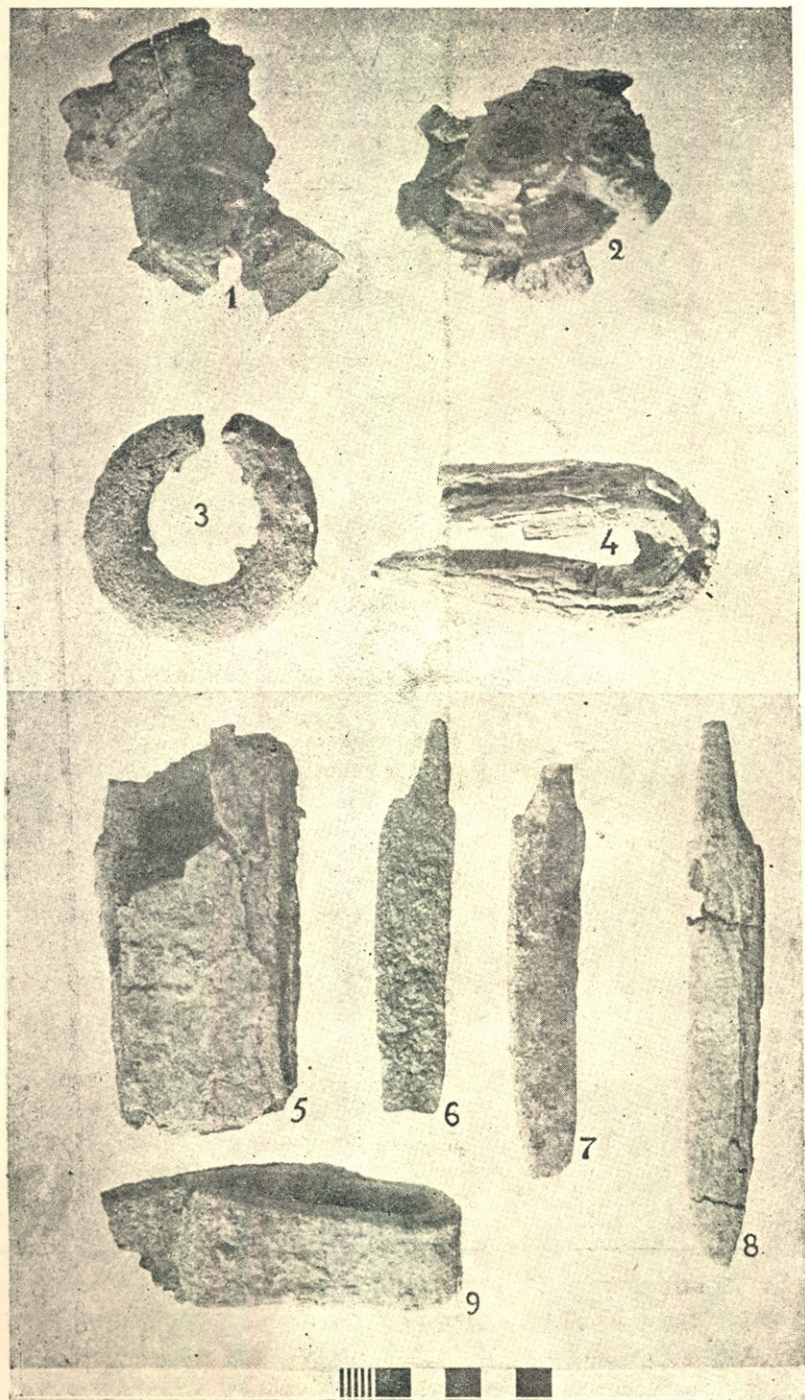
В погребении 1-ом найдены кроме того две бусы из черного твердого (не гешир) минерала и, наконец, пронизка (№ 24) в виде правильного брусочка вытянуто шестигульной формы, длиной 21, шириной 11 и толщиной 7 мм из зеленоватого нефритовидного просвечивающего на гранях минерала, более твердого чем серпентин (табл. VI₁₆).

в) М е т а л л, чаще всего сурьма, медь или бронза, являлся довольно обычным материалом для изготовления бус и пронизок в эпоху ранней и поздней бронзы на Южном Кавказе. В могильниках Восточной Грузии и вообще средней части Куро-Араксского двуречья (Самтавро, Редкин Лагерь, Севанское озеро и пр.) особенно многочисленны подобные изделия из сурьмы, проникающие на северо-восток до Дагестана (208, 209). В Западной Грузии чаще можно встретить тяжелые ожерелья из бронзовых трубчатых пронизок и крупных бронзовых биконических бус.

В инвентаре из Малаклю сурьмяные пронизки отсутствуют совсем и это резко отличает его инвентарь от ближайших могильников той же эпохи в Советской Армении. Напротив, бронзовые бусы пере-

Железное оружие (меч, копье, стрелы, ножи), терракотовая печать,
 бронзовые тазик, браслеты, подвеска из урартского „колумбария“ близ Игдыра.
 Около 1/3 нат. вел.

Фрагментированные железные предметы из урартского „нолумбария“²
близ Игдыра. Около 1/2 нат. вел.]

кидывают мост от погребального инвентаря в Малакляу к колхидским могильникам Западной Грузии, с кобанского типа инвентарем.

Бронзовые бусы встречены в Малакляу нескольких типов (табл. VI₂₇). Так в погребении 1-ом имеются сравнительно небольшие бронзовые бусы (№ 26) боченовидной формы, около 8 мм в диаметре, и цилиндрические, в виде трубочек, 16—17 мм длиной и 5 мм шириной. Значительный интерес представляют бронзовые бусы биконической формы (№ 116) из пункта 10-го. Эти бусы, до 2-х см длины и ширины (табл. V₆), очень близки бронзовым бусам из могильников кобанского времени в Боржомском ущельи (ср. собрание проф. Виноградова-Никитина в Боржомском Музее) и в Абхазии, где они достигают особенно развитых форм и имеют глубокую местную традицию (85).

г) С т е к л о начало служить материалом для производства бус вообще значительно раньше, чем для изготовления других изделий, например, сосудов. Центром распространения древнейших стеклянных бус скорее всего следует считать Египет. В средней Месопотамии, например, в Тель-Халафе стеклянные бусы встречаются уже в „эпоху Капара“ (11—14 слои) в начале II тысячелетия, тогда как в Иране стеклянных бус еще нет, например, в Тепе-Гиссаре III, в конце бронзовой эпохи. В Грузии стеклянные бусы редко попадаются в могильном инвентаре кобанского типа, в ранне железную эпоху, тогда как в более южных районах Южного Кавказа они отмечаются уже чаще в это время. В Триалети стеклянные бусы засвидетельствованы не ранее конца бронзовой эпохи.

Стеклянные бусы в Малакляу встречены двух типов. Большое количество бус, шаровидной формы из прозрачного, чуть зеленоватого, стекла находилось в погребении 10-ом. Бусы эти, размером от 12—15 мм в диаметре и мельче, вторичному действию огня при кремации, повидимому, не подверглись, но первоначальная их поверхность утрачена в результате коррозии (табл. VI₁₋₄).

Ко второму типу стеклянных бус принадлежит несколько экземпляров бус биконической формы, повидимому, из стекла иного состава, получившего ирридирующую поверхность синеватых тонов (табл. VI₅). Эти бусы, достигающие по своему размеру 18 мм, были собраны в могиле 1-ой вместе с более мелкими шаровидными бусами первого типа. Одна подобная буса (Ц² 1115) с красивой ирридизацией встречена мной в каменном ящике ванской эпохи в Триалети (86).

д) П а с т о в ы е б у с ы почти не играют никакой роли в составе ожерелий из Малакляу. Повидимому только 1-ая могила содержала две бусы из пасты (табл. VI_{22, 18}): одна из них, с оливкового цвета глазурованной поверхностью, — тыквеобразной формы, около 12 мм в диаметре, другая шаровидная, того же приблизительно размера, инкру-

стирована тремя выкрашивающимися светлыми крупными колечками в темно-коричневой массе. Эта последняя, несомненно импортированная, буса прекрасно соответствует распространенной в восточном Средиземноморье вначале I тысячелетия до н. э. продукции бус из темно-коричневого непрозрачного стекла со вставками из белой и желтой массы, проникавших и в Ц. Европу, в погребения, через сожжение, с узкими гальштаттскими мечами (87). Пастовые из темно-коричневой массы бусы с инкрустированной светлой змейкой были найдены мной на Цалке в погребении ванской эпохи с глазурованным сосудом (Археологические раскопки в Триалети, табл. VI₄, в двукратном увеличении). В таком, видимо, роде пастовая буса с „желтой зигзагообразной линией по черному фону“ была найдена с урартскими печатями и в Кармир Блуре (84).

Таким образом, общий характер ожерелий из Малакю, принадлежащих преимущественно двум погребальным комплексам из пункта 1-го и 10-го, по всей вероятности являющимися, поэтому, женскими, отличается значительным своеобразием. Прежде всего обращает внимание полное несходство этих ожерелий, по типу бус, с ожерелиями, эллинистической и римской эпох, довольно однородными в это время на всей территории Ближнего Востока и Средиземноморья. Так, сравнивая бусы из Малакю с ассортиментом бус этого времени из других южно-кавказских могильников, мы видим полное отсутствие в первом, прежде всего, тыквовидно рубчатых бус из пасты под голубой глазурью, а также амулетов из египетской пасты, которые столь обычны и характерны для погребений эллинистической эпохи. Нет здесь также разнообразных по форме бус из цветного стекла и бус, имитирующих оникс и агат, из смешения стекловидных масс разных оттенков (88), а также мозаичных бус millefiori, составленных из разноцветных стволков. Не представлены в инвентаре из Малакю и обычные в это время на Кавказе бусы из гешира и янтаря, правда горючего материала, могущего не сохраниться в погребениях с сожжением.

Но и с более древним ассортиментом бус ахеменидской эпохи не имеется в рассматриваемом случае заметных совпадений, как видно это из сравнения с погребениями, датированными колхидскими монетами, в Дабла-Гоми и с другими, синхроничными этим, когда дорого стоящие изделия из просверленного и шлифованного камня, так богато представленного в Малакю, вытесняются уже цветным стеклом, имитирующим ляпис лазурь, кораллы и золото (бусы с золотой „амальгамой“). Это одно уже заставляет решительно отклонить возможность относить погребения из Малакю к римской эпохе и видеть в погребальном обряде «колумбария» проникновение греко-римских обычаев кремации покойников на Южный Кавказ.

Вместе с тем, как мы неоднократно отмечали при обзоре отдельных групп бус из Малаклю, некоторые формы этих бус явно обнаруживают тяготение к инвентарю могильников бронзовой эпохи Южного Кавказа, при разнице однако в составе ожерелий, именно: в преобладании в местных погребениях округлых зерен сердолика, тогда как в Малаклю мы видим преимущественно продолговатые формы из агата. К сожалению мы не имеем достаточных данных о месторождениях этих пород в конкретных их разновидностях, чтобы установить, где именно могла происходить обработка отдельных из них. Материал, которым мы располагаем, позволяет лишь с достаточной уверенностью говорить в отношении одних только сердоликовых бус о существовании территориально и хронологически обособленных типов по характеру и цвету минерала. Надо при этом только еще учитывать и способность сердолика поддаваться искусственному изменению в цвете, путем более или менее длительного пропитывания минерала медом и последующего обугливания последнего внутри прокалкой. Таким приемом возможно получить очень темные разности сердолика. Все ли они являются искусственно добытыми сказать, без специальных исследований, трудно. Характерная темно-коричневая красивая полупрозрачная разность сердолика хорошо известна, например, в особой продукции, прекрасно выделанных шаровидных бус, достигающих крупного размера, в могильниках кобанской эпохи в Абхазии и в богатых комплексах с золотым инвентарем, мидо-персидской эпохи, из Парцханаканеви и Носири (85). Напротив, для сердоликовых изделий сасанидского времени, именно перстней из сплошного сердолика, находимых в Восточной Грузии, используются совсем другие разности сердолика, красивых, прозрачных, оранжевых, желтых, а также черепаховидных оттенков. Определенно выделяются, по характеру минерала, плоско-цилиндрические бусы, называемые условно „рубленными“, с отшлифованным ребром и следами, отколов на обоих плоских поверхностях. Эти бусы, характерные, например, для ряда могил нижнего этажа в Самтавро Байерна и примыкающих комплексов (напр., Плависмани, Триалети), отличаются большею частью изготовлением из сюргучевидной непрозрачной разности сердолика, редко отмечаемого в бусах иного типа. Иаиболее обычны для округлых бус в могильниках с каменными ящиками ранне-железной эпохи центральной части Южного Кавказа красноватые и красновато-коричневые сорта сердолика или красные в крупных хорошо отполированных образцах. Вообще в ожерельях этого рода возможно проследить сортовую дифференциацию бус, входящих в более дорогие и более бедные ожерелья. Для последних типичны бусы из матового розоватого сердолика с пузырьками, искажающими часто поверхность бус.

Эта связь различных сортов сердолика с определенными техническими приемами выработки бус несомненно указывает на существование различных районов производства, приуроченных к определенным месторождениям минерала. В Грузии месторождение сердолика и агата известны в нескольких районах. Так в Лечхуме находятся в большом количестве сердоликовые валуны на правом берегу Цхенис-Цкали, в местах размыва юрских порфиристов. В Аджаристане, у истоков р. Кендриши, в Тедзамском ущельи, в Борчало, на Ахалкалакском нагорье и в районе Ахалциха халцедоны, в том числе и агатовые разности, встречаются также в вулканических породах третичного и юрского возраста. Еще Вахушти (89) указывал, что по Алгетскому ущелью имеется камень, подобный иаманскому, то есть агат, называемый по грузински „иаманис ква“. Однако отсутствие достаточного подбора образцов агата и сердолика из этих местностей, не дает возможности попытаться отнести к ним отдельные могильные находки. Можно только сказать, что агат здесь в значительно меньшей степени, чем сердолик, пользовался, видимо, вниманием, так как преобладающим минералом в бусах из местных могильников является, как уже говорили, сердолик. Напротив, агатовый состав ожерелья из могильника в Малакю с веретенovidным и вздуто цилиндрическим характером бус свидетельствует о привозном его происхождении, подчеркивая со своей стороны чуждый для местного населения характер «колумбария».

VII. *Железный инвентарь «колумбария»* (табл. VII и VIII) превращен насковзь в окислы и сильно фрагментирован. Он состоит главным образом из ножей, наконечников копий, стрел, меча, удила, а также некоторых частей посуды и других изделий, выяснить формы и назначение которых, вследствие сильно разрушенного их состояния, не всегда удастся. Исключительное господство в могильнике железного оружия кажется с первого взгляда как бы противоречащим принятой нами его датировке эпохой Ванской экспансии. Действительно большинство могильников Южного Кавказа, относимых к этому времени, наряду с железным, содержат и бронзовое оружие, а порою, как видели при синхронизации бронзовых ситул и кружек из Малакю и из Западной Грузии, бронзовое оружие кобанского типа оказывается, например, в районе главного хребта, даже преобладающим, если не единственным. Однако, это обстоятельство нас не может несколько смущать, так как хорошо известна роль железного оружия и орудий в эту эпоху на Переднем Востоке. Достаточно вспомнить хотя бы те колоссальные запасы железных изделий и болванок, которые были обнаружены в Хорсабаде в одном из складов дворца Саргона и в которых Леман-Гаупт (92) предполагает видеть военную добычу ассирийцев с озера Вана от побежденного Русы I. Действительно в Топрак-

Кале на Ване среди сотни найденного железного оружия нет ни одного из бронзы, кроме разве единичных наконечников стрел.

а) Стрелы (№№ 95 и 109), исключительно железные (табл. VII_{4-7, 11}), оказались только в двух пунктах: в 5-ом (одиннадцать штук) и 8-ом (четыре штуки). Все они одной формы, стерженьковые и отличаются массивностью и значительной величиной (около 8 см длиной, не считая стержня), свидетельствуя о крупном размере лука, также как и хранящийся в Музее Грузии железный наконечник (несколько меньшего размера, в 6,5 см длиной) из

Топрак-Кале на Ване (Тб. 123—13 А:2). Этими особенностями, а также очертанием лезвия, стрелы из Малакю близки напоминают группу крупных железных стрел из хетского города Кархемыша, эпохи его падения в VII веке до нашей эры. Как удалось исследователям установить на месте, по наличию отливных форм и свежее отлитых изделий, защитникам города принадлежали втульчатые бронзовые стрелы двух или трех-лезвийные с одним шипом или без него, так называемого „скифского“ образца. Вторгнувшиеся враги, именно ассирийские войска Саргона или Небухаднецара, повидимому, были вооружены стрелами железными иной формы, с стержнями для насадки, нередко с притупленными от

удара в каменные стены концами. Среди этих то стрел находились и крупные формы, подобные рассматриваемым, с утолщенным базисом под листом и резко дифференцированным от него тонким стержнем (90). Любопытно, что при раскопках Кармир-Блура в Армении исследователи встретились с обратной картиной: притупленными о стены оказались бронзовые втульчатые стрелы, у жителей же крепости были в употреблении крупные железные (плохо сохранившиеся) и бронзовые длинночеренковые, особой разновидности (91).

Рис. 32. Фрагменты железных удил и кистеновидное орудие из игдырского «колумбария». В $\frac{1}{2}$ нат. вел.

б) Наконечники дротиков или копий (№№ 60, 80, 94, 106) найдены в четырех пунктах: 3-ем, 4-ом, 5-ом и 7-ом, в фрагментированном виде. Насколько можно судить по сохранившимся частям (табл. VII₈ и VIII₄), все они принадлежат одному типу втульчатых железных копий с не сильно дифференцированным лезвием, в 15—16 см длины и 3,5 см ширины, без резко выступающего срединного ребра. В этом отношении они находят аналогию среди находок в Топрак-Кале (92).

в) Н о ж и железные (№№ 61, 62, 64, 78, 79, 107, 142, 150) являются наиболее частым предметом в могильнике (табл. VIII₆₋₈). Они все отличаются приблизительно одним размером и формой клинка, имеющего толстую, большую часть, прямую спинку и суживающегося клиновидно к режущему краю лезвия. Короткий, широкий стержень для рукоятки чаще выступает по средней оси клинка, но на некоторых экземплярах (№№ 61, 78) он является непосредственным продолжением спинки, как на образцах из Кархемыша.

г) М е ч, найденный в пункте 10-ом (табл. VII₁), принадлежит к типу тяжелых коротких железных мечей, до сих пор не представленных находками соответствующего времени на Южном Кавказе. Лезвие его, суживающееся только в последней его трети в колющее острие, имеет форму, близкую к современному грузинскому крупному кинжалу и достигает в длину 45 см при ширине в 6,5 см. Рукоятка, видимо, роговая (от нее ничего не сохранилось) охватывала стержень и основание клинка и прикреплялась к нему двумя шипами.

Находка меча, в описываемом комплексе, представляет тот интерес, что знакомит нас впервые с этим видом оружия, существование которого Леман-Гаупт (93) отрицал вообще у урартийцев на том основании, что Ксенофонт, говоря о вооружении современных ему „халдеев“, упоминает у них только щиты и копья. На ошибочность этой предпосылки указывает хотя бы уже то обстоятельство, что изображение меча известно на большой скульптурной базальтовой фигуре, вывезенной с крепостной скалы оз. Вана и хранящейся ныне в Гос. Музее Грузии (94). Однако на этой скульптуре, представляющей собою мужской торс бога или царя в длинном одеянии с обломанными ногами и головой, от которой сохранилась лишь густая шевелюра по плечам, висящий спереди меч принадлежит к типу скорее узких длинных мечей, носимых на португее с кольцом. Подобные узкие железные мечи нам известны и по инвентарю могильников Южного Кавказа, именно, Ванской эпохи. Сюда принадлежит, например железный меч (длиной 78 см), найденный Жаком де Морганом в Мусиери (95). Его рукоятка, украшенная чередованием тонких бронзовых дисков с костяными наизнанными на стержень, представляет один из образцов излюбленного урартийского приема полихромной отделки, которую мы видим и на

хранящейся в Музее Грузии находке с Топрак-Кале (123—13А:4), в виде шарика из нанизанных на бронзовый стерженек плотно пригнанных шаровых сечений из разноцветных каменных пород (красной и белой) и бронзы. Ножны таких мечей, как видно, например, по находке длинного железного меча этой эпохи в Триалети (могильник на шоссе из Гуниа-Кала в Даракев, погреб. № 40), обычно имеют прямоугольный, как бы, обрубленный конец, совершенно того же вида, как на упомянутой урартской скульптуре и на кинжальных ножнах, найденных в Мусиери с подобными же продольными каннелюрами (96).

Таким образом находка меча в Малаклю ни в какой мере не может противоречить ни устанавливаемой нами дате могильника, ни предположению о принадлежности его пришлому со стороны Вана населению, хотя самая форма подобного тяжелого широкого меча и не была еще находима на территории озера Вана*.

д) Топоры железные определяются нами среди погребального инвентаря лишь предположительно, по двукратной находке массивных призматических обломков в форме лезвия узкого топора (табл. VIII₅). В одном случае (№ 65) обломок из пункта 3-го представляет собою брусок длиной 11 см, шириной 6—4,8 см и толщиной 2,7—1 см клиновидно сужающийся к одному концу; в другом (№ 103) из пункта 6-го мы имеем еще меньшего размера фрагмент такого же клиновидного лезвия. О деталях формы топоров, поэтому, сказать ничего нельзя.

е) Удила железные представлены фрагментами (№ 121), не дающими возможность восстановить целый предмет (рис. 32а). Имеются сцепленные концы двух удильных витых стержней и их наружные кольца с остатками псалий, настолько заржавевших, что не удается точно установить напущены ли они на стержни удил, пропущены ли, напротив, в отверстия в последних или сварены с ними в одно целое.

ж) Кистеневидные орудия (№№ 63, 97) неизвестного назначения (табл. VIII_{1,2}), представляющие собою массивные диски диаметром 9—10 см с острыми краями и выступающей в центре втулкой в форме колесной ступицы, найдены в двух пунктах 3-ем и 5-ом (рис. 32б).

з) Железная чашка весов с остатками двух из трех бронзовых цепочек на ней и следами третьей, находилась вместе с железными обломками в пункте 6-ом. Чашка небольшая округлой формы могла служить для взвешивания только мелких предметов и являлась, вероятно, принадлежностью какого либо ремесленного инвентаря (например ювелирного). Трудно сказать, какого типа были весы, двуча-

* К сожалению в напечатанном предварительном отчете 1940 года о раскопках урартского дворца в Кармир-Блуре, где был также найден железный меч, 46 см длиной (91) не упомянуто к узко-или к ширококлиновому типу он принадлежит.

щечные коромысловые или одночашечные безменные. На последнее предположение может указывать отсутствие в инвентаре погребения разновесок и второй чаши.

и) Обломки железных предметов неопределенного назначения происходят по преимуществу из пункта 10-го. Среди них железный круглый стержень с лопатовидным расширением на одном конце, массивный железный сгусток (№ 119) на конце круглого железного стержня толщиной до 2,5 см, с тремя отростками таких же стержней на другом конце и пр.

VIII. Урартские штемпельные печати с зооморфными изображениями*; обнаруженные среди инвентаря погребений в пунктах 1-ом, 6-ом и 10-ом, представляют исключительный интерес для установления времени и происхождения культуры «колумбария». По форме эти печати принадлежат к двум различным типам: плоско-цилиндрическому с выемкой по ребру, т. е. „блоковидному“ и высоко-цилиндрическому или цилиндро-коническому „столбчатому“ с петлей наверху (табл. IX). Оба типа этих печатей являются редкими и мало изученными в восточной глиптике. Если первый из этих типов обнаруживает свои древние прототипы в Иране (Тепе-Гиссар I), второй тяготеет на запад к некоторым малоазийским и даже эгейским формам. Рассмотрим каждую печать подробнее.

а) Блоковидная пронизка из черного камня (табл. VI₇ и IX₃), 18 мм в диаметре и 5 мм толщины, найдена в 1-ом, несколько отличном от остальных, погребении (см. стр. 5). Выточенная из твердой, видимо, кремнистой черной породы печать обнаруживает мягкую зашлифованность краев, вызванную длительным пользованием ею в качестве пронизки, входившей в состав ожерелья. Весьма, поэтому, возможно, что пронизка-печать древнее погребения.

В полевой описи и инвентаре печать значится под № 23, как черная плоская пронизка с птицей. Действительно геммы, вырезанные на обеих ее плоскостях, представляют собою изображения птиц, схематизованных техническими приемами резьбы по твердому материалу (табл. IX₃). Одно из этих изображений, более законченное, дает полное представление об образе: это птица в профиль, обращенная влево и стоящая на коротких ногах с длинными пальцами, с прямо вверх вытянутой шеей и косо направленным назад поднятым крылом. Размер головы несколько преувеличен сравнительно с туловищем, что обусловлено приемом круглого сверления, примененного для первоначального

* В издании (99) гемм и печатей Музея Грузии в 1930 г. эти печати не попали, хотя одна из них значилась по инвентарю Арх. отдела; другие две были мною впервые обнаружены в 1934 году среди бус из погребений в Малакю при разборе для выставки археологических коллекций Музея (см. примечание 30).

оформления как головы, так и груди птицы. Остальная моделировка деталей достигается прямыми осевыми и идущими к ним поперек клиновидными углублениями.

Изображение на другой стороне значительно более схематично. В нем можно угадать птицу только по аналогии с предыдущей, но в та-

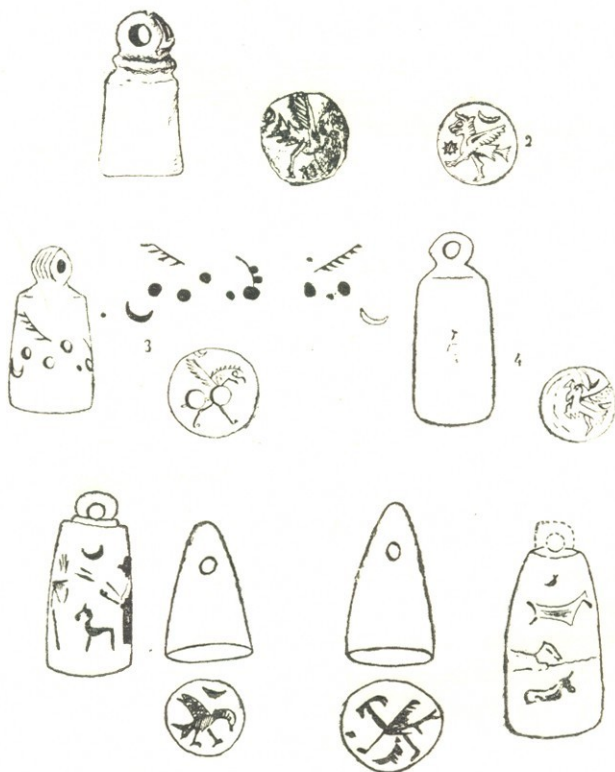

Рис. 33. Столбчатые печати (около $\frac{2}{3}$ нат. вел.): Керамическая печать и изображение на ней, из игдырского «колумбария» (пункт № 5); 2. Отпечаток на глиняной таблетке из Топрак-Кале (оз. Ван); 3, 4. Каменные печати из Цовенара (Келанкранская крепость); 5, 6. Каменные печати из Хайкаберда и из Топрак-Кале; 7, 8. Каменные печати из Армавир-Блура.

ком случае без выраженных ног и с каким то предметом в клюве. Однако возможно и другое толкование этого образа, если принять две вышеуказанные круглые сверлины не за голову и грудь птицы, а, ориентируя поперек, за грудь и круп четвероногого. Тогда в изображении усматривается как бы одно из крылатых микст существ, типичных для древне-восточной глиптики. На свободном поле этой второй

стороны пронизки отмечаются кроме того еще изображения серпообразного полумесяца и отдельно от него стоящей звезды.

б) Столбчатая печать из погребения в пункте 5-ом является поделкой из обожженной глины (табл. IX₁ и VI₉). Она представляет собою гладкую несколько суженную кверху цилиндрическую колонку, которая завершается петлей на более узком, чем колонка, базисе. Общая высота печати—2,4 см, диаметр 1,3 см. Несмотря на повреждение края печати, коснувшееся головы изображения, в последнем легко узнать идущего вправо грифона,—птицу с львиной головой (рис 33₁). Хорошо выраженным сохранилось поднятое кверху крыло с направленными назад перьями, птичий треугольный хвост и оперение туловища, а также одна нога и крупный глаз (табл. IX₄). Сзади у хвоста заметен знак полумесяца. Это изображение полностью повторяющее в обращении отпечаток печати на одной глиняной таблетке из Топрак-Кале (рис. 33₂) заставляет признать в описываемой печати из Малакю урартское происхождение. Действительно на рисунке с этого оттиска, приведенном у Лемана-Гаупта (101), мы видим изображение львино-головой птицы, идущей налево (обратно чем у нас) с серпом месяца над крылом и звездой впереди. Форма и трактовка крыла, хвоста и характерного оперения задней части туловища звероптицы совершенно тождественны на обоих печатях. Вообще среди круглых печатей из Топрак-Кале эти изображения мифических зверей с астральными знаками не единичны и дают целый ряд других аналогий, несколько дальше отстоящих от нашего изображения (102). Форма урартских печатей, соответствующих оттискам, собранным в качестве виньеток в книге Лемана-Гаупта, до последнего времени оставалась неизвестной, так как ванские печати вообще никем никогда не описывались, не издавались, и даже не было известно существуют ли они в собраниях. Находка описываемой печати в своеобразном «колумбарии» в Малакю является таким образом первым указанием на необычную для древне-восточной глиптики форму столбчатых урартских печатей.

в) Столбчатая печать из погребения в пункте 10—12-ом по форме совершенно подобна предыдущей, но сделана из твердого светлого камня (табл. VI₈ и IX₂). Только петля присоединяется к колонке в отличие от предыдущего, непосредственно без промежуточного базиса. Высота печати 2,2 см, диаметр 1,5 см.

Изображение на этой печати (табл. IX₆) представляет собою двух горных козлов с поджатыми ногами, обращенных спинами друг к другу. Ноги изображены в чистый профиль, то есть по две у каждого, головы же, также показанные в профиль, снабжены каждая парой рогов, симметрично выходящих из одной точки темени в обе стороны. Рты животных открыты. В свободном пространстве над головами по-

мещено изображение полумесяца со звездой в его изгибе. Вся гемма выполнена в натуралистической манере сплошной глубокой выемкой, передающей скульптурно формы животных. Рога, несмотря на их условное расположение, несут свойственные рогам горного козла или тура черты, хорошо выраженную поперечную ребристость.

Полное сходство этой печати по внешней форме с предыдущей и несомненная синхроничность ее с ней, доказываемая связью обеих печатей с однородными погребениями в одном могильнике, делают очевидным, что и эта вторая печать с изображением реальных животных принадлежит той же ванской продукции. Это вносит еще новый мотив в урартскую глиптику, где мы знали пока только два натуралистически переданных образа животных, идущего льва и быка (103), повторяющих в точности изображения на бронзовом щите царя Русы II сына Аргишти.

Все три печати, найденные в Малаклю, образуют, таким образом, весьма своеобразную и необычную группу, бросающую свет и на другие находки подобных печатей на Южном Кавказе. Б. Б. Пиотровский (104) опубликовал в рисунках четыре печати, найденные на территории Армянской ССР и хранящиеся в Музее Армении. Две из этих печатей (рис. 33^{3, 4}), происходящих из Келанкранской крепости (Цовенара), близко напоминают столбчатые печати из Малаклю, но на одной из них имеются на поверхности колонки фигурные значки, в виде схематично переданных, „a la bouterolle“, идущих навстречу грифонов. Изображения на основных площадках этих печатей представляют птицеобразные фигуры грифонов с косо поставленным крылом, в одном случае, с явно птичьей головой, в другом (с повреждением), возможно, судя по общему очертанию фигуры, что то сходное со второй печатью из Малаклю. Третья печать из Норбазетского района представляет собою такую же, как первая печать из Малаклю, блоковидную пронизку с двумя изображениями, трактованными на рисунке Б. Б. Пиотровского как звериные, львинообразные фигуры (круп и грудь которых также намечены круглым сверлением) с полумесяцем над спиной*. Четвертая печать из раскопок холма Муханнат-Тапа (105) представляет обломок коническо-столбчатой печати с грубым изображением „птицы“ как на боковой, так и основной поверхности.

Кроме этих четырех печатей Б. Б. Пиотровский упоминает еще две печати из Армянской ССР, хранящиеся в Эрмитаже, именно из Армавира (по материалам Н. Я. Марра). Эти две печати еще не опубликованы. Одна из них представляет собою столбчатую печать более

* Подобного характера сюжет мы видим и на вновь найденных каменных столбчатых печатях с петлей наверху из Кармир-Блура (84), которые полностью подтверждают урартский характер всей этой выделяемой нами группы.

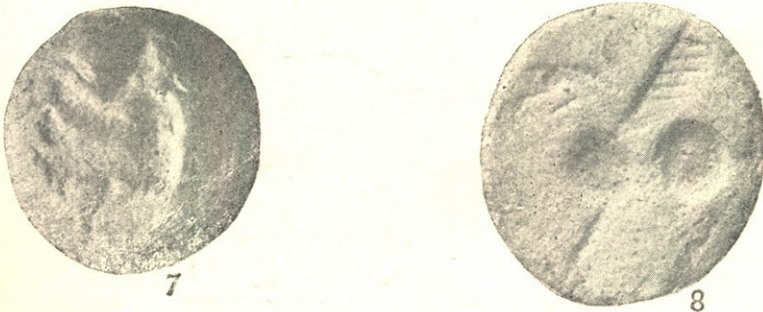
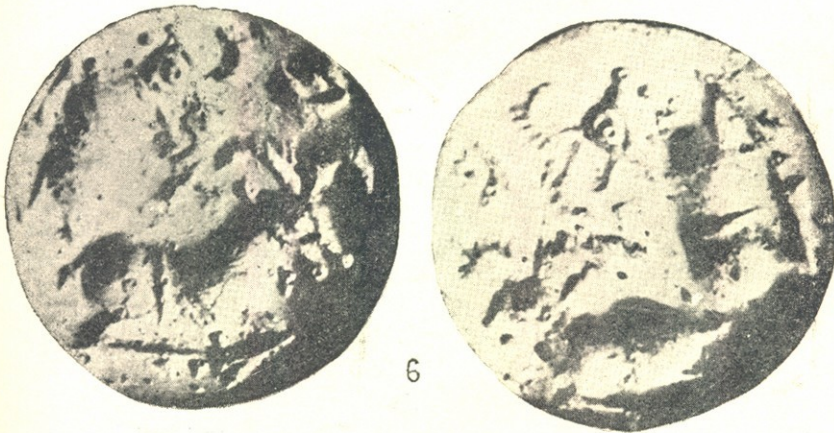
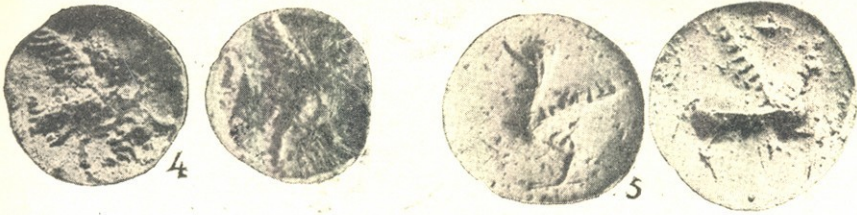

крупного размера, грубовато оформленную из черного камня, с обломанным ушком. На боковой поверхности ее имеются грубые схематичные фигуры животных (быка и др.) в два этажа друг над другом (рис. 33₈), как на Берлинской столбчатой печати с петлей (V A 612) датируемой IV тысячелетием до н. э. (100). В таком использовании цилиндрической поверхности колонки для нанесения изображений, как это мы видели на одной цовенарской печати и фрагменте из Муханат-Тапа, возможно усмотреть влияние широко распространившихся по всему Востоку цилиндрических печатей на обыкновенные штемпельные, тем более, что в самой Месопотамии мы видели случаи находок очень ранних цилиндрических печатей с ушком. Прекрасным примером такой гибридной формы может служить цилиндрическая печать в Эрмитаже с ритуальной сценой предстояния на боковой поверхности цилиндра из Хайкаберда, из того, видимо, слоя, который дал доставленные также акад. И. А. Орбели фрагменты карасов с урартской клинописью (53). Этот цилиндр, повидимому, из гематита имеет на одном конце характерную петлю, совершенно подобно столбчатым печатям из Малакю, что в свою очередь подтверждает еще более наше предположение о Ванском происхождении последних.

Вторая Армавирская печать с схематизованным, но выразительным, изображением на основной площадке идущей вправо звероптицы „грифона“ с козлиной головой, по внешней своей форме, образует, повидимому, третью группу урартских печатей,—удлинненно конической формы с отверстием в верхней трети (рис. 33₇). К этой печати очень близка еще одна эрмитажная печать (106) из Топрак-Кале с изображением обращенной влево птицы (ворона или орла) с опущенной головой и полумесяцем над ней.

Таким образом нам удастся установить существование особых типов урартских печатей, характер которых оказывается независимым не только от ассирийской, но и вообще от всей почти передне-азиатской глиптики, выросшей на основе местных переработок одной древнейшей месопотамской традиции сумеро-аккадских печатей-цилиндров. В этом отношении урартские штемпельные печати занимают в начале I тысячелетия до нашей эры совершенно то же положение, какое в конце III тысячелетия принадлежало каппадокийским печатям в Малой Азии, когда цилиндрическая печать едва начинала туда проникать.

Указанная аналогия имеет вовсе не случайный характер, а поκειται, повидимому, на существовании общего древнейшего культурного, а возможно этнического субстрата на этой территории, постепенно трансформировавшегося в различных ее частях. Это подтверждается в данном случае взаимным географическим распространением на древнем Востоке двух основных типов печати: плоскодонной и ци-

Урартские печати с оттисками с них из игдырского „колумбария“ и два оттиска (№№ 7 и 8) с печатей из Келанранской крепости (южный берег оз. Севан).

Урартские бронзовые головы быков из коллекции Келияна и из находки 1905 года в с. Гушчи на оз. Урмии. Около $\frac{1}{2}$ нат. вел.

линдрической. Если относительно первой можно предполагать и независимое ее возникновение на разных территориях, то печать цилиндрическая несомненно получила происхождение из одного центра. Даже появление ее в Египте на заре его истории, именно в середине додинастического периода и до 12-ой династии, то есть до конца III тысячелетия, нельзя рассматривать иначе, как в качестве показателя передне-азиатских, именно мессопотамских, культурных течений в северную Африку в этот ранний период. В самой Передней Азии в течении III тысячелетия цилиндрическая печать господствует всюду, куда простирается влияние южно-мессопотамской культуры и письменности. Основание древних Ассурских колоний в конце III тысячелетия в Малой Азии дает там перевес цилиндрическим печатям над местной плоской печатью, которая однако не исчезает там окончательно, как в северной Мессопотамии. В первом тысячелетии цилиндрическая печать в изобилии появляется также на Кипре, свидетельствуя о сильном восточном влиянии.

Напротив, районы, где господствовали некогда в быту плоскодонная печать, все более сокращаются. В Эламе и Мессопотамии, параллельно с ранними стадиями расписной керамики, имели еще распространение в IV тысячелетии плоские печати нескольких типов. В Малой Азии, как мы говорили, плоские печати были единственными в III тысячелетии и продолжали еще существовать в начале II, в Эгейском мире они оставались вообще единственными. Тоже надо сказать и относительно Ирана, куда цилиндрические печати проникали редко, и исключительно были в употреблении плоские печати, главным образом, с геометрическим рисунком. Что касается Южного Кавказа то, странным образом, здесь отсутствовали до последнего времени сведения, как о находках штемпельных древних печатей, так и о случаях проникновения сюда цилиндрических печатей, хотя последние были зарегистрированы на Северном Кавказе. В частности на Кавказском хребте была найдена замечательная гематитовая печать, определенная П. С. Уваровой (107), как ассирийская, но на самом деле по своему стилю связанная (108) с хуррийскими печатями из Керкука (108), эпохи, предшествующей образованию самостоятельного ассирийского государства. Уорд (110), издавший вновь эту печать, без указания на место находки, определяет ее как „сиро-хеттскую“, хотя, именно, от „сиро-хеттских“ она стилистически сильно отличается. Во всяком случае ее необычайное появление в северо-осетинских могильниках, откуда она попала к К. И. Ольшевскому (110), является сложной и неразрешимой пока проблемой. Недавно этот цилиндр Ольшевского был подвергнут подробному и содержательному рассмотрению со стороны Н. Д. Флитнер (112), попытавшейся, между прочим, на его основе на-

метить некоторые вопросы о культурных связях хурри-митанийского субстрата, через Урарту, со скифской средой (Мельгуновский клад).

В то же время вышерассмотренная нами группа штемпельных, круглых печатей ванского происхождения свидетельствует, что ближайшая к Южному Кавказу с юга территория продолжает еще и в начале I тысячелетия до нашей эры питаться какими то местными традициями древнейшей передне-азиатской глиптики, сохраняющей здесь, в широких пластах населения, независимый от ассирийских влияний характер. В этом отношении очень показательно сравнительное рассмотрение урартских печатей, в отношении формы и сюжетики изображения, с плоскодонными печатями Элама и Малой Азии.

Прежде всего обратимся к малоазийской глиптике, где формы столбчатых печатей имели распространение. Как устанавливается сравнением изображений на этих печатях с отпечатками на глиняных таблечках из Кюль-Тепе, а также на основании находок во втором слое Алишарского холма, эти печати относятся к концу III тысячелетия до нашей эры. Контено полагает, что подобные печати существовали на сиро-хеттской территории лишь до середины II тысячелетия, сменяясь затем совершенно иными, и по характеру изображений и по формам, скарабеевидными и четырехугольными с молотковидным верхом (113). Однако и древние каппадокийские круглые столбчатые печати имеют достаточно специфическую форму с цилиндрическим основанием, поперечно гофрированным конусообразным корпусом и шаровидной пронизанной отверстием головкой-петлей, чтобы их можно было бы непосредственно сопоставлять с нашими. Но в то же время несомненно, что эти печати являются пока единственной группой древне-восточных печатей, где ясно выражена та же тенденция к высоким столбчатым формам с петлей наверху, какую мы наблюдали на значительно более поздних урартских печатях, как бы продолжающих эту древнюю малоазийскую традицию. В этом отношении чрезвычайно любопытно сопоставить урартские печати с недавно найденной в Гиссарлыке, в VI городе Трои, вместе с вазой, имитирующей микенский стиль, костяной печатью, правильной цилиндро-конической формы с петлей наверху (114). К сожалению рисунок на основной площадке этой печати, полностью соответствующей очертаниями и размерами нашим, остается мне пока неизвестным. Зато приемы изображений на урартских печатях заметно сохраняют традиции присущей именно древним столбчатым каппадокийским печатям объемной резьбы, в то время как, с территории разрушенного уже хеттского государства происходят печати исключительно с графическими грубо схематизованными фигурами выродившегося стиля. В сюжетике изображений между урартскими и каппадокийскими печатями возможно установить известную связь, хотя некоторые, мо-

жет быть, особенно характерные для древнейших малоазийских печатей композиции и оказываются совершенно отсутствующими у нас, как например: геральдическая птица, в частности двуглавый орел, а также помещение рисунка в обрамлении из плетеной тесьмы или спиральной вязи, которые однако вовсе не чужды урартской и южно-кавказской орнаментике (щит Русы сына Эримена, калакентские и лелварские бронзовые пояса). Сходным является помещение на щитке печатей единичных птиц, зверей и их групп (115). Так, каппадокийская печать (отпечаток) с изображением трех диких животных тесно вписанных в разных положениях в круглое пространство печати может быть сопоставлена с печатью с двумя горными баранами из Малаклю, таблетка с отпечатком стоящей птицы с большой головой соответствует до известной степени плоской блоковидной печати с птицами из 1-го погребения в Малаклю, тем более, что печати в форме плоского кружка с изображениями на обеих сторонах также существовали в каппадокийскую эпоху в Малой Азии, наряду с столбчатыми, наконец печать с изображением грифона, правда совсем иного типа, чем на урартских печатях, была обнаружена недавно во 2-ом слое, датированном каппадокийскими таблетками, Алишарского холма (116).

Однако существенна и значительная разница, свидетельствующая о самостоятельном пути, пройденном урартскими печатями, и о иных еще традициях. В этом отношении прежде всего обращает внимание отмеченный Леман-Гауптом (127) астрологический характер изображений на отпечатках из Топрак-Кале, подтверждаемый и находками самих ванских печатей в Малаклю, именно в сочетании зверей, птиц и крылатых грифонов со звездой или полумесяцем, то изображаемыми раздельно, то в виде характерной группы звезды в выемке серпа. Замечательно, что на плоских круглых малоазийских печатях астральные знаки вовсе не являются обязательными, несмотря на то, что на современных им цилиндрах, проникших в Малую Азию из северной Месопотамии в III тысячелетии вместе с торговыми ассурскими факториями, мы встречаем эти знаки почти во всех композициях, однако с тенденцией к их потере на более поздних местных цилиндрах сирохеттского происхождения, за счет появления других символических изображений.

Напротив, на восточных ирано-месопотамских плоскодонных печатях, которые становятся известными после вторичного их возрождения с VI века до нашей эры, когда плоские печати, вытесняя цилиндры, вновь занимают всю территорию Месопотамии, знаки месяца и звезды оказываются весьма обычными вплоть до конца сасанидской эпохи. В этом отношении некоторые сасанидские печати, вообще поразительно сохранившие, почти неизменными, в течении многих тысяче-

летий, излюбленные традиционные образы архаической эламской глиптики (например, горного козла с орлом на спине, известного в бронзовой малоазийской фигурке и на печати из VIII слоя Тепе-Гавра), очень близко примыкают, по характеру изображений (горных козлов, быка грифона, льва птицы), к урартским, несмотря на совершенно иной тип самих печатей, в виде полусфероидальных и полуэллипсоидальных пронизок из халцедоновой породы и несмотря на иные приемы художественной резьбы. Особенно это можно сказать, сопоставляя печать с горными баранами из Малакю с многочисленными сасанидскими геммами с этим излюбленным сюжетом. Мы видим те же характерные позы животных с поджатыми ногами, такую же точно трактовку рогов симметрично исходящих из одной точки головы, поставленной в профиль, по приему, которой сохранился еще от древнейших эламских печатей, как например с изображением бегущих горных баранов (118) на цилиндре из Элама, рубежа III и IV тысячелетия до нашей эры, те же месяц и звезды в свободном поле печатей, также в полном согласии с указанными архаическими прототипами.

При этом как на урартской печати из Малакю, так и на большинстве сасанидских печатей образ козла не пользуется иначе, чем мы находим это на цилиндрах месопотамских и находившихся под их влиянием сирийских и кипрских, где козел играет роль атрибута божества растительности и дождя, являясь часто его эмблемой и заместителем (119). В качестве позднего пережитка этого типа, излюбленный древний сюжет священного дерева с двумя стоящими на задних ногах козлами мы находим и на одной сасанидской печати Британского Музея (120). Однако в большинстве случаев изображение козла на сасанидских печатях имеет совсем иной, хотя тоже культовый характер. О последнем свидетельствуют обычно сопровождающие изображения астральные знаки, да и самый факт появления козла на печатях. Но замечаемые часто на этих изображениях стрелы, воткнутые в шею животного, если согласиться с толкованием [этих подробностей Горном (121) заставляют рассматривать эти изображения как упрощенную передачу охотничьих сцен и связывать их происхождение со стадially более древним, чем земледельческим в Месопотамии и Сирии, культом божества охоты, возродителя зверей и природных сил, типа Хумбабы, дикого противника Гильгамеша. Частью охотничьей сцены можно признать и изображения двух горных козлов на печати из Малакю. С этой печатью можно сопоставить еще изображение на одной печати ахеменидской эпохи, найденной близ Эрзерума с арамейско-персидской надписью, указывающей на принадлежность печати хранителю сокровищ царя Митридата (122). На этой печати изображен с одной стороны горный козел с поджатыми, как у нас, ногами, а над

Фрагмент бронзового пояса из сел. Гушчи на оз. Урмии (рис. худ. Т. С. Шевяковой) и скульптурные головы быков из Топран-Кале на оз. Ване (Британский музей), из сел. Гушчи на оз. Урмии и из Курдистана (Эрмитаж).

Бронзовые кружка и ситула с колхидско-кобанским топором из Лечхуми и
ручка от ситулы из урартского „колумбария“ близ Игдыра. Около $\frac{3}{10}$ нат. вел.

спиной его вместо другого козла, собака; на другой стороне ее находится кабан. Здесь явно мы имеем изображения охотничьих зверей, однако значение их уже переосмысленно: они возможно предназначены указывать на то, что владелец печати является интендантом охотничьих угодий царя. По пути подобной секуляризации в ассирийском и ахеменидском дворцовом искусстве получили вообще развитие сцены царских охот, где на место прежнего Гильгамеша оказывается царь.

Изображение грифона на урартских печатях также своеобразно. Это совсем не тот грифон, которого мы находим на столбчатой печати из второго слоя Алишарского холма (116) и в композиции сирохеттских цилиндров II тысячелетия: крылатый лев с птичьей головой, снабженный длинными узкими завитками, совершенно как на фреске в тронном зале Кносского дворца и на других крито-микенских памятниках, несомненно послуживших образцами для малоазийских реплик грифона. На печатях из Малаклю, Армавира и Топрак-Кале мы видим, напротив, идущую в окружении астральных знаков птицу с головой рогатого льва, козла или оленя, что заставляет опять таки вспоминать сасанидские геммы (123) с фигурой птицы, снабженной головой козла или льва, а вместе с тем и древнейшие их местные прототипы, отразившиеся еще на древне-сумерском образе львиноголового орла, особенно хорошо известном в его геральдическом выражении, в качестве герба города Лагаша, с симметрично распушенными крыльями, львом и козлом в когтях. На урартские печати образ львиноголового орла попадает, конечно, уже сильно переработанным, в духе иных художественных тенденций, обязанных многообразным стилистическим сдвигам промежуточных эпох. Так мы находим подобный мотив птице-льва с рогом на голове, сопровождающим многие львиные изображения еще в протоэламской глиптике (124), как в типичном поздне-ассирийском оформлении, так и в более близком урартским печатям образе барельефа из Телль-Халафа, где фантастическое животное отличается от нашего главным образом тем, что львиной является не только голова, но и верхняя часть туловища с львиными лапами, как и на ассирийских образцах, тогда как птичьими остаются лишь крылья, хвост и задние конечности.

Таким образом мотив грифона на урартских печатях, являясь независимым от ассирийских форм, чужд в то же время малоазийским и эгейским представлениям о птицеголовом льве, которого однако мы видели на вышеприведенной медной пластинке из Ширака (рис. 29), и своими корнями уводит к древнейшим восточным образам львиноголового орла, известного в южно-мессопотамском и эламском искусстве. Напротив, появление на урартских печатях идущей птицы с поднятым крылом, приходится относить к западным течениям, так как на

эламских, сумерских и вавилонских памятниках мы находим птицу исключительно в ином выражении, именно орла с распущенными симметрично крыльями, (между прочим с трехрядным маховым оперением) тогда как в сиро-хеттской глиптике, наряду с подобным же образом орла, одноголового и двуголового, обычного на круглых печатях, имеются в сложных композициях на цилиндрах местной работы также фигуры птиц, идущих в профиль с поднятым крылом, по типу эгейских изображений (125) и нашей птицы на печати из Малаклю. Судя по обычному на сиро-хеттских цилиндрах сочетанию этой птицы с изображением женской богини, можно думать, что это голубь, посвященный, как известно, например, по библоскому храму, богине Матери. Имеем ли мы также голубя и на урартских печатях, трудно, конечно, сказать. Не исключена возможность, что здесь изображалась совсем другая птица, например, ворон, который, согласно чтению Тюрю-Данжена (126) надписи на урартском цилиндре царя Урцана, был патронным города Мусасира и прекрасные скульптурные изображения которого мы знаем из Телль-Халафа, где ворон, судя по этому, несомненно, играл значительную культовую роль (127). Во всяком случае по характеру фигуры птицы, здесь менее всего можно подозревать гуся, которого, почему то, чаще всего усматривают в ажурных бронзовых фигурках птицы из южно-кавказских могильников поздне-бронзовой и ранне-железной эпохи.

Относительно типа нашей печати с птицей из Малаклю, мы уже упоминали выше, что ее блоковидная форма, также как и другой урартской печати из Нор-Баязета (101), находит аналогию пока только в древнейших иранских печатях из нижнего слоя Тепе-Гиссара, однако лишь с простым геометрическим орнаментом. Характерное для этих печатей маленькое приспособление, в виде желобчатой выемки вокруг ее ребра, имеет то же значение, как выемка на боку скарабеевидных печатей, помогать удерживать двустороннюю печать, лишённую ушка, в пальцах при изготовлении оттиска.

Генетическая связь данной печати с восточными прототипами подчеркивается также и наличием здесь явных пережитков ранних приемов резьбы рисунка сверлом, берущих начало в технике древнейших эламских круглых печатей, стиля „à la bouterolle“, с характерными звериными изображениями. На этих печатях, зарегистрированных в слоях, относящихся к рубежу IV тысячелетия (Лагаш, ступень Джемдет-Наср) (128), как известно, форма животных получалась последовательным сверлением, в соответствующих местах рисунка, ряда круглых углублений разной величины, помощью, вероятно, лучка, как у египетских мастеров по камню. В чистом виде этот прием вымер очень рано, едва пережив, в одной группе древнейших эламских цилиндров, эпоху

полного исчезновения там плоскодонных печатей. Но в комбинированном виде сверление вместе с приемом протирания бороздок и скульптурной моделировкой переживало очень долго, играя весьма значительную роль не только во II тысячелетии, например, в группе цилиндров из Керкука (129), но и до середины I тысячелетия до нашей эры в продукции провинциальных мастерских ахеменидской эпохи. В сасанидской глиптике уже господствует почти исключительно прием бороздчатых выемок.

Таким образом группа урартских печатей, выявленная на основе находок трех ее образцов в Малакю, представляет собою совершенно оригинальный для древне-восточного искусства резного камня местный тип плоской геммы, предвосхитившей своим существованием здесь наступившее вскоре, с прекращением двух с половиной тысячелетнего господства цилиндра, вторичное распространение на всей территории Ближнего Востока плоскодонной печати. Самый факт наличия последней в Ванском царстве, в период его расцвета, и связь ее с ранне эламскими и малоазийскими прототипами свидетельствует, в то же время, о силе местной традиции, сумевшей противостоять здесь, несмотря на значительное влияние ассирийской культуры (клинописи), внедрению в быт широкого населения храмовых и дворцовых форм месопотамской глиптики, и, следовательно, об устойчивости древнейшего несемитического языкового и этнического субстрата горной зоны передней Азии.

3. Место, занимаемое «колумбарием» в археологии Южного Кавказа

1. Характеристика инвентаря. Проведенное нами рассмотрение инвентаря «колумбария» в Малакю прежде всего с несомненностью показало невозможность поместить его в ахеменидскую и, тем более, в последующие за ней эпохи. Этому противоречило полное отсутствие в ассортименте бус и подборе керамики каких-либо образцов соответствующего времени. Вместе с тем удалось установить близость керамических типов из Малакю, с прекрасно лощеным красным ангобом, к подобной керамике из Топрак-Кале и древнего Армавира—города Аргишти (Аргиштихинили урартских надписей) (158), а также связать ее с еще более древним местным слоем расписной керамики. Наконец, наличие в погребениях трех печатей, в которых усмотрено нами урартское происхождение, сделало несомненной датировку «колумбария» временем ванской экспансии на Южный Кавказ.

Таким образом выявился с очевидностью резкий разрыв в характере инвентаря «колумбария» и других синхроничных могильников Южного Кавказа. В этом отношении показательным являются агатовый,

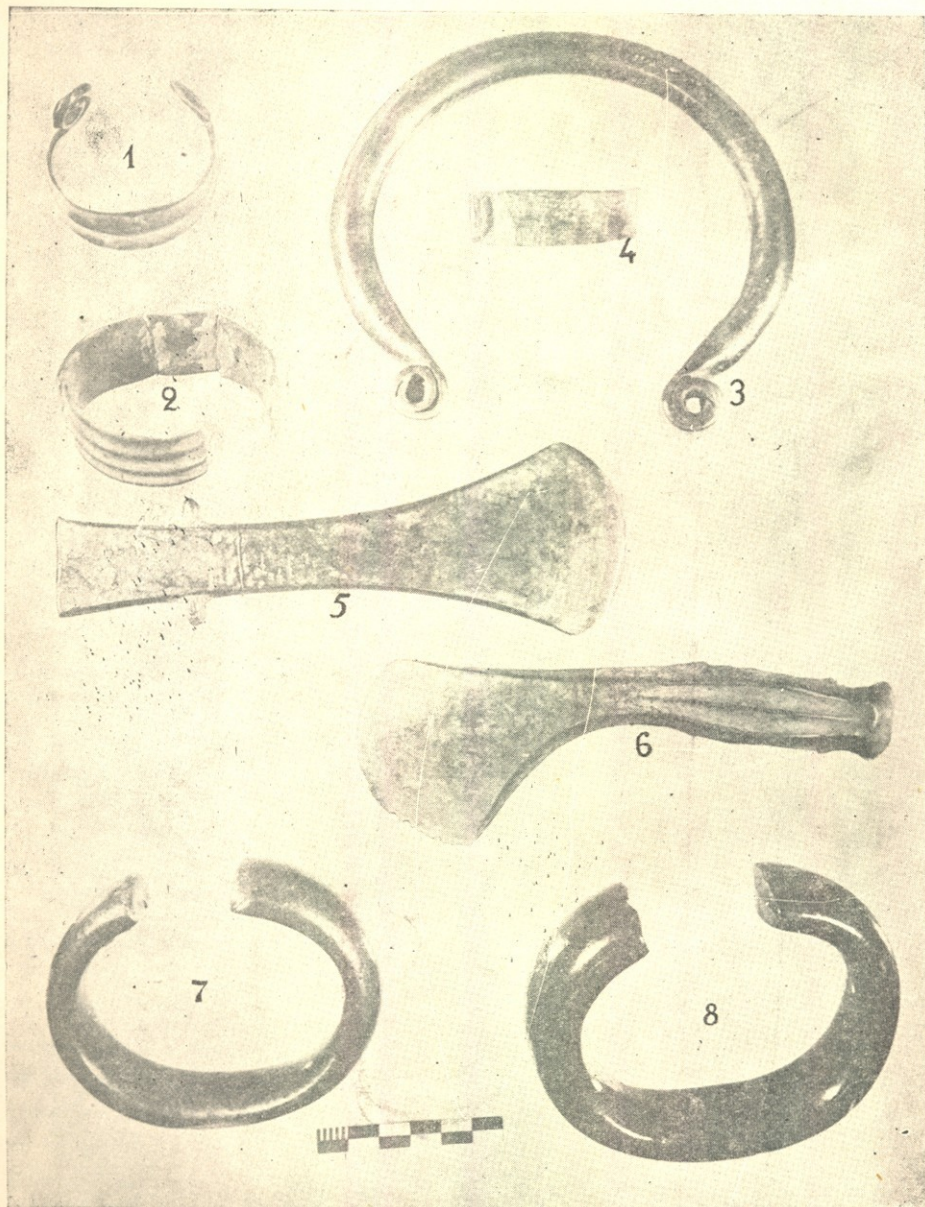
вместо сердоликового, состав ожерелий; полированная с красным покрытием керамика, вместо темно-бурой и черной местных могильников; сравнительно более широкое употребление металлической посуды и, в то же время, ограниченность бронзовых украшений почти только браслетами с головками львов; исключительное пользование железным оружием и, наконец, обряд положения пепла покойников в урнах вместо обычного погребения в каменных ящиках или в земляных ямах. Все это приводит нас к необходимости видеть в колумбарии памятник не местного, а пришлого населения и искать его происхождение в бытовых особенностях урартов озера Вана.

Только единственный предмет, если не считать некоторых бус, именно фрагмент бронзовой ситулы-кружки, типичной для кобанского комплекса Северной Осетии и Западной Грузии, объединяет инвентарь колумбария с культурой Кавказа. Подтверждая со своей стороны нашу раннюю датировку колумбария, эта находка становится в то же время новой точкой опоры для уточнения хронологии „кобанской“ бронзы, бросая свет и на взаимоотношения урартов с Колхидой и тесно связанной с ней культурно (клады колхидской бронзы в Артвине (131), на Посхов-Чае (132), единичные находки (133) в Карском районе) Тао-Кларджетией, — богатой медью страной таохов (диаухов) ванских надписей (134). Совершенно очевидно, что конец колхидской культуры с блестящим расцветом бронзы соответствует ванской эпохе и полному вытеснению в древне-восточных государствах бронзового оружия железным. Этот факт указывает прежде всего на ошибочность концепции Жак де Моргана, относящего происхождение и распространение железной индустрии, именно, к Кавказу. Напротив, приходится признать более соответствующими действительности те соображения, что в эпоху, когда железо стало уже хорошо известным металлом, вытеснение им бронзы в производстве оружия было связано не столько с предпочтением железа бронзе, сколько с истощением ресурсов местных поверхностных медных месторождений, которыми первоначально пользовались (130). Поэтому бронзовое литье оружия продолжало сравнительно долго еще практиковаться в странах, где медь была в избытке. Во всяком случае мы имеем еще не мало фактов, указывающих, что целый ряд находок прекрасно развитой, колхидско-кобанского типа, бронзы в Грузии следует относить ко времени VII века до нашей эры.

Несколько труднее решить вопрос, является ли находка в Малак-лю, вместе с ванскими печатями, фрагмента бронзовой ситулы, колхидско-кобанского типа, показателем урартского происхождения этих изделий, получивших затем, как видели, широкое распространение вплоть до западной Украины, или, наоборот, центром этого производства являлась Западная Грузия, где их найдено наибольшее число. Среди брон-

Бронзовый инвентарь лечумского клада из с. Окурешки: 1—4,—топоры;
5.—„серпотор“; 6,—детский топорик. Около $\frac{2}{3}$ нат. вел.

Бронзовый инвентарь лачхумского клада из с. Окурети: 1, 2, 4,—браслеты; 3,—гривна; 5,—тесло; 6,—топор; 7, 8,—ножные кольца. Около $\frac{2}{5}$ нат. вел.

зовой посуды могильника и изделий, происходящих из Топрак-Кале, бронзовая ситула по техническим особенностям выделки, путем склепывания медных листов, и по стилю ручек, занимает скорее изолированное положение. Поэтому более вероятно видеть в этих изделиях работу мастеров именно кобанской бронзы, у которых издавна находим и типичный прием украшения предметов литым по восковой модели шнуровым орнаментом, как на ручке ситулы из Малакю и Лечхуми, и склонность к резкой схематизации протома хищника с длинной мордой и ушами и, наконец, применение последней формы в качестве ручек сосудов на керамических образцах. Если это действительно так, то в бронзовой ситуле-кружке с „двушной“ ручкой мы будем иметь единственный вклад туземной индустрии в чуждый во всем остальном инвентарь колумбария.

II. *Обряд кремации.* Нам остается теперь рассмотреть еще последний вопрос—какого происхождения самый обряд погребения в Малакю. Мы уже выше говорили, что характер погребения в урнах был одним из мотивов подозревать в этом памятнике колумбарий какого либо римского гарнизона, поскольку, по имеющемуся материалу, хотя бы из мцхетского некрополя, этот римский погребальный обряд совершенно не привился туземному населению Южного Кавказа. Однако, полученные нами данные для датировки «колумбария» совершенно разрушили это представление, поставив нас перед лицом факта, что обычай кремации с положением пепла в урны имел место на территории Южного Кавказа в ванскую эпоху, причем в погребениях, не принадлежащих местному населению.

Сжигание покойника, требующее большого количества топлива, осуществлялось в Малакю, в местности, совершенно безлесной, очевидно при помощи кизяка. Об этом свидетельствует полное отсутствие каких-либо следов древесного угля в пепле покойников, собранном в урнах. Несмотря на применение столь дорогого топлива, сжигание имело характер инсинерации, то есть почти полного испепеления трупа, от которого оставалась зола с мелкими кусочками совершенно перегоревших костей. Покойник сжигался одетым в костюм вместе с украшениями, например, бусами, которые в таком случае оказывались в урнах вместе с пеплом. Однако, другая часть предметов (браслеты, оружие), положенная рядом с урнами, часто не несет на себе действия огня.

Урнами во всех случаях служила одна и та же форма полированных красных безручных кувшинов с узким горлом, которые покрывались всегда опрокинутой вверх дном красной чашечкой, такого же тщательного изделия, как и кувшин. Иногда наблюдалась двойная крышка медным блюдцем и сверху глиняной чашкой. Сама урна при этом

обязательно продырявливалась сбоку круглым правильным отверстием. Как показывает рассмотрение краев отверстий, они делались в совершенно готовых и обожженных сосудах, помощью сверления стенки, вероятно, перед тем, как положить в них пепел. Поэтому можно допустить, что для урн служила бытовая, но парадная посуда, так как если бы погребальные урны изготовлялись специально гончарами, они снабжались бы отверстиями, сделанными еще в мягкой глине.

Цель отверстия должна найти объяснение в каком-то веровании о душе, которая не покидает еще окончательно прах покойника даже после его сожжения и нуждается в проходе, помощью которого содержимое урны общается с внешним миром и, в частности, с тем инвентарем, который клался рядом с ней. Предполагать, что помощью отверстия производилось лишь намеренное нарушение цельности погребального сосуда, вряд ли здесь возможно, так как следов специальной поломки других предметов, положенных в погребения здесь не отмечается. И глиняные серые сосуды, не имевшие пепла, находились здесь всегда в целом виде, без всяких отверстий.

К сожалению мы ничего не знаем о формах погребений, применявшихся урартами Ванского царства, и не можем с несомненностью утверждать о принесении именно оттуда наблюдаемого в Малаклю обычая сжигать покойников. Однако имеется достаточно свидетельств о широком распространении кремации в Месопотамии и Сирии, чтобы не видеть в этом чего либо невероятного, тем более, что для Южного Кавказа этот обычай вообще более нигде не зарегистрирован, если не считать особого типа курганных погребений, с полусожжением и обугленным деревянным настилом, открытых Реслером на территории ганджа-карабахской культуры. Что же касается древнего Востока, то Контено (135) даже вообще, считает ингумацию присущей семитическим странам и находящимся под влиянием последних, тогда как для народов азиатического происхождения он, правда несколько преувеличенно, признает характерным сожжение покойников, которое, как известно, наиболее устойчиво практиковалось уже с неолита (136) в отдельных районах Центральной Европы. Последнее обстоятельство послужило даже поводом считать кремацию вообще зародившейся впервые у европейских народов и только позднее проникшей оттуда с „арийскими переселенцами“ (127) в Переднюю Азию. Однако надо иметь в виду, с одной стороны, что в самой Европе, главным образом во Франции и Западной Пруссии, этот погребальный обычай появляется лишь в эпоху начавшегося усиленного общения этих стран с юго-востоком, связываясь там с широким распространением мегалитических сооружений,—дольменов (137), с другой, что в Месопотамии и Сирии

он уходит в целом ряде случаев к еще более хронологически, глубоким пластам. Так огромные некрополи с инсинерацией и положением пепла в урны открыты в сумерской Месопотамии, например, в нижних слоях Ниппура (135). Своеобразный крематорий открыт также недавно в Уруке, где обернутые глиной тела обжигались в сильном огне, в особом помещении (138). Такой же способ практиковался и в Аккаде. Кремация частичная и полная зарегистрирована, кроме того, в Уре, а также в древнем Ассуре. Пробовали заподозрить также кремацию в двух случаях со следами обугленного дерева в урнах и в Ниневии (в слое III, урукской культуры), но здесь это, скорее, следы жертвоприношений. Однако раскопки в Гезере (Палестина) показали, что обычай кремации покойников действительно господствовал там еще в неолитических слоях. Повидимому и находка Шлимана в I городе Трои двух кухонных горшков с пеплом сожженных человеческих костей (139) вовсе не является вполне изолированным случаем, который должен вызывать к себе только сомнение (138), хотя в Малой Азии действительно подобный обряд пока не был еще зарегистрирован, если не считать недавно открытых в Богазкее (140) глиняных табличек с описанием ритуала кремации хеттских царей с подробностями, параллельными описанию в Илиаде (XXIII²⁵⁰⁻²⁵⁴) погребения Патрокла,— с собиранием на второй день обгорелых костей в драгоценный сосуд с маслом, раскладка их затем на полотне и пр. Напротив, в Северной Сирии, в ряде пунктов кремация практиковалась и в более поздние периоды истории. Так, например, в Каркемыше (141) строители первой стены бронзовой эпохи погребали, по Вулли, своих покойников в скорченном виде в кувшинах и в полу домов, но в так называемой второй цивилизации (по Хагарту), после какого-то катаклизма около 1000 года до нашей эры, становится характерной кремация, которая выходит из моды только в VI веке до нашей эры, когда получают вдруг господство ящичные гробницы.

Случаи кремации установлены также Оппенгеймом в Тель-Халафе, в двух, из трех „царских“, погребениях, открытых им и датируемых слоем эпохи „Капара“, предшествующей ассирийскому господству. Эти погребения представляют собою шахтовые гробницы, содержавшие сожженный прах покойников в глиняных урнах (141). Вместе с этими урнами в погребениях находились драгоценные украшения, частью оказавшиеся положенным в глиняные сосуды, и, при устье одной из этих могил, глиняный кувшин с бронзовой чашей при нем. В книге Оппенгейма не содержится указаний на характер погребальных урн с пеплом, но, повидимому, они не выделялись, судя по дополнению Губерта Шмидта, среди обычной посуды дворцового типа, являясь, следовательно, примером использования для погребальных целей сосудов и иного назначения. Время первого появления в Тель-Халафе указанного типа

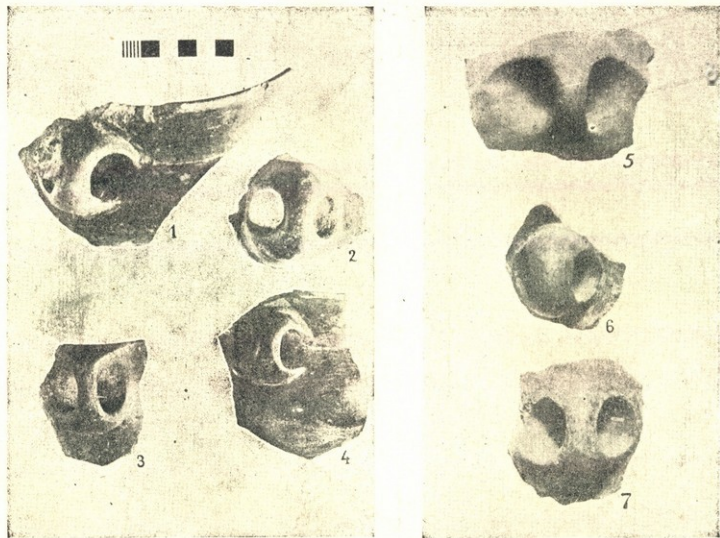
погребений, датируемых рубежом II и I тысячелетия до нашей эры, остается не установленным, поскольку вообще неизвестны погребения из предшествующих слоев с окрашенной керамикой.

Все эти, хотя и отрывочные, данные о распространении обряда кремации в Передней Азии указывают с одной стороны на глубокую древность появления здесь в целом ряде пунктов обычая предавать тело покойников огню на заре месопотамской цивилизации, во всяком случае, в период, предшествующий появлению здесь семитов, с другой стороны на сохранность или реставрацию этого обычая в области господства хуррийско-митанийских народов, особенно в начале I тысячелетия, то есть в эпоху возникновения и развития Ванского царства и следовательно во время существования могильника в Малаклю. Это дает возможность с достаточной вероятностью ожидать встретить в будущем обычай кремации, во всяком случае, у одного из племен в центре Ванского царства.

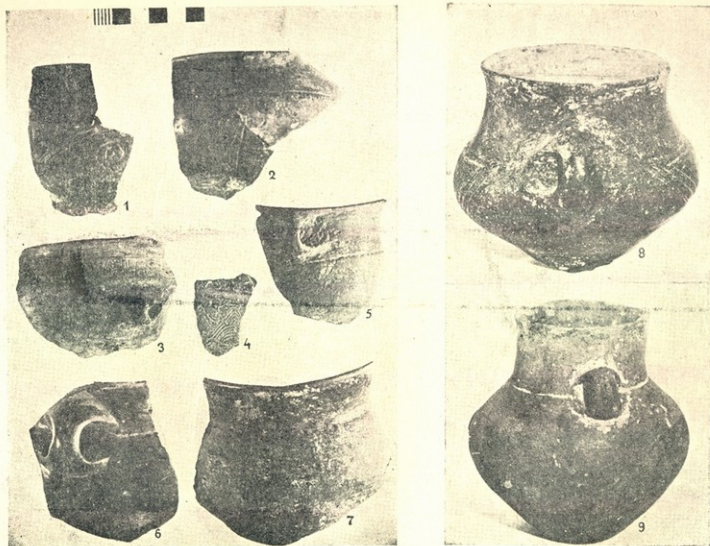
Надо еще сказать несколько слов о первом изолированном погребении в Малаклю, в отличие от других, представлявшем собою простую ингумацию. Это погребение отличалось заметно от остальных своим инвентарем: ожерельем из сердолика, бронзовыми булавками, железными браслетами, отчасти посудой и типом печати. Однако последние и посуда и печать, все-таки, как видели, принадлежали по своему характеру к керамике и печатям ванского происхождения, а не местного южно-кавказского, что можно было сказать относительно ожерелья, булавок и железных браслетов.

Ввиду того, что погребение это было, повидимому, женским с детьми, всего естественнее предполагать, что в нем могла быть похоронена местная аборигенка, бывшая женой одного из пришельцев, но не удостоившаяся быть сожженной и положенной в общий колумбарий, а по местному обычаю похороненная просто в земле в стороне от остальных.

В этом случае загадочным оказывается только то, что и дети ее, может быть, по малому их возрасту оказались погребенными по обычаям их матери.

Ручки „полушарной“ формы из энеолитического слоя: 1—4,—игдырского зольника; 5—7,—городища Ахыллар в Триалети. Около $\frac{2}{3}$ nat. вел.

Керамика энеолитического типа: 1—7,—фрагменты сосудов игдырского
 зольника; 8, 9,—орнаментированные кувшинчики из нахичеванских раскопок
 Е. Лалаяна и из Заглика. *Около 2/3 nat. вел.

Б. „Глиняный городок“ близ Игдыра

1. Обзор инвентаря из „глиняного городка“

Уже указанные в вводной части очерка стратиграфические наблюдения о положении культурного слоя зольника под тем самым лавовым потоком, в расщелинах которого разместился колумбарий, свидетельствуют о значительно большей его древности сравнительно с последним. Отсутствие в нем следов железа и другого металла среди огромного количества отбросов глиняной посуды, костей животных, каменных зернотерок, саманного кирпича, осколков обсидиана, подтверждают эти соображения, но для решения вопроса о датировке данного слоя всего этого еще недостаточно, тем более, что характер керамики очень нов и до последнего времени почти не имел сколько нибудь выявленных претендентов в археологии Южного Кавказа. Правда, в известном смысле, сам последний факт является уже также весьма веским указанием на древность этого слоя, так как его достаточная мощность более двух с половиной метров не позволяет отнести разницу в типе керамики за счет предположения о пришельцах и составляет видеть в слое результат местной длительной жизни, предшествующей, следовательно, наиболее древним могильным памятникам бронзовой поры на Южном Кавказе с темной керамикой. Вероятность этого возрастает тем более, что глиняные изделия зольника при всей тщательности их отделки, леплены исключительно от руки, тогда как вся известная нам темно-глиняная керамика поздне-бронзовых могильников центральных и южных частей Южного Кавказа всегда обнаруживает на себе следы работы на гончарном круге.

Менее поддается решению, при непосредственном взгляде на материал зольника, вопрос об отношении его культуры к южно-кавказским могильникам с расписной керамикой, типа Кизыл-Ванка и Кара-Харабы (Тазакендта), хотя среди материала зольника у Малаклю имеется образец большого сосуда с двукрасочной росписью. К сожалению материал из зольника является лишь результатом поверхностных сборов по стенкам и осыпям карьеров, оставленных крестьянами, разбиравшими зольник на удобрение, а также в кучах выбрасываемого ими при этом твердого мусора. Стратиграфических наблюдений мы отсюда не

имеем никаких. Только сопоставление материала из Малакю с некоторыми наблюдениями, сделанными в других местах, о чем в следующем разделе, позволит уточнить этот вопрос. В данном случае мы можем только сказать о другом, именно: о нижнем культурном пределе для зольника, который ни в коем случае нельзя рассматривать относящимся к неолиту. Никаких положительных намеков на эту возможность материал зольника не содержит. Здесь нет и следов сколько нибудь энергичной деятельности в обработке орудий из кремня, обсидиана, базальта или кристаллических пород. Obsidian, если и обрабатывался, то в ограниченных размерах. Из вулканического туфа изготовлялись лишь зернотерки, песты и подобное. Имеется также нечто вроде обломка грубого барельефа. Несомненно, что зольник принадлежит уже к металлической эпохе. Это обстоятельство позволяет отнести, может быть действительно, к нему находку (№ 18) красномедных и как будто, даже бронзовых брусков и заготовок (призматических, плитообразной и одной в форме лопасти топора) со следами проковки (табл. XIX₇₋₈), которые были приобретены П. Ф. Петровым от

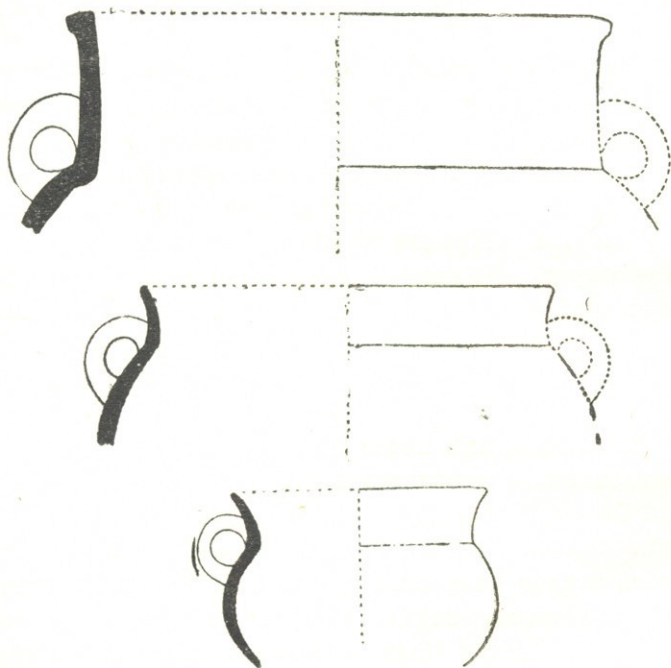

Рис. 34. Верхние части глиняных урн и кубка из игдырского зольника, в профильных сечениях.

В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

диана, базальта или кристаллических пород. Obsidian, если и обрабатывался, то в ограниченных размерах. Из вулканического туфа изготовлялись лишь зернотерки, песты и подобное. Имеется также нечто вроде обломка грубого барельефа. Несомненно, что зольник принадлежит уже к металлической эпохе. Это обстоятельство позволяет отнести, может быть действительно, к нему находку (№ 18) красномедных и как будто, даже бронзовых брусков и заготовок (призматических, плитообразной и одной в форме лопасти топора) со следами проковки (табл. XIX₇₋₈), которые были приобретены П. Ф. Петровым от

местного жителя „татарина“, утверждавшего, что эти предметы находились в глиняном сосуде в зольнике. Это утверждение было встречено с недоверием только потому, что факт казался противоречащим создавшемуся представлению о зольнике.

Рассмотрим бывшую в моем распоряжении часть сборов П. Ф. Петрова в зольнике.

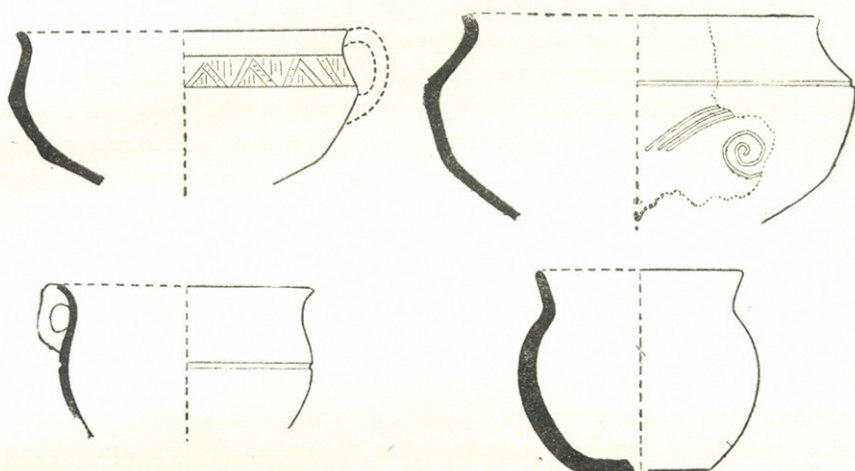

Рис. 35. Чернолощеные, частью, орнаментированные глиняные чаши-миски, кубок и горшочек из игдырского зольника, в профильных сечениях, в $\frac{1}{3}$ нат. вел. и образцы орнамента в $\frac{3}{4}$ нат. вел.

1. Глиняная посуда без росписи представлена в сборах исключительно фрагментами двух крупных пифосов и ряда больших и мелких сосудов, среди которых больше всего стенок с ручками, привлекавшими к себе особое внимание собирателя характерной своей формой, в виде двух вариантов одного и того же типа.

Ручки имеют вид почти правильных полушарной формы налепов, проткнутых поперек, горизонтально, широким цилиндрическим отверстием, так что вершина полушария превращается в узкую часть дужки, которая быстро расширяется к двум своим концам, образующим полумесячной формы основания (табл. XV_{1, 4} и XVI₆). Сделанная по этой схеме ручка дорабатывается лишь округлением краев в самой узкой ее части и полируется. Подобные ручки, не превышающие обычно 6—7 см в диаметре, мы видим не только на стенках сосудов, но также на глиняных крышках и на других предметах из „глиняного горodka“. На сосудах они обыкновенно посажены как раз на переломе корпуса в горло, так что одна ножка опирается в плечико, другая в основание шейки сосуда. Это положение очень устойчиво для первого описанного варианта ручек. Вторую несколько уклоняющуюся форму образуют ручки, помещенные на край венчика. В этом случае верхняя ножка дужки получает некоторое изменение: верх ее уплощается на уровне венчика, превращаясь как бы в треугольное мысовидное расширение края сосуда над ручкой (табл. XV₃, XVI₅, ср, рис. 55). Оба описанных варианта этого своеобразного типа ручки, особенно первый, объединяют две различные, по характеру глины и лепки, группы сосудов: с черной наружной поверхностью, большею частью прекрасно полированной (табл. XV₁ и XVI_{6, 7}), и другой более грубой отделки, с буровато розовой поверхностью (см. „Арх. раск. в Триалети“, рис. 118₁₋₄).

Несмотря на разницу в цвете глины, обе эти группы сходятся также наличием на них ангоба, при чем не только на наружной, но часто и на внутренней поверхности. В простейшем случае на несколько уже отвердевший сосуд накладывался внутри и снаружи, повидимому просто мокрой ладонью, жидкий слой более жирной глины, которая после обжига образовывала гладкую, но характерную тонко трещиноватую поверхность. На сосудах с черным лощением наблюдается обыкновенно на внутренней стороне черепка толстый слой, до полутора миллиметра толщиной, светлой глины, розовой или серой, что придает черепку характерный вид. Эту керамику для краткости мы называем „черной керамикой со светлой подкладкой“. Какими приемами достигается часто поразительно черная блестящая наружная поверхность этих сосудов со светлой подкладкой не удастся пока еще точно решить без специальных исследований в этом направлении. Поскольку при повторном обжиге черепка этот цвет исчезает, его надо приписать присутствию в черепке органических веществ. Но есть ли это результат дымления сосуда в процессе его остывания после обжига или, скорее, пропитывания поверхности сосуда еще в горячем состоянии битуминозными веществами остается неясным. И в том и в другом случае загадочной является поразительно резкая граница между черным те-

лом черепка и его светлой подкладкой или иногда наоборот черным поверхностным слоем и розовым цветом черепка, но с менее резко, в последнем случае, выраженной границей.

Согласно имеющимся фрагментам (табл. XV и XIV), к сожалению, не включающим донных частей, можно различить следующие типы сосудов.

а) Урны крупного размера (рис. 34₁) из светлой розоватой глины тяжелые толстостенные (до полутора сантиметра толщины) с широким горлом (диаметр более 25 см), превышающим по ширине две трети диаметра корпуса, с довольно высокой до 8 см цилиндрической шейкой, отделенной от плечиков перегибом и снабженной у венчика выступающим угловатым кантом. Две ручки вышеописанного типа (5,5 см и более в диаметре) имеют характерное местоположение над линией перегиба, прикрепляясь одной ножкой к основанию шейки, другой к корпусу. Несмотря на толщину, черепок обычно обожжен насквозь и только в самой середине имеет слегка сероватый цвет. К этому типу можно отнести 12 фрагментов ручек со стенками.

б) Урны с черно-полированной поверхностью (рис. 34₂), также с широким горлом (диаметра около 22 см) более тонкостенные, не толще одного сантиметра, имеют невысокую слегка расширяющуюся шейку с простым прямым венчиком и резко выраженной линией перегиба при отходе от плечиков. Форма и положение ручек аналогичны предыдущему. Лепка без гончарного круга отличается правильностью и последующая обработка большой тщательностью. Наружная черная поверхность сосуда и ручки тонко полированы, внутренняя, — светло-бурая, прекрасно сглажена и лощена. К этому типу относятся три фрагмента ручки со стенками, один с венчиком (табл. XV₁).

в) Горшки-кубки (рис. 34₃) чернополированные небольшого размера с диаметром горла 13—14 см, формой вполне повторяющие предыдущие урны, с таким же характером шейки и венчика, но, видимо, снабженные не только парными, но и одинарными ручками. По обработке поверхности сосуда обнаруживают еще большую тщательность: полировка черной поверхности очень тонкая; внутри светло-бурый ангоб тоже прекрасно выложен. Сюда принадлежат два более крупных фрагмента от двух подобных сосудов (табл. XVI_{6, 7}).

г) Глубокие чаши (рис. 35_{1, 2}) черно-полированные и орнаментированные, небольшого размера (диаметр венчика 12—13 см) с хорошо выраженным переломом корпуса к наклонным внутрь плечикам, переходящим в слегка отогнутый венчик. Граница между основанием шейки и плечиком подчеркивается кроме того или узким желобчатым пояском, проходящим, как раз, на резко выступающей линии перегиба, или орнаментальной лентой по плечикам (табл. XVI_{2, 3 и 5}). К этому типу при-

надлежат шесть фрагментов от двух сосудов, на одном из которых имеются следы ручки второго варианта, идущей от венчика (табл. XVI₅). Оба сосуда хотя и орнаментированные не принадлежат, по видимому, к лучшим образцам, судя по полировке, менее тщательной, чем у типов „б“ и „в“. Внутренняя серая или буроватая ангобированная подкладка, также менее выглажена. Орнамент состоит, на одной чаше из процарапанной острием по плечу ленты из лесенок и шпалок, расположенных зигзагом с редкой штриховкой по фону, и на другой,—из

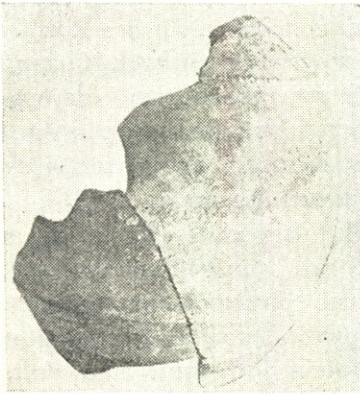
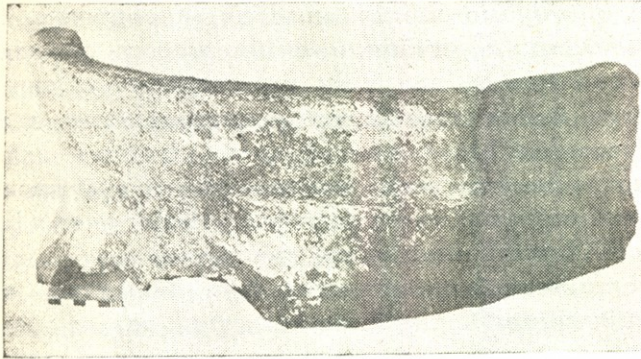

Рис. 36. Венчик толстостенного пифоса из игдырского зольника, в $\frac{1}{6}$ нат. вел., и фрагментированный глиняный пифос, типа грузинского „кеври“ из Малакю, в $\frac{1}{15}$ нат. вел.

тонко желобчатого криволинейного характерного (хоть в данном случае и не рьяливо выполненного) узора по корпусу со спиральными мотивами (рис. 35₅).

д) Кубок, небольшой величины (диаметр венчика 9,5 см), черно-полированный со светло-бурой лощеной ангобированной подкладкой, своим профилем напоминает несколько предыдущую чашу с желобчатым пояском по наибольшему выгибу корпуса, менее однако выступающего здесь и с менее выраженными плечиками (табл. XVI₅). Ручка, идущая от края венчика, принадлежит как и в предыдущем типе

ко второму варианту с хорошо выраженной треугольной мысовидной площадкой наверху.

е) Миниатюрные горшочки из бурой грубоватой глины, в одном случае, с сохранившимся плоским довольно широким дном и прямым раструбным венчиком (рис. 35₄).

ж) Пифосы больших размеров представлены двумя типами, из которых только первый толстостенный (около 2,5 см толщины) относится видимо к основному слою. От него имеется крупный фрагмент венчика (в 80 см диаметром) с утолщенным до 3,5 см прямым краем в 8 см ширины, из глины светло-розовой, внутри черепка темносерой. Наружная поверхность сосуда несет явные следы характерной обмазки (ангоба) из жирной глины (рис. 36₁). Другой пифос более тонкостенный отличается наклепными поясками в нижней части сосуда и по плечу, где наспной валик покрыт наискось поставленными углублениями (рис. 36₂). Этими последними особенностями, а также и техникой черепка, фрагменты этого пифоса резко отделяются от остальной керамики „глиняного городка“ и заставляют подозревать возможность ошибки при отнесении их к этой группе.

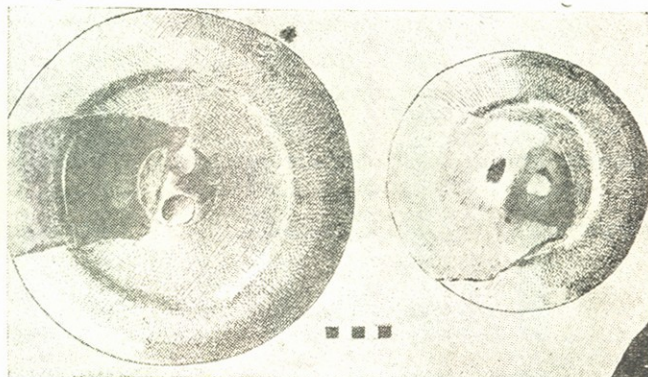

Рис. 37. Глиняные дисковидные покрывки, реконструированные по фрагментам (темноошоенному и светлообложенному) из игдырского зольника.

В $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{6}$ нат. вел.

з) Глиняные круглые крышки (рис. 37) представляют собою типичный для зольника объект, характеризующий, как увидим ниже в следующей главе, аналогичные культурные слои и других мест Южного Кавказа. С предыдущей керамической группой, сосудами, эти крышки связаны техническими особенностями черепка, характером его внешней отделки и тем же типом ручек, которыми крышки обычно снабжены. Средний диаметр крышек 22—28 см указывает, что они служили для покрывания больших урн типа „а“ и „б“. Соот-

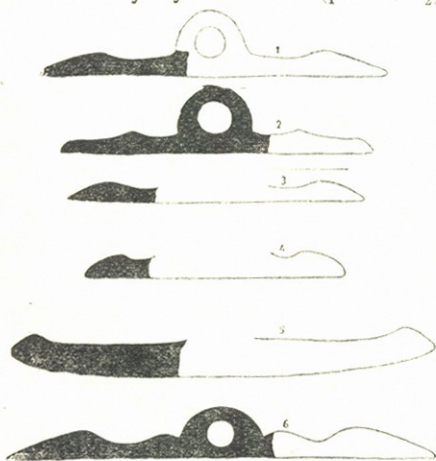

Рис. 38. Глиняные дисковидные покрывки в профильных сечениях: 1, 2. Игдырский зольник; 3, 4, 5. Бешташенская циклопическая крепость (Триалети) и 6. Эйлар (Армения). В $\frac{1}{5}$ нат. вел.

Средний диаметр крышек 22—28 см указывает, что они служили для покрывания больших урн типа „а“ и „б“. Соот-

ветственно этому имеются фрагменты крышек двух видов: розового обжига без лощения (табл. XV₄) и крышки с черной полированной поверхностью сверху и сероватой или светло-бурой снизу, как у сосудов типа „б“.

Крышки имеют форму круглых дисков, утончающихся к ребру, с совершенно плоской нижней и тарелковидно выработанной верхней стороной, которая состоит из наклонного к периферии широкого края и мелкого углубления в средней части. В центре последнего помещается полушарной формы типичная ручка (рис. 38).

Подобные глиняные крышки совершенно неизвестны среди керамических изделий бронзовой поры из могильников Южного Кавказа.

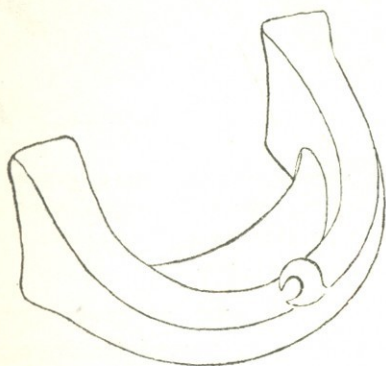
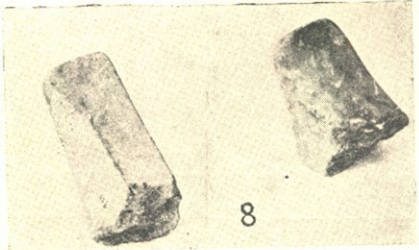
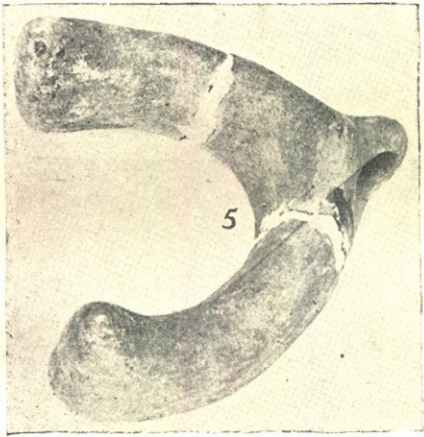

Рис. 39. Глиняная „очажная подставка“, реконструированная по фрагментам из игдырского зольника. В $\frac{1}{10}$ нат. вел.

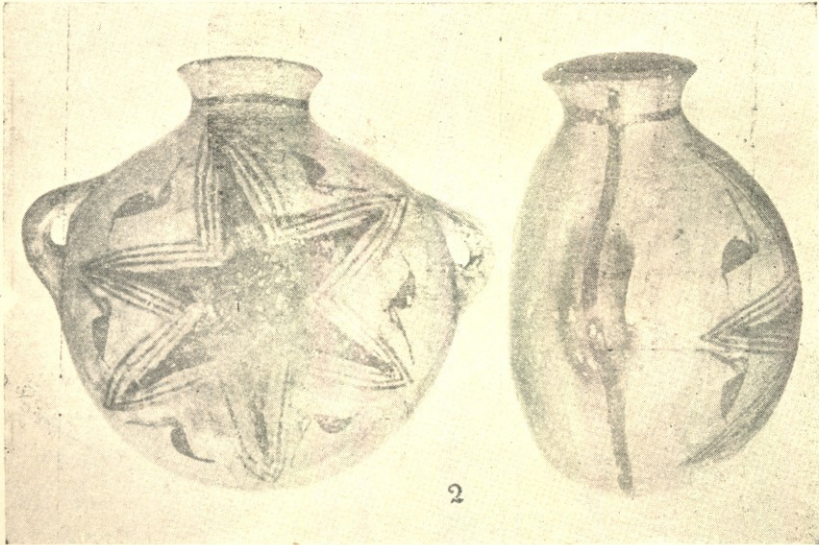
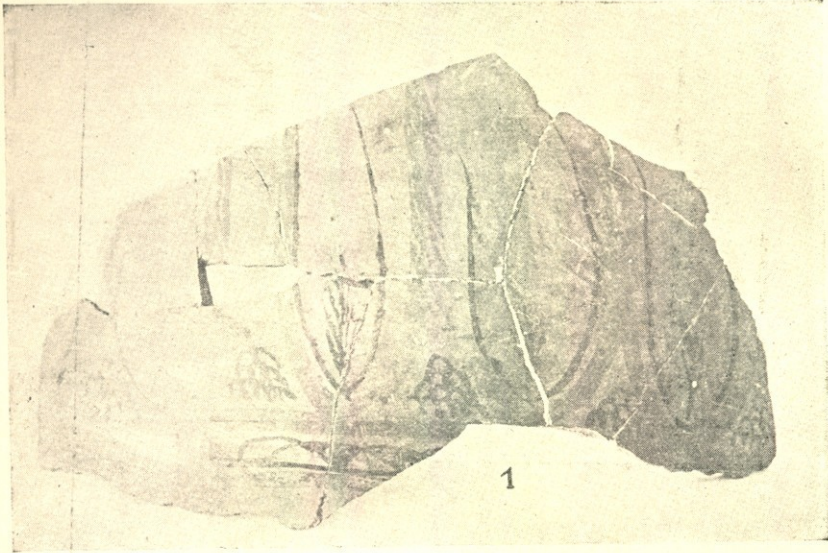
II. Глиняные подковообразные подставки (рис. 39) неясного назначения представляют собою согнутый по полукругу массивный светло-глиняный вал (то с округлым, то несколько призматическим гребнем), заканчивающийся двумя ступнеобразными концами с плоской вертикально поставленной подошвой и поднятыми кверху носками (табл. XVII_{7,8}). Нижняя сторона вала плоская и в дуге подковы у ее вершины выступает в виде серпообразной терраски, образующей как бы неполное дно предмета. На вершине дуги „подставка“ снабжена сверху ручкой, вышеописанной

типичной полушарной формы (табл. XVII₆). Как эта ручка, так и характер черепка, отличающегося здесь значительной грубостью теста (нередко с крупной органической примесью), но с ангобированной поверхностью, тесно связывают эти предметы с остальным выше рассмотренным керамическим инвентарем.

Размер подставок достигает по внутреннему диаметру 22—27 и по наружному 35—40 см, высота ступни колеблется от 14 до 20 см. П. С. Уварова (65), описавшая подобные предметы из находок в Армавире-Блуре, где она принимала лично участие в раскопках, называет их „таганами“, служащими подставкой для сосудов и употребляемыми, по ее уверению, и доньяне поселянами местности. Подтвердить последнее мне не удалось. Но очажное назначение этих подставок вполне вероятно. В этом случае надо только предполагать пользование ими попарно, так что две глиняные дуги помещаются с двух сторон очага, образуя поднятыми своими концами четыре точки на ко-

Глиняные „очажные подставки“: 1, 5,—из Карской области; 2, 3,—из Армавир-Блура; 4, 6—8,—из игдырского зольника. Около 1/10 нат. вел.

Полихромно расписная (красным, черным) светлая керамика: 1—фрагмент
 большого сосуда из игдырского зольника, в $\frac{1}{5}$ нат. вел.; 2,—фляга из Кюль-
 Тапа близ Нахичевана, в $\frac{1}{3}$ нат. вел.

торые мог ставиться над углями глиняный котел или же класться каменная плита. По миновении надобности подставки отодвигались назад за ручки.

Ближайшие аналогии подобного рода предметов можно видеть в находках из третьего слоя Алишарского холма в Малой Азии, рубежа III и II тысячелетия до нашей эры (143). Я имею в виду глиняные изделия того же размера как и наши, в виде двух роговидных выступов, соединенных дугообразной седловиной, в центре которой помещена, подобно как и у нас, небольшая петельчатая ручка (рис. 40). У иссле-

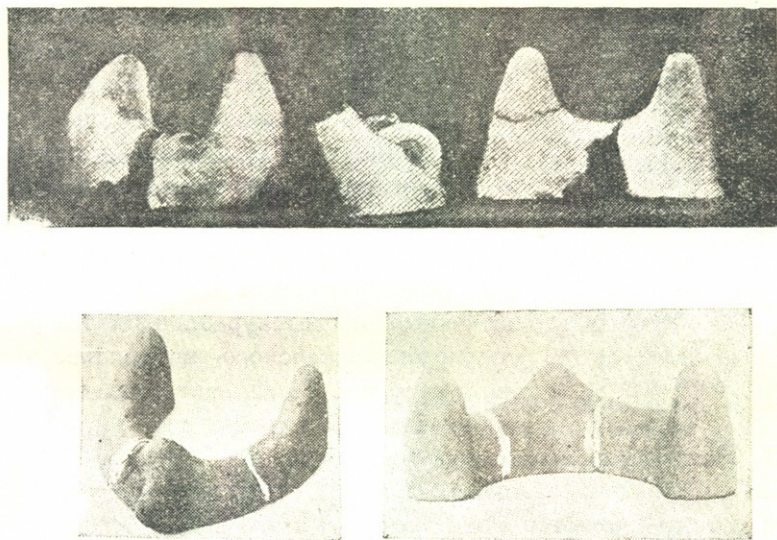

Рис. 40. „Роговидные жертвенники“ из Алишара III (М. Азия)
и „очажная подставка“ из района Сарыкамышы (сел. Мечетлы)
В $\frac{1}{12}$ нат. вел.

дователей эти изделия получили название „рогатых жертвенников“ („Horned altars“), по сопоставлению их с хорошо известными в Эгее загадочными той же величины атрибутами алтарей, посвященных, так называемой, богине двойного топора. Любопытно, что найденные в Кноссе подлинники этого рода терракотовые двурогие фигуры и их изображения на происходящей оттуда же глиняной модели алтаря (рис. 41) характеризуются тем, что роговидные выступы имеют плоскую вертикальную „подошву“, подобно как на наших глиняных подставках из Малакю (табл. XVII_{4, 2}). Эта последняя особенность роговидных выступов настолько специфична, что не позволяет, мне кажется, легко соглашаться с установившимся предположением видеть в этих предметах простое схематическое упрощение рогов и головы быка.

Приведенное Эвансом (145) изображение на микенской вазе, найденной на Кипре, подобного предмета между двух бычьих голов с двойными секирами, которые помещены одинаково, как между рогами быков, так и между роговидными выступами жертвенника (рис. 42), самым сопоставлением изображений и трактовкой тех и других, скорее говорит против указанного предположения, оставляя открытым вопрос об осмыслении этих памятников. Может быть убедительнее, и то со значительной натяжкой, другое предположение, что в этих подставках символизировались в Эгее согнутые в локте

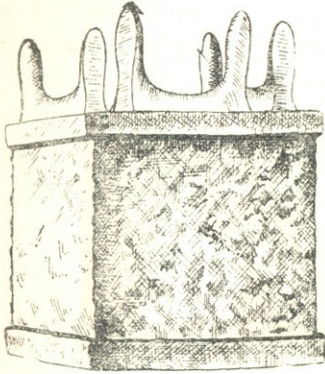

Рис. 41. Кносская глиняная модель алтаря с роговидными жертвенниками (по Р. Ф. Лихтенбергу).

и поднятые раскрытыми ладонями вверх руки идола женской богини, поскольку, как указывает Р. Ф. Лихтенберг (146), на одном менее схематичном экземпляре такого жертвенника оказываются намеченными шея и голова, делающие его действительно похожим на известные архаичные изображения торса этой богини. Если само сопоставление наших очаговых подставок через малоазийские формы с эгейскими окажется реальным, то рассмотрение южно-кавказского материала, как ниже увидим (ср. рис. 74), может в известной степени подтвердить у нас азанную гипотезу.

III. Расписная керамика, представленная в сборах несколькими фрагментами одного очень крупного сосуда около полуметра в диаметре (рис. 43), по свидетельству П. Петрова, найдена им в одной из куч камня и черепков, сброшенных крестьянами с „глиняного городка“ при выемке золы для удобрения. Большой интерес этой керамики делает слишком ответственным категорическое отнесение ее к рассматриваемому слою, хотя последний и представляется здесь почти единственным кандидатом, поскольку керамика могильника не дает ничего подобного.

Черепок (до 1 см толщины) отличается сравнительно хорошим, но не полным обжигом: при розовато-терракотового цвета его наружной и внутренней поверхности середина черепка остается серой. Сглаженная наружная поверхность поверх раскраски зашлифована еще вер-

Рис. 42. Изображение „роговидного жертвенника“ между двух бычьих голов с двойными топорами на микенской вазе, найденной на о. Кипре (по Эвансу).

тикальными полосами. Стиль полихромной росписи очень своеобразен и не имеет пока других претендентов на Кавказе (табл. XVIII₁). Основа узора, состоящая из поперечных лент и вертикальных арочек, выполнена красной более широкой кистью. Черной краской нанесены в манере живых и небрежных росчерков элементы, повидимому, растительного происхождения:

усики, веточки, грозди (рис. 43). Последней чертой эта керамика как бы роднится с хеттской, однако сближать ее с ней мы не имеем более никаких оснований, тем более, что растительные мотивы в месопотамской расписной керамике восходят еще к неолитическому тельль-халафскому слою и выполнены там полихромной техникой.

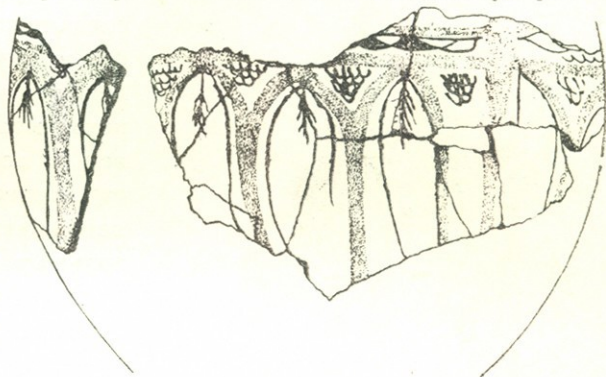

Рис. 43. Фрагмент полихромно расписного сосуда из игдырского зольника.

В $\frac{1}{6}$ нат. вел.

Понимание орнамента затрудняется. Трудно решить с полной уверенностью какой стороной ориентировать фрагменты вверх и какой—вниз (на таблице и рисунке в тексте фрагмент ориентирован мною по разному).

IV. Строительный кирпич и предметы из камня. а) Кирпич воздушной сушки из светлой лёссовидной глины образует значительные скопления в культурном слое, заставив наблюдателя дать холму название «глиняный городок». Форма кирпича, судя по доставленным хорошо сохранившимся образцам, правильная квадратная 22×22 см и высота $12-13$ см (рис. 44). Своей малой величиной этот кирпич отличается от воздушного кирпича ванской эпохи, обнаруженного замечательными раскопками, К. Г. Кафадаряна и Б. Б. Пиотровского, дворца урартского правителя в Кармир-Блуре близ Еревана, где кирпич имел очень крупный размер $60 \times 40 \times 15$ см или же $51 \times 35 \times 14$ см (147).

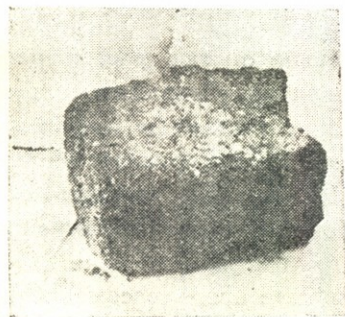

Рис. 44. Необожженный кирпич из игдырского зольника. В $\frac{1}{7}$ нат. вел.

б) Зернотерки из вулканического серого туфа имеются в коллекции в трех фрагментированных экземплярах (половинки) ладьеобразной формы с бортиками у приподнятых узких концов. Размер их колеблется от 11 до 17 см ширины (табл. XIX₁).

в) Шлифовальники из зеленоватой мелко-кристаллической лавы со следами точки на различных поверхностях не имеют правильных форм (табл. XIX_{4,5}). Более определен короткий пест с дисковидно-расширенным телом из туфа (табл. XIX₃)

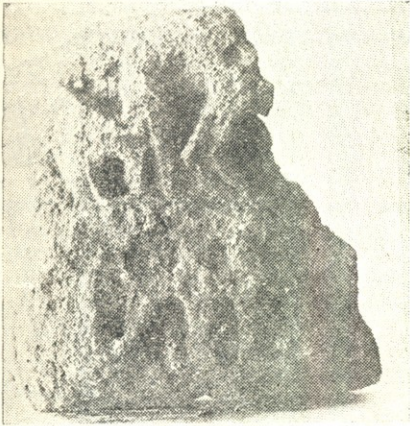

Рис. 45. Кусок красноватой лавы со следами выемчатого рельефа в виде двух фризов с неопределенным значением фигур из с. Малакю. В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

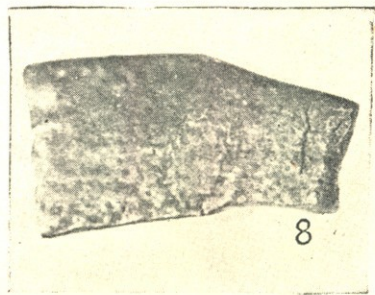
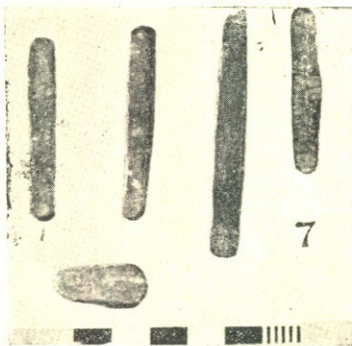
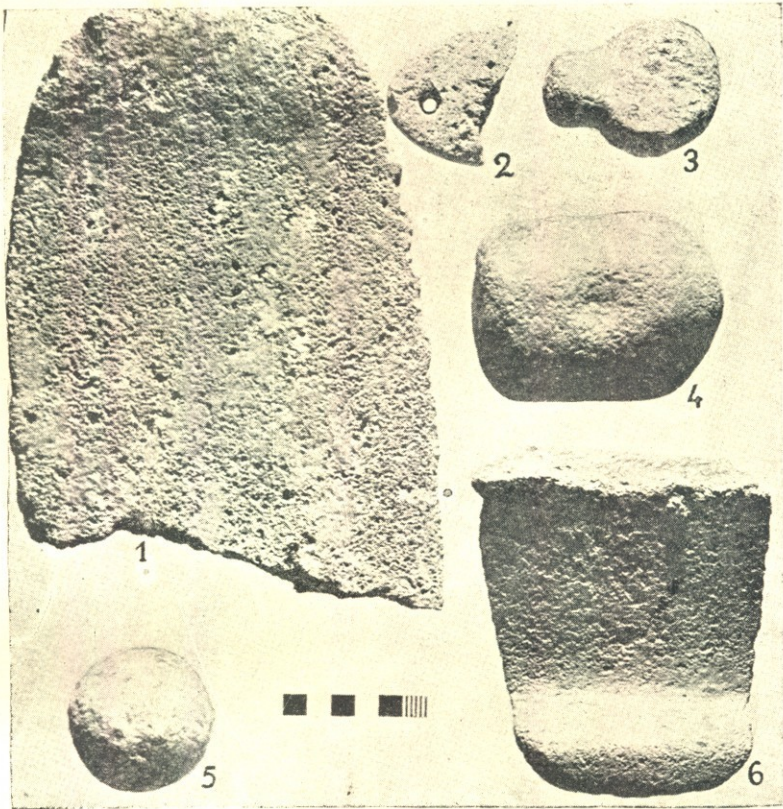
г) Кусок красноватой лавы со следами глубокого выемчатого рельефа, в виде двух фризов с неопределенного значения фигурами: (наверху может быть животное и человек с согнутыми коленями, внизу еще менее выраженные формы) неясно связан с культурным слоем зольника (рис. 45).

д) Обсидиан, собранный в зольнике в количестве 71 образца представляет собою простые осколки без следов обработки. Однако, поскольку обсидиановые выходы на Арарате видимо отсутствуют, его наличие здесь указывает на потребность в нем жителей глиняного городка и на доставку его из более отдаленных местностей (Арагац).

2. Вопрос о датировке „глиняного городка“.

Несмотря на крайнюю бедность и случайный состав рассмотренного инвентаря, в той или иной мере связанного с зольным слоем „глиняного городка“, его особенности столь ярко выражены при сравнении со всем хорошо известным археологическим материалом из могильников Южного Кавказа, эпохи бронзы и железа, что смешать его с ним нельзя и необходимо отвести ему собственное его культурное и хронологическое место.

Чтобы приступить к этой задаче надо прежде всего рассмотреть, не найдется-ли каких соприкосновений интересующего нас комплекса с мало учтенными материалами наших археологических собраний. Оказывается, действительно, что сборы Петрова с „глиняного городка“ во все не стоят так изолированно, как могло бы показаться с первого взгляда. Напротив, удастся наметить довольно определенный район распространения на территории Южного Кавказа однородного, включившего в себя почти полностью „глиняный городок“, культурного слоя, который оставался почти до последнего времени вне поля внимания исследователей, несмотря на все свое значение для древнейшей истории Южного Кавказа.

Фрагменты зернотерок, шлифовальников и пр. из лавы и медные бруски со следами проковки из игдырского зольника.

Керамика энеолитического слоя из разных мест южного Кавказа: 1,—ковш из сел. Алигрых; 2, 4,—кружки из Армавир-Блур и Заглика; 3, 5 и 6,—фрагменты из погребения в Кинетах. Около $\frac{1}{4}$ нат. вел.

II. ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ В ПАМЯТНИКАХ ГРУЗИИ, АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА

А. Выявление энеолитических материалов в старых фондах Государственного Музея Грузии

Проведенные мною в 1934 году для археологической выставки классификация и покомплексное изучение всех археологических фондов Государственного Музея Грузии и Музея бывшего Общества Истории и Этнографии при Тифлисском Университете позволили выявить любопытный керамический материал, не укладывавшийся ни в один из известных территориальных типов эпохи поздней бронзы Южного Кавказа и явно тяготевающий по своему характеру к более древним стадиям истории последнего.

Среди этого материала совершенно обособленное место заняли несколько групп керамики, объединяющейся между собою общими стилистическими признаками, но не связанной с какими-либо металлическими находками. Поразительным казалось, что в составе этих керамических комплексов с определенно выраженными чертами, наряду с посудой, хотя и тщательно, но от руки лепленной и недостаточно обожженной, несомненно находились образцы тех же форм, но с прекрасно обработанной (тонкой полировкой) поверхностью и своеобразным изящно выполненным рельефным спиральным орнаментом, совершенно чуждым южно-кавказской керамике эпохи поздней бронзы, если не считать только особого для этого времени случая, — нескольких фрагментов Потийского Музея (№ 123), среди крайне специфической группы глиняной посуды из Колхидских жилых холмов долины нижнего Риона, в частности из холма Наохвamu (144), где спиральный узор, формы бутмирской неолитической керамики, микенской 5-ой шахтовой гробницы и южно-кавказских бронзовых поясов, из системы проникающих последовательно друг в друга спирально свернутых S-видных завитков, образован помощью штампа с одиночной двусоставной спиралью (рис. 46). К сожалению среди этого материала только находка Е. Г. Пчелиной в Кикетах в 1923 г. сопровождалась достоверным описанием условий ее обнаружения (148). Относительно остальных случаев приходится ограничиваться лишь установлением общих данных о месте происхождения предметов.

1. Находка Е. Г. Пчелиной в Кикетах 1923 года

I. Условия находки. Надежное свидетельство Е. Г. Пчелиной было особенно ценным, так как относилось к погребальному комплексу, объединявшему чрезвычайно разнообразный ассортимент керамики, неожиданно оказавшейся одновременной продукцией одного места. Это открывало широкую возможность поисков и выделения интересовавших нас образцов из разных других сборов, при чем, замечательным образом, все более подтверждалось единство и однородность на большой сравнительно территории этой особенной и сложной керамической группы.

Рис. 46. Штампованный спиральный орнамент на фрагменте сосуда из колхидского древнего жилого холма Наохваму (Потийский Музей).
В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

Само открытое Е. Г. Пчелиной погребение чрезвычайно своеобразно. Его характеризует обилие следов огня: зола, угли, шлак, обгорелые кости, обожженная глиняная плоская обмазка, которую исследовательница восприняла как облицовку стенок могилы или саркофага (возможно аналогичного саркофагу в зольном кургане № 36 Гуммеля, 151). Череп и кости погребенного, а также раздавленные сосуды, находились в одной куче со всем этим, на пространстве в $1,5 \times 1,0$ метра, не глубоко в поверхностном слое почвы. Какие-либо металлические предметы совершенно отсутствовали.

II. Характеристика керамики. Все обломки принадлежали девяти сосудам, из которых пять, по словам исследовательницы, удалось собрать и восстановить их форму (правда, судя по рисункам, приложенным к статье, только приблизительно), четыре же оказались фрагментами с утраченными частями. Из всей этой керамики я обнаружил только часть, переданную, согласно инвентарной записи, в 1924 году Главнаукой в Музей Общества Истории и Этнографии*. Другую часть, отданную, по указанию Е. Г. Пчелиной в ее статье, непосредственно в Музей Грузии, мне найти не удалось.

* В настоящее время эта часть сборов Е. Г. Пчелиной находится в Археологическом отделе Музея Грузии и занесена в инвентарь в разбивку без указания места сбора под №№ 20—32: 161—165 и 1—36: 189. Поэтому в статье ссылки мною сделаны на инвентарь Музея Общества Истории и Этнографии: ОИЭ.

Таким образом все, что сохранилось, представляет собою несколько фрагментов от четырех сосудов, из которых только один можно идентифицировать с уверенностью с воспроизведенной Е. Г. Пчелиной толстостенной чашей, означенной под римской цифрой V, два описаны ею в обломках, несущих орнамент, а один (ОИЭ инв. 3674) близко напоминает „кувшин II“, но иных пропорций, что связано скорее всего в данном случае с простой ошибкой в обмере и затем реконструкции. Отсутствуют к сожалению совсем образцы сосудов I, III и IV, обмеренных, зарисованных и описанных Е. Г. Пчелиной. Из этих последних особый интерес представляет сосуд IV, окрашенный „розовой“ краской по сероглиняному черепку.

Следов вращения на гончарном кругу не установлено мною ни на одном из рассмотренных мною образцов, в том числе и на том, для которого Е. Г. Пчелина предполагала лепку на кругу. Как показало и дальнейшее изучение соответствующего материала, гончарный круг, несмотря на правильность форм и тщательность отделки поверхности, нигде для этого рода керамики не применялся. Все четыре образца отличаются друг от друга по характеру глины и по обработке поверхности.

а) Чаша („сосуд V“ Пчелиной, ОИЭ инв. 3673) массивная (толщина стенок от 1,8 до 2,5 см) с отогнутым толстым прямо обрезанным венчиком (рис. 47₃) леплена из грубой крошащейся, с углисто-черной прослойкой, глиняной массы (рис. 55₃). Несмотря на грубость теста и лепки наружная черная поверхность сосуда обработана лощением (табл. XX₃). Внутренние стенки и дно чаши розовые, как бы с накладным толстым (до 0,4 см) слоем более чистой глины, сглаженные.

б) Фрагмент (ОИЭ инв. 3674) двуручной высоко-широкогорлой урны (рис. 55₁) с диаметром горла (21 см), превышающим $\frac{2}{3}$ наибольшего диаметра корпуса (27 см). Ручки сосуда, судя по облому, миниатюрные с цилиндрическим проухом, находятся как раз на перегибе шейки в плечико (табл. XX₃). Черепок толщиной около 1 см, (рис. 47₃) розовато-бурого цвета несет на наружной поверхности следы ангобной обмазки более светлой глиной. Орнамент представляет двубороздчатый крупный зигзаг с глубокими ямками в углах.

в) Фрагменты (ОИЭ инв. 3672) (табл. XX₆) крупной, двуручной, весьма широкогорлой урны (подобной „сосуду I“ Пчелиной, но большего размера с диаметром горла 30 см и корпуса 38 см) с длинным (11,5 см высоты) прямым, почти цилиндрическим, горлом (рис. 55₄). Парные ручки очень миниатюрные с цилиндрическим проухом помещаются как раз на линии перегиба шейки в плечико. Черепок толщиной до 1,2 см (рис. 47₁) розовато-бурый с мелко трещиноватой поверхностью, обмазанной более жирной глиной.

Характерен орнамент на горле в виде двух крупных (6,5 см высоты) высоко-плоско-рельефных фигур, помещенных на противоположных сторонах горла и напоминающих сильно геометризованных страусоподобных птиц, обращенных навстречу друг к другу (табл. XXI_{1,2})-

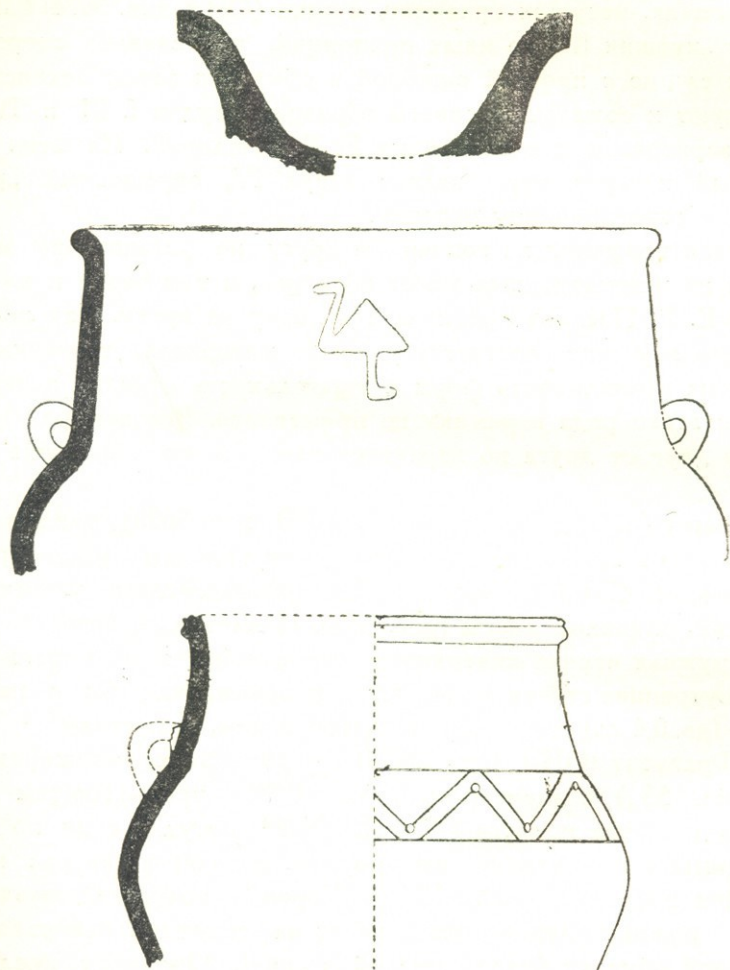

Рис. 47. Профильные сечения трех сосудов из зольного погребения в Кикетах. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

г) Фрагмент (инв. 3670) плечика еще большей, по величине, урны (табл. XXI₃) с таким же, судя по свидетельству Е. Г. Пчелиной, широким (47 см в диаметре) и высоким (13 см высоты) горлом. Черепок отличается прекрасно полированной черной наружной поверхностью и розовой подкладкой, свидетельствующей о роскошной отделке этого огромного сосуда (рис. 55₂), украшенного по плечикам прекрасно выра-

ботанным рельефным (вдавленно-выпуклым) очень крупным (28 см длины) двуспиральным „очковидным“ мотивом (табл. XXIз).

Если мы присоединим к этому отсутствующие теперь, но сохранившиеся в описании Е. Г. Пчелиной образцы сосудов, — получим следующий состав данного комплекса: четыре или пять сосудов с буророзовым черепком, два (грубо глиняная чаша и орнаментированная спиралями прекрасная огромная урна) с черной полированной поверхностью и розовой подкладкой и, наконец, один сосуд из сероатой глины, окрашенный по поверхности ярко-розовой краской. По формам посуда представлена четырьмя-пятью высоко широко-горлыми урнами, одной крутоплечей узкодонной глубокой миской 19 см высоты, одним прямогорлым красно-окрашенным горшком 22 см высоты и наконец плоской толстостенной чашкой.

Отличительными чертами этой посуды являются ручная толстостенная лепка, склонность к ангобированию, полировке, чернению и даже окраске поверхности, лаконичность своеобразной рельефной декарировки, состоящей из изолированных фигур, наличие спирального мотива, миниатюрность ручек с цилиндрическим проухом и расположение их как раз на линии перелома плечика в трубообразное горло с простым или слабо отогнутым венчиком. Указанные особенности керамического комплекса кикетского погребения, выделяющие его среди обычной южно-кавказской керамики, позволяют в то же время сблизить с ним ряд других.

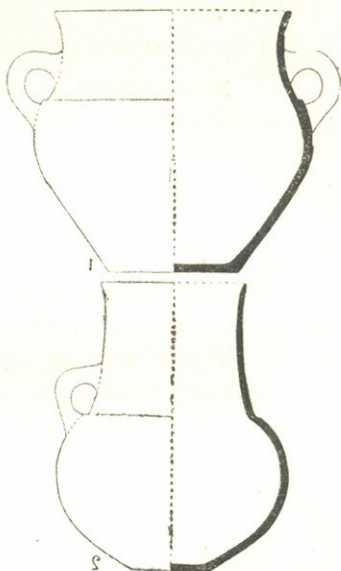

Рис. 48. Профильные сечения двух сосудов (Инв. 19—30: 1 и 5) из зольного культурного слоя в Дидубе. В $\frac{1}{5}$ нат. вел.

2. Находка 1930 года в Дидубе

Прежде всего возможно по ряду признаков сюда присоединить изолированно стоящую и резко выраженную группу сосудов Гос. Музея Грузии (инв. 19—30), происходящую из случайной находки в пределах г. Тбилиси (149). Здесь в Дидубе во время производившихся в 1930 году земляных работ были обнаружены рабочими и доставлены в Музей бронзовые украшения и керамика, типичные для погребений эллинистического времени, и наряду с этим ряд сосудов совершенно иного облика, напоминающих несколько своим очертанием известные двуручные (с двумя маленькими ручками над переломом плечиков) высокогорлые сосуды, так называемые Henkelflachen средне-

европейского неолита. Сближается эта керамика, имеющая свои особенности, с кикетской и игдырской (из Малакю) прежде всего характером профилировки широко-трубообразного горла сосудов с резким, даже ступенчатым, переходом плечиков в шейку (рис. 48) и небольшими, с круглым проухом, ручками, как раз над этим местом (табл. XXII_{1,2}); типичен также, особенно, при сравнении с черно-серым насквозь черепком поздне-бронзовой керамики, светлобурый, нередко в пятнах, цвет черепка, сглаженного снаружи и внутри, ангобированного жирной глиной, которая обуславливает часто характерную мелкую трещиноватость поверхности сосуда.

3. Вопрос о зольных погребениях в Нухинском районе

С указанными особенностями сосуд оказался также в коллекции ялойлутапинского типа керамики, доставленной Лалаяном из сел. Ниж. Нухинского района: это двуручный светло-бурый горшочек (табл. XXII₃). По характеру глины, лепке, профилю, он резко отличается от остальной группы и особенно сближается с тбилисской группой из Дидубе (табл. XXII_{1 и 2}) вышеуказанными особенностями. В напечатанном отчете Лалаяна (150) нет указаний на место происхождения этого сосуда, но ввиду того, что Лалаяном были раскопаны в Нухинском районе памятники двух совершенно различных родов: могильники с посудой, ялойлутапинского типа, в больших обложенных камнем круглых могилах, и курганы с золой, углем, обгорелыми костями, можно с значительной вероятностью отнести именно к последним указанный сосуд, тем более что и в Кикетах и в Дидубе такого рода керамика оказывалась связанной с ярко выраженными следами большого огня.

Правда, в отношении одной группы зольных могил близ Варташена Лалаян прямо говорит об отсутствии в них глиняной посуды, но именно отсутствие подобной отметки в отношении Нухинских курганчиков не позволяет распространять и на них это утверждение. Во всяком случае следует обратить особое внимание на эту загадочную группу памятников, слабо выявленного до сих пор культурного слоя Южного Кавказа и подвергнуть их более тщательному изучению. В последнее время исключительно ценную работу по изучению этого раннеметаллического слоя на территории Азербайджана провел основатель и заведующий Ханларским музеем археолог Я. И. Гуммель. Открытая им своеобразная техническая группа керамики с тканевыми прослойками дала ему возможность объединить ряд замечательных памятников, среди которых могут бросить некоторый свет и на Нухинскую группу зольных курганов „культовой зольный курган № 36“ близ Ханлара (151) и Степанакертские курганы, напр. курган № 103, с керамикой, близкой нами описываемой (152), и курганы №№ 119 и 125, еще не опубликованные, но доставившие прекрасный материал для их дати-

ровки эпохой древней бронзы: медный листовидный кинжал и такой же стержневой наконечник копья, множество треугольных кремневых стрел с выступающим шипом для насадки, типа энеолитического слоя в Триалети (153), мраморная и гематитовая булавы (сравни: древняя группа курганов Триалети, 154), наконечник золотая височная подвеска (3-х см длины), по форме подобная золотым завиткам из Никопольского клада с вислообушным топором (155).

4. Находка 1869 года в Заглике

Столь же изолированное положение занимают два глиняных сосуда из небольшой коллекции, доставленной в Тифлиссский Музей в 1869 году Харитоновым с Загликских квасцовых разработок (Кировабадского района). Здесь мы видим, среди более обычной разновременной керамики древне-железной и эллинистической эпохи (из последних один, за № 2822, по П. С. Уваровой, с карандашной надписью „найдена в греко-скифской могиле“ принадлежит к типичной группе кувшинчиков „с сосцами на корпусе“ кувшинных погребений Азербайджана), темно-бурый кувшинчик (Ув. № 2823), 14 см высоты, с трубообразным горлом и цилиндрическую кружку (Ув. № 2825), связанные между собой характером лепки и совершенно одним строением миниатюрных полушарных ручек (табл. XVI₉) вышеохарактеризованного игдырского типа. Оба сосуда (табл. XXII₄ и XX₄) леплены от руки и, несмотря на некоторую тяжесть, имеют правильные формы и сглаженную лощением поверхность. Наибольшая толщина стенок кувшинчика приходится на наиболее выпуклую часть корпуса (рис. 49 а), что при лепке с вращением на кругу обычно не имеет места. Кувшинчик отличается при этом типичной для всей рассматриваемой группы чертой, — наличием перелома от плечика к трубообразному горлу и положением ручки как раз над этим переломом. Орнамент очень характерен и состоит из расположенных на одной только стороне сосуда (табл. XXII₄), на треть поворота от ручки, двух круглых углублений, в виде глаз, и двух пар рельефных косых шпалок по их сторонам (табл. XXII₂), придающих кувшинчику подобие „лицевой урны“, как его и именует П. С. Уварова. Орнамент, таким образом, смотрит на пьющего, если последний держит кубок в правой руке. Подобный тип орнаментации

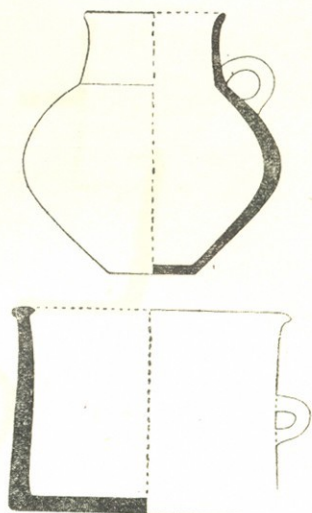

Рис. 49. Профильные сечения кувшинчика (Ув. 2823) и кружки (Ув. 2825) из Заглика. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

приходится на наиболее выпуклую часть корпуса (рис. 49 а), что при лепке с вращением на кругу обычно не имеет места. Кувшинчик отличается при этом типичной для всей рассматриваемой группы чертой, — наличием перелома от плечика к трубообразному горлу и положением ручки как раз над этим переломом. Орнамент очень характерен и состоит из расположенных на одной только стороне сосуда (табл. XXII₄), на треть поворота от ручки, двух круглых углублений, в виде глаз, и двух пар рельефных косых шпалок по их сторонам (табл. XXII₂), придающих кувшинчику подобие „лицевой урны“, как его и именует П. С. Уварова. Орнамент, таким образом, смотрит на пьющего, если последний держит кубок в правой руке. Подобный тип орнаментации

встречен мною также на одном достаточно крупном прекрасно черно-полированном сосуде (рис. 56₂) той же формы из раскопок Лалаяна в Эйларе, где, как увидим ниже (стр. 101), им было открыто поселение с культурой, аналогичной „глиняному городку“ в Малакю.

Кружка из Заглика (табл. XX₄) с широким плоским дном (14 см в диаметре) и вертикальными (высотой 11 см) стенками (верхний край которых, в данном случае, расширен выступающим наружу и внутрь острым карнизом) имеет близкое соответствие в глиняных кружках (Ув. №№ 2896 и 2897), той же прямостенной формы (рис. 50) и с совершенно таким же строением ручек, из Армавир-Блура (табл. XX₂).

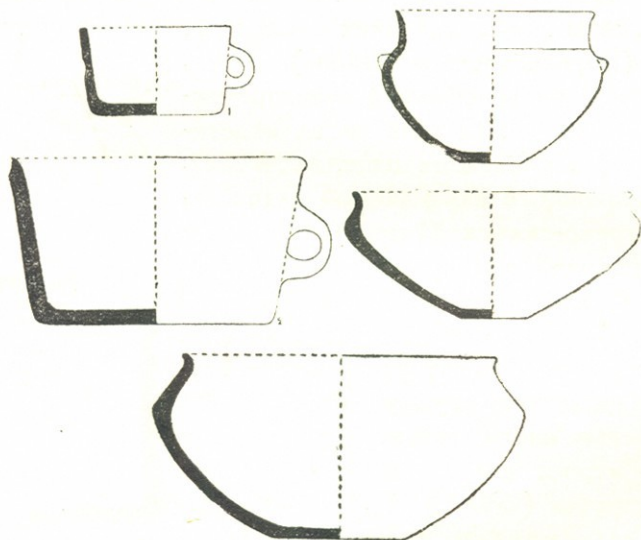

Рис. 50. Профильные сечения двух кружек (Ув. 2897, 2896) и трех мисок (Ув. 2898, 2887 и 2890) из Армавир-Блура. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

5. Материалы А. С. Уварова из Армавир-Блура

I. Сосуды архаического типа. Наряду с обычной для Южного Кавказа керамикой, свидетельствующей, что А. С. Уваров в 1879 году раскопал в Армавире также какой-то могильник ранне-железной эпохи, в его материалах оказывается группа целых сосудов вышеописываемого архаического типа. Среди этих последних большая кружка (12,5 см в диаметре) отличается светло-бурой лощеной внутренней поверхностью при черно-сером цвете снаружи (табл. XXIII₃). Параллельно с этими кружками из раскопок 1879 года в Армавир-Блура происходят два кувшина (высотой 22 и 27 см), которые своим трубооб-

разным горлом и формой миниатюрных ручек над перегибом плечиков в шейку соответствуют кувшинчику из Заглика. Эти кувшины (Ув. №№ 2884 и 2885) не орнаментированы, но отличаются очень тщательной ручной лепкой и характерной сглаженной и мелкотрещеноватой поверхностью, особенно у одного, от покрывающего его красно-бурого ангоба жирной глиной (табл. XXIII_{1,2}).

К этой же группе сосудов несомненно относятся: черно-глиняный маленький (8 см высоты) широкогорлый горшочек (Ув. № 2899) и чарка (№ 2898) с выпуклым корпусом, парой шишек с каждой стороны, вместо ручек, и прямостоячим высоким бортом (табл. XXIII₆), типа чашки из энеолитического погребения в Триалети (156) и чаши из Дидубе, а также, вероятно, (Ув. №№ 2897 и 2890)—лощенные снаружи и внутри темно-глиняные с более светлой подкладкой миски (табл. XXIII_{4,7}) с тонким, сравнительно, венчиком и заметным утолщением стенок в наиболее выступающей зоне корпуса (рис. 50).

II. Очажная подставка из Армавира и Каракурта. Значение перечисленной группы сосудов тем более увеличивается, что к армави́рскому комплексу принадлежит также фрагмент глиняной подковообразной подставки с ручкой и ступневидными концами (табл. XVII_{2,3}), какой мы рассмотрели выше из Малакю. Эта

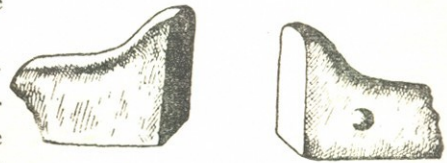

Рис. 51. Ступневидные концы глиняных очажных подставок из Кшлак-Аббас Нахичеванского края (Аз. 1593) и Шенгавита у гор. Еревана (Ар. 1442—88). Около $\frac{1}{12}$ nat. вел.

находка с одной стороны подтверждает реальность связи подковообразных подставок со своеобразным керамическим комплексом „глиняного городка“, с другой, указывает, с несомненностью, на наличие и в Армави́рском холме соответствующего слоя, который может быть засвидетельствован и еще в одном пункте выше по Араксу в Карсской области близ Каракурта, так как оттуда происходит еще одна такая же глиняная подставка (Ув. № 2932). Эта последняя (табл. XVII_{1,5} и рис. 40_{2,3}) была доставлена в Тифлисский Музей в 1887 году инженером Заземаном, нашедшим ее в 5-ти верстах от сел. Мечетли у родника, где была обнаружена каменная кладка, сложенная на сухо, видимо, циклопического характера. Точные условия находки неизвестны и подставка поступила в Музей с предметами, совершенно иного возраста, из находившегося там же могильника.

К сожалению, отсутствуют также данные о происхождении подковообразных подставок и всей вышеотмеченной группы керамики Армавир-Блура, несмотря на то, что раскопка велась специалистами. По существующему печатному отчету А. С. Уварова (8) и чертежу

Ерицова видно только, что разрезу подвергался культурный слой не только главного холма, представляющего собою естественную лавовую скалу, покрытую лишь метра на полтора рыхлым материалом, но и мелких, окружающих главный, плоских холмиков, возвышающихся метра на два от поверхности окружающего грунта, то песчаных, то чисто зольных (пункт М).

Судя по аналогии с Малакю подставка могла относиться и к тому слою, который, по словам А. С. Уварова (157), свидетельствует, что на большом холме находилось некогда поселение, якобы, „каменного века“, так как по всей поверхности холма разбросаны многочисленные ядрища из обсидиана и обломки прекрасно отбитых ножевидных пластин (в Тифлисский Музей эти образцы повидимому не поступили). Этот древний слой оказывается в значительной степени перекопанным и смешанным с последующими наслоениями, которые не привлекли достаточного внимания исследователей. Однако находящиеся среди материалов из Армавир-Блур некоторые керамические фрагменты представляют интерес и для непосредственной задачи, поставленной себе А. С. Уваровым, выяснить слой, соответствующий городу Аргишти, — „Аргиштихинили“, найденных здесь урартских надписей. М. В. Никольский (158) оказывается не вполне правым, когда, правильно критикуя выводы А. С. Уварова об отсутствии будто бы археологических данных относить происхождение урартских надписей к этому пункту, в то же время соглашается, что эти неверные сами по себе выводы не были лишены тогда фактических оснований. На самом деле уже сам материал, добытый А. С. Уваровым, доказывает обратное его положениям, именно: существование на Армавир-Блуре урартского поселения, поскольку здесь оказываются собранными образцы той самой керамики, лощеной по красной обмазке, которую нам удалось датировать как раз этим временем в могильнике у Малакю. Эта керамика, как мы уже видели (стр. 16—17), представлена здесь фрагментами низких широких чаш с ровным изгибом борта и прямым слегка внутрь загнутым краем (рис. 19) и резко отлична, техникой лепки и формой, от сходных, по обработке поверхности, образцов посуды феодальной эпохи, типа анийских карасов и чаш.

Что же касается вышеописанной интересующей нас группы посуды, типа „глиняного городка“ в Малакю, то она состоит исключительно из целых экземпляров, которые не могут относиться непосредственно к находкам в культурном слое холма, а предполагают существование соответствующего могильника. К сожалению по отчету этого не удастся выяснить, так как вскрытые погребения также не описаны и не все, повидимому, даже упомянуты.

Согласно отчету, исследователями раскопаны погребения в трех пунктах, из которых два расположены у восточной подошвы длинного холма в зольном слое, а третий с западной стороны, где вскрыт ряд могил без вещей. Судя по поступившему в Музей очень бедному инвентарю, происходящему не более как из четырех могил, эти последние могут быть датированы 1-ая и 2-ая сасанидской эпохой (перстень точеный из темного агата № 2913, буса с белыми инкрустированными бороздками № 2914 и стеклянные браслеты) и остальные эллинистической (бронзовые браслеты с выгибами № 2915 а, кувшинообразные подвески и бусы из желтой непрозрачной стекловидной пасты № 2915 б). Происхождение же всей доставленной в Музей разновременно глиняной посуды в количестве трех десятков остается таким образом неясным.

III. *Бихромно-расписная керамика из Армавир-Блура и Дирякляра*. В группе красной керамики А. С. Уварова оказались два, может быть, еще более древние фрагмента от упомянутой уже выше (стр. 17, рис. 20) полуяйцевидной чаши с бихромной росписью (черной и красной краской) по внутренней поверхности. Возможно, что эта чаша, по форме замечательным образом предвосхищающая поздне-эллинистические круглодонные чаши, типа, чернолаковых эрмитажных (например найденной Б. В. Формаковским в Ольвин (160) в погребении II в. до н. э.), принадлежит к тому же культурному слою*, как рассмотренный выше тоже бихромный крупный сосуд из Малакю, не поддающийся пока также более точной датировке, вследствие изолированного характера стиля и неопределенности условий находки. Правда для чаши имеется близкая аналогия в чаше, такой же формы, из сел. Дирякляра (Ленинканского района), аналогично расписанной по внутренней поверхности (159), но и о ее происхождении ничего неизвестно.

Это отсутствие каких-либо стратиграфических данных, могущих что либо сказать об отношении бихромной расписной керамики Армавир-Блура к керамике типа зольника в Малакю и зольного погребения в Кикетах, может быть до известной степени восполнена только указаниями Лалаяна (162) в его кратком отчете о раскопках в 1904 г. близ Нахичевана (162).

* Недавно в 1935—1936 году рядом с Армавир-Блуром в селении Новый Армавир была сделана еще одна интересная в этом отношении находка. Местный колхозник Амасия Арутюнян при добыче камня из фундаментов древнего селища нашел фрагмент большого желтоглиняного „кувшина с носиком“, полихромно расписанного в три краски, черной, красной и белой, треугольниками, сетчатым узором и фестонным бордюром. Мне самому этого образца увидеть не пришлось. Выехавшие на место находки сотрудники Отдела Охраны Памятников Армении (161) выяснили, что камень брался из мощных фундаментов толщиной до 1,6 метра от четырехугольных помещений размером 9×12 метров, сложенных насухо из необтесанных камней.

6. Материалы Е. Лалаяна из нахичеванского Кюль-Тапа 1904 г.

1. „Зольный холм“—„кюль-тапа“ (в переводе на азербайджанский) близ Нахичевана, достигающий до двухсот метров в диаметре, состоит из мощных (более двух метров толщиной каждый) слоев золы и угля, разделенных прослойками обожженной глины и заключающих в себе, согласно интерпретации Лалаяна, несколько этажей не покрытых плитами погребений. Кости человека в сопровождении керамики, костей животных и обугленных хлебных зерен (по словам Лалаяна пшеницы и ячменя) окружены мелкими камнями*.

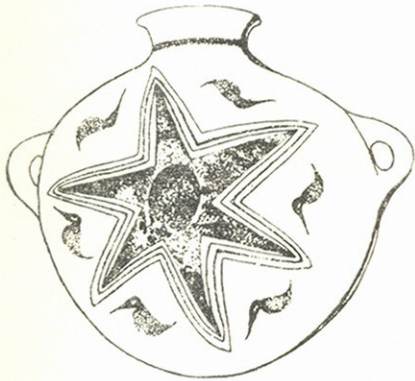

Рис. 52. Полихромно расписанная фляга (инв. 20—05:В2) из зольного холма Кюль-Тапа близ Нахичевана.
В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

Никаких следов металла в этих слоях найдено не было. Нижние слои характеризуются черной керамикой, верхние красной и расписной. К последней принадлежит хранящаяся в Гос. Музее Грузии прекрасная двухручная светло-глиняная фляга (рис. 52 и табл. XVIII₂), расписанная с одной, лицевой, стороны по лощеной светло-глиняной поверхности красной и черной краской: большая шестилучевая красная с черными обводами звезда и птицеобразные (с красным листочковидным телом и черной головкой) фигурки между лучами. По форме фляга напоминает безручную—найденную Готье и Лампером в Муссиане (163), и является в Азербайджане, повидимому, древнейшей в ряде

местных глиняных фляг, поразительно вообще удерживающих здесь традиционную форму, которая, в эллинистическую и римскую эпохи, напр., на „черепаховидных сосудах“ из кувшинных погребений, иногда

* Нахождение костей человека в культурных слоях поселений, подобного типа, весьма характерен и повторяется, например, как увидим ниже, в раскопках того же Е. Лалаяна в эйларском холме (см. стр. 102). Подобные же наблюдения были сделаны и сотрудниками Института Истории Азербайджанского Филиала Академии Наук СССР, во время поездки в Нахичеванскую республику зимой 1935—1936 года для осмотра прорезанного оросительной канавой культурного слоя (с черной и расписной керамикой и скоплениями человеческих костей) в холме Шор-Тапа] у сел. Ибадулла. Заложенный исследователями разрез близ соседнего селения Кшлак-Абас также обнаружил, судя по прочтенным мне любезно Алескер Заде Аджтаром и худ. И. П. Щерблюкиным выдержкам из их дневников (от 14 февр.), черепа и кости человека в культурном слое на глубине 1,5—2 метра, среди золы, обожженной глины, черепков посуды и костей животных. Принадлежность этого слоя к интересующему нас типу хорошо доказывается характером керамики, в частности фрагментами крупного размера диско-

даже с росписью (инв. Азерб. Музея 679/3303), соединяет уплощенную, еще более подчеркнута, одну сторону, поднятое горло и ручки, кнопку наверху, как на луристанских расписных флягах (164), имеющих своим прототипом флягу из обеидского XVIII слоя в Тепе-Гавра (163).

II. Черная керамика нижнего слоя Лалаяном не описана, но судя по составу коллекции керамики, поступившей от Лалаяна в Тифлисский Музей в 1905 году, сюда надо отнести три маленьких черно-глиняных кувшинчика, тщательно лепленных от руки и тонко полированных (Тб. инв. 20—05 : D 8, 9, 10). Они все имеют одну характерную форму корпуса с резко вздутым средним поясом и конически сужающимся низом с очень маленьким вогнутым доньшком. Широкая трубообразная горловая часть, составляющая по высоте треть всего сосуда, отделена уступом от корпуса (рис. 53_{1, 2}). Типичные полушарные ручки (табл. XVI₈), и местом прикрепления, и формой (табл. XVI₈), тождественной с ручками из зольника в Малаклю, делают несомненной принадлежность кувшинчиков к тому же культурно-му слою.

Два из этих сосудов (табл. XXIV) особенно замечательны по своей орнаментации (табл. XXV), которая, однако, не была замечена Лалаяном и не отмечена им в его отчете. На большем сосудике орнамент, покрывающий выпуклую зону корпуса резко отличается техническими особенностями выполнения от орнамента на горловой части сосуда (табл. XXV₂): первый выполнен путем выдавливания и шлифовки, по не вполне просохшей глине, поля, окружающего рисунок, который выступает, поэтому, в виде рельефа, второй же представляет собою простую линейную и точечную гравировку острым штифтом,

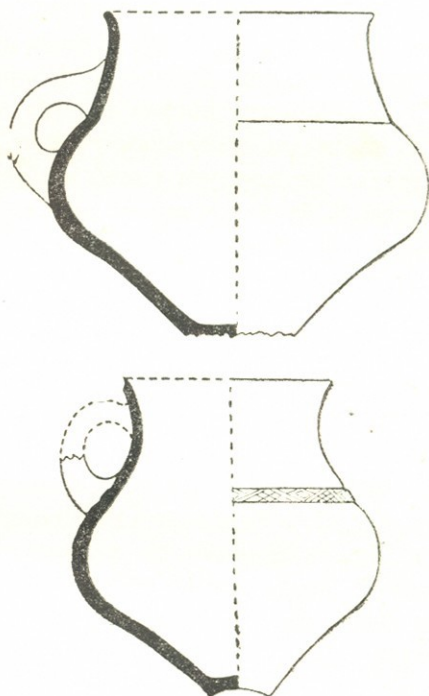

Рис. 53. Профильные сечения энеолитических орнаментированных выпукло-выемчатом узором кружек Гос. Музея Грузии (инв. 20—05 : D-9 и D-8).
В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

видных покрывок для посуды и обломком (рис. 51₁) „очажной подставки“ (Аз. инв. 1593, описана под именем „глиняной ноги“), в точности повторяющей форму игдырских и армавирских находок (табл. XVII и рис. 39), а также и подобных же подставок с плоскими ступневыми концами из Шенгавитского поселения (рис. 74).

также до обжига сосуда. Несмотря на различие в технике, замкнутость композиции того и другого узора и характер „молниевидных“ движений, с чередованием на поворотах острых и тупых углов, объединяет их между собой. Однако верхний остается исключительно прямолинейным, в то время как в нижнем получают место криволинейные концовки, отмеченные нами в виде примитивно проведенных спиральных волют на одном образце из Малакю (рис. 35).

У меньшего сосуда корпус и горло орнаментированы одним приемом, выемчато-выпуклым узором, тщательно выполненным; но горло отделено от корпуса узким рельефным пояском с тонко резным орнаментом. Обе композиции, при том же характере ассиметрических движений, еще более уравновешены и замкнуты спиральными и флажковидными концовками в цельные фигуры (табл. XXV), занимающие только переднюю, противоположную ручке, сторону сосуда менее чем на одну треть дуги, тогда как остальная поверхность остается совершенно не орнаментированной, если не считать пограничного между ними узкого выпуклого пояса (рис. 53₂). Очень близкие орнаментальные мотивы, как увидим ниже, имеются на замечательном фрагменте подобного сосуда в Ереванском Музее (Ар. инв. 1038), найденном в Лоре у сел. Артви между Лениканом и Тбилиси в 1927 году (табл. XXVIII_{7,8}), а также на фрагментах (Ар. инв. 408), добытых в том же году Т. Торомаяном (табл. XXVIII₄) на холме Кюль-Тапа близ Эчмиадзина, и на другом (рис. 61₂ и табл. XXIX₃) эчмиадзинском фрагменте (Ар. 607), с той лишь разницей, что в последних случаях узор выполнен желобчатым, а не выемчато-выпуклым приемом.

Указанные особенности орнаментации настолько характерны, что резко выделяют описываемую керамику в совершенно особую стилистическую группу, которая не имеет претендентов, ни среди расписной керамики Южного Кавказа, ни тем более среди темно-глиняной керамики поздней бронзы, и которую ни с чем невозможно смешать. Любопытно, что и среди известного богатого ассортимента керамических типов различного возраста, начиная с неолита, в Месопотамии, Сирии и Малой Азии не удастся подыскать сколько нибудь близких параллелей.

7. Энеолитическая керамика в норбязетских материалах Е. Лалаяна

В Музее Грузии имеются еще единичные образцы целых сосудов несомненно относящихся к рассматриваемой группе и свидетельствующих еще об одном районе, где надо предполагать также существование могильников этой эпохи. Действительно среди многочисленного керамического материала из раскопок Лалаяна на западном берегу Се-

ванского озера удается выделить несколько сосудов. Об условии их нахождения, к сожалению, опять никаких данных не имеется и опубликованы они самим Лалаяном (165) в 1931 году нерасчлененно со всей остальной керамикой из погребений бронзовой эпохи. Особенно ярко выделяется прекрасно вылепленный широко-плоскодонный глиняный ковш (или чаша с ручкой) из Алигрыха (Гб. инв. 50—06:Е1) с вертикальными стенками (рис. 54а), черно-полированным снаружи и розовый, также гладкий, внутри и по отогнутому краю венчика, что придает сосуду своеобразный нарядный вид (табл. XX₁). Связь с рассматриваемой группой подтверждают круглые характерные вдавления и выступы на наружной поверхности сосуда и прекрасно моделированная ручка (табл. XXVI₃), типа 2-го варианта из зольника в Малакю (табл. XVI₅),

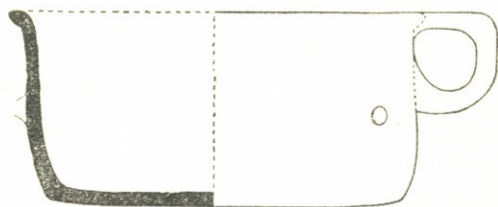

Рис. 54а. Профильное сечение черно-полированного с розовой подкладкой глиняного ковша из с. Алигрыха у Севанского озера (инв. 50—06:Е1).

В $\frac{1}{4}$ nat. вел.

совпадающая в то же время по форме с ручкой (с такой же мысовидной площадкой у венчика наверху) из вышеупомянутых сборов Т. Тороманяна (рис. 54б) близ Эчмиадзина в Кюль-Тапа (Ар. инв. 408:2).

Рис. 54б. Ручка черно-полированного глиняного сосудика из Кюль-Тапа, близ Эчмиадзина. (Ар. инв. 408:1).

Другой сосудик (Гб. инв. 64—05:В-34), обращающий на себя внимание, представляет собою миниатюрный горшочек также, но менее тщательно, вылепленный от руки с черной лощеной поверхностью и светло-бурой подкладкой (табл. XXVI₁). Он, как и вышеописанные орнаментированные кувшинчики, имеет коническую нижнюю часть корпуса, резко отделенную от вздутой зоны, и очень маленькое вогнутое доньшко. Сосудик видимо предназначался служить чаркой и с двух сторон бока его были сделаны вмятыми внутрь, чтобы облегчить держание в пальцах; на третьей же стороне его имеется круглая шишечка. Указание на точное местонахождение его не имеется, так же как и другого в этой же коллекции сосудика (Гб. инв. 50—06:R-50), имеющего, вместо вдавлений, два шишковидных выступа, очевидно для той же цели.

Что касается еще одного сосуда Музея Грузии (табл. XXVI_{2,4}), также неверно опубликованного Лалаяном в группе с поздне-бронзовыми, это чаши с вгибами, типа кизыльванкских, то о ней скажу ниже (см. стр. 111). Теперь же перейду к рассмотрению материалов из раскопок, проведенных тем же исследователем в 1927 году

в Эйларе и дающих ценный ключ к уяснению вопроса о месте, занимаемом рассмотренной мною керамикой, хотя сам автор, правильно понявший необычную древность обнаруженного им в Эйларе слоя, не воспользовался полученными им данными, ни здесь, ни в рассматриваемом ниже Шреш-Блуре, ни в Нахичеванском Кюль-Тапа, чтобы учесть в целом приоткрывшуюся ему картину.

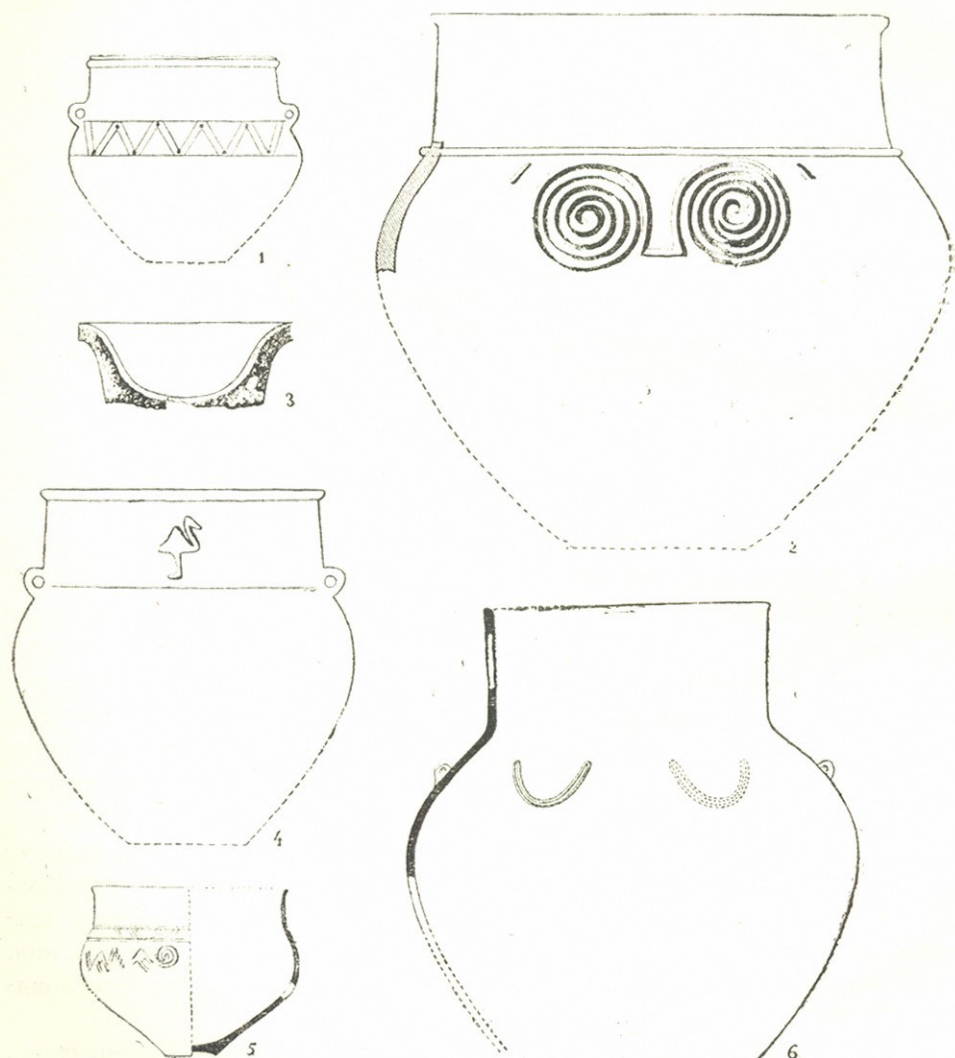

Рис. 55. Графическая реконструкция сосудов энеолитического слоя в Триалети: 1—4,—из погребения в Кикетах; 5, 6,—из нижнего слоя циклопического городища Ахыллар в с. Бешташени. (Рис. 1, 2, 4 и 6—в $\frac{1}{8}$ нат. вел. и рис. 3 и 5—в $\frac{1}{7}$ нат. вел.).

*Б. Некоторые данные из раскопок энеолитических поселений
в Армении и Грузии*

1. Раскопки Е. Лалаяна в Эйларе

I. Культурный слой с круглопланными жилищами. Опять, как и в других случаях, в Мялакю и Армавир-Блуре, интересующий нас слой оказывается в Эйларе территориально связанным с урартским поселением, воспользовавшимся, повидимому, и здесь старым насиженным местом. Раскопки в Эйларе собственно и вызваны были этим обстоятельством, поскольку здесь, рядом с остатками циклопической крепости,

по другую сторону ручья была найдена урартская надпись Аргишти I о покорении им страны города Дарани. Е. Лалаяном был раскопан здесь ряд различных памятников (166), как вокруг холма с крепостью, так и по его склонам и на вершине: „круглое жилище с одним входом“, каменный курганчик, погребения окруженные двойным кольцом из камней (4—5 метров в диаметре), площадь с очагом и пр. Нигде при этом не было обнаружено следов металла. Были лишь находимы в культурном слое костяные проколки, каменные песты, зернотерки, осколки обсидиана и тесловидной формы гальки, описанные автором в качестве каменных топоров и принятые им за показатели, якобы, неолитического возраста этого слоя. Последнее обстоятельство дискредитировало памятник, представляющий независимо от ошибочного его определения большой интерес. Напечатанные Е. Лалаяном выдержки из дневника его раскопок, к сожалению слишком недостаточно связанные приводимой полевой нумерацией с самими коллекциями, хранящимися в Ереванском Музее, дают ряд интересных подробностей. В центре каменных кругов, обыкновенно под большим неотесанным камнем, полу-

Рис. 56. Керамика из зольных слоев Эйларского холма: профильные сечения венчиков в $\frac{1}{3}$ нат. вел. (Ар 127:104—106) и чернополированный сосуд с „лицевой“ орнаментацией, в $\frac{1}{10}$ нат. вел.

рени им страны города Дарани. Е. Лалаяном был раскопан здесь ряд различных памятников (166), как вокруг холма с крепостью, так и по его склонам и на вершине: „круглое жилище с одним входом“, каменный курганчик, погребения окруженные двойным кольцом из камней (4—5 метров в диаметре), площадь с очагом и пр. Нигде при этом не было обнаружено следов металла. Были лишь находимы в культурном слое костяные проколки, каменные песты, зернотерки, осколки обсидиана и тесловидной формы гальки, описанные автором в качестве каменных топоров и принятые им за показатели, якобы, неолитического возраста этого слоя. Последнее обстоятельство дискредитировало памятник, представляющий независимо от ошибочного его определения большой интерес. Напечатанные Е. Лалаяном выдержки из дневника его раскопок, к сожалению слишком недостаточно связанные приводимой полевой нумерацией с самими коллекциями, хранящимися в Ереванском Музее, дают ряд интересных подробностей. В центре каменных кругов, обыкновенно под большим неотесанным камнем, полу-

торометровая в диаметре округлая яма, часто с каменным дном, наполненная слоями золы и земли и содержащая шлак, кости животных, а также кости человека (в частности черепа в меньшей или в большей сохранности), осколки кремня, „каменные топоры“ и керамику, в виде фрагментов или почти целых сосудов. В одном случае под курганной насыпью круглая яма, достигавшая 2,6 метра в диаметре, была обложена диким камнем.

Раскрытая на гумне Карапета Саркисяна площадка, размером в 3,38×1,94 метра, обнаружила на глубине 2,4 метра нечто вроде обставленного камнями очага с

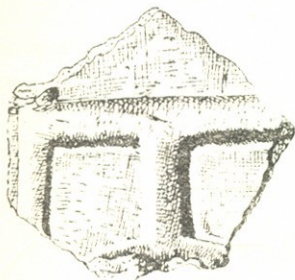

Рис. 57. Фрагменты чернолощеной керамики, орнаментированные накладными валиками из Эйларской крепости (Ар. инв. 127:88) и из Бешташенской крепости (Триалети).

двумя вложенными один в другой и опрокинутыми вверх дном чернолощеной сосудами и костяком ягненка, с одной стороны, и каменной зернотеркой, с другой (167).

Далее отсюда в том же слое был раскопан ряд круглых небольших ям с пеплом, принятых Лалаяном за

систему могил с кремацией, но, возможно, как показали продолженные здесь на другой год раскопки, служивших зерновыми ямами (168), хотя на дне одной из них находился человеческий череп лицом вверх, а в нахичеванском Кюль-Тапа, в подобном же слое, как мы выше упоминали (стр. 96), кости человека были находимы обычно в сопровождении золы, костей домашних животных и обугленных хлебных зерен.

II. Характер керамики. Просмотр керамических материалов из этих раскопок в Ереванском Музее показывает, что основные слои, раскрытые там Е. Лалаяном, сопровождаются той самой керамической группой, которую мы выше стремились выделить и которая характеризует „глиняный городок“ в Малакю. Мы здесь одинаково находим как образцы светло-бурой керамики, полностью соответствующей, и по техническим особенностям, и по разнообразию размеров, (и по деталям формы горла, венчика (рис. 56), корпуса, и по типу ручек) материалам из Кикет, так и прекрасно черно-полированной со светлой подкладкой, как в Малакю; имеются здесь и в точности такие же, как в „глиняном городке“, глиняные крышки (рис. 38_б) (Ар. инв. 127:443, 463), а также каменные зернотерки и песты.

Выше мы упоминали уже (стр. 91), что орнамент на одном горшочке из Заглика, в виде двух глазков и пары двойных усиков (табл.

XXII₂) находит аналогию именно среди образцов керамики (Ар. инв. 127:166) из Эйлара (рис. 56). Другой черепок, из найденных в циклопической кладке крепости, черно-полированный с розовой подкладкой и наклепными высокими валиками близок одному триалетскому фрагменту из соответствующего слоя циклопической крепости в Бешташене (рис. 57). Наконец резной прямолинейно-геометрический орнамент на третьем образце (табл. XXVIII₁) становится понятен при сопоставлении его с фризом на фрагменте из Кюль-Тапа (табл. XXIX₂)

2. Энеолитический слой эчмиадзинских холмов

1. Раскопки на Шреш-Блуре. Согласно Е. Лалаяну, третий слой Эйлара близко напоминает таковой же в холме Шреш-Блур, у дороги из Эчмиадзина на Ошакан. Холм около 123 метров в диаметре и 3¹/₂ метров высоты, сильно выравненный, благодаря постоянной распахке, был впервые исследован крестообразным разрезом на глубину 1¹/₂ метра тем же Е. Лалаяном в 1913 году, но отчет не был опубликован своевременно. Из сделанного только в 1931 году краткого упоминания об этих раскопках можно видеть, что интересующий нас культурный слой находится здесь под отложениями железной и поздне-бронзовой эпох и характеризуется, как и в ряде других случаев, скоплениями золы, большим количеством животных костей, обломков зернотерок, ладьевидной формы (30 см длины), и керамики ручной лепки. К этому слою относит Лалаян и каменный молот с желобчатой выемкой (рис. 58) „подобный американским топорам Лионского Музея“. Этот молот близко напоминает нахичеванские и кульпинские (169) и впервые дает основание для правильной их датировки, подобно западно-европейским образцам (170), глубокими эпохами, что недавно вновь прекрасно подтвердили раскопки Я. И. Гуммеля „кремневой мастерской“ в Килиг-Даге у Ханлара, где ранее подобные орудия из диоритовых и порфировых пород находил еще Рёслер (171) в каменоломнях вместе с кремневыми орудиями. Я. И. Гуммель (172) обнаружил большое количество молотов с желобчатой выемкой в глубоких слоях известкового щебня и кремневых отбросов, засыпавших, видимо, обширную яму (до 6 метров глубиной), вместе с несколькими найденными

Рис. 58. Каменный молот с желобчатым перехватом для рукояти из Шреш-Блур (по Лалаяну).

там образцами „мешочной керамики“ энеолитического возраста*. Совершенно такого рода молоты известны и из Малой Азии, в частности из древнейшего I слоя в Алишарском холме (173).

II. Особенности в орнаментации керамики эчмиадзинских зольников. Образцов керамики из слоя Шреш-Блура Е. Лалаян не собрал

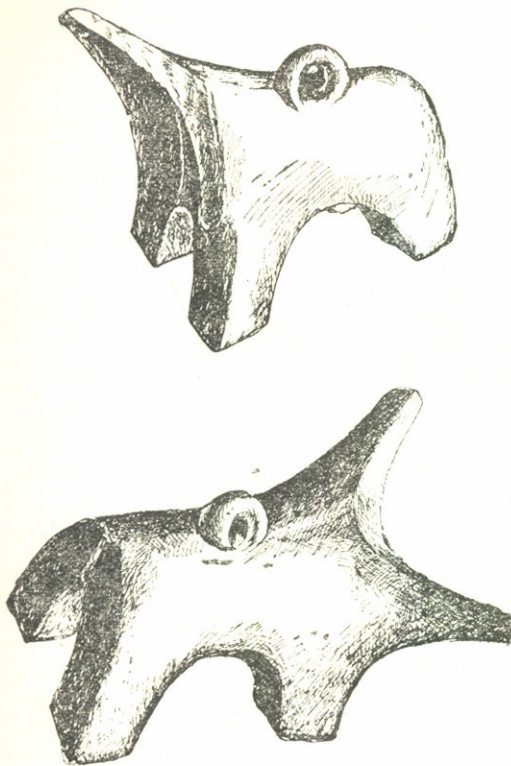

Рис. 59. Глиняная подставка из Шреш-Блура в виде стилизованной фигуры быка (Ар. инв. 779:18).

Около $\frac{1}{3}$ нат. вел.

и в Музей не доставил. Однако, как показали вышеупомянутые сборы Т. Тороманяна в 1927 году на другом, расположенном там же в 7 км от Шреш-Блура, такого же рода зольном холмище Кюль-Тапа, (табл. XXVII и XXIX), а также и сборы на самом Шреш-Блуре в 1928 году (170), поселения, аналогичные нижнему слою Эйлара, находились и в районе Эчмиадзина, при чем керамика, там, если и не вполне тождественна, по орнаменту, с Эйларской, то отличается от нее только еще большей специфичностью, характеризующей рассматриваемую нами группу, доказывая с новой силой культурное единство ее различных выражений.

Действительно здесь мы видим совершенно ту же прекрасную, большую частью черную полированную поверхность сосудов с более светлой подкладкой, те же типично моделированные ручки (рис. 61_з и 62_д), как в Малаклю, те же профили корпуса узкодонных форм, как в Лоре (табл. XXVIII_г) и на кувшинчиках Музея Грузии (табл. XXIV и XXV), с той же как на этих последних своеобразной и богатой композицией узора, обладающего, в то же время, здесь своими особыми технико-художественными особенностями.

* В этом факте мне пришлось убедиться и лично при осмотре в 1939 году глубокого раскопа Я. И. Гуммеля: два фрагмента желобчатых топоров были нами отмечены тогда в стенке разреза на глубине 3-х метров, рядом с характерными для этого пласта зольными линзами (как бы от очагов), содержащими мелкие обломки упомянутой керамики.

жественными чертами. Особенно привлекает, в этом отношении, внимание фрагмент из Кюль-Тапа (Ар. инв. 1227:1) от крупного (около полуметра в диаметре) толстостенного (более полутора см толщины) сосуда с черной лощеной поверхностью, серой подкладкой и двутипной орнаментацией горла и корпуса (табл. XXIX₂), как на вышеописанных сосудах Музея Грузии, особенно здесь декоративно внушительной, благодаря крупному

размеру сосуда. Характерный стилистический облик придает здесь узору другой прием моделировки замкнутого геометрического мотива на корпусе: не рельефом и вдавлением, а только желобчатой сильно углубленной линией. Этому техническому упрощению соответствует и упрощение в линейном движении орнамента: характерные спиральные завитки превращаются здесь в изолированные мотивы концентрических кругов. Однако композиция менее динамичная и как бы застылая, сохраняет свое типичное построение, поскольку об этом дает возможность судить прекрасный параллельный образец (табл. XXIX₁) Эчмиадзинского Музея (Ар. инв. 607), происходящий очевидно, если не из того же Кюль-Тапа, то вероятно из ближайшего к Эчмиадзину холмища, Шреш-Блура, где керамический узор переживает, судя по поднятым оттуда образцам (168), ту же стадию замены спиральных концовок изолированными фигурами концентрических кругов (табл. XXVIII₅).

Большой интерес для расширения представления об этой культуре представляет также найденная в разрушениях слоев на Шреш-Блуре (168) в 1928 году своеобразно стилизованная массивная глиняная фигура быка (рис. 59), (Ар. инв. 772:18, условно названа „козлом“) служившая, видимо, очажной подставкой. Несомненная принадлежность этой находки к рассматриваемому слою доказывается формой полу-

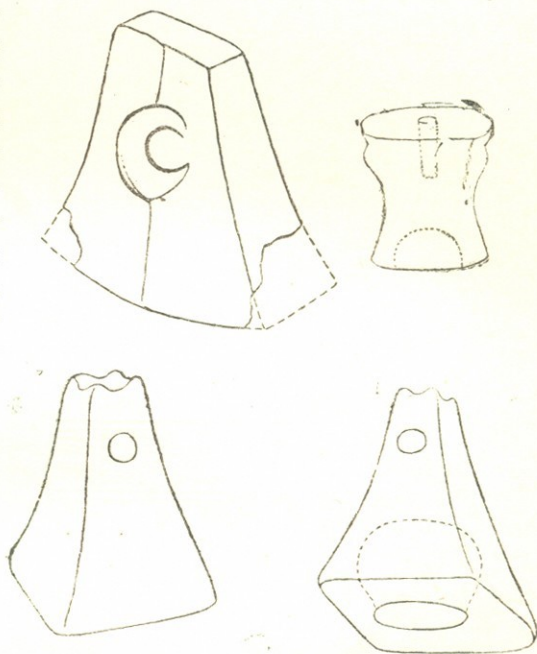

Рис. 60. Глиняные подставки: 1,—из Шреш-Блура (Ар. инв. 779:15), около $\frac{1}{6}$ нат. вел.; 2—4,—из Шенгавита (Ар. 1330:283). Около $\frac{1}{4}$ нат. вел.

шарной ручки, посаженной на спине быка *. Здесь же была найдена и другая подставка, четырехгранно-пирамидальной формы с такой же руч-

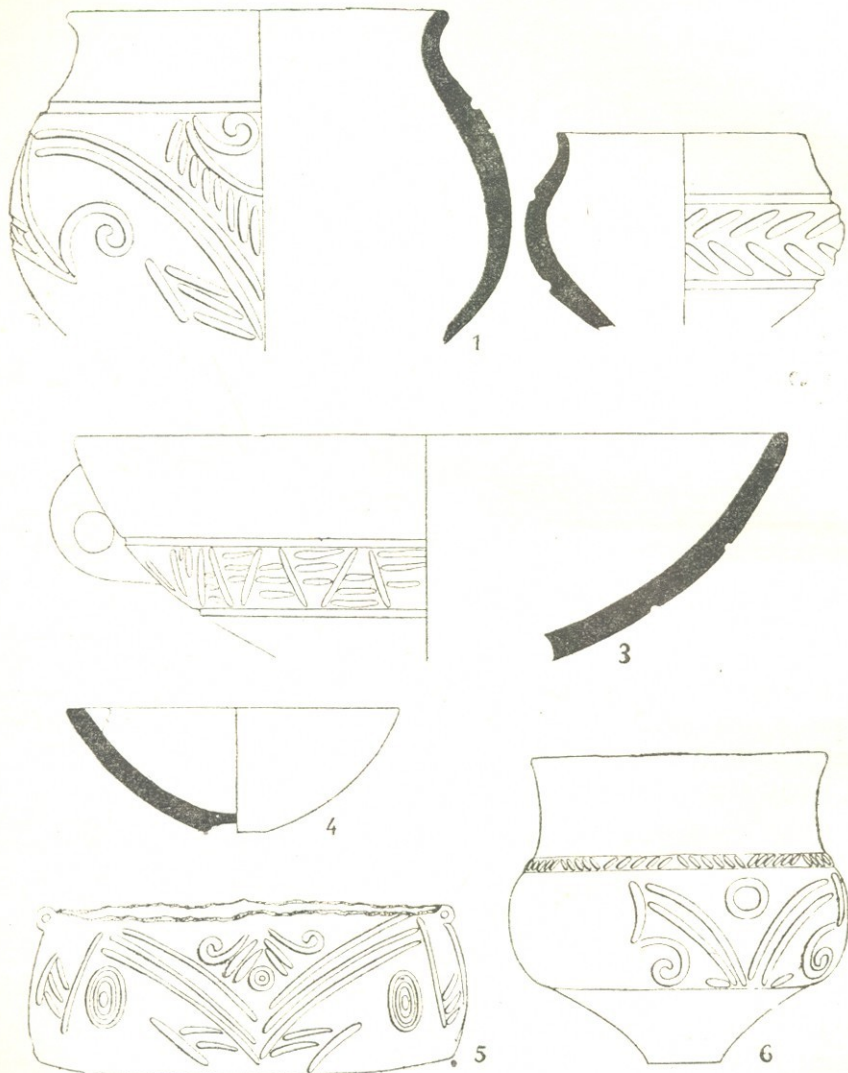

Рис. 61. Желобчато-орнаментованная прекрасно-чернополированная керамика из района Эчмиадзина, 1—3, 5 и 6 (Ар. инв. 607) и 4,—черно-полированная чашка из Шреш-Блура (Ар. 1232—10).

* Совершенно подобный же по форме и величине предмет был найден в 1935 году на поверхности Кюль-Тапа (168). Это лишний раз подтверждает культурное единство обоих холмов. По словам Б. Н. Аракелян, фрагмент такой же фигуры происходит еще с холма Кара-Тапа у сел. Гечерлу, бывшего Сардарабадского района, где он был найден также вместе с прекрасно-чернополированной керамикой.

кой сбоку, названная условно в инвентаре Ереванского Музея (Ар. инв. 772:15) «утюгом» (рис. 60₁).

Весь этот рассмотренный нами разрозненный и как будто разнохарактерный материал, резко выделяющийся в то же время среди всего, что до сих пор было хорошо известно по археологии Южного Кавказа, получает свое точное место в качестве определенного хронологического пласта особенно теперь на основе новых материалов Цалкинской экспедиции 1936—1939 годов в Триалети, с одной стороны, и раскопок древнего поселения Шенгавит, в 1936—1938 годах, близ Еревана с другой.

3. Исследования энеолитического слоя в Триалети

Раскопки в Триалети, как погребений, так и селищ с этой культурой в различных ее стадиях, а также полученная, тем самым, возможность установить стратиграфическое и хронологическое отношение ее к цветущей культуре триалетских курганов средне-бронзовой эпохи и предшествующей ей стадии древних курганов, позволяют говорить, при наличии выделенного нами выше ряда неучтенных памятников, об открытии на территории Куро-Араксского двуречья высокого культурного подъема в эпоху первого появления металла, аналогичного тем, какие археологические изыскания последних десятилетий обнаружили в верхней Месопотамии, Сирии и Малой Азии, при замечательном в то же время своеобразии и значительной независимости южно-кавказского очага от этих последних.

Поскольку соответствующий триалетский материал оказался до выхода в свет настоящей работы уже частично опубликованным и сопоставленным, как с керамикой Малакю, так и ряда других рассмотренных здесь пунктов, я опущу теперь его изложение и укажу только на отдельные моменты, имеющие в настоящем контексте особое значение.

1. *Древнейшие керамические комплексы в циклопической крепости Ахыллар.* В Триалети культурные слои с описанными типами керамики оказались, также, как в ряде других случаев, приуроченными к территории циклопи-

Рис. 62. Полушарные ручки чернποлированных с красной подкладкой сосудов: со сквозным отверстием от эчмиадзинской чаши (рис. 61₃) и непроемная из Шенгавита (Ар. инв. 1330:64). В $\frac{2}{3}$ нат. вел.

ческой крепости („Ахыллар“, близ с. Бешташени) в качестве ее древнейшего пласта, сильно потревоженного в последующие эпохи ее использования*. Самые формы обнаружения здесь древнейшего слоя раз-

Рис. 63. Кремневые и обсидиановое (6) орудия из Шенгавита (1—3, 5—7, 9—10) и Ахыллара (4, 8 и 11), в уменьшении.

* Это обстоятельство вовсе еще не значит, что все вообще циклопические сооружения Южного Кавказа возникли именно на этом древнейшем культурном пласте. Напротив, попытки обнаружить даже более поздние следы, эпохи бронзы, в ряде циклопических крепостей Триалети не увенчались успехом. Скорее оказалось возмож-

личны, но часто связаны с деятельностью огня: золой, обожженной глиной, шлаком, вторичным обжигом фрагментов керамики и проч. Обстановка найденного очага, с зернотеркой и с перевернутыми вверх дном сосудами (177), напоминает то, что отмечалось Е. Лалаяном в Эйларе (167). Характерна здесь также наполненная слоями обожженной земли и шлака круглая (диаметром

2—1,5 метра) яма глубиной более трех метров с поставленными на ребра двумя каменными плитами на дне. Упавшие в кучу пласты обожженной глиняной обмазки дымохода, покрывшие скопления золы, угля, битой глиняной посуды, образуют повидимому столь же типичную картину, как и замощенные камнем площадки жилищ, подлежащих дальнейшему выявлению. При этом обращает внимание разнообразие здесь керамических фаций, обнаруживающих соответствия с территориально различными находками, которые приходится рассматривать в зависимости от этого, не только как мест-

ные варианты, но и как одновременные проявления длительного процесса культурного развития на этой ранней ступени изживания неолитического хозяйственного оснащения, под влиянием внедрения металлических изделий и производства. Действительно среди керамических комплексов, раскопанных непосредственно на площади Бешташенской циклопической крепости и на прилегающих к ней небольших участках, имеются, с одной стороны, группы близко совпадающие („комплекс очага“) с находками в Кикетах и в Эйларе, с другой, группы образцов

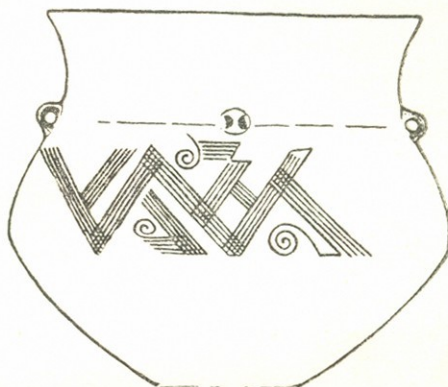

Рис. 64. Прекрасно-черно-полированный сосуд с четырьмя миниатюрными ручками и рельефным орнаментом из сел. Франгноца (Музей Армении).

ным подозревать, что типичная мегалитическая кладка могла практиковаться здесь и много позднее эпохи Ардама (IV век до н. э.), то есть даты, зафиксированной грузинским летописцем (174), и возникновение, например, таких дозорно-убежищных строений, как циклопические крепости на вершинах Малого Абула, Кёр-Оглы (Шаорская крепость) у Параванского озера (175) и мегалитические селения типа Надарбазеви у Бакуриани, может быть, целиком придется отнести уже к феодальному времени.

К сожалению мы до сих пор еще не имеем ни одного систематически археологически изученного циклопического сооружения Южного Кавказа и все существующие попытки классифицировать и хронологизировать их, как на территории Грузии (174³), так и Азербайджана и Армении (176) покоятся пока почти исключительно на внешних признаках формальных и топографических, и их типологическом и семантическом анализе.

с более изощренно выработанными полушарными ручками (табл. XV₅₋₇), типа Малакю и эчмиадзинских холмов, с вдавленными узкими доньшками (рис. 63₅), сочетанием выпукло желобчатого орнамента с линейно

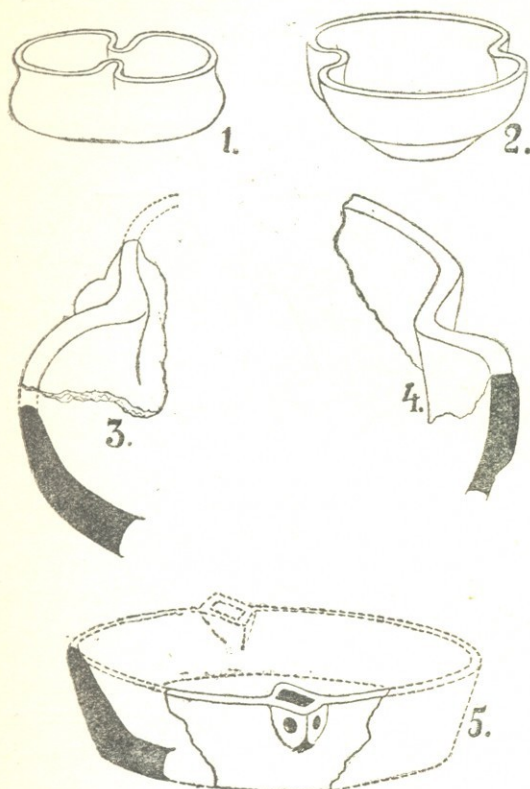

Рис. 65. Глиняные чаши с вгибами стенок: 1, чернополированная из погребения в сел. Арзни (Армения, Ар. инв. 1414), около $\frac{1}{7}$ нат. вел.; 2, красноокрашенная из Эчмиадзинской коллекции (Ар. инв. 556:35), около $\frac{1}{6}$ нат. вел.; 3, фрагмент чаши светлого обжига из Бешташенской крепости (Ц¹ 624 а около $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 4, фрагмент чернополированной чаши из Шенгавита (Ар. инв. 1330:73), около $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 5, фрагмент груболепленной буроглиняной миски красно-окрашенной внутри из Шенгавита (Ар. инв. 1330:286), около $\frac{1}{4}$ нат. вел.

графическим фризом, и с тонкой шлифовкой черной поверхности, как в Шенгавите наконец найдены здесь и образцы с орнаментом в чисто рельефной накладной технике, как, например, фрагменты с двурядно оконтуренными подковками (рис. 63₆) или со спиральной концовкой (см. Арх. раскопки в Триалети I, табл. СХХ₄) от «двуспиральной скамеечки» (типа очковидной фигуры, как на сосуде в Кикетах, но с сильно растянутой соединительной перекладиной), в точности совпадающей, по технике исполнения, форме и величине, с мотивом на эрмитажном сосуде из находок Н. Я. Марра (178) в 1893 году на северо-западном Арагаце в могильнике, относящемся к этой культуре. Замечательным образцом орнаментации в этой последней технике, накладного рельефа, является прекраснейший по тонкости отделки сосудов Ереванского Музея из Франгноца с двумя парами миниатюрнейших ручек и типичным, по движению и композиции, узором на одной лишь стороне сосуда (рис. 64).

II. Окрашенная керамика.

Весьма существенным фактом является также присутствие

среди керамического материала в Триалети, и в первом, и во втором комплексах Бешташенской циклопической крепости, фрагментов посуды

с окрашенной красной краской поверхностью черепка, как это имело место и в инвентаре Кикетского погребения (стр. 89). Удалось зарегистрировать в верхних частях слоя, со вторым комплексом, и настоящую красочную роспись на стенках сосудов. Любопытно, что полосами красной краски оказались декорированными и найденные здесь куски обожженной глиняной обмазки, а также края разрушенного поздней (ахеменидского времени) могилой округлого, из обожженной глины, стола или жертвенника (табл. XXVII₅), около 1 метра в диаметре. Самое присутствие этого „жертвенника“ в древнем слое крепости чрезвычайно характерно особенно наряду с фрагментами особого очага, типа (табл. XXVII₃) нижеописанных в Шенгавитском холме (рис. 67), где оказались найденными и глиняные изделия с красным покровом (глиняные крышки Ар. инв. 1330:227, груболепленная миска 1330:286, как бы имитирующая подобный очаг, рис. 65₅) и пр., а также фрагмент особого типа чашек с вгибами стенок, одна своеобразная форма которых указывает уже на связь оригинального шенгавитского комплекса с культурой окрашенной керамики.

III. Вопрос о чашах с вогнутыми стенками. Глиняные чаши овальной формы с прямыми краями и двумя вгибами стенок у венчика внутрь описаны впервые А. А. Спициным (179) в комплексе кизилванкской окрашенной керамики, как чаши, напоминающие формой отрез человеческого черепа. Тесная связь этих чаш именно с расписной керамикой доказывается экземпляром, несущим на себе красочный узор, хотя другие подобные чаши, обычно, лишены росписи. Одна такая чаша (табл. XXVI_{2,4}) из светлого обжига глины с ушком для подвешивания хранится в Музее Грузии и происходит из нор-базетских раскопок Лалаяна, опубликовавшим ее без всяких оснований вместе с инвентарем железной и поздне-бронзовой эпох (165). На самом деле ее следует скорее сблизить с той изолированной группой керамики, которую я выше уже выделил среди его сборов и связал с нашим материалом. Об этом с очевидностью и говорит приведенная находка в Шенгавите в 1936 году фрагмента такой чаши (Ер. инв. 1330:73), однако, с техническими чертами, присущими лишь керамике интересующего нас слоя: прекрасной полировкой черной наружной поверхности при светло-бурой, лощеной же, подкладке. Этот фрагмент (рис. 65₄) легко восполняется поступившими в Ереванский Музей в 1937 году двумя целыми экземплярами подобных чернолощенных же, этого типа, чаш из Арзни (Ар. инв. 1414 и 1415), где они были случайно обнаружены в погребении не содержавшем металлических вещей (рис. 65₁).

Имеющиеся среди материалов Эчмиадзинского Музея, без указания на место их происхождения, несколько таких же чаш (рис. 65₂) из

глины светлого обжига, с красно-окрашенной поверхностью снаружи и внутри (Ар. инв. 556:34, 35), можно, таким образом, отнести, на основании сказанного, к одной из двух представленных там керамических групп-или к группе расписных сосудов, по аналогии с Кизил-Ванком, или же к группе керамики из Франгноца, Шреш-Блура и Кюль-Та-

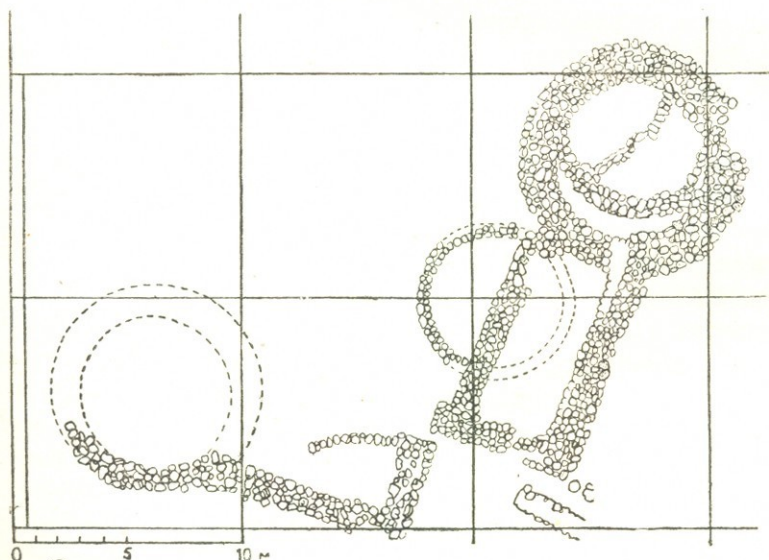

Рис. 66. Круглые постройки, типа „фолосов“ в энеолитическом слое холма Арпачия, близ Ниневии.

па, если исходить из находки фрагмента в Шенгавите и из наличия приемов окрашивания поверхности светло-обожженной керамики в комплексе Кикет (стр. 89) и энеолитическом слое Бешташенской крепости, тем более что в последнем пункте в верхних частях энеолитического слоя (2-ой слой в „крепостном рву“) был также найден фрагмент подобной же чаши (рис. 65_з). Этот фрагмент представляет собою часть

венчика и стенки с вгибом, снабженным в данном случае еще небольшим шишковидным выступом, обычно отсутствующим на известных пока экземплярах подобных чаш.

Наличие указанной находки чаш с вгибами стенок в Шенгавитском селище и в Триалети особенно существенно, поскольку Бешташенская крепость представляет многослойное поселение, где энеолитические слои находятся под хорошо различимыми комплексами поздне-бронзовой эпохи, а Шенгавитский холм является редким примером столь древнего памятника одной чисто выраженной культуры, отложения которой не потревожены последующей деятельностью человека и не содержат таким образом позднейших примесей (180).

4. Шенгавитское городище близ Еревана

Материал раскопок Шенгавитского древнего поселения еще не опубликован за исключением кратких, но систематически появлявшихся газетных информаций о ходе раскопочных работ в 1936—1938 годах, производившихся сначала Отделом Охраны памятников культуры при Институте Истории и Литературы Армении, а затем, последний год Арм. Фил. Акад. Наук, и небольшой заметки в „Вестнике Древней Истории“ в 1938 году о найденном здесь в 1936 году „культовом очаге“ (187). Тем более существенно в данном случае свести воедино эти немногие материалы и хотя-бы очень кратко охарактеризовать поселение на основании проработанных мною в Ереване коллекций* и ознакомления на месте с этим замечательным памятником, относящимся к блестящему расцвету занимающей нас сейчас древнейшей металлической культуры Южного Кавказа. Шенгавитское поселение расположено на высоком левом берегу р. Занги на окраине города Еревана за рабочим поселком и представляет собою плоское широкое возвышение с выступающими на поверхность культурным слоем и следами каменных кладок. При косых лучах солнца, особенно после дождя, хорошо различимы каменные круги, метров около семи в диаметре, разбросанные по площади холма, на расстоянии двух трех десятков шагов друг от друга, и остатки каменных стен на склоне, обращенном к реке Занге.

1. Круглопланные жилища. Раскопка кругов показала, что они представляют собою, повидимому, также как и обнаруженные (см. выше стр. 101) Е. Лалаяном в Эйларе (166), фундаменты круглых жилищ,

* За любезное содействие мне в этой работе приношу благодарность директору Музея Каро Геворковичу Кафадаряну и заведующему археологическим отделом Пайлаку Григоряну, а также сотруднице отдела Рипсиме Джамполадян, особенно помогавшей мне пользоваться инвентарными записями на армянском языке.

типа, так называемых (по аналогии с микенскими), «фолосов» (tholoi), раскопанных Маллованом (181) в тель-халафском слое Тель-Арпачия и Штэром (182) в обейдском слое Кудиш-Шагира близ Керкука и получивших совершенно особое развитие в круглых же, но многокамерных, постройках в неолитических слоях (слои XVII и XX) Тепе-Гавра (183). Стены этих жилищ в Шенгавите (184), толщиной около метра, сложе-

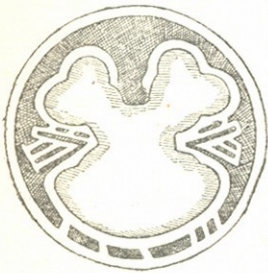

Рис. 67. Глиняный переносный очаг из второго «фолоса» в энеолитическом селище в Шенгавите, в $\frac{1}{15}$ нат. вел.

ны или из небольшого размера дикого камня или же, подобно как в Арпачия (рис. 66), из речных валунов на глиняном растворе, который в смеси с соломой образует также и наружную обмазку стен всего строения, хорошо сохранившую даже отпечатки пальцев под защитой покрывавшей основание стен и всю древнюю поверхность полуметровой толщи строительного мусора и почвы. Замечательно употребление здесь (185), подобно как в Кудиш-Шагире (182), для этих круглых построек и сырцового прямоугольного кирпича, составляющего, как мы видели выше (рис. 44), в „глиняном городке“ в Малакю основное содержание культурного слоя, а в жилых холмах верхней Мес-

сопотамии появляющегося вообще уже в тель-халафскую и самаррскую эпоху (186).

Вопрос о характере покрытия этих жилищ еще не поддается разрешению, хотя Маллован (181) предполагает возможным считать их форму ульеобразной, видя изображения этих жилищ среди деревьев на росписи некоторых образцов керамики в Арпачия. Однако в Кудиш-Шагире (Нузи) стены их без всяких признаков наклона, по мнению Штэра, имели скорее горизонтальное покрытие (182).

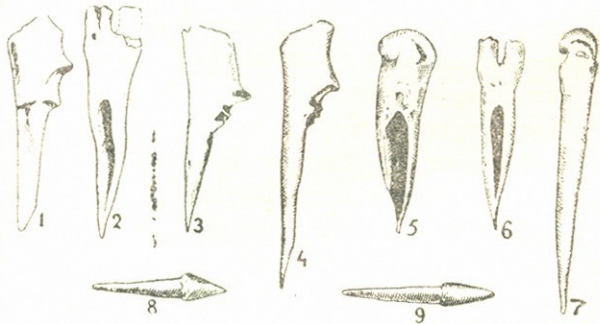

Рис. 68. Костяные проколки: 1 и 2, из Шенгавита; 3, из Эйлара; 4, из Наохвamu (Колхида); 5, из Алишара I (М. Азия); 6 и 7, из Телейлат-Гассула (Палестина) и костяные острия с коническими головками: 8, из Шенгавита и 9, из Алишара II (по Е. Шмидту). В $\frac{1}{2}$ нат. вел.

К круглым строениям, также как в Арпачия, примыкают в Шенгавите сохранившиеся местами до двух метров высоты стены четырехугольных помещений или дворов, располагающихся радиально от круглой залы (177). В центральной части каждого «фолоса» обнаружались

в Шенгавите круглые переносные очаги (187) из обожженной глины, нечто вроде мангалов для углей, почти до метра в диаметре и 25 см высоты, и плоские крупные камни, положенные вокруг (180). Оформление очагов крайне своеобразно: внутренние глубоко вдающиеся выступы стенок, снабженные иногда типичными для керамики описываемого слоя полушарными ручками и орнаментальным рельефом с характерным резким поворотом линий и „флажковидными“ концовками (ср. стр. 98) оформляют углубленную полость очага, в форме неравнолистного трилистника (рис. 67). Отдельные ячейки этой полости возможно служили для установки посуды, подогреваемой снизу углями. Поскольку таких „очагов“ найдено несколько, по одному, уже обязательно, в середине каждого круглого помещения, в них нет надобности видеть, при всем своеобразии их формы, специфический культовый очаг, как это казалось, при первом их обнаружении, так как и простой домашний очаг (торня) до сих пор играет на Ване роль святилища (207). Сам же характерный для этих очагов прием оформления полости выступами типичен вообще для изделий этого слоя, находя, собственно говоря, аналогию и в вышеупомянутых чашах с вгибами стенок, а также и в ряде других керамических фрагментов из Ахыллара и Шенгавита, например: на обломке (Ар. инв. 1330 : 286) от плоской красноокрашенной, светлого обжига, миски (около 30 см в диаметре) с клювовидным выступом внутрь, против ручки (рис. 65₃), как бы имитирующим, в малом масштабе, внутренние выступы в очагах (189).

II. *Бытовой инвентарь* Шенгавитского городища, по общему характеру, очень близок найденному в Эйларе и Шреш-Блуре. Вместе с множеством костей свиней, крупного и мелкого рогатого скота и диких охотничьих животных (олень) в большом количестве попадают каменные зернотерки (большею частью в обломках) из туфовой пористой породы, часто характерной ладьеобразной формы, как в Малакю, (табл. XIX₁), Бешташенской крепости (177), Шреш-Блуре (190) и пр., каменные пестики и т. п. Многочисленны сходные с эйларскими и вообще с распространенными в энеолитических слоях (рис. 68) костяные шилья, булавки и проколки из ножных бараньих костей с использованием необделанных эпифизов плюсовых и локтевых, в качестве ручек для держания в пальцах этих орудий, совершенно подобно как в палестинском энеолите (191). Характерны также полушарные костяные пряслицы (192).

Кремневые изделия состоят, главным образом, из пилообразных лезвий ножей и вкладышей в серповидные орудия (рис. 63), при чем последние по формам и двуфасной ретуши приближаются к более древнему египетскому типу, к фаюмским образцам, в которых Жак де Морган едва решается видеть принадлежности настоящих серпов (188). Обси-

диан, как и в Бешташенской крепости играет незначительную роль. Кремневых наконечников стрел, подобных триалетским (рис. 63 а, б) и степанокертским Я. И. Гуммеля (см. стр. 91), здесь найдено не было. Существенны для датировки интересующего нас культурного слоя находки в Шенгавите, сравнительно редких вообще в Передней Азии и отчасти Южном Кавказе, сверленных орудий (рис. 69): фрагмента небольшого топорика ромбовидных очертаний, мраморного, боченковидной формы, молотка

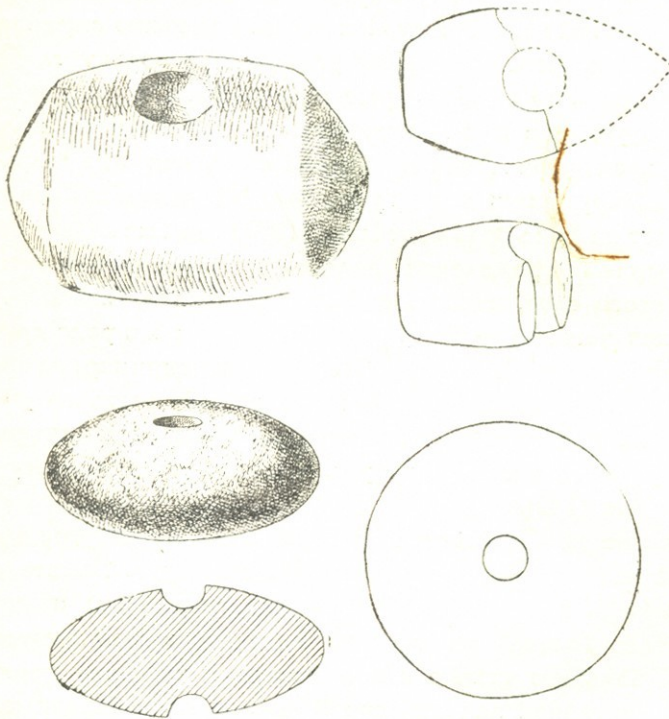

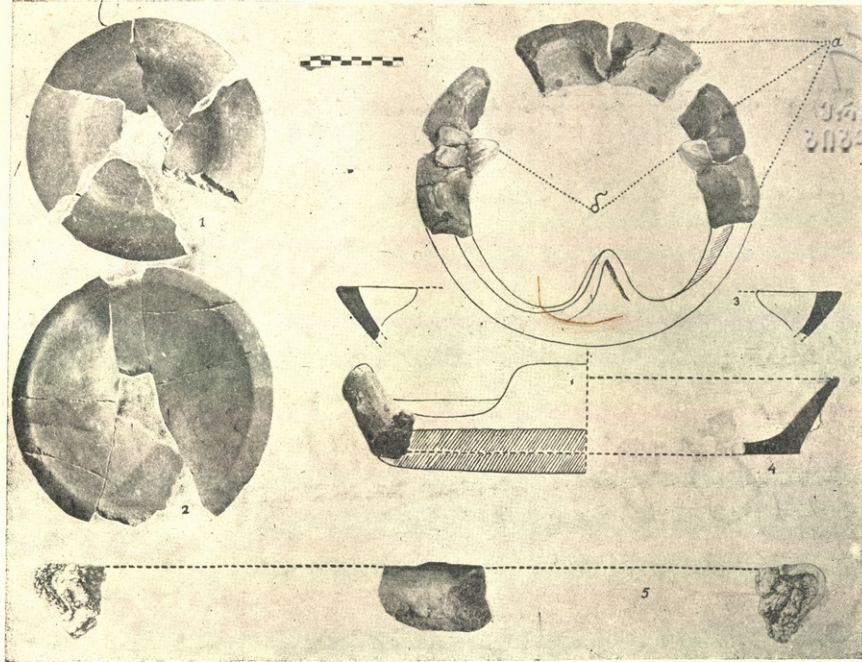
Рис. 69. Сверленные каменные орудия из Шенгавита: боченковидный недосверленный молоток, фрагментарный клиновидный топорик и орудие в форме сфероиды вращения с двумя встречными неглубокими сверлинами (Ар. 1330 : 322).

с незаконченным коническо - круглодонным отверстием (180) и булавовидного орудия, в форме сильно сжатого сфероиды вращения, с двумя встречными, но не доведенными до конца, сверлинами в центре (Ар. инв. 1330 : 322). Обращает напротив внимание отсутствие каменных молотов с желобчатым перехватом, типа „кульпинских“ и находимых в Эйларе, Шреш-Блуре и, в огромном количестве, как говорили выше, (стр. 103) в Ханларе.

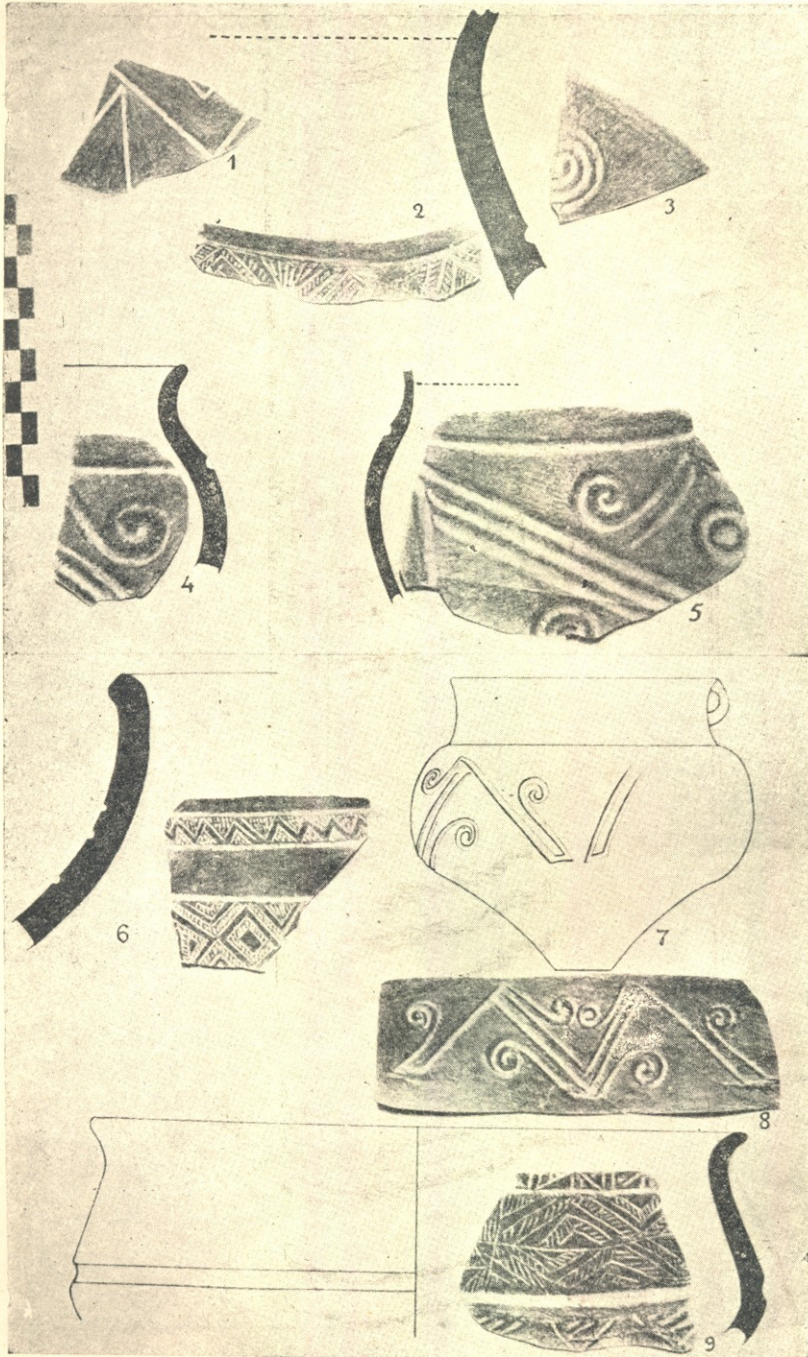
III. *Металлические изделия* представлены всего лишь несколькими наход-

ками, из которых наибольшее значение имеет ромбических очертаний четырехгранное небольшое заостренное к обоим концам медное шильце, характерное вообще для ранних этапов металлического производства как в Европе (I период Монтелиуса) (193), так и в Малой Азии (Алишар I), Иране (Тепе-Гиссар I) (194) и на Кавказе, и незначительные обломки булавок из медной проволоки (рис. 70).

IV. *Керамика.* Замечателен керамический инвентарь, распадающийся на две характерные группы: меньшую, — груболепленную из ком-

Образцы керамических изделий из энеолитического слоя в Триалети: 1, 2,—крышки; 3—5,—фрагменты «портативного очага», круглого «стола» и пр. Около 1/3: нат. вел.

Образцы узоров на чернотернованных орнаментированных фрагментах
энеолитического слоя и их профильные сечения: 1,—из Эйлара; 2, 3,—из
Дирякляра; 4, 5,—из эчмиадзинских холмов; 6, 9,—из Шенгавита; 7, 8—из
Артеви. В $\frac{2}{5}$ нат. вел.

коватой глины, слабо обожженную, но с красноокрашенной поверхностью (напр. рис. 64₃, 73 и пр.) и большую, — тщательно, хотя также от руки, формованную с полированной, обычно, черной поверхностью. Последняя отличается исключительно высокой техникой отделки, нарядностью и тонкостью декорировки, повторяя в целом характерные особенности керамики устанавливаемого мною культурного очага и даже подчеркивая в отдельных случаях еще более ее особые черты. Особенно типичны в этом смысле „кружки“, у которых нижняя неорнаментированная часть корпуса крайне резко отделяется от вздутого, в дан-

ном случае, боченковидного тела сосуда и, быстро сужаясь, по низкому конусу с вогнутой образующей, заканчивается миниатюрным снизу вдавленным доньшком (рис. 71). При этом отдельные сосуды, не теряя в качествах своей отделки и сохраняя типичные пропорции, достигают огромных размеров, как например прекрасный чернополированный «пифос», 55 см в диаметре, с двумя полушарными ручками над перегибом плечиков в горло, найденный внутри первого «фолоса» (187¹) и

и восстановленный теперь в Ереванском Музее. Особый habitus сообщает посуде Шенгавита преимущественное развитие, в орнаментовке, верхнего тонко графического прямолинейно-геометрического пояса, за счет нижнего рельефного с криволинейными элементами узора. И, хотя вогнуто-выпуклый спиральный мотив (табл. XXIX₄) продолжает прочно здесь держаться и достигает иногда крупных размеров (Ар. инв. 133:158), подобных кикетскому образцу, общая композиция этого узора теряет часто свою определенность и четкость и декоративно запутывается применением добавочной рубцевой заштриховки (рис. 72₂ и табл. XXX₃) рельефно выступающих, между желобчатыми вдавлениями, ребристых элементов (Ер. инв. 1330:68). Орнаментуются даже изолированные шишковидные выступы, как это видно на примечательном, в этом отношении, фрагменте (рис. 72₄) от очень крупного чернополированного

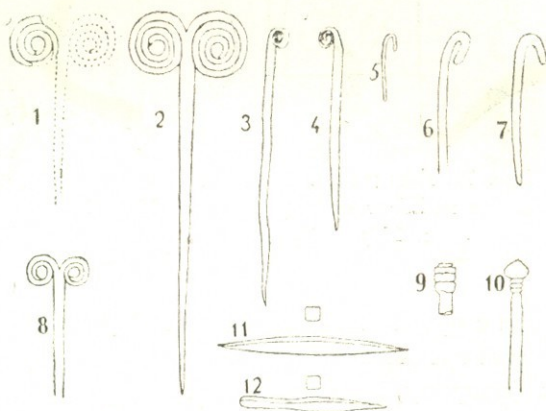

Рис. 70. Медные изделия (булавки и шилья) из энеолитических и ранне-металлических слоев древних поселений: 1, Бешташенская крепость (Триалети); 2, Тепе-Гиссар (Иран); 3, 5, 9 и 11, Шенгавит (Ереван); 4, Алишар I (М. Азия); 6, 8 и 10, Троя II; 7, Муханат-Тапа (Ереван) и 12, Алишар II. Все предметы, кроме 2-го, в $\frac{1}{2}$ нат. вел., 2-й в $\frac{1}{3}$ нат. вел.

сосуда с розовой подкладкой (Ар. инв. 1330 : 143). В соответствии, может быть, с указанной потерей композиционной замкнутости в рельефном украшении среднего пояса сосудов, получило здесь необычное развитие ребристое оформление корпуса с винтообразно изогнутыми рельефными валиками (рис. 72₁).

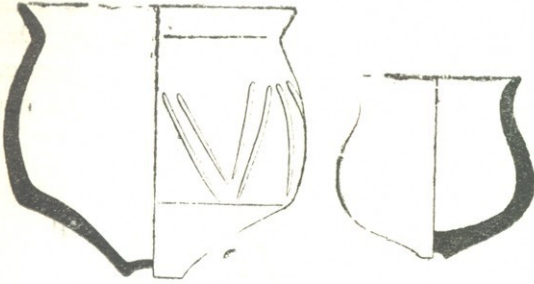

Рис. 71. Узкодонные чернopol рованные кубки из Шенгавита (Ар. инв. 133 : 240 и 152). В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

крышки с ручками в центре (как с характерными полушарными, так и особого типа трехножными, рис. 73), частью обработанные лощением по красному покрову, (техническим приемом представленным во втором комплексе Бешташенской крепости) (195), наконец типичные подковообразные очажные подставки, как в Малаклю, Армавире (табл. XVII), Нахичевани (рис. 51, Шор-Тона, Аз. инв. 1593).

V. Подковообразные подставки, наряду с обычными формами, представлены в Шенгавите образцами с особым оформлением средней их части в виде человеческой фигуры (рис. 74), в отношении которой подковообразные завороты подставки являются непропорционально увеличенными обнимающими руками, с обычными для этих подставок ступневидными концами. В связи с приведенным выше предположением (стр. 82) о происхождении формы эгейских „рогатых алтарей“, с которыми мы сопоставили очажные

Полностью совпадают по форме с вышеописанными материалами прекрасно выработанные здесь полушарные ручки, как обычные кругло-проемные, так и ложные (Ар. инв. 1330 : 64), лишь с намеченными с двух сторон углублениями (рис. 62₂), подобные образцам из Бешташенской крепости (Арх. раск. в Триалети I, табл. СXXIV₅), типичные круглые

Рис. 72. Орнаментированные фрагменты чернopolированных сосудов из Шенгавита, более чем в двукратном уменьшении.

игдырские подставки, из схематизации торса женской богини с магически поднятыми руками, находки в Шенгавите особенно интересны, как примеры подтверждающие, одновременно, и возможность этого последнего предположения, и вероятность указанной связи южнокавказских очажных подставок с эгейскими рогастыми жертвенниками.

Другого рода очажной принадлежностью, найденной в Шенгавите является, вероятно, и глиняная пирамидальная подставка в виде башенки с четырьмя зубчатыми выступами наверху, сквозным отверстием в верхней трети и широкой полостью внутри, открывающейся в основании (рис. 60). Это скорее всего подставка для вертела, аналогичная трем, найденным рядом с медным котлом в Триалети, в кургане XV (с золотым инвентарем), эпохи средней бронзы, того же размера, с сквозным отверстием и полостью внутри, но конической формы. К очагу, скорее уже не бытовому, а специально культовому, следует, может быть, отнести еще два любопытных фрагмента, найденных в 1938 году (Ар. инв. 1618 : 73 а б) и позволяющих восстановить совсем особую, также подковообразной формы, глиняную подставку на трех ножках с бараньими головками, которыми

Рис. 73. Красноокрашенная глиняная крышка с трехножной кнопкой и отверстием из Шенгавита. (Ар. инв. 1330 : 270).

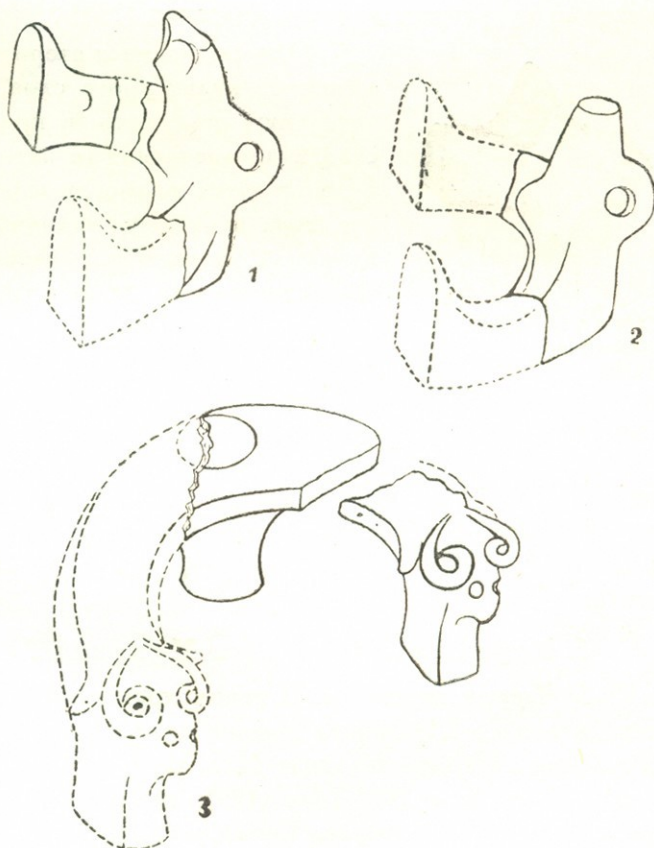

Рис. 74. Глиняные подковообразной формы подставки из Шенгавита: 1 и 2,—с антропоморфными деталями (Ар. инв. 1442 : 88) и 3,—с чашевидным углублением и концевками в виде бараньих голов.

(Ар. инв. 1618 : 73).

использовались для подставки на трех ножках с бараньими головками, которыми

заканчиваются ее концы, и с блюдцевидным углублением в центральной части дуги (рис. 74₃).

Кроме этого следует упомянуть о находках двух грубых фигур: глиняного человеческого торса (рис. 75) со слабо оформленной головой, как часто в нижнем слое Алишарского холма или в холме Арпачия и в других подобных памятниках, в виде острого выступа (Ар. инв. 1618 : 88), и туфовой животного (12 см длины и 8 см высоты) с едва намеченными ногами и головой (196), а также глиняных миниатюрных пряслицевидных (около 5 см в диаметре) моделей колеса с выступающими ступицами, совершенно аналогичных (но меньшей величины) находкам в Шреш-Блуре (197) и в энеолитических слоях северной Месопотамии, и того же размера, как в Кише, где они явно оказываются принадлежностями культовых моделей колесниц (198).

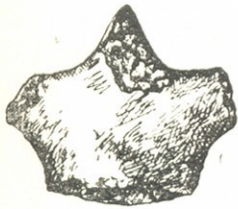

Рис. 75. Грубая антропоморфная глиняная фигурка из Шенгавита (Ар. инв. 1618 : 88).
Около $\frac{1}{3}$ нат. вел.

Однородность и стерильность в Шенгавитском городище культурного слоя, несмотря на его значительную мощность и продолжительность существования поселения (в нижнем слое на метр ниже пола круглых жилищ оказалась та же однородная культура и найдены глиняные очаги с трилистниковидной полостью, совершенно тождественные вышеописанным) делают особенно существенным факт полного отсутствия в Шенгавите следов расписной керамики. Это вполне подтверждает наши наблюдения в Триалети, что черепки со следами росписи начинают появляться только в верхней части слоя, со вторым энеолитическим комплексом,

Бешташенской крепости (Арх. раск. в Триалети I, табл. СХХI, СХХII), где то вместе с образцами чернополированной керамики, орнаментированной тонколинейно-вдавленным узором в прямолинейно-геометрическом стиле.

5. Керамика из холма Муханат-Тапа в Ереване

1. Черная керамика. В каком хронологическом расстоянии могут находиться от Шенгавита нижние слои другого Ереванского древнего поселения на холме Муханат-Тапа, расположенном у вокзала и начатом раскопками в 1935 году (199), пока еще полностью трудно сказать, но мне не пришлось лично увидеть оттуда, будто бы обнаруженных там (200), черепков эйларского типа. Напротив, осмотренный мною в Ереванском Музее материал только показал, что основной слой Муханат-Тапа, давший найденный на полу жилища фрагмент литейной формы (201) от пяточной части плоского тесла с плечиковидными боковыми выступами (рис. 23а₁₃), характеризуется керамикой поздне-

бронзовой эпохи, тождественной, по характеру, черной керамике таза-кендских погребений Чарковского, с зигзаговидным 2—4-х ленточным пояском вокруг сосуда, из поперечных двух-трех зубчатых гребенчатых вдавлений (например: образец Ар. инв. 1440:37 из Муханат-Тапа), и весьма близкой слою поздне-бронзовой поры Бешташенской циклопической крепости Ахыллар и Бармаксызского селища, где мы встречаем в точности такие же, как в Муханат-Тапа, приемы украшения чер-

Рис. 76. Керамические фрагменты, типа Муханат-Тапа (Ереван), из среднего слоя (поздне-бронзовой эпохи) Бешташенской крепости (Триалети): 1—3, 6,—дымленая серая керамика с лощеным узором; 4 и 5,—ручки, в форме „арочных мостиков“, из Бешташенского и Бармаксызского селищ; 7,—серая керамика с штампованным узором и 8—10,—фрагменты концентрически бороздчатых дниц с рубцами по краю от сосудов светло-бурого обжига. В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

но-серой не шлифованной поверхности посуды лощеным сетчатым узором, а также волнообразным толсто-резным, проведенным по сырому вращающемуся сосуду, пояском, те же характерные ручки, в форме „арочных мостиков“ (рис. 76.₄)*. Любопытно, что в Муханат-Тапа пришиваются к этой керамике в точности такие же, как в верхних горизонтах Бешташенского городища, фрагменты буроватых горшков с

* Приведенным на рисунке триалетским образцам мы имеем в Муханат-Тапа следующие, например, соответствия: 1—3-му и 6-му—Ар. инв. 1439:574; 4—5-му—Ар. инв. 1439:415; 8—10-му—Ар. инв. 1439:6.

концентрической резкой бороздчатостью дна и стенок (как в одной группе сосудов из Кахетии, Тб. инв. 5—33), вызванной особым приемом формовки, при чем днища этих сосудов одинаково в обоих пунктах украшаются по краю косо наложенными крупными насечками*.

II. *Краснолощенная керамика.* Другой резко выраженный на Муханат-Тапа комплексе посуды с характерной красной окраской (рис. 77)

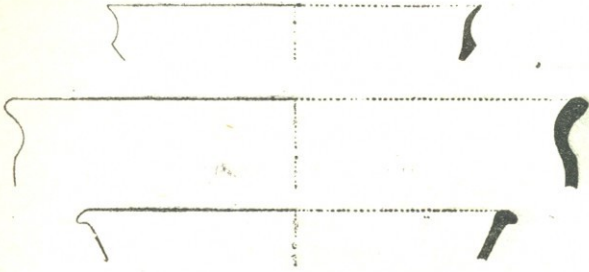

Рис. 77. Профильные сечения краснополированных сосудов (мисок) из урартского (?) слоя Муханат-Тапа (Ереван). В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

(стр. 59) столбчатой печати с схематичным изображением птицеобразных существ на боковой и донной поверхностях, типа выделенной нами в Малаклю и Топрак-Кале группы урартских печатей. На Цалке (Триалети) этот комплекс совершенно отсутствует и только в феодальную эпоху Грузии появляется здесь особая красная керамика, получаемая сходными с Ванской, (а также и анийских карасов, 202) приемами сплошного и участкового лощения покрытой красной краской поверхности черепка.

III. *Расписная керамика.* Наибольший интерес вызывает обнаружение в Муханат-Тапа фрагментов расписной керамики (203). Узор черноватой блестящей краской по лощеному ангобу состоит из заштрихованных, большею частью, сочной кистью полей, в прямую и ромбическую сетку или параллельными полосами, а также из бордюров, выполненных системой дугообразных и петельчатых росчерков и фестонов,

Рис. 78. Красноокрашенный с черной росписью сосуд из погребения близ Муханат-Тапа (Гос. Музей Армении).

* Не к этой же ли группе относится и керамика из Хорума, с зарубками по краю днищ, на которую ссылается Б. Б. Пиотровский характеризую инвентарь могильника близ Кармир-Блура (221).

напоминающих, в известной степени, мотив фестонов на полихромном фрагменте из Малаклю.

Встречена эта керамика, повидимому совместно (204) с красноангобированной керамикой урартского типа и, подобно тому как в Армавир-Блуре, в какой-то степени, примыкает к последней. Во всяком случае не имеется пока достаточных оснований связывать ее с древнейшими местными слоями расписной керамики, типа тазакентской Чарковского, от которой фрагменты из Муханат-Тапа резко отличаются и технически и типами узора и деталями формы сосудов. К сожалению не удалось выяснить характер и инвентарь случайно раскрытого в поле близ Муханат-Тапа погребения (205), давшего хорошо сохранившийся целый низкогорлый безручный кувшин с черной росписью по плечикам углами, поверх красноокрашенной лощеной поверхности (рис. 78), типа, хотя и не представленного в черепках из культурного слоя в Муханат-Тапа, но, возможно, как-то связанного с ними.

В. Вопрос о границах энеолитического культурного очага на Южном Кавказе

Надо считать еще слишком преждевременным в период почти первого накопления фактов, касающихся всех, как оказывается, весьма многообразных типов расписной керамики Южного Кавказа, решать задачу о ее периодизации. Только систематическая раскопка уже многочисленных памятников, где зарегистрировано ее наличие, поможет разобраться в этом интереснейшем и многообещающем материале. Тем более трудно сделать это в отношении еще более нового, впервые возникающего у нас здесь, вопроса об энеолитическом культурном пласте со всеми его территориальными фациями. Нашей первой задачей было сейчас лишь установить наличие и однородность этого пласта на значительном пространстве Куро-Аракского междуречья, выявив его «руководящие» формы. Несомненно, в дальнейшем удастся выяснить существование местных одновременно бытовавших модификаций этой культуры и последовательно развивающихся стадий и тогда должен будет также встать вопрос о взаимодействии различных художественных форм, прошедших самостоятельные пути развития, как это мы видим, например, в мессопотамском цветущем неолите, в отношении самарского и тель-халафского художественных стилей в их одновременной встрече, например, в Тель-Арпачия. При этом, конечно, основное значение будет иметь стратиграфическая дифференциация культурных слоев в многослойных поселениях этой эпохи. Сейчас мы можем только констатировать, что Шенгавитская своеобразная разновидность этой культуры проникает и на север территории. В городище Такаворанаст Кироваканского района (206), с того же характера укрепительной стеной, которая обнаружилась раскопкой Шенгавитского городища, керамические образцы приближаются своими особенностями и высоким уровнем художественной отделки (табл. XXX_{5,7}) к шенгавитским, представляя в то же время переходные формы к находке Л. В. Мухелишвили в Дманиси (табл. XXX₆) и образцам из Бешташенской крепости „Ахыллара“ в Триалети (рис. 55₃), где кроме того, как уже упоминалось, собрана особая группа черепков, орнаментированная прямолинейно-геометрическим тонко-линейным узором (Арх. раск. в Триалети I, табл. СXXXII). Вместе с тем, если проследить известные нам пока пункты находок

другого предмета, характерного для шенгавитского и игдырского (в Малакляу) культурного комплекса, именно подковообразной очажной подставки, обнаружится более широкое распространение однородного слоя с запада на восток от Карсской области до Нахичевана, в то время как в Триалети этот предмет совсем еще не наблюдался.

Таким образом (рис. 79) очерчиваются границы области выявленного нами на территории Южного Кавказа культурного подъема

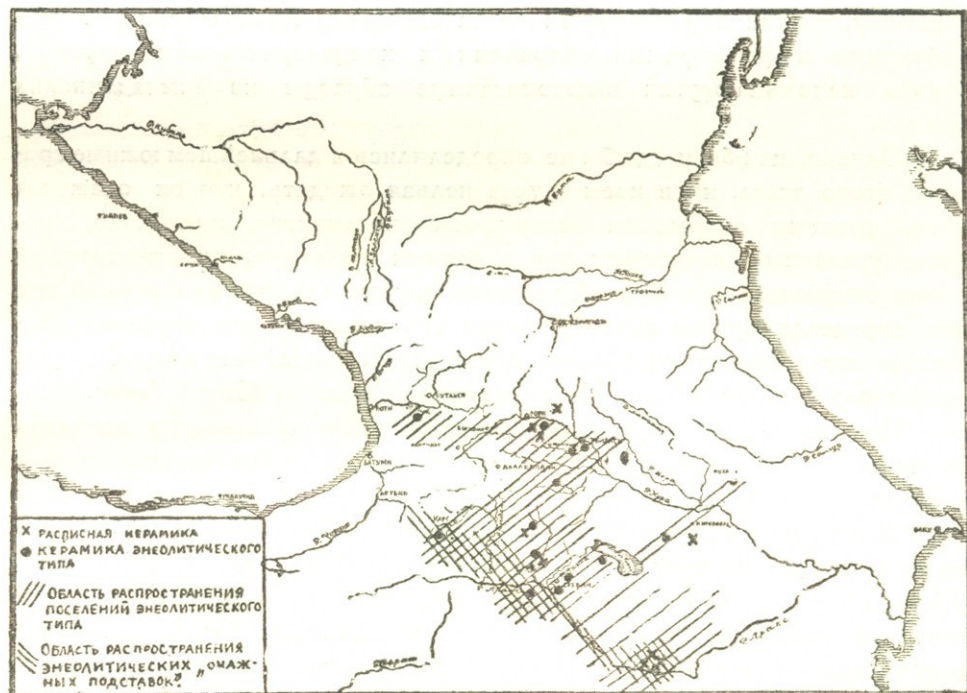

Рис. 79. Область обнаружения памятников энеолитического культурного очага в Куро-Араксском двуречьи.

в раннюю металлическую эпоху, не позднее III тыс. до н. э., с высокохудожественной керамикой, в условиях прочных оседло-скотоводческо-земледельческих поселений с защитными стенами, с домами круглого плана, построенными с применением воздушного кирпича, со следами культа домашнего очага, или огня, и женской богини.

Границы эти сейчас еще явно условны, особенно со стороны неизученных вообще территорий юга и юго-запада*;

* Я сознательно исключил в данном случае из рассмотрения некоторые находки, как например, в Дабла-Гоми и особенно в Сачхере, которые, хотя уже были мною сближены (217) по ряду существенных признаков с куро-аракским энеолитом, не дают в той мере полного ощущения культурного их единства с последним, в каковой объединяются нами сейчас внутри его рассмотренные выше памятники.

вера и северо-востока, хотя, как показывают раскопки в 1939 году археолога А. П. Круглова (208), в Северном Дагестане оказались весьма явственные намеки на отражение и там некоторых форм этого раннего южно-кавказского культурного очага. Так мощный культурный слой на одном исследованном холме у с. Кая-Кента, и в поздне-бронзовую эпоху тесно культурно связанного, как показал Е. И. Крупнов (209), с Южным Кавказом, содержал, наряду с зернотерками, пестами, кремневыми вкладышами серпов, костяными шильями, чернолощеную керамику, до сих пор неизвестного на Северном Кавказе типа, с желобчатыми и рельефными спиралями и концентрическими кругами, близко напоминающими вышеописанные образцы из эчмиадзинских холмов.

Однако, как-бы и где бы не определились в дальнейшем южные границы этого очага, ни в коем случае нельзя ожидать, что он окажется лишь простым отпрыском северно-мессопотамского, поскольку, при выше указанных некоторых параллельных явлениях, художественный облик открывшейся в Куро-Аракском двуречьи ранней культурной стадии определен крайне своеобразными стилистическими чертами, полностью отсутствующими во всех известных и достаточно подробно уже исследованных памятниках Месопотамии, Сирии и Малой Азии.

Прежде всего характерной чертой южно-кавказского энеолита оказывается то, что развитие художественного керамического производства пошло, в противоположность „субарскому“ (в смысле Унгнада, 210) югу, не по пути красочной росписи по светло-обожженной глиняной поверхности сосудов (Тель-Халафский, Самаррский, Обейдский, Эламский стили), что характеризует и ванский энеолит (211), а в сторону художественно изощренного использования еще более ранних традиций черно- и светло-полированной керамики, так называемого „древне-монохромного рода“ („altmonochrome Gattung“), ступени Сакчегёзу в Северной Сирии, где этот род керамического производства, подстилающего, как оказалось, всюду в Сев. Месопотамии древнейшие пункты прочной оседлости, был впервые обнаружен в чистом виде (212).

Сохраняя первоначальные приемы прямолинейно-геометрической резной и желобчато-вдавленной орнаментации древнейшей протохеттской керамики, тяготеющей к Западной Анатолии (213), типа Ахлатлибель (близ Анкары), гончарные мастерские Южного Кавказа, развили, из опыта простой полировки и желобчато-лощеного рисунка, вогнуто-рельефные мотивы украшения, совершенно до сих пор не обнаруженные, в таком виде, на территории Передней Азии.

Совсем новым явилась также идущая, может быть, от традиций лицевых урн Западной Малой Азии (первая ступень Трои) особенность, присущая нашей керамике, сосредоточивать орнаментацию со-

суда только на одной „лицевой“, так сказать, его стороне, а не вокруг всего сосуда, как обычно. Полученная, в связи с этим, необходимость композиционно заканчивать мотив привела к тем совершенно необычным и своеобразным орнаментальным формам „сдержанной динамики“, которая является столь замечательной и характерной чертой нашего энеолитического стиля.

Типичной и совершенно чуждой для древнейшего искусства всего Переднего Востока, за исключением лишь, в известной степени, архаического Египта (214), является также пользование у нас мотивом спирали, позволяющей подозревать опять-таки скорее какие-то древнейшие связи с центральным Средиземноморьем, где мотив спирали получил разностороннее развитие (215) и имеет глубочайшие корни (216). Тем более вероятным может оказаться, что намеченный нами выше путь, связывающий „подковообразную очажную поставку“, через алишарскую находку, с Эгеей, является чем-то реальным.

Таким образом, все сказанное указывает на то огромное значение, какое могут приобрести собранные и сопоставленные нами факты, обнаруживающие существование на территории Куро-Араксского двуречья древнейшего культурного очага, для понимания ранних процессов этнического и культурного оформления Южного Кавказа, в частности для укоренения выдвинутого ранее автором положения об автохтонности грузинской культуры на Кавказе (218), и какое место должно принадлежать в этом вопросе археологическому изучению зольных холмов, типа Кюль-тапа, Малаклю, Шреш-Блура, циклопических крепостей типа Бешташенского Ахыллара, Шенгавита, могильников типа Кикет, и пр.

ბ. კუჭბინი

უკრაინული კოლუმბარეუმი არარატის ძირში და მტკვარ-არაქსის
ენეოლითი

რ ე ზ ი უ მ ე

ეს ნაშრომი შედგება ორი ნაწილისაგან: I. აღწერა და ანალიზი საქართველოს მუზეუმში დაცული იმ მასალებისა, რომელნიც დაგროვილი არიან ტოპოგრაფ პ. პეტროვის მიერ 1913 წელს ერთი ქრონოლოგიურად ორგვაროვანი ძეგლის გათხრის შედეგად (მდ. არაქსის მარჯვენა ნაპირზე, სოფ. იგდირის მახლობლად); II. გამოვლინება სამხრეთ კავკასიის მიწა-წყალზე ენეოლითურ ეპოქაში კულტურული განვითარების საკუთარი კერისა, რომელიც პეტროვის კოლექციის ძველი ნაწილის თანადროული არის.

I A. იგდირის ძეგლის ზედა ფენა წარმოადგენს თავისებურ სამაროვანს—კოლუმბარეუმს, შემდგარს მიცვალებულთა ფერფლის შემცველი და მათი პირადი ინვენტარით გარშემორტყმული ქილებისაგან, რომელნიც ჩადგმული არიან ლაფური ნაკადის ვულკანური ტუფის ნაპრალებში (სურ. 13 და ტაბ. II 2-7; სურ. 4—12). ამ ლავას დაუფარავს ნახანძრი და ნანგრევი ძველი მოსახლობისა, რომელიც მდებარეობდა იქვე, კოლუმბარეუმის სამხრეთით, იგდირ-მარქარუს გზის გადაღმა (სურ. 1). საფერფლე ქილების ზედაპირი წითლადაა მოპრილებული; გვერდში ყველას თითო მრგვალი ნახვრეტი აქვს დატანებული.

მიცვალებულის ინჰუმაცია ერთადერთი, გამონაკლისი შემთხვევით იყო წარმოდგენილი (სურ. 2—3).

იმის გამო, რომ აქ გაბატონებულია მიცვალებულის კრემაციის წესი (რომელიც სამხრეთ კავკასიაში ჯერჯერობით რომაულ ხანაზე ადრე არსადაა ცნობილი), რომ კერამიკა ფერად წითელია და რომ ინვენტარი რკინის იარაღს შეიცავს, იგდირის სამაროვანს რომაული დროით ათარიღებდნენ. ამ მოსაზრებას აძლიერებდა ის ფაქტიც, რომ სამაროვანის მახლობლად აღმოჩენილი იყო ანტონინე პიუსის ვერცხლის დენარი. მაგრამ სამაროვანის ინვენტარის ანალიზმა დაგვარწმუნა, რომ ამგვარი დათარიღება მცდარია. აღმოჩნდა, რომ ერთ-ერთ სამარხში ნაპოვნი ბრინჯაოს ჭურჭლის ნამტვრევები (ტაბ. III 6; XII 2) ეკუთვნიან სიტულების კარგად ცნობილ ტიპს (ტაბ. XII), რომელიც ახასიათებს კოლხურ-ყოზანურ ბრინჯაოს კულტურას და რომელიც გავრცელებულია აგრეთვე უკრაინაში (30, 32, 33), წინარესკითხური ხანის ყორღანებში (სურ. 25). გარდა ამისა, მოხერხდა წითელპრიალა კერამიკის მიახლოება თოფრახ-ყალას (5) კერამიკასთან, რომლის მსგავსი 1879 წელს აღმოაჩინა ა. უვაროვმა (8) არმავირ-ბლურზე (ე. ი. ბორცვზე, რომელზედაც საგუ-

ლისხმებელია ურარტულ წარწერებში ხსენებული ქალაქი არგიშტიხინილი), ორფერად მოხატულ კერამიკასთან ერთად (სურ. 20), რომელიც უვაროვმა შეცდომით მიაკუთვნა გვიან რომაულ ხანას. ამგვარად მივიღეთ შეფარდება, ანალოგიური იმისა, რასაც ერევანში, მუხანათ-თათაზე აღმოჩენილ კერამიკაში ჰქონდა ადგილი (199, სურ. 77).

ყურადღებას იპყრობს ისიც, რომ კოლუმბარიუმის მძივთა შორის სრულიად ვერ ვხედავთ ელინისტურ თუ რომაულ ნაწარმს. სამაგიეროდ აქ გვაქვს სამი სიქასაბეჭდავი (ტაბ. IX), რომლებზედაც ამოკვეთილია ზოომორფული გემები. ამ საბეჭდავთაგან ერთი დიდი, ბლოკისებრი მძივია (ნაპოვნი იმ სამარხში, რომელშიც წარმოდგენილია ინჰუმაციის ერთადერთი შემთხვევა; სურ. 2), ხოლო ორი — სვეტიცებრი საკიდი. გამოხატულებათა მიხედვით (სურ. 33) ჩვენ ამ საბეჭდავებს ვამსგავსებთ თოფრახ-ყალას თიხაზე ანაბეჭდებს (101) და ზოგ სხვა შესატყვის ნივთს და ამრიგად ვადგენთ დღემდე მცირედ გამოვლინებულ ტიპს ურარტული საბეჭდავებისა, რომელთაც, წინა აზიის სხვა ნაწილებში გაბატონებული საბეჭდავ-ცილინდრების წინააღმდეგ, შეუწინააღმდეგებლად აზიანეკური ფენის სიქასაბეჭდავთა არქაული იერი.

ყოველივე ზემოთქმულის მიხედვით ჩვენ მივდივართ იმ დასკვნამდე, რომ პეტროვის მიერ გათხრილი სამაროვანი ეკუთვნის არა რომაულს, არამედ ვანის ხანას და ამასთანავე არა მკვიდრ მოსახლეობას (რომლის ამდროინდელ სამარხთა ტიპები და ინვენტარი კარგადაა ცნობილი), არამედ ალბათ, ვანის ტბის მხრიდან მოსულებს. მაშასადამე, ვანის ტბის რაიონში ამ დროისათვის უნდა ვიგულისხმოთ მიცვალებულის დაწვის, კრემაციის წესი, რაც არც იმთავითვე ყოფილა მაინცდამაინც უჩვეულო მესოპოტამიის (135—138) და სირიის ძირითადი ეთნიკური ფენისათვის, ხოლო მოგვიანებით მიტანის სამეფოსა (142) და ხეთების მეფეთა სამარხებისთვისაც (140).

თუ ჩვენი მსჯელობა სწორია და ეს კოლუმბარიუმი მართლა ურარტელებს ეკუთვნის, მაშინ ადვილად აიხსნება აქაურ მძივთა თავისებური, იმ დროის სამხრეთ კავკასიისათვის უჩვეულო შედგენილობაც: ჩვეულებრივი მასალის, სარდიონის მაგიერ აქ გაბატონებულია ზოლოვანი აქატი და უფერული მინა (ტაბ. VI). აგრეთვე გასაგები უნდა შეიქნეს ის გარემოებაც, რომ აქ ვხედავთ სამხრეთ კავკასიისათვის იშვიათი სტილის ლომისთავიან სამაჯურებს (სურ. 27 და ტაბ. V₉₋₁₁). ეს უკანასკნელი ეკუთვნიან იმავე ტიპს, რასაც ს. ზაქიმში აღმოჩენილი სამაჯური (44), რომლის თანხლები ბრინჯაოს სარტყლის ორნამენტი თავის დროზე შედარებულ იქნა მელგუნოვის განძში შემავალი მახვილის ორნამენტთან (72). მოგვაქვს რა პარალელბად შირაქში ნაპოვნი, მაგრამ ერევნის მუზეუმში დაცული ბრინჯაოს ფირფიტა (სურ. 31), 1905 წელს სოფ. გუციში (ურმის ტბაზე) ნაპოვნი ბრინჯაოს სარტყელი და F. Sarre-ს (47) და A. V. Poope-ს (49) მიერ გამოქვეყნებული, აქემენიდურ-ირანულად მიჩნეული ბრინჯაოს ხარისდავები (ტაბ. X), ჩვენ ვცდილობთ დავამტკიცოთ, რომ ყველა ეს ძეგლები ურარტული წარმოშობისა და ასაკისა არიან. კერძოდ ბრინჯაოს შესანიშნავი ხარისთავები, ჩვენი აზრით, წარმოადგენენ მაღალმხატვრულ ნიმუშებს მათი თანამედროვე ხელოსნური რეპლიკებისათვის, როგორცაა, მაგ., თოფრახ-ყალაში

ნაპოლეონი და ბრიტანეთის მუზეუმში დაცული (ინვ. 91, 241 კატალ. 324), ეტლის გამირისაგან ამძვრალი (66) ხარისთავეები (ტაბ. XI) და განსაკუთრებით კერმიტაჟის ქვაბის აპლიკაცია (ტაბ. XI 4), აღმოჩენილი ურარტული ტიპის (53—58), სირენისებურ ტართან ერთად (სურ. 30).

იგდირის კრემაციული სამაროვანის ამგვარი, ფრიად გარკვეული დათარიღების საფუძველზე ახალი მნიშვნელობა ენიჭება მასში აღმოჩენილი სიტულის ნატეხს, რომლის შესახებ ზემოთ გვქონდა საუბარი (ტაბ. XII). საქმე ისაა, რომ ეს სიტულა თავის მხრივ აზუსტებს ყობანური ბრინჯაოს კულტურის გაფურჩქვნის სტადიის ასაკს (ტაბ. XIII და XIV), რაც ჩვეულებრივ ეგებ მეტისმეტად ღრმად არის ხოლმე გადაწეული (20). უნდა ვიფიქროთ, რომ ამ დროს ყობანში განაგრძობდნენ უდიდესი ოსტატობით ჩამოსხმას ბრინჯაოს იარაღებისას (კერძოდ ტიპური „ყობანური“ ცულებისა და გვერდებ-გამოწეული ბრტყელი ცულებისა, სურ. 23), ხოლო ვანის ტბის ტერიტორიის მოსახლეობა, როგორც სპილენძის მადნებით უფრო ღარიბი, უკვე სავსებით იყო გადასული რკინის იარაღებზე.

I B. სულ სხვაგვარია და მამასადამე ქრონოლოგიურად კოლუმბარიუმს არ უკავშირდება მის სამხრეთით მდებარე, ლავით დაფარული ნასოფლარის ინგენტარი. მისი კულტურული ფენა შედგება სქლად დაფენილი ნაცრისაგან (რომელსაც გლეხები მიწის გასაპოხიერებლად ხმარობენ) და გამოუმწვარი აგურების ნაშალის დიდრონ გროვათაგან (სურ. 44), რომელთა გამოისობით ნასოფლარს პირობით „თიხის ქალაქს“ უწოდებენ. ეს ფენა მრავლად შეიცავს რქოსანი საქონლის ძვლებს, ქვის ხელსაფქვათა ნატეხებს თუ სხვა ნივთებს (ტაბ. XIX 1-6), ობსიდიანისა და კერამიკის ნატეხებს, მაგრამ მასში სრულიად არაა ლითონისა და მინის ნაშთები. (გამონაკლისს წარმოადგენს სპილენძის ნაკვერი ძელაკები, რომელნიც ეგებ აქ იყვნენ ნაპოვნი). კერამიკა ძლიერ განსხვავდება კოლუმბარიუმის კერამიკისაგან და მას არაფერი აქვს საერთო არც სამხრეთ კავკასიის სხვა რომელიმე სამაროვანის კერამიკასთან, ბრინჯაოს ხანისა იქნება იგი თუ უფრო ახალი. მას ახასიათებს ერთი მხრით ძერწვის არქაული წესები და მორგვის გამოუყენებლობა, ხოლო მეორე მხრით ოსტატური მოდელირება და მშვენიერად მოპირკეთება, ანგობისა და გულდასმით გაპრიალების საშუალებით. აგრეთვე დამახასიათებელია ნახევარსფერული ყურები (ტაბ. XV 1 და XVI 6; ფართო ცილინდრული ყელები (სურ. 34); სარქვლები (სურ. 37); შავად მბრწყინავი ზედაპირი და ვარდისფერი სარჩული; ყელის ორნამენტად ამოკვეთილი, გეომეტრიულ-ლენტური სახეები, ხოლო სხეულის ორნამენტად ღარული, სპირალებით დაგვირგვინებული სახეები (ტაბ. XVI 1-3 და სურ. 35). ჭურჭლის ნამტვრევებთან ერთად ზოგჯერ გვხვდება ნატეხები ერთგვარი კერამიკული საგნისა (ტაბ. XVII 4, 6-3), რომელსაც ნალისებრი მოყვანილობა და უკან ხელმოსაკიდი ნაშვერი აქვს ხოლმე (სურ. 39). იგი რამდენამდე ემსგავსება ალიშარ III-ში აღმოჩენილ „რქოვან საკურთხევლებს“ (horned altars) (სურ. 40), ხოლო მათი მეშვეობით აგრეთვე ეგეოსური ორმაგი ცულის ქალღმერთის ჯერაც ამოუცნობ ატრიბუტებს (სურ. 41 და 42).

რაკი ამ ნასოფლარის გათხრებს ოდნავაც კი არ ჰქონიათ გეგმაშეწონილი ხასიათი და მასალა შემთხვევით დანაგროვია (კერძოდ, არაა გარკვევით დო-

კუმენტირებული ორფეროვანი ჭურჭლის ნატეხი, გამოხატული მე-40-ე სურათზე და XVIII ტაბულაზე), იგდირის ნაცროვანის დღემდე სრულიად უცნობი ტიპის კულტურის შემეცნება და მისთვის სათანადო ქრონოლოგიური ადგილის მიჩენა შესაძლოა მხოლოდ პარალელური, სტრატეგრაფიულად უკედ გაშუქებული ნიმუშების უფრო ფართოდ განხილვის გზით.

სწორედ ამ მიზანს ემსახურება ნაშრომის მეორე ნაწილი, რომელიც თავის მხრივ სამი განყოფილებისაგან შედგება:

A. „კავკასიის მუზეუმის“ ძველ კოლექციებში პარალელური ძეგლების გამორჩევა და გამოვლენა;

B. მიმოხილვა გათხრებით მოპოვებული იმ მონაცემებისა, რომელთაც შეუძლიათ შესატყვისი კულტურული ფენა დაგვიხასიათონ სამხრეთ კავკასიაში;

C. ცდა იმისა, რომ დადგენილ იქნას III ათასწლეულზე ადრე მტკვარ-არაქსის ორმდინარეთის ცენტრალურ ნაწილში არსებობა ენეოლითის თავისებური, დიდად განვითარებული სტადიისა, რომელიც შეიძლება მიგვეჩნია თრიალეთში გათხრებით აღმოჩენილი ბრინჯაოს ეპოქის გაფურჩქნული კულტურის კერის ადგილობრივ საფუძვლად.

II A. გამოირკვა, რომ საქართველოს მუზეუმის ძველ ფონდებში ენეოლითურ მონაპოვართა გამოვლინებისათვის, იგდირის ნაცროვანის კერამიკის გარდა, გასაღებად გამოგვადგება, აგრეთვე ის ერთი ნაცროვანი სამარხი (გამომწვარი თიხალესილით), რომელიც 1923 წელს ე. პჩელინამ აღმოაჩინა სოფ. კიკეთში (148) და რომელიც ზუსტად არის მის მიერ დოკუმენტირებული. ჩვენ ამ სამარხს სწორედ ენეოლითურ ფენას ვაკუთვნებთ. მის ინვენტარს შეადგენდა მარტოდენ კერამიკა, რომელიც თანადროულ და თანაკულტურულ კომპლექსად აერთიანებს თიხის ჭურჭლის რამდენსამე, თითქო სხვადასხვაგვარ ჯგუფს. ეს ჯგუფებია:

ა) უშველებელი, საუცხოვო, შავად მოპრიალებული და ვარდისფერ-სარჩულიანი ჭურჭელი (სურ. 55₂), შემკული დიდრონი, რელიეფური, წყვილ-სპირალური (სათვალისებრი) სახეებით (ტაბ. XXI₃);

ბ) მოვარდისფრო-მურა, ანგობიანი ლარნაკი, რომელსაც ყელის ძირთან პაწია ყურები აქვს მიძერწილი, ხოლო ყელზე ბრტყელ-რელიეფურად გამოყვანილი აქვს ცალკეული ფიგურები რაღაც სირაქლემისებრი ფრინველისა (სურ. 55₄ და ტაბ. XXI_{1, 2});

გ) სრულიად იმგვარივე, ოღონდ ორნამენტით განსხვავებული ლარნაკი (მხრებზე ამოჭრილი კუთხოვანი სახეები (ტაბ. XX₅ და სურ. 55₁);

დ) სქელკედლიანი, ნახშირნარევი თიხისაგან ტლანქად ნაძერწი, მაგრამ გარედან შავად მოპრიალებული ჯამი (ტაბ. XX₃ და სურ. 55₃);

ე) წითლად შეღებილი ქოთანის, რომელსაც ლევა ფერი მონატეხი აქვს (148).

ამრიგად, კერამიკული მასალის შედარებითი ანალიზის მეშვეობით მხერხდა დადგენა, რომ ა. უვაროვს (157) არმავირის ბორცვზე გამოუმჩურებია არა მარტო მის მიერ შეუმჩნეველი ურარტული ფენა (158), არამედ აგრეთვე მის მიერ გაუგებელი, უძველესი, ენეოლითური ფენა როგორც ნამო-

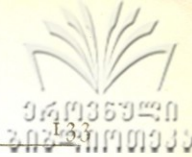
ნასახლარის, ისე სამარხებისა. დამახასიათებელი ჭურჭლის გარდა (სურ. 50; ტაბ. XX₂, 4 და XXIII) აქ აგრეთვე ნიშანდობლივი აღმონაჩენია ნატეხი ზემოაღნიშნული, იგდირული ტიპის ნალისებრი სადგარისა (ტაბ. XVII₂, 3), რომელიც საერთოდ ამ ფენისათვის სახელმძღვანელო ფორმად გვევლინება სამხრეთ კავკასიაში. გარდა უკვე დასახელებულ ადგილებისა მას ვხედავთ: ყარაყურთას რაიონში (ყარსის ოლქი) (ტაბ. XVII₁ და სურ. 40), ნახჭევანში (სურ. 51, 1) და შენგავითში (ერევანი).

ამ, ჩვენთვის საინტერესო, ფენის შესახებ სტრატეგრაფიულ მსჯელობაში ერთგვარ დახმარებას გვიწევს ე. ლალაიანის მოკლე ანგარიში (164) მის მიერ 1904 წელს ქულ-თათას (ნახჭევანი) ნაცროვანი ბორცვის გათხრის შესახებ. აქ აღმოჩენილია მრავალი მეტრის სისქე კულტურული ფენა, რომელშიც მოხატული კერამიკის (სურ. 52 და ტაბ. XVIII₂) ქვეშ შავი კერამიკაა. ალბათ ამ უკანასკნელს უნდა მიეკუთვნოს ის სამი შესანიშნავი, პატარა, შავად გაპრიალებული ჭურჭელი (ტაბ. XVI₈ და XXIV), რომელთაც ნახევარსფერული ყურები, ვიწრო შედრეკილი ძირები (სურ. 53) და სპეციფიკური ორნამენტაცია (ტაბ. XXV) ახასიათებთ და რომელნიც მოწმობენ საესეებით თავისებურს, ამ კულტურისათვის დამახასიათებელ მხატვრულ სტილს. ამ სტილის ნიშნებია: მრუდნახოვანი, გარეგნულად გაწონასწორებული, სპირალური ბოლოებით შეკრული, ჩაზნექვა-ამობურცვით გამოყვანილი ფიგურების შიგნით ხაზობრივი მოძრაობის დინამიზმი; ამ ფიგურებით შემკობა ჭურჭლის სხეულის მარტოოდენ წინა მხარისა; ყელს ირგვლივ შემორტყმა ამოკვეთილი, რიტმულად გამეორებული, სწორხაზობრივ-გეომეტრიული ელემენტებისაგან შემდგარი სარტყლისა.

თვით ლალაიანი ამ ჭურჭლებს ჯეროვანი ყურადღებით არ მოჰკიდებია. ასევე მას არ გამოუთითავს (165) გვიანი ბრინჯაოს და ადრეული რკინის ხანათა სამაროვანებისაგან მის მიერ სევანის ტბის დასავლეთ ნაპირზე 1905 და 1906 წწ. გათხრილი სამარხები, რომლებშიც აღმოჩნდა ამ შემთხვევაში ჩვენთვის საინტერესო იერის, ფაქიზად ნაძერწი კუტალი და ფიალა (ტაბ. XX₁; XXVI₁ და 3).

II B. ჩვენ მიერ ამრიგად გამოვლენილი კერამიკული კომპლექსით დახასიათებული კულტურული ფენის შესახებ მსჯელობისათვის აუცილებელი არსებითი მასალა პირველად გამოამუშეურა ე. ლალაიანის მიერ 1927 წელს ეილარის ბორცვზე ჩატარებულმა გათხრებმა. აქ აღმოჩნდა ციკლოპური ციხე-სიმაგრე და ხალდეების მეფის, არგიშტის წარწერა დარანის დაპყრობის შესახებ. ლალაიანისავე მიერ უფრო ადრე, 1913 წელს ეჩმიადინში გათხრილი იყო ბორცვი შრეშ-ბლური. თავის ანგარიშში (166) ლალაიანი აერთიანებს ამ ორი ბორცვის ქვედა კულტურულ ფენებს და მათში ნაპოვნი ქვის ნივთების (ხელსაფეკვავების, ქვასანაყების, ამოღარული კვერების—სურ. 58—, დაპობილი რიყისქვების, კაყისა და ობსიდიანის ნამეტრევეების) და ძვლის სახვრეტების (სურ. 68) მცდარი ინტერპრეტაციის საფუძველზე ნეოლითურ ეპოქას აკუთვნებს მათ, ლახავს რა დამყარებულ ცრურწმენას, თითქოს სამხრეთ კავკასიაში კულტურული ცხოვრება მხოლოდ გვიანი ბრინჯაოს ხანაში იწყება, უშუალოდ ურარტული ექსპანსიის წინ (167). ეილარის ქვედა ფენის კერამიკა შედარებით ღარიბულადაა შემკული: აქ ვხედავთ მხოლოდ კოპებსა და ფოსოებს, რომელ

ნიც ზოგჯერ თითქოს სახისებრ გამოხატულებას ჰქმნიან ჭურჭლის სხეულის ერთ-ერთ მხარეზე (სურ. 56), მსგავსად იმ პატარა ქოთნისა, რომელიც ჯერ კიდევ 1869 წელს აღმოჩენილა ზაგლიკში (ტაბ. XXII₄). ნაძერწობის ტექნიკითა და ჭურჭელთა ფორმით ეილარის კერამიკა განსაკუთრებით უახლოვდება იგდირულს, ხოლო შრემ-ბლურისა და ეჩმიადინის მეორე ბორცვის, ქულ-თაფას კერამიკას (168) კი ახასიათებს აგრეთვე ცალმხრივი, მაგრამ რთული, ამოღარული გეომეტრიული კომპოზიციები, რომელნიც სიმეტრიულად გაწონასწორებული და ხაზობრივ-სტატიკური არიან (ტაბ. XXX_{1, 2}). ამ უკანასკნელი გარემოების მიზეზი ისაა, რომ სპირალური ბოლოების მაგიერ განცალკევებული კონცენტრული წრეებია გამოყვანილი. ეს თავისებურება განსაკუთრებით თვალსაჩინო ხდება, როდესაც ამ კერამიკის ორნამენტს შევუპირისპირებთ ეჩმიადინშივე, ფრანგოცში აღმოჩენილი, მშვენიერი, შავად მოპრიალებული, აგრეთვე ენეოლითური ლარნაკის (სურ. 64) რელიეფურად გამოყვანილ ორნამენტს.

ეილარის ამგვარი კერამიკის შემცველ ფენაში ლალაიანმა აღმოაჩინა „tholoi“-ს ტიპის „ერთმესავლიანი მრგვალი სადგომები“ (166). ამგვარივე სადგომები დადასტურდა შემდგომი გათხრებით ერევანში, სახელდობრ შენგავითში (184, 185). აქ მათი კედლები რიყის ლოდებითა და გამოუმწვარი აგურით არიან აგებული და ამით ისინი მოგვაგონებენ იმ მრგვალ ნაგებობებს, რომელნიც ბოლო წლებში იქნენ აღმოჩენილი ზემომესოპოტამიის ბორცვების—არპაჩიას (181), კულიშ-შაგირის (182) და თეფე-გავრას (183)—ქვედა, ტელ-ჰალაფურსა და ობეიდურ ფენებში. ამას გარდა ლალაიანმა ეილარში აღმოაჩინა მრავალრიცხოვანი, ორმაგ-კონცენტრულ წრეთა სახით დალაგებული ქვებით გარშემორტყმული ორმოები, რომელნიც ნაცრის ფენებით იყვნენ სავსე და ადამიანის ძვალთა ნაშთებს შეიცავდნენ. აქვე აღმოჩნდა და ლალაიანმა იმავე ფენას მიაკუთვნა ქვისაგან გამოკოდილი, თავისებური „სარკოფაგი“.

სამხრეთ კავკასიაში ენეოლითური ფენის გამოვლენისათვის განსაკუთრებული მნიშვნელობა აქვთ ამ ბოლო დროს წარმოებულ გათხრებს: 1936—40 წწ. საქ. კულტ. ძეგლთა დაცვის განყოფილებისა და საქ. მეცნ. აკადემიის მიერ—თრიალეთში და 1936—38 წწ. სომხეთის კულტ. ძეგლთა დაცვის განყოფილებისა და საქ. მეცნ. აკადემიის სომხ. ფილიალის მიერ—ერევანში, შენგავითის ნაქალაქარზე (184, 187). თრიალეთის გათხრებმა მოგვცეს ამჟამად ნაწილობრივ უკვე გამოქვეყნებული¹ სტატიგრაფიული მასალა და გამოგვივლინეს ენეოლითური ფენის კერამიკულ მოდიფიკაციათა რიგი სოფ. ბეშთაშენთან გათხრილი ციკლოპური ნაქალაქარის, ახილარის ფართობზე (სურ. 55_{5, 6} და ტაბ. XXVII₁₋₅). ამ მოდიფიკაციებმა განსაზღვრეს მათი შემცველი ფენის ერთობლივი მიმართება სამხრეთ კავკასიის ჩვეულებრივი, შავ-ლევა კერამიკის შემცველი სამაროვნებისადმი (სურ. 76), ყორღანებში წარმოდგენილი, გაფურჩქნული ბრინჯაოს კულტურისადმი (მისი მოხატული კერამიკითურთ) და მისი წინამორბედი, უფრო ძველ ყორღანებში დამარხული კულტურისადმი. შენგავითის

¹ Б. А. Куфтин. «Археологические раскопки в Триалети», I, გვ. 106—118; 150, 151; «К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии». 33. 13—14; 20—24.

გათხრები კი საშუალებას გვაძლევენ ხალასი სახით გავეცნოთ ნამოსახლარს, რომელიც ეკუთვნის ენეოლითის ერთსა და იმავე, ერთგვაროვან სტადიას, შემდგომი მინარევებისაგან შეუმღვრეველს (180, 206). გარდა ამისა, შენგავითა-შიაცა და თრიალეთშიც სავსებით დადასტურდა ის გარემოება, რაც ზემოთ აღვნიშნეთ, კიკეთის სამარხის გამო მსჯელობის დროს: ერთსა და იმავე კომპლექსში კერამიკული პროდუქციის მრავალი, ტექნიკურად განსხვავებული ტიპების უჩვეულო შეთავსება (თიხის მოზელისას ამა თუ იმ ორგანული, მინერალური ან შამოტური ნივთიერების შერევა; ზედაპირის შავად გაპრიალება, ანგობით დაფარვა ან შეღებვა). რაკი ამასთანავე ფენაში კერამიკული წილის გროვებიც ჩნდებოდა ხოლმე, ჩვენ ეს ყველაფერი იმის მომასწავებლად უნდა მივიჩნიოთ, რომ აქ კერამიკის კულტურა განვითარებული ყოფილა და თიხის გამოწვაში დაოსტატებული ყოფილან. ამ ფენას, სხვათაშორის, ახასიათებს განსაკუთრებული ფორმის, პორტატიული კერამიკული კერები (ტაბ. XVIII 3-5), რომელთა მთლიანი ეგზემპლარი ნაპოვნია შენგავითში (187), მრგვალი სადგომის ცენტრში (სურ. 67).

შენგავითის კერამიკის შავ-პრიალა სახესხვაობა გამოირჩევა განსაკუთრებული, მარტო მისთვის დამახასიათებელი პროფილით (კასრისებრი სხეული და მკვეთრად, კონუსურად შევიწროებული ძირი; სურ. 71) და ორნამენტით. ამ უკანასკნელს ახასიათებს სურათის განვითარება ზედა სწორხაზოვან-გეომეტრიულ ფორმებში და შეკრული რელიეფური სახის სიმკაფიოვის დეკორატიული მობინდვა ჭურჭლის სხეულზე (სურ. 72 და ტაბ. XXVII 6, 9; XXX 2-4, 8). ეს გარემოება ეგებ დაკავშირებული იყოს შენგავითური ენეოლითის შედარებით გვიან სტადიასთან, ყოველ შემთხვევაში, ამ მხრივ ნიშანდობლივია შენგავითში აღმოჩენა ორგან შედრეკილი, ოვალური თასისა (სურ. 65 4). იგი ეკუთვნის იმ ტიპს, რომელიც ცნობილია ყიზილვანქის მოხატულ-კერამიკიან კომპლექსში (179), მაგრამ მას აქვს შენგავითისათვის დამახასიათებელი თვისებაც: შავდ-მოპრიალებული ზედაპირი. ასეთივე, ოღონდ ღიაფერად გამომწვარი და მოყვანილობით ადამიანის თავის ქალას ჩამონაჭერის მსგავსი თასი ლალაიანმა იპოვნა სევანის ტბის დასავლეთ ნაპირზე (ტაბ. XXVII 1 4), ოღონდ მან ეს თასი შეცდომით მიაკუთვნა გვიანი ბრინჯაოს ხანის სამარხს (165). ამგვარი ჭურჭლის ფრაგმენტი აღმოჩნდა (სურ. 65 3) აგრეთვე ახილარის ენეოლითური ფენის ზედა ჰორიზონტში.

შენგავითშიც იპოვნეს ნალისებრი სადგარები, ოღონდ თავისებურად გაფორმებული: ცენტრში ანთროპომორფული, ქალის ფიგურაა, ხოლო ნალის რკალები თითქოს მისი მომხვევი მკლავებიაო (სურ. 74). ეს გარემოება ერთდროულად ორ რასმე მოასწავებს: ჯერ ერთი, ამ სადგართა კავშირს ქალღმერთის (ამ შემთხვევაში კერის ღმერთის) კულტთან და მეორე—სიმართლეს იმ ჰიპოთეზისა (146), რომელიც ამბობს, რომ ეგეოსური „რქოვანი საკურთხეველები“ წარმოქმნილი უნდა იყვნენ ლოცვად ხელგაპყრობილი ქალღმერთის ქანდაკების სიმბოლური გამარტივების გზით.

დანარჩენი სკულპტურული სახვითი მოტივებიდან ყურადღებას იქცევენ: შენგავითშივე აღმოჩენილი, სხვა ტიპის ნალისებრი სადგარის ცხვრისებრი ბო-

ლოები (სურ. 74 კ), შრემ-ბლურში აღმოჩენილი ხარის მასივური ქანდაკება (სურ. 59), აგრეთვე ერთგვარი საკერიო სადგარი და ცალკეული ტლანქი ქანდაკებანი, ცხოველთა თუ ადამიანთა გამომხატველი (სურ. 75).

ამ ფენის სიძველის დადგენისათვის მნიშვნელობა აქვს ახილარსა და შენგავითში დაგროვილს კაქის ინვენტარს: ისრის პირებს, დანებს, პაწია ხერხებს, ნამგლებს (192) და განსაკუთრებით კი ქვის ხვრეტელ იარაღებს (სურ. 69); სოლისებრი ცულის ნატეხს (182) და მარმარილოს კვერს, რომელსაც კასრისებრი მოყვანილობა აქვს, ლითონის ნივთები (სურ. 70) ფრიად იშვიათია: ეს არის საკინძთა მცირე ფრაგმენტები და სპილენძის წარმოების ადრეული ეტაპებისათვის (193, 194) დამახასიათებელი, რომბული მოყვანილობის სადგისი.

II C. სამხრეთ კავკასიის არქეოლოგიისათვის უჩვეულო მასალის ამგვარი მიმოხილვა ნებას გვაძლევს ლითონის ეპოქის გარიჟრაჟზე, ყოველ შემთხვევაში, ძვ. წ. III ათასწლეულზე ადრე, მტკვარ-არაქსის ორმდინარეთის შუა ნაწილში ვივარაუდოთ კულტურული ფენა, რომელიც სრულიად ერთგვაროვანია ყარაყურთადან ვიდრე ნახჭევანამდე და თბილისიდან ვიდრე არარატამდე (სურ. 79) და რომელსაც ახასიათებს მხატვრულად ფაქიზი, მაგრამ მაინც არქაული კერამიკული წარმოება მკვიდრად მობინადრე მესაქონლე მიწათმოქმედთა მოსახლობის პირობებში. ეს მოსახლობანი დაცული ყოფილან გარშემორტყმული ციკლოპური კედლებით; სახლები წრიული გეგმით ყოფილან ნაგები; მასალად გამოუმწვარი აგურია გამოყენებული; კერის თავზე მალალი საკვამური ჰქონიათ ხოლმე აღმართული; ვპოულობთ ოჯახის ცეცხლისა და ქალღმერთის კულტის ნაშთებს.

აქ აღმოჩენილ კულტურას შეიძლება მოენახოს ზოგიერთი პარალელი სამხრეთში, მაგრამ მიუხედავად ამისა ეს ენეოლითური კერა ვერავითარ შემთხვევაში ვერ ჩაითვლება სუბარულ-მესოპოტამიური კულტურის შტოდ. მხატვრული კერამიკის განვითარება აქ მიმდინარეობდა არა ფერადი მოხატულობის გამოყენების გზით (ტელ-ჰალაფური, სამარული, ობეიდური და ელამური სტილი), არამედ უფრო ძველი ტრადიციის დახელოვნებით გამოყენების გზით, ეს ძველი ტრადიცია კი მდგომარეობს ვარდისფერსარჩულიანი კერამიკის შავად მოპრიანებასა და ამოდარული სახეებით შემკობაში. ამგვარი კერამიკის ტიპებს ვხედავთ საქსეგოზუმი და პროტო-ხეთურ ახლათლიბელში (ქ. ანკარის მახლობლად). ფიქრობენ, რომ მათში თავს უნდა იჩინდეს დასავლეთთან ურთიერთობა, რაც, უწინარეს ყოვლისა, მიზეზია აგრეთვე სამხრეთ-კავკასიური ქალკოლითის თავისებურებისაც (მესოპოტამიისათვის უცხო სპირალური მოტივის განვითარება; უჩვეულო და ეგებ დასავლეთ მცირე აზიის „სახიან ლარნაკთა“ მიბაძვით შემოღებული წესი ორნამენტის მხოლოდ ცალ მხარეზე თავის მოყრისა; ალიშარული და ეგეოსური „რქიანი სამსხვერპლოების“ ტიპის თიხის სადგარების კეთება კერისათვის და, ბოლოს, ნაწილობრივ, შენება „თოლოსებისა“, რომელთაც სრულიად ვერ ვხედავთ, მაგ., თუნდაც პერსეპოლის ბორცვის (216) ქვედა, ენეოლითურის შესაბამის ფენაში.

ეს ყველაფერი, ერთობლივ, ძირფესვიანად სცელის ჩვეულ ისტორიულ პერსპექტივს და სამხრეთ კავკასიის კულტურულ-ეთნიკური გაფორმების ადრეულ პროცესთა ახლებურ გაგების შესაძლებლობას გვიშლის თვალწინ. კერძოდ, ახალი შუქი ეფინება თრიალეთში აღმოჩენილი, შუა ბრინჯაოს ხანის ბრწყინვალე, აღმამავალი კულტურის წარმოქმნის პირობებს და ჩვენ მიერ წამოყენებულ დებულებას კავკასიაში ქართული კულტურის ავტოქტონობის შესახებ (218).

B. A. KUFTIN

THE URARTIAN COLUMBARIUM AT THE FOOT OF ARARAT AND THE ENEOLITHIC STAGE OF THE KURA-ARAKS BASIN.

Summary.

The work is divided into two parts: in the first place, a description and analysis of the materials, preserved in the Georgian State Museum (I), from the monument, chronologically of two-fold composition, on the right bank of the Araks near Igdir, dug up in the year 1913 by the topographer P. F. Petroff; in the second place the establishment on the territory of the South Caucasus in the eneolithic age, of a proper focus of cultural development synchronous with the ancient part of the collections of P. F. Petroff.

I A. The upper layer of the Igdir monument is a singular cemetery-columbarium with the burials of the ashes of the dead (with the exception of only one case in which there was inhumation (fig. 2—3) in red polished earthenware pitchers with a round hole pierced in the side, (fig. 13 and table II 2—7) placed, along with a personal inventory, in the clefts of a tuff-cone (fig. 4—12) of a lava flow which covered the ash-layers of an ancient settlement, which is situated there to the south of the cemetery, beyond the road from Igdir to Markara (fig. 1). Because of the custom of cremation not met with up to the present time in the South Caucasus in the pre-Roman epoch, the red ceramics, the iron weapons (plates VII and VIII) and, finally, the finding in the neighbourhood of the cemetery of a silver denarius of Antonius the Pious, the graveyard was imputed to the Roman epoch. The analysis of the inventory carried out by us shows the fallibility of thus fixing the date. Fragments (plates III 6, XII 2) of a bronze vessel, found in the inventory of one of the graves (fig. 9), turned out to belong to the well-known type of bucket in Colchian-Koban bronze (plate XII), found also in the Ukraine (30, 32, 33) in barrows of the pre-Scythian age (fig. 25). We succeeded in connecting the red polished ceramics with a similar type from Toprak Kale (5) on Lake Van, and also from Armavir-Blur (the town Argishtichinili of Urartean inscriptions), where in the year 1879 A. S. Uvaroff found ceramics of a similar type (fig. 19) and besides some bichrome pottery (fig. 20) (the correlations of which probably correspond to that of the mound Mukhanat-Tapa in the town of Erivan (199), fig. 77) taken erroneously for late-Roman.

Amongst the beads of the columbarium, which do not contain any Hellenic or Roman production, there are three stamp seals (plate IX) with zoomorphic figures (gems): one toggle-shaped bead-seal (from a grave fig. 2, with inhumation) and two columnar pendants, in which we establish, because of the similarity of the pictures (fig. 33) to the earthenware stamps from Toprak-Kale (101) and a series of other correspondences, a type of Urartean seal, little found up to the present, in which is preserved, in contrast with the stamp cylinder prevalent in other parts of the Near East, the archaic figure, of the stamp seals of Asianic stock. Thus we came to the conclusion that the cemetery excavated by P. F. Petroff does not date from the Roman but from the Van epoch, belonging as it does not to the native population, of which the types of tomb and tomb inventory of that time are well known, but, evidently, to one which had come from Lake Van, where, consequently, it must be supposed there existed the custom of cremation, a long time ago not foreign at all to the fundamental ethnical layer of Mesopotamia (135—138) and Syria and practised later in the Kingdom of Mitani (142) and in the burial of the Hittite kings (140).

The proposed appurtenance of the columbarium to the Urartians explains also, in that case, the different composition of the necklaces, foreign to the South Caucasus for the date fixed (instead of cornelian the usual material for this period, ribbon agate and colourless glass predominate here, plate VI), and also the style, rare here, of the bronze bracelets with lions' heads (fig. 27 and plate V 9—11), of the type of bracelet (fig. 29) from the village of Zakim (44), found there with a bronze belt, the ornamentation of which, in its time, was compared with that of a sword of the Melgunoff treasure (72). By drawing a parallel between this belt and the bronze plate from Shirak in Eriwan Museum (fig. 31) and another belt (plate XI), found in the year 1905, in the village of Guschi on Lake Urmi together with the bronze bulls' heads (plate X) published by F. Sarre (47) and A. U. Pope (49) as Achaemenid and Iranian, we try to prove the Urartean origin and age of all these monuments, in particular of the remarkable bulls' heads which we regard as highly artistic figures for the handicraft replicas contemporaneous with them, similar to the bulls' heads (plate XI) from Toprak Kale in the British Museum (inv. 91, 241, catal. 324) from chariot poles (66) and especially to the Hermitage appliance to a large bucket or cauldron (plate XI 4), found together with a handle in the form of a siren, of the Urartean (fig. 30) type (53—58).

On the basis of the definite dating which we obtained for the cemetery with cremation, the above mentioned finding here in one of the graves of a fragment of a bronze bucket (plate XII) acquires a new significance, giving, for its part, a more precise date for the flourishing stage of Koban bronze (plates XIII and IV), which had perhaps been carried back too far, and in which was carried on the most skillful moulding of bronze weapons (in parti-

cular of typical axe-heads and flat celts with lateral projections, fig. 23), whilst the territory of Lake Van, poorer in copper ore, had already passed on completely to iron arms.

I B. The inventory of the village to the south of the «columbarium» under lava is of quite a different nature and is therefore not connected with the columbarium chronologically. Its cultural strata consist of huge layers of ashes, used by the peasants for fertilizing the fields, and of large heaps of ruined mud brick (fig. 44) because of which it has been agreed to call it the «earthenware village»; these layers include many bones of horned cattle, fragments of stone, grain graters and other stone odd work (plate XIX 1—6), chips of obsidian, fragments of ceramics and do not contain any traces of metal or of glass (with the exception of a group of beaten copper ingots perhaps originating from here plate XIX 7, 8). The pottery, quite distinct from that of the «columbarium», has nothing in common with the ceramics of South Caucasian graves either beginning from the bronze age. It is distinguished by the combination of archaic methods of modelling, not making use of the potter's wheel, with artistic moulding and a fine finish given to the vessels with the help of a slip and elaborate polishing. The following features are characteristic: the hemispherical shape of the handles (plate XV 1 and XVI) the broad cylindrical necks (fig. 34), the vessel lids (fig. 37), the black shiny outer surface of the sherds with a pink inner surface and the ornamentation of the neck with a ribbon-like, geometrically cut belt and of the bodies with a grooved closed design with spiral tailpieces (plate XV 1—3, fig. 35). Along with the fragments of a vessel, there are come across pieces (table XVII 4,6—8) of a special article of ceramics, horseshoe-shaped, with a handle behind (fig. 39) which finds some analogy with the «horned altars» from Alishar III (fig. 40) and, through them, with the puzzling Egean attributes of a goddess of a double axe (figs. 41 and 42).

In the absence of any systematic excavation and because of the haphazard nature of the collected material (in particular the fragment of a bichrome vessel not clearly documented fig. 40 and plate XVIII) it is possible to understand and put in its chronological place a type of Iğdir ash-mound, absolutely unknown up to the present time, only by means of drawing on a wider range of parallel examples on which more light has been thrown stratigraphically. The second part of the work is devoted to this and in its turn falls into three parts: A) The establishing of the presence of parallel monuments amongst the old collections of the Caucasian Museum; B) A survey of the materials obtained from the excavations able to characterize the corresponding cultural layer in the South Caucasus and, finally, C) An attempt to establish the existence, previous to the III thousand years before our era, of a singular, highly-developed eneolithic stage in the central part of the Kura-

Araks basin, as a local basis for the development of the flourishing cultural focus of the bronze age, revealed by the excavations in Trialeti (3).

II A. The accurately documented excavation of an ash-grave carried out by E. G. Pchelina in the year 1923 in Kiketi near Tbilissi, imputed by us to this layer, along with the ceramics of the Igdir ash-mound, proved to be a key for the understanding of the eneolithic findings in the old stock of the Georgian State Museum. This ash-grave (with a burnt earthenware coating) united in its solely ceramic inventory several, it appeared, heterogeneous groups of earthenware vessels into one synchronous and unicultural complex: a) a vessel of huge size finely polished black, with a pink inner surface (fig. 55 2), ornamented with large double spiral figures (like eye glasses) in relief (plate XXI 3); b, c), pinkish brown urns with a slip and miniature handles at the base of the neck, one with single bird-like (ostrich-like) figures in flat relief on the neck (fig. 55 and plate XXI 1, 2), the other with a cut angular design on the shoulders (plate XX 5 and fig. 55 1); d) a tureen, thick-walled, roughly modelled with layers of carbon in the clay but glossy-black on its surface (plate XX 3 and fig. 55 3) and, finally, e) a greyware pot painted red (148)

Thus, by a comparative analysis of the ceramic material we succeeded in establishing the fact that in the Armavir mound A. S. Uvaroff (157) touched not only the Urartean layer, unnoticed by him, but also the most ancient eneolithic one both in the settlements and in the graves, also not understood by him. Besides the characteristic vessels (fig. 50, plate XX 2, 4 and XXIII) the finding of fragments of a horseshoe-shaped stand (plate XVII 2, 3) of the above mentioned Igdir type is significant here, seeming to be, in general, a leading form for the given layer in the South Caucasus: in the region of Karakurt (province of Kars) (plate XVII 1 and fig. 40) of Nakhichevan (fig. 51 1) and in Shengavit (Erivan).

In making a stratigraphical consideration of the layer with which we are concerned, some help is afforded by the short account by E. Lalaian (162) of the excavations, in the year 1904, in Nakhichevan, of the ash mound of Kul-tapa, with cultural strata many metres in depth, in which layers with painted ceramics (e. g. fig. 52 and table XVIII 2) are above one with black ware. To this latter, supposedly, must be imputed three remarkable vessels polished black, (plates XVI 8 and XXIV) with hemispherical handles, narrow concave bottoms (fig. 53) and specific ornamentation (table XXV), bearing witness to the absolutely original artistic style inherent in this culture, of which is characteristic the dynamism of the linear movement inside the externally balanced, closed, curvilinear figures, executed concavely and convexly, and with spiral tail-pieces, adorning only the front of the body of the vessel, whilst round the neck goes a cut-out belt of rhythmically recurring rectilinear geometrical elements. E. Lalaian himself did not pay due attention to these vessels nor did he distinguish a grave with a finely moulded scoop-

and a goblet (plates XX 1, and XXVI 1 and 3), of the same shape in question, from the usual late bronze and early iron tombs discovered by him in 1905 and 1906 on the west bank of Lake Sevan.

II B. The first substantial material for judging the cultural layer, characterized by the ceramic complex thus established by us, is given by the excavations of E. Lalaian in the year 1927 on Eilar mound with a cyclopean fortress and with the inscription of Argishti found there concerning the conquest of Darani and in the year 1913, on Echmiadzin mound, Shresh-Blur, the lower cultural layers of which mounds E. Lalaian links together in his account, imputing them, on the basis of a mistaken interpretation of the stone odd works (grain graters, pestles, hammers with a gutter-shaped groove, fig. 58, splintered pebbles, chips of flint and obsidian) and of bone bodkins (fig. 68), to the neolithic period, in contrast to the rooted prejudice of reckoning cultural life in the South Caucasus as beginning only from the late-bronze age, immediately before the Urartian expansion (167). The pottery from the lower layer of Eilar is comparatively poorly decorated (bosses and hollows forming a kind of facial pattern on one side of the body of the vessel, fig. 56, like that on the pitcher found already in the year 1869 in Zaglik, plate XXII 4). In the technique of the moulding and the shape of the vessels it is especially close to the Igdır ceramics, whilst in Shresh-Blur and in the other Echmiadzin mound Kul-Tapa (168) it is distinguished by again one-sided but complicated geometrical compositions, which are symmetrically balanced and, because of the replacement of the spiral tail-pieces by isolated concentric circles, linearly-static (plate XXIX 1, 2). This is particularly clear when comparing them with the ornamentation, carried out in relief, of the wonderful black polished urn, also of the eneolithic age, from Frangnots (fig. 64), of the same Echmiadzin region.

The presence in the layer with similar ceramics of «round dwellings with one entrance» of the «tholos» type, discovered by E. Lalaian in Eilar (166) was confirmed later on by excavations in Shengavit (184, 185) in Eri-van, where because of the construction of the walls from river boulders and mud-brick, these dwellings come particularly close to the circular buildings revealed recently in the lower Tell Halaf and al'Ubaid layers of the settlements of Arpachiyah (181), Kidish Saghir (182) Tepe-Gawra (183) in upper Mesopotamia. Besides that, Lalaian discovered in Eilar, at the centres of double concentric rings of stones, numerous holes faced with stone and filled with layers of ash, containing the remains of human bones, and also a singular hollowed out stone «sarkofag», attributed by him to this same layer.

Special significance in establishing the eneolithic phase in the South Caucasus belongs to excavations in recent years, on the one hand, those of the Georgian Department for the Preservation of Monuments of Culture and of the Georgian Academy of Sciences in the years 1936—1940 in Trialeti, on

the other, those of the Armenian Department for the Preservation of Monuments of Culture and of the Armenian Branch of the Academy of Sciences in the years 1936—1938 in the town of Erivan on the site of Shengavit (184—187). The first gave stratigraphic material, already partly published* and established a series of ceramic modifications of the eneolithic layer on the site of the cyclopean town of Akhillar (fig. 63^{5,6} and plate XXVII 1—5) near the village of Beshtashen, determining the relation of this layer, on the whole, and the usual South Caucasian cemeteries with blackish-grey ceramics (fig. 76), to the flourishing Trialetian bronze barrow culture with painted ceramics and to the culture of the oldest Trialetian barrows preceding it; the second excavations made it possible to become acquainted with the settlement as it actually was, belonging to one homogeneous stratum of the eneolithic stage, not disturbed by subsequent additions (180—206).

Besides, the unusual combination in one complex of many different types of ceramic productions (with the use in the clay of various admixtures, organic, mineral, chamotte, with different finishes to the surface: black polished, slipped, painted) noticed above in the Kiketi tomb, is fully confirmed here as well as in Trialeti, showing by the presence of heaps of potter's slag in the layer, the developed culture and the skill of the firing. Portable ceramic hearths (plate XVIII 3—5) of a special form, found in Shengavit (187) in an unbroken state (fig. 67), in the centre of circular buildings, are characteristic, by the way, of the layer.

The polished black kind of Shengavit ceramics is distinguished by inherent details, strictly peculiar to it, both of shape (the barrel-shaped body and sharply conically narrowed lower part of the vessel, fig. 71) and of ornamentation (the characteristic development of the drawing in the upper rectilinear geometric frieze and the decorative fretting of the clear-cut outlines of the closed design in relief on the body (fig. 72 and plate XXVIII 6, 9 XXX 2—4, 8) that it may be connected with the comparatively late stage of Shengavit eneolith. In any case in this connection the finding in Shengavit of a fragment of an oval cup with two bends (fig. 65⁴) is significant, being a type well known from the Kizilvank complex (179) with painted ceramics, but with the black polishing of the outer surface inherent in the Shengavit. A cup of this kind of light ware, recalling by its shape a section of a human skull, comes also from the excavations of E. Lalaian on the West bank of Lake Sevan (plate XXVII 2, 4) and was erroneously imputed to a late bronze tomb. There was a fragment of a similar cup (fig. 65³) also in the upper level of the eneolithic layer in Akhillar.

* B. A. Kuftin. *Archaeological Excavations in Trialeti*, I, p. p. 106, 118 and 168. Also his: *About the Question of the Early Stages of Bronze Culture on the Territory of Georgia* p. p. 13—14, 20—24.

The horseshoe-shaped stands found in Shengavit have a special form with an anthropomorphic figure of a woman in the centre in relation to which the bends of the horseshoe play the part of embracing arms (fig. 74). This circumstance serves as a confirmation of the connection between these stands and the cult of a female goddess (in the present case of the hearth) and at the same time as an argument for the hypothesis (176) about the origin of the form of Egean «horned altars» through the symbolic simplification of the idol of the goddess with the hands held up in prayer (146). Of other figurative motives in sculpture the attention is arrested by the sheep like tail pieces on another kind of horseshoe-shaped stand from Shengavit (fig. 74a), by the massive figure of a bull from Shresh-Blur (fig. 59), and also by a kind of hearth stand, and separate rude sculptures of animals and man (fig. 75).

The inventory of flint collected in Akhillar and Shengavit: arrows, knives, sickle-teeth (192) and especially bored stone implements (fig. 69): a fragment of a wedge-shaped axe (182) and a marble cask-shaped hammer have particular significance in deciding the ancient age of the layer in question. Metallic findings (fig. 70) are very rare and consist of small fragments of pins and of a copper awl, rhombic in outline, characteristic of the early stages of copper production.

11 c. The survey made of the material, unusual for South Caucasian archaeology, makes it possible to establish the existence, at the dawn of the knowledge of metal, at any rate previous to the III thousand years before our era, in the central part of the Kura-Araks basin, of a cultural layer absolutely homogeneous from Karakurt to Nakhichevan and from Tbilisi to Ararat (fig. 79) and characterized by a ceramic production finely developed artistically and yet archaic, in conditions of permanent sedentariness of cattle-rearing, agricultural settlements having protecting cyclopean walls, houses circular in plan, built by the use of mud brick, high flues raised above the hearths, and traces of the cult of the domestic fire and of a female goddess. In spite of some parallels with the South thus revealed to us here, the local eneolithic cultural focus is not by any means an offspring of the Subar-Mesopotamian one. The development of artistic ceramics took place here, not in the direction of the application of coloured painting (Tell Halaf, Samarra, al'Ubaid, Elam styles), but along the lines of the refined use of the still more ancient traditions of black polishing and of a gutter-like design of the pottery, which had a pink inner surface of the type Sakchegozy and protohittite Akhlatlibel (near Ankara), with the western connections suspected there, on which depend above all the peculiarities of the South Caucasian chalcolithic stage: the development of the spiral motive, foreign to Mesopotamia, the unusual restriction of the design to only one side, the front of the vessels, springing perhaps, from the facial urn of West Asia Minor, the presence of earthenware hearth stands of the Alishar and Egean «horned altar» type, finally, partly the con-

struction of «tholoi», completely absent, for example, in the corresponding lower layer of the Persepolis Mound (219).

All this taken together changes the customary historical perspective radically and opens up new possibilities for the understanding of the early processes of the cultural and ethnic formation of the South Caucasus, throwing light in particular on the conditions causing the appearance of the brilliant cultural rise in the middle bronze age, revealed in Trialeti, and on the proposition made by us concerning the aboriginality of Georgian culture in the Caucasus (218).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет по Кавказскому Музею за 1914 год, Тифлис, 1917 г., стр. 21.
2. Lehmann-Haupt C. F. Materialien zur älteren Getchichte Armeniens und Mesopotamiens. Abh. d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Gottingen, Ph.-Hist. Kl., NF. Bd. IX₃, Berl., 1907, стр. 110, рис. 82.
3. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Опыт периодизации памятников, Тбилиси, 1941, стр. 111, табл. CXXIV₁.
4. Jenny Wilhelm A. Schamiramalti. Wiener Prehist. Zeitschr., Bd. XIX₃₋₄, 1928, стр. 282 сл.
5. Lehmann-Haupt. C. F. Armenien einst und jetzt, Bd. II₂, Berlin, 1931, стр. 580.
6. Götze Albrecht. Kleinasien. Kulturgeschichte des Alten Orients, Bd. III₂, München, 1933, стр. 39.
7. Уварова П. С. Коллекции Кавказского Музея, т. V, Археология, Тифлис, 1902, стр. 128.
8. Уваров А. С. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. Пятый Археологический Съезд в Тифлисе. Протоколы Предварительного Комитета, Москва, 1879, стр. 439—449, чертеж А. Д. Ерицова—табл. XXXII.
9. Lehmann-Haupt C. F. 2, стр. 100, рис. 71. Его же, 5, Bd. II₂, Berlin, 1931, рис. на стр. 506.
Przeworski S. (Notes d'archéologie préarménienne, Revue hittite et asianique, fasc. 13—14, Paris, 1934, стр. 228—229) сопоставляет эту чашу с найденной на Керкенес-Даре (Schmidt E. F., American. Journal of Semitic Languages and Literatures, t. XLV, 1929, стр. 272, рис. 73).
10. Gjerstad Einar. The Swedish Cyprus Expedition, Finds and results of excavations in Cyprus 1927—1931, vol. II, Stockholm, 1934, стр. 583, № 81, табл. CLXXX, тип 6.
11. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по Археологии Кавказа, т. VIII, Москва, 1900, стр. 241, рис. 196, стр. 207 и 72, табл. XXXVI₂.
12. Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья, Ленинград, 1939, стр. 55. Его же, Скифы и Закавказье. Тр. Отд. Ист. Культуры и Искусства Востока (Государственный Эрмитаж), т. III, Ленинград, 1940, стр. 89—90.

13. Уварова П. С. 11, стр. 56—57, табл. XXX₃.
14. Chantre Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris-Lion, 1885, стр. 56.
15. Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. Известия Абхазского Научного Общества, вып. IV, Сухум, 1926, стр. III, № 14 (табл. рис.).
16. Уварова П. С. 11, стр. 57, табл. XXX_{4,5}. Chantre Ern., 14, t. II, Paris-Lion, 1886, табл. XVI₁₋₆. В. Вырубовым (Предметы древности в хранилище «Общества Любителей Кавказской Археологии», Тифлис, 1887, табл. V₆, стр. 17) опубликован фрагмент подобного браслета, происходящего из Хевсуретии. Проверить полностью это сведение не удалось, но на фотографии Д. И. Ермакова № 2183 под этой же группой предметов стоит также отметка, что они хевсурские.
17. Virchow R. Zeitschrift für Ethnologie, Verhandl., Berlin, 1890, стр. 424, рис. 11.
18. Nioradze G. Der Verwahrfund von Kvemo-Sasireti. Eurasia Septentr. Antiqua, VII, Helsinki, 1932, стр. 86, рис. 4—6.
19. Ивановский А. А. По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. Материалы по Археологии Кавказа, вып. VI, Москва, 1911 г., стр. 162, табл. XVI₇.
20. Przeworski Stef. Der Hrottefund von Ordu. Archiv Orientalni, VII₃, Praha, 1935, стр. 409—412, особенно рисунки таблиц XLVIIa и XLIX abc. К этому же ширококоптячному, а не узкокоптячному южнокавказскому, типу принадлежит и замечательный зооморфно орнаментированный топор из Керчи, опубликованный впервые в 1904 г. Грингуэлом (см. 38).
21. Уварова П. С. 7, стр. 66, № 1652, табл. VIII. Nioradze G. 18, рис. 7 d, c, f.
22. Przeworski St. 20, табл. XLIX d.
23. Przeworski Stef. Znalezisko Kruhowickie. Najstarsze slady handlu wschodniego na ziemiach polskich. Swiatovit, XIII, Warszawa, 1929, стр. 58, рис. 20.
24. Morgan J. (de). La préhistoire orientale, t. III, Paris, 1927, стр. 207, рис. 205 a, b.
25. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. Гос. Акад. Ист. Мат. Культ. имени Н. Я. Марра, вып. 120, 1935, стр. 130, рис. 19.
26. Montelius O. La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux, t. II, Stockholm, 1910, табл. 121, рис. 26.
Tallgren A. M. 37, стр. 24, 25, рис. 5.
27. Уваров А. С. Каталог собрания древностей, IV—VI, Москва, 1907 г., стр. 9, № 31, рис. 5.

28. Wulsin R. Fr. Excavations of Tureng Tepe near Asterabad, Supplement to the Bulletin of the Am. Inst. for Persian Art and Archaeology, New York, 1932, v. 2, № 1 bis, стр. 7, рис. на обложке.
29. Heine-Geldern Robert. New light an the Aryan migration to India. Bull. of the Am. Inst. for Iranian Art and Archaeology, v. V № 1, New York, June, 1937, стр. 7, рис. 1. Автор почему то источником происхождения индийского топора с боковыми выступами считает Сирию, откуда эта форма проникает, по его мнению, в Европу, М. Азию и Грузию. Однако именно из Сирии мне неизвестно пока ни одного указания на находженне подобного типа орудий. Вряд ли возможно, мне кажется, учитывать в этом отношении и Финикий, как делает это А. М. Тальгрэн (37, стр. 26), на основании находки аббата Делатра в пуническом некрополе близ Карфагена интересной серии чисто медных топоров с отростками (Schoetensack O. Vor- und Frühgeschichtliches aus dem italienischen Süden und aus Tunis. Zeitschrift für Ethnologie, Bd. XXIX, Berlin, 1897, стр. 30, рис. 40). Топоры эти имеют совсем особый тип: они снабжены длинным шипом и всаживаются в древко «по способу зуба», то-есть приемомом, наиболее распространенным у большинства негрских народов Африки при укреплении в рукояти топорного клинка.

Настоящее состояние материала естественнее позволяет думать, что в Индию плоский топор с боковыми выступами проник через северный Иран из северной и центральной Анатолии, где, как и на южном Кавказе, найден он в наибольшем числе экземпляров.

30. Макаренко N. La civilisation des Scythes et Hallstatt. Eurasia Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, рис. 1, 13—17, стр. 27, 40—43. Включение бронзовой ситулы из с. Жаботина в число показателей южно-кавказских культурных влияний на территорию Украины в работах Б. Б. Пиотровского (12) покоится, видимо, на нижеприводимом материале, с которым я ознакомил Б. Б. Пиотровского в Гос. Музее Грузии в 1935 году при показе новой археологической экспозиции. Лечхумский клад и игдырский «колумбарий» были впервые мною выставлены в 1934 году в специальных шкафах и датированы эпохой ванской экспансии, на основании найденных в последнем и обнаруженных мною тогда: бронзовой ручки, типа лечхумских кружек и ситулы, и трех урартских печатей о которых Б. Б. Пиотровский упоминает, в своем докладе «Урарту и Закавказье» (104) на сессии Отделения Истории и Философии Академии Наук СССР в 1939 году.
31. Иессен А. А. 25, стр. 140.
32. Городцов В. А. К вопросу о Киммерийской культуре. Труды Секции Археологии РАНИОН'а т. II, Москва, 1928, стр. 56. Хорошее представление о форме склепанной из горизонтальных полос кимме-

- рийской ситуды В. А. Городцова и о строении ручек дает изображение такой ситуды у Гольмстен В. В. Археологические памятники Самарской губернии, там же, т. IV, Москва, 1929, рис. 46, стр. 133.
33. Sommerfeld Wanda. Naczynie miedziane halsztackie z Ukrainy, Swiatowit, t. XVII, Warszawa, 1938, стр. 307—311, рис. 1—3.
Chojnowski Jozef. Slowianie w czesach przedhistorycznych i opisanie archeologicznych kolekcuj, Kijow, 1902. Хойновский И. А. Краткие археологические сведения о предках славян и Русы, Киев 1896 г.
34. Déchelette Joseph. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, t. II₁, Paris, 1910, стр. 126—128, рис. 173.
35. Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 542 сл. 554 сл.
36. Гёрнес М. Культура доисторического прошлого, часть III, Москва, 1914, стр. 30, рис. 10₁₆ по Ed. v.-Sacken, Das Grabfeld von Gallstatt in Ob-Österreich und dessen Altertümer, 1868. См. также Vohnicky O. Die Hallstätter Sammlung aus der älteren Eisenzeit. Wien. Pr. Zeitschr. Bd. XX₂, 1933, стр. 81, табл. I₉. Posta Béla (de). Description de la collection archéologique, Zichy, Voyages au Caucase, II, Budap., 1897, табл. 32 (в тексте), стр. 495—496.
37. Tallgren A. M. Die kupfernen Flachhäxte mit seitlichen Zapfen. Finsk. Forn. Tidskrift, XXVI, Hels., 1912, стр. 24, 25, рис. 6 и 7 и литейная форма из Трои, рис. 4. Автор между прочим высказывает здесь предположение, что плоский топор с боковыми выступами является орудием горного дела и своим широким распространением обязан мореходным народам, ищущим металл (напр. финикийцам, см. 29). Однако изящная, часто, форма этого топора и отсутствие экземпляров со следами грубого употребления, не дают достаточных оснований поддерживать это мнение.
38. Greenwell William. On some rare forms of Bronze Weapons and Implements. Журнал Archaeologia, 58, part. 1, 1904, стр. 12, рис. 13.
Tallgren A. M. La Pontide préscythique, Eurasia Sept. Antiqua II, Helsinki, 1926, стр. 179, рис. 103₂. Ebert M. Südrussland, in Altertum, Bonn-Leipzig, 1921, стр. 71, рис. 27.
39. Спицин А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, XXI Киевская губерния. Зап. Русск. Арх. Общ., т. XI, вып. 1—2, СПб, 1899, стр. 252.
40. Древности Приднепровья. Собрание Ханенко, вып. V, Киев, 1902, табл. V, рис. 20. Городцов В. А. в Отчете Исторического Музея за 1906 г. (Описание холодного оружия: топор), Москва, 1907 г., на стр. 104, приводит рисунок иного железного плоского («клиновидного») топора с явно выраженными плечиками из Аксютинского могильника III в. до н. э.

41. Штукенберг А. А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Известия Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанском Университете, т. XVII₄, Казань, 1901 г., табл. I₁, стр. 195.
42. Puchstein O. Boghasköi, Leipzig, 1912, табл. 18 и 19. Contenau G. (La glyptique syro-hittite, Paris, 1922, стр. 19) по странному недоразумению описывает несуществующую в действительности на этом рельефе орнаментацию пояса, ошибочно перенося на него изображения с одного из южно-кавказских бронзовых поясов, который Б. В. Фармаковский 53² поместил совместно с этим барельефом на одной таблице в своем исследовании.
43. Тер-Аветисян С. В. и Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур (предварительный отчет о раскопках 1940 г.). Известия № 4—5, Армянский Филеал Ак. Наук, Ереван, 1940 г., стр. 153, рис. 5.
44. Отчет Археологической Комиссии за 1904 г., СПб., 1907, стр. 141, рис. 241.
45. Атрпет. Культ быка в древней Армении (на арм. яз.). Азгагракан Хантес, 1912, № 2, стр. 121. Пользуюсь здесь случаем принести мою благодарность доценту И. В. Абуладзе за помощь в пользовании как этой работой, так и другими на армянском языке, в частности за труд по уточнению неясно изложенного, вследствие типографского дефекта в цитируемой статье Атрпета, стр. 117—118, местонахождения интересовавшей меня находки у озера Урмии.
46. Страбон. География. Перевод Ф. Г. Мищенко, Москва, 1879 г., стр. 751 (кн. XV, 3₂₀).
47. Sarré Fr. Die Kunst des Alten Persien, Berlin, 1923, стр. 19, 67, табл. 45.
48. Атрпет 44, рис. на стр. 120 (бронзовая голова из бывшего собрания Меджид-Салтанэ) и рис. на стр. 117 и 118 (бронзовая голова из коллекции Автандиляна). Первая из этих голов воспроизведена также в книге Самуэляна Х., Культура древней Армении (на арм. яз.), т. I, Ереван, 1931, табл. XXXV, рис. 61.
49. Рооре А. U. Exposition Internationale d'Art Persan à l'Académie Royale de Londres. Cahiers d'Art, 1931, № 2, Paris, стр. 84.
50. Dussaud René. La tête de taureau en bronze d'époque achéménide. Bull. des Musées, 1933, стр. 139 сл.
51. Атлас по истории культуры и искусства Древнего Востока. Государственный Эрмитаж, 1940, табл. 93.
52. Пиотровский Б. Б. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа. Труды Отдела Востока, т. I, Ленинград, 1939, стр. 50. Lehmann-Haupt С. F., 2, стр. 86.

53. Марр Н. Я. Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению. Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., т. XXIV, Петроград, 1917, стр. 120—123, табл. IV₄₋₆.
54. Longprérier A. (de). Deux bronzes antiques de Van. Oeuvres, tome premier, Paris, 1883 = Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, t. VI (1869—1873), St. P., 1873, стр. 491—493.
55. Stassov W. Études sur les monuments géorgiens photographiés par M. Jermakof. Mélanges Asiatiques, t. VI, St. P., 1873, стр. 491—523.
56. Brosset M. Études les monuments géorgiens, photographiés par M. Jermakof, et sur leurs inscriptions. Mélanges Asiatiques, t. VI, St. P., 1873, стр. 486—490, рис. 405—407.
57. Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, Paris, 1884, стр. 734, рис. 397.
Herzfeld E. Khattische und Khaldische Bronzen. Jhanus, Festschrift zu Lehmann-Haupt's sechzigstem Geburtstage, Wien, 1921, стр. 149 сл., сравни рис. крылатых фигур из Ветулонии (Флоренция 9618, 9619) и «Апполона Пртеоса».
Lehmann-Haupt C. F. 5, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 489—495 и 863—867.
58. Смирнов Я. И. Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., т. XXIII₃₋₄, Петроград, 1916 г., стр. 410.
Lehmann-Haupt C. F., 5, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 494.
59. Pottier Ed. L'art hittite, 1re fasc., Paris, 1926, pl. VIII, рис. 112.
Humann Karl und Puchstein Otto. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Atlas, Berlin, 1890, табл. VII и X.
Perrot et Chipiez. 57¹, t. IV, стр. 682, рис. 343.
60. Lehmann-Haupt C. F. 2, стр. 97, рис. 66.
61. Пиотровский Б. Б. 52, табл. I и II.
62. Lynch H. F. B. Armenia travels and studies, vol. II, London, 1901, рис. 126, стр. 63. Также русск. перев.: Линч Х. Ф. Б. Армения, т. II, Тифлис, стр. 81, рис. 126. Близкая к этим фигурам, и по общему типу, и по форме головного убора, и по указанному характеру оперения крыльев, миниатюрная каменная подставка, в виде крылатого быка с женским лицом из Кюнджика (Smith G., Assyrian discoveries. An account of explorations and discoveries on the site of Nineveh during 1873 and 1874, ed. 4th, London, 1875, стр. 430—431 и таблица) явно чужда ассирийскому искусству и относится, видимо, к тому же урарто-хурритскому стилистическому кругу, который связывал М. Азию и Сирию с Мидией в эпоху задолго до появления например, такого «ахеменидского» памятника в финикийском Сидоне, как ко-

- лонна с бычьими протомами персепольско-сузианского типа (Conte-
naud G. **135**, t. III, Paris, 1931, стр. 1459—1460, рис. 885 и 886) на
сфероидальной орнаментированной базе, в точности повторяющей че-
тыре базы, открытые Ляярдом перед дворцом Синнахериба (Layard
Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon, 1853, стр. 590) и
сопоставленные (Perrot et Chipiez, **57**, стр. 223—224) с базой на
спине крылатого быка этой кунджикской модельной подставки.
63. Perrot et Chipiez. **57**, t. II, Paris, 1884, стр. 725, рис. 383.
64. Уваров А. С. Каталог собрания древностей, Москва, 1887, № 498,
стр. 62, 63.
65. Уварова П. С. **7**, стр. 130—131, №№ 2920—2922 и 2932.
66. British Museum. A guide of the Babylonian and Assyrian Antiquities,
London, 1908, стр. 109.
67. Meissner Bruno. Babylonien und Assyrien, Bd. I, Heidelberg, 1920,
рис. 144, стр. 268.
68. Lehmann-Haupt C. F. **2**, стр. 99, рис. 70; его же, **5**, Bd. II, Ber-
lin-Leipzig, 1931, рис. на стр. 500.
69. Lehmann-Haupt C. F. **5**, Bd. II, 1931, рис. на стр. 858.
70. Марр Н. Я. и Орбели И. А. Археологическая экспедиция 1916 г.
в Ван. Петерб., 1922, стр. 1.
Фармаковский Б. В. Архаический период в России. Материалы
по Археологии России, № 34, Петроград, 1914, стр. 46—47,
табл. XVIII₂.
71. Lehmann-Haupt C. F. **5**, Bd. I, Berlin, 1910, стр. 358; Bd. II, Ber-
lin-Leipzig, 1931, стр. 583.
72. Придик Евг. Мельгуновский клад 1763 года. Материалы по Архео-
логии России, № 31, СПб. 1911, табл. III, стр. 12 («древо жизни»)
и табл. V₁, стр. 7 (головы тельцов на рукояти чертомлыцкого меча).
73. Pore A. U. Luristan bronzes. Illustr. Lond. News, Sept. 6, 1930 (vol.
177) стр. 390, рис. 19.
74. Куфтин Б. А. **3**, стр. 61, рис. 58^a № 5.
75. Сонгулашвили И. Ф. Уховертки (на груз. яз.) Bull. du Musée de
Géorgie, t. VIII, 1933, стр. 149—158.
76. Child G. Die Bedeutung der altsumerischen Metalltypen für die Chro-
nologie der europäischen Bronzezeit. Mitteil. d. Anthr. Geselsch. in Wien,
Bd. LXIII₃₋₄, 1933, стр. 218, 221.
77. Wilke G. Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren
Donauländer. Zeitschr. f. Ethn., 1904, стр. 71—72.
78. Уварова П. С. **11**, стр. 82, табл. XXX₇. Уварова, хотя и сомне-
вается (неосновательно) в отношении этих пинцетов к древним погре-
бениям Кобани, но вполне правильно рассматривает их именно в этой
группе.

79. Ивановский А. А. **19**, стр. 93, 172, табл. IV₉.
80. Déchelette J. **34**, t. II₃, стр. 1270, рис. 547₂.
81. Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной Области в 1938 году. Изв. Азербайджанского Фил. Ак. Наук СССР, 1939 г., № 4, стр. 80, рис. 16.
82. Rössler E. Archäologische Untersuchungen in Transkaukasien, 1894, Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., 1896, стр. 103, рис. 69.
83. Schmidt E. F. Tepe Hissar Excavations 1931. The Museum Journal, v. XXIII₄, 1933, Philadelphia, стр. 434—435, Pl. CXLVI B, № H 180. По вопросу об использовании алебаstra для выделки бус см. Schmidt Er., **194**, стр. 358—359, результаты анализа L. C. Riesch и D. Horton, ограничивающие сильно первоначальное представление об этом предмете.
84. Гер-Аветисян С. В. и Пиотровский Б. Б. **43**, стр. 154 (найденные вместе с этими крупными шаровидными бусами из коричневого сердолика печати изображены на рис. 8).
85. Куфтин Б. А. Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии. Отчет о работе отряда Абхазской археологической экспедиции 1934 г. (Рукопись в печати), гл. II. Его же, **3**, стр. 133.
86. Куфтин Б. А. **3**, табл. XXXIII₄.
87. Reinecke P. Glasperlen vorrömischer Zeiten aus Funden nordlich der Alpen. Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit, Bd. V₃, Mainz, 1904, стр. 60—61 и 68, табл. 14 № 215.
88. Tischler Otto. Über Aggryperlen und über die Herstellung farbiger Gläser im Alterthume, Königsberg, 1886, цит. по Нидерле Любор **136**, стр. 351.
89. Вахушти. География Грузии. Перев. М. Г. Джанашвили, Тифлис, 1904, стр. 51.
90. Wolley C. L. Carchemish, part II. The town defences, Lond., 1921, стр. 125, 130, pl. 23 в. Ни один из исследователей, писавших о скифских стрелах до сих пор почему то не учитывает этой замечательной находки и вообще малоазиатских сородичей «скифской» стрелы (напр. из Алишарского холма), бросающих новый свет на ее генезис.
91. Гер-Аветисян С. В. и Пиотровский Б. Б. **43**, стр. 157, 162—163, рис. 10.
92. Lehmann-Haupt C. F. **2**, стр. 101.
Perrot et Chipiez, **57**, стр. 720—722.
93. Lehmann-Haupt C. F. **2**, стр. 101 прим. 29.
94. Церетели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии, Тбилиси, 1939, табл. XXXI, в., стр. 62—63.

95. Morgan J. (de). Mission scientifique au Caucase, t. 1, Les premiers ages des métaux dans l'Arménie russe, Paris, 1889, стр. 90, рис. 34—35.
96. Morgan J. (de). 95, рис. 37—38, стр. 93.
97. Куфтин Б. А. 85.
98. Ивашенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Изв. Научн.-Иссл. Инст. Кавказоведения имени Н. Я. Марра, вып. 3, Тифлис, 1935, стр. 61, рис. XVII₃.
99. Zakharow A. Gemmen und Siegel des Museums Georgiens. Bull. du Musée de Géorgie, t. V, 1928, Tiflis, 1930, стр. 241—268.
100. Weber Otto. Altorientalische Siegelbilder. Der Alte Orent, Bd. XVII—XVIII, Leipzig, 1920, стр. 5, рис. 11 и стр. 1 рис. 1 № 5 (к сожалению без указания места происхождения и времени). Contepau G. 113, стр. 102, видит в подобных печатях результат взаимодействия штемпельной печати и настоящей цилиндрической.
101. Lehmann-Haupt C. F. 5, Bd. I, стр. 358 и Bd. II, стр. 583.
102. Lehmann-Haupt C. F. 5, Bd. I, стр. 115, 165 и Bd. II, стр. 345.
103. Lehmann-Haupt C. F. 5, Bd. II, стр. 54 и 222.
104. Пиотровский Б. Б. Урарту и Закавказье. Краткие сообщения Инст. Ист. Мат. Культуры имени Н. Я. Марра Акад. Наук СССР, III, 1940, стр. 33, рис. 9 (печать в правом углу).
105. «Коммунист», газета, Ереван, 18 мая, 1936 г., № 113, стр. 4 «Раскопка Муханат Тапа».
106. Путеводитель по залам Отдела Востока. Государственный Эрмитаж, Ленинград, 1939, стр. 67.
107. Уварова П. С. 11, стр. 324, табл. CXXVII, рис. 47.
108. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Краткие Сообщения Инст. Ист. Мат. Культ. им. Н. Я. Марра, Акад. Наук СССР, VIII, 1940, стр. 8.
109. Contepau G. Les tablettes de Kerkouk et les origines de la civilisation Assyrienne. Отт. из *Babyloniaca*, t. IX₂₋₄, Paris, 1926, рис. 80, 90, 73.
Götze A. Hethiter, Churriter und Assyrer. Hauptlinien der Vorderasiatischen Kulturentwicklung im II Jahrtausend. Oslo, 1936, рис. 50, стр. 91 сл.
110. Ward W. H. The Seal cylinders of Western Asia, Washington, 1910, стр. 305, рис. 955. Цит. по Н. Д. Флитнер (112), стр. 29.
111. Отчет Арх. Ком. за 1882—88 гг., стр. 58 и 64 (примеч.) с находкой этой печати в Сев. Осетии, может быть, следует поставить в связь еще одно не менее любопытное изделие из коллекции В. Вырубова, которое на негативе (№ 2617), снятом с него Д. И. Ермаковым, имеет отметку «находки Змейник близ Владикавказа» (в печат-

ном каталоге Д. И. Ермакова 1896 г. значится «Дерев. змейник близ Владикавказа»): это стеатитовый ложковидный предмет с рельефной резьбой на тыльной стороне характерного сиро-хеттского орнаментального мотива, священной пальметы. В точности этот мотив повторяется на подобном же предмете Британского Музея (№ 116090/1), добытом Вулли в 1913 году в раскопках близ Каркемиша (*Annals of Archeologie and Anthropologie*, VII, Liverpool, табл. XXVII, стр. 96) и вторично опубликованном Пжеворским (*P r i z e w o r s k y St., Notes l'archéologie syrienne et hittite, Syria, v. IX, 1928, стр. 135—136, табл. LXVII*) в качестве особого типа сирийских курильниц. К сожалению этикетка Ермакова явно дефектна и не дает возможности составить по ней точное представление, кем или где, в действительности (близ Владикавказа нет деревни Змейник, есть сел. Змейское около ст. Эльхотово), найдено это изделие, поступившее позднее от Вырубова в Эрмитаж (112) без каких либо указаний на его происхождение.

Что касается мотива своеобразного типа пальметы с двумя могучими валютами в основании, двумя же весьма плотными изогнутыми и закрученными на концах спирально внутрь усиками и цветочной завязью или плодом в середине, то он заставляет вспомнить тот же мотив, в ином уже ионийском выражении, на знаменитом золотом ажурном скифском пилосе IV века до н. э. из Акбурунского кургана в Керчи, в котором Л. Стефани (*Объяснение некоторых художественных произведений открытых в Южной России в 1875 году, Отчет Арх. Ком. за 1876 г., СПб. 1879 г., стр. 5 и 109, табл. II*) в свое время неосновательно усмотрел возможную стилизацию бараньих рогов, часто украшавших древне-греческие шлемы. (О пилосе сравни также: Minns E. H. *Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 390—391* и Ростовцев М. И. *Скифия и Боспор, 1925, стр. 388*).

112. Флитнер Н. Д. Сиро-хеттские памятники Эрмитажа. Труды Отдела Востока (Государственный Эрмитаж), том I, Ленинград, 1939, стр. 21—42.
113. Contenau G. *La glyptique Syro-Hittite, Paris, 1922, стр. 93 (рис. 51) 121, табл. XLIII—XLIV и пр.*
114. Blegen Carl W. *Excavations of Troy 1935. Am. Journ. of Arch. v. XXXIX, стр. 580, рис. 24.*
115. Contenau G. 113, стр. 94, рис. 56—59 на табл. XI.
116. Schmidt Erich F. *Anatolia through the ages. Discoveries at the Alishar Mound 1927—29, Chicago, 1931, стр. 88—89, рис. 135.*
117. Lehmann-Haupt C. F. 5, II₂, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 583.
118. По поводу зоологического наименования Capridae на древне-мессопотамских и эламских изображениях см. Louis Maria, Bouquetin ou

- chèvre sauvage? *Revue d'assyriologie*, t. XXXI, Paris, 1934, стр. 71 и 77, и Corbian S. Bouquitin ou bouc sauvage? Une mise au point, там же XXXII, Paris, 1935, стр. 175—176.
119. Contenau G. **113**, стр. 144—145.
120. Horn V. Sasanidische Gemmen aus dem British Museum, *Zeitschr. D. Morg. Gesellsch.*, 1890, Bd. 44, стр. 666, № 624, табл. I в, рис. 65.
121. Horn V. **120**, стр. 652, табл. Ia, рис. 8,
122. Blau O. Ueber einer aramäisch-persischen Siegelstein, *Zeitschr. D. Morg. Ges.*, Bd. XVII, Leipzig, 1864, стр. 299—300.
123. Horn V. **120**, стр. 645 № 552, табл. Ia, рис. 47.
124. Toscani P. Le lion cornu et le palmier à Suse, *Revue d'assyriologie*, vol. XIII, Paris, 1916, стр. 75, рис. 16 и 32.
125. Contenau G. **113**, стр. 143.
126. Thureau-Dangin F. Huitième campagne de Sargon, 1912, стр. XII, прим. 3.
127. Under Eckhard. Altindogermanisches Kulturgut in Nordmesopotamien Leipzig, 1938, стр. 7—9.
Schachermeyr Fr. Materialien zur Geschichte Ägäischen Wanderung. Mit. d. D. Arch. Inst., Ath. Abt., Bd. XLI, Berl., 1916, стр. 385 сл. и 423.
128. Christian Viktor. *Alttertumskunde des Zweistromlandes*, Bd. I. Leipzig, 1940, стр. 150—151, табл. III, рис. 66 и табл. III, рис. 1, 6.
129. Contenau G. **109**, стр. 36, рис. 126 и подобные.
130. Иессен. А. А. **25**, стр. 29—30, 62.
131. Bittel Kurt. Artvinde bulunan tunçtan mamul asari atika. *Türk Tarih, Arkeologiya ve Etnografya dergisi*, Istanbul, 1933, № 1, стр. 130—156.
132. Иессен А. А. **25**, стр. 139—140.
133. Имеются в виду бронзовая рукоять кинжала с типично-кобанской гравировкой зооморфными изображениями и другие бронзовые предметы, доставленные из Карса и хранящиеся в Боржомском музее.
134. Ушаков П. Тао-Кларджетия в конце IX и в VIII веке до нашей эры, стр. 169—172.
135. Contenau G. *Manuel d'archéologie orientale*, t. I. Paris, 1931, стр. 83.
136. Нидерле Любор. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. Перевод Ф. К. Волкова, под ред. Д. Н. Анучина, СПб, 1898, стр. 150—154.
Déchelette J. **34**, t. I, Paris, 1908, стр. 465—468.

- Realexikon der Vorgeschichte, herausgegeben von Max Ebert, Bd. VII, 1926, G. Wilke, стр. 278; V. Duhn, стр. 279; Bd. XIII, 1929, R. Thurnwald, стр. 276 сл.
137. Olshausen. Leichenverbrennung Zeitschrift für Ethnol., Verhandl., Bd. XXIV, Berl., 1892, стр. 129 сл., 163.
 Cartailhac E. L'incinération des morts à l'âge de la pierre. Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme, Paris, 1888, стр. 1 сл.
 Его же, Les sépultures à deux degrés et les rites funéraires à l'âge de la pierre. Association française pour l'avancement des Sciences, Nancy (Compte rendu), 1886, t. I, стр. 169 сл.
138. Child G. New light on the most Ancient East, London, 1935, стр. 158.
139. Bittel Kurt. Prähistorische Forschungen in Kleinasien. Istanbul, 1934, стр. 29.
140. Bittel Kurt. Mitteil. d. D. Orientgesellschaft Bd. 75, Berlin, 1937, стр. 14—18 и 68 сл.
 Ehelolf Hans. Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Staatliche Museum, Vorderas. Abt., Berlin, 1939. Heft XXX, по рец. Ferd. Sommer в Orientalische Literaturzeitung, 1939, № 11, столбцы 678—681.
141. Contenau G. La civilisation des Hittites et des Mitanniens, Paris, 1934, стр. 231.
 Woolley C. L. 90, part. II, 1921, стр. 119.
142. Oppenheim M. Der Tell Halaf, Leipzig, 1931, стр. 195.
 Under Eckhard. 127, стр. 9.
143. Schmidt Erich. 116, стр. 104, рис. 152.
144. Приведенный фрагмент происходит из материалов, полученных раскопками А. И. Амиранашвили холма Наохваму, недалеко от жел.-дор. станции Квалони в 1933 г. (пол. опись № 123) и относится к верхнему культурному слою, который исследовательница, по неопубликованным данным, приурочивает к эпохе разложения «кобанской» культуры, именуемой ею со значительным основанием, в качестве автохронной, «колхидской». Датируется однако этот слой в предварительном кратком отчете несомненно ошибочно, слишком поздним временем: «примерно первыми веками н. э.», для чего не имеется никаких оснований в материале раскопок. Весь керамический инвентарь, с которым стратиграфически связан данный фрагмент со спиральями, представляет собою в целом, если исключить немногие случаи (напр. фрагмент № 122 с каннелюрами), наиболее яркое и богатое выражение именно тех особенностей в форме сосудов (ручек) и орнаментации, которые отличают и выделяют в особую группу вообще всю основную керамику Наохваму, начиная с нижнего культурного слоя, где найдены остатки деревянного строения, правильно уводимого автором раскопок во второе тысячелетие до н. э.

145. Evans A. I. The Mycenaean tree and pillar cult and its mediterranean relations with illustrations from recent Cretan finds. Journ. of Hell. Studies, XXI, London, 1901, стр. 107 сл.
Dussaud René. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Égée, Paris, 1910, стр. 204, рис. 147.
146. Lichtenberg R. Die Ägäische Kultur, Leipzig, 1911, русск. пер. Лихтенберг Р., Доисторическая Греция, под ред. Б. В. Фармаковского, СПб., 1913, стр. 133.
147. Кафадарян К. Раскопки Кармир-Блур (1939 г.). Известия № 3, Ереван, 1940 г., Армянский Филиал Акад. Наук СССР, стр. 30.
Пиотровский Б. Б. Предварительный отчет о раскопках археологической экспедиции Эрмитажа на Кармир-блуре около сел. Чарбах. 1939 г., там же, стр. 20. Его же. Раскопки Кармир-Блур. Сообщения Гос. Эрмитажа, I, Ленинград, 1940 г., стр. 24.
148. Пчелина Е. Г. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ гор. Тифлиса. Bull. du Mus. de Géorgie, t. V, 1928, стр. 156—159.
149. Куфтин Б. А. 3, стр. 106, 115, рис. 123.
150. Лалаян Е. А. Раскопки в сел. Ниж и Варташен, Нухинского уезда. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., в. V, Тифлис, 1919, стр. 43, 44, 46.
151. Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 103—112, рис. 45.
152. Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области в 1938 году. Изв. Азербайджанского Филиала Акад. Наук СССР, 1939, № 4, стр. 82—88, табл. VI₁₀.
153. Куфтин Б. А. 3, табл. CXIX, стр. 110. Его же, 108, стр. 21, рис. 11₂.
154. Куфтин Б. А. 3, стр. 101, табл. CXV bis и рис. 110, и 108, стр. 24, рис. 12 и стр. 34—35.
155. Tallgren A. M. Miscellanea archaeologica, III, Varia. Eurasia Sept. Ant., VI, Helsinki, 1931, стр. 176, рис. 2.
156. См. 3, стр. 117, рис. 126а, табл. CXXV₁.
157. Уваров А. С. 8, стр. 444.
158. Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья. Материалы по Археологии Кавказа, вып. V, Москва 1896, стр. 34—37.
159. Байбуртян Е. Проблема крашеной керамики Армении (на армянском языке). Вестник Инст. Ист. и Лит. Арм. ССР, кн. II, Ереван, 1937, стр. 291.
160. Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. Изв. Арх. Комиссии, вып. 13, СПб. 1906 г., рис. 90. См. также у Амиранашвили А. (Новая находка в низовьях р. Ингура, Тифлис,

- 1935), рис. 10 и краснолаковую чашу из раскопок некрополя древней Ольвии в 1896 г. в Отч. Арх. Ком. за 1896 г., стр. 208.
161. Газета «Коммунист». Ереван, 1936, № 69 (24 марта), стр. 4, Археологические находки. См. также **159**, стр. 291—292 и 296.
162. Лалаян Е. А. Археологические раскопки в Эриванской губернии. Изв. Арх. Комиссии, прибавление к вып. 14, СПб., 1905, стр. 48. Его же, Нахичеванский район (Историческое обозрение), I Доисторический период (на арм. яз.). Журнал Азгаграхан Хантес, XIII₁, 1906, стр. 207—208.
163. Morgan Jacques (de). **24**, t. III, Paris, 1927, стр. 89, рис. 129. Ср. также флягу из Тепе Гавра в Archiv f. Orientforschung Bd. XII₆, Berl., 1939, стр. 404, рис. 13.
164. Godard André. Les bronzes du Luristan. Ars Asiatica, XVII, Paris, 1931, табл. LXVI.
165. Лалаян Е. А. Раскопки курганов в Советской Армении (на арм. яз.) Ереван, 1931, рис. 49, 84 и 198 (с ошибочной надписью «бронзовая чаша» и с неверным отнесением ее на стр. 199 к погребению с колесницей).
166. Лалаян Е. А. **165**, стр. 38 и сл.
167. Смотри **165**, стр. 44. Чертеж раскопанной Е. Лалаяном площадки с очагом опубликован Е. Байбуртяном в статье «Псевдонеолитические поселения Армении» (журн. Проблемы Истории Материальной Культуры, Ленинград, 1933, вып. 1—2, стр. 30—40), в которой он ошибочно, возражая Е. Лалаяну, относит открытый Е. Лалаяном древний культурный слой к эпохе позднебронзовой и раннежелезной керамики Нор Баязета, в противоречии с им же самим добытыми здесь на другой год после раскопок Е. Лалаяна материалами. От этих утверждений позднее Байбуртян принужден был отказаться (**163**).
168. Байбуртян Е. А. По поводу древней керамики из Шреп-Блуга. Советская Археология, III, 1937, стр. 210—211.
169. Поляков И. С. Дневник археологических работ, веденных в Закавказском крае осенью 1879 г. Пятый Археологический Съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета. Москва, 1879, стр. 177 (Кульпинские топоры) и 212—214 (Нахичеванские топоры). Chantre Ernest. **14**, t. I, стр. 50, рис. 6, табл. I₇ и II_{5, 6, 7, 8, 9, 10}. Уварова П. С. **7**, стр. 192, №№ 63—87, табл. XI. Иессен А. А. **25**, стр. 66.
170. Déchelette Joseph. **34**, t. I, Paris, 1908, стр. 528—531, рис. 190.
171. Отчет Арх. Комиссии за 1899 г., СПб., 1902, стр. 71. Zeitschr. f. Ethnol., Bd. XXVI, Berl., 1894, Verhandl., стр. 587, рис. 1—2, и Bd. XXXIII, Berl., 1901, Verh., стр. 108, рис. 30 a, b. См. также

- Hummel Jacob, Zur Archaeologie Aserbaidshans. Eur. Sept. Ant., VIII, Helsinki, 1933, стр. 232—233, рис. 31.
172. Гуммель Я. И. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана. Вестник Древней Истории, Москва, 1940 г., № 1, стр. 213. Его же Археологическая разведка на Килик-Даге. Изв. Азерб. Фил. Ак. Наук, Баку 1938 г., № 2, стр. 23—24, табл. I и II, №№ 6—18.
173. Schmidt Erich. 116, рис. 99.
174. Brosset M. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siècle. 1-^{re} partie, 1849, стр. 23 [на груз. яз.].
Куфтин Б. А. 108, стр. 16.
Меликсет-Беков Л. М. Мегалитическая культура в Грузии. Материалы для истории архаического монументального искусства. Тбилиси, 1938 г., [на груз. яз. с русск. резюме] стр. 7. Его же, Армазни. Материалы по Истории Грузии и Кавказа, Груз. Фил. Ак. Наук СССР, вып. II, Тбилиси, 1938 г., стр. 19—20.
175. Ростомов И. П. Ахалкалакский уезд в археологическом отношении. Сборник Матер. для Опис. Местн. и Племя. Кавказа, вып. XXV, Тифлис, 1898 г., стр. 23—28.
176. Джафар Заде И. Циклопические сооружения Азербайджана. Труды Азерб. Фил., том 55, Баку, 1938 г., стр. 5—54.
Атрпет. Циклопические крепости Ширака [на арм. яз.] Азгаграхан Хантес, т. XXV₂, 1913.
Тораманян Т. Дохристианская архитектура Армении [на арм. яз.]. Вестник Научн. Инст. Арм. 1921—1922.
Пиотровский Б. Б. и Гюзальян Л. Т. Крепости доурартского и урартского времени. Пробл. Ист. Мат. Культ., 1933, вып. 3—4.
Мещанинов И. И. Циклопические сооружения Закавказья. Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культ., том XIII, вып. 4—7, 1932. См. также 159, стр. 271—276.
177. См. 3, стр. 113, рис. 119 и табл. CXVIII₂.
178. Дело И. Археол. Комиссии за № 1893/61 (см. Отч. Арх. Ком., за 1893 г., стр. 36).
179. Спицин А. А. Некоторые Закавказские могильники. Изв. Арх. Ком., вып. 29, СПб., 1909, стр. 5, рис. 56 и 57.
180. Газета «Коммунист», Ереван, 1937 г., № 242, стр. 4.
181. Mallowan M. E. and Cruikshank R. Prehistoric Assyria, excavations at Tell Arpachiyah. Iraq, II, London, 1935, стр. 29, 30, рис. 13, табл. I d, стр. 32, рис. 20.
182. Starr Richard F. S. Nuzi. Report on the excavations at Iorgan Tera near Kirkak, 1927—1931. London, 1939, t. I, стр. 7—9, t. II, Plan № 44 (траншея 2 и 9А).

183. Tabler A. J. Progress of the joint expedition to Mesopotamia. Bull. of the Amer. Schools of. Or. Research, 1938, № 71, стр. 22, рис. 5. Ср. также Archiv für Orientforschung, Bd. XII₅, Berlin, 1939, стр. 403, рис. 11.
 Müller V. (Types of Mesopotamian House. Journ. of the Am. Or. Soc., v. 60, Philadelphia, 1940, стр. 161, табл. I), минуя фолосы Арпачиа и Иорган Тепе, выводит круглый план дома из круглой ограды.
184. Газета «Коммунист». Ереван, 1936, № 143, стр. 4. То же, 1937 № 230 и № 242, стр. 4.
185. Газета «Коммунист», 1936, № 162, стр. 4.
186. Christian Viktor. Altertumskunde des Zweistromlandes, Bd. I, Leipzig, 1940, стр. 100, 110.
187. Байбуртян Е. А. Культурной очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг. Вестник Древней Истории, 1938 г., № 4(5) стр. 255—259, рис. 1, 2, 3. Его же, Орудия труда в древней Армении (на арм. яз.). Вестник Инст. Истории и Литерат., Ереван, 1938, вып. I, рис. 72. См. так же газета «Коммунист», Ереван, 1936 № 162.
188. Morgan J. (de), 24, t. II, L'Égypte et l'Afrique du Nord, Paris, 1926, стр. 60—61, 86—87, 301, рис. 49, 50.
 Child Gordon. 138, рис. 14а, стр. 56.
189. Газета «Коммунист». Ереван, 1936 № 162, см. также 187, стр. 259.
190. Лалаян Е. 165, рис. 6, стр. 47.
191. Mallon A., Koerpel R. et Neuville René, Teleilat Ghassul I, Compte rendu des fouilles de l'Institute Biblique Pontifical 1929—1932, Rome, 1934, стр. 77—78.
192. См. 3, рис. 115 и табл. СХІХ, также 187², рис. 28—36.
193. Déchelette Joseph. 34, t. II, стр. 105 и 139, рис. 39 № 24 и 25, табл. I, рис. 16 и 17 (рассматривает их как «шилья для татуировки»).
194. Schmidt Erich F. Excavations at Тепе Hissar Damghan. Philadelphia, 1937, стр. 56—57, табл. XVI, напр. № Н3658 и др.
195. См. 3, стр. 109, рис. 117^{1, 3, 4, 5} и табл. СХХІV₅ (стр. 230).
196. Газета «Коммунист». Ереван, 1937, № 230, стр. 4.
197. См. 3, стр. 95, рис. 104. Ср. также 187², рис. 61.
198. Mackay Ernest. A sumerian palace and the «А» cemetery at Kish, part II, Field Mus. of Nat. Hist., Anthr. Mem., v. I₂ Chicago 1929, стр. 209—211, табл. XLVI_{8, 9}.
199. См. 159, стр. 276—286, план раскопок 1935 года на стр. 270 и 281. Раскопка 1936 г. см. газета «Коммунист», 1936 №№ 113 и 138.
200. См. 159, стр. 295.
201. Газета «Коммунист». Ереван, 1936, № 138, стр. 4. См. также, 187², рис. 109.

202. Чубинов Г. Н. Декоративное убранство анийских карасов. Христианский Восток, т. V₁, Петр., 1916, стр. 22 сл.
203. См. 159, стр. 287, рис. на стр. 289. См. также 187², рис. 76—80.
204. См. 159, стр. 293.
205. Там же, стр. 291.
206. Газета «Коммунист», 1938, № 142.
207. Lehmann-Haupt С. F. 5, Bd. II₁, Berlin, 1936, стр. 179.
208. Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе. Краткие Сообщения о докладах и полевых исследованиях Инст. Истории Мат. Культ. Акад. Наук СССР, V, 1940, стр. 66.
209. Крупнов Е. И. Каякентский могильник—памятник древней Албании. Труды Государственного Исторического Музея, вып. XI, Москва, 1940, стр. 10—18.
210. Ungnad Arthur. Subartu, Berlin—Leipzig, 1936.
211. Pfeiffer Robert H. The excavations at Van in 1939, Bull. of Am Sch. of Or. Research, № 78, 1940, стр. 31, 32.
212. Christian Viktor. 128, стр. 91—95.
213. Bittel. Kurt. Beiträge zur kleinasiatischen Archäologie, Archiv für Orientforschung, Bd. XI₁₋₂, Berlin, 1936, стр. 43, рис. 53—11. См. также 139, стр. 73, табл. IV₂ и VI_{5-7, 12}.
214. Имеются в виду особые, главным образом, шаровидные с двумя ручками глиняные сосуды из додинастических погребений верхнего Египта (напр. из Эль Махасны, Эль Амраха), так называемой «второй Негадской культуры», покрытые буро-красным узором в виде изолированных густых спиралей (Carrart J. Primitive art in Egypt, London, 1905, рис. 86; Petrie Fl. Prehistoric Egypt Corpus, London, 1921, табл. 36, 67 A—S; Бороздина-Козьмина Т. Н. Глиняные сосуды и чаши архаического Египта, собранные В. С. Голенищевым. Памятн. Гос. Муз. Изящн. Искусств, вып. V, Москва, 1926, табл. III₂, 3, стр. 17. Однако, как отметил это еще Schweinfurth G. (Ornamentik der ältesten Kultur-Epoche Aegyptens, Zeitschr. f. Ethn., Verh., Bd. XXIX, Berlin, 1897, стр. 397) эта спираль имеет специфическое происхождение, являясь красочным подражанием естественному узору раковин на каменных сосудах из нуммулитового известняка, имитацией которых являются указанные глиняные сосуды (см. об этом также у J. de Morgan 188, стр. 123, рис. 150₂, 4, 8; стр. 275, рис. 310₃ и табл. III₂) и позднее теряет всякое орнаментальное применение, вне явных пересадок из Эгейского мира (Lichtenberg Reinhold, Einflüsse der ägäischen Kultur auf Ägypten und Palästina. Mitt. der Vorderasiat. Gessellschaft, Jahrg XVI₂, Leipzig 1911, стр. 57—61), где спиральный мотив, напротив получает многостороннее развитие.

215. Boehlan Johannes. Die Spirale in der Bandkeramik, Praehistorische Zeitschrift, Bd. XIX₁₋₂, Berlin, 1928, стр. 54—96, табл. 1—24.
216. Déchelette Joseph. **34**, t. I, Paris, 1908, стр. 230. рис. 91, стр. 232, 611—615, рис. 240, 246.
Noernes-Menghin. **35**, стр. 173,
217. Куфтин Б. А. **108**, стр. 13, 14, рис. 2 и 5.
218. Куфтин Б. А. О древнейших корнях грузинской культуры по памятникам хеттской и халдской эпох, найденным на территории Грузии работами Цалкинской Археологической Экспедиции 1936—1938 гг. (рукопись—статья переданная 20 мая 1939 г. через акад. И. А. Джавахишвили в центральную прессу. Архив Отд. Охр. Пам. Культ. Грузии). Его же, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. «План работ и тезисы докладов III Сессии Грузинской Академии Наук, Отд. Общ. Наук, 18—20 окт. 1941, Тбилиси 1941, стр. 17—18 (тезисы доклада).
- Историческое обоснование представлений о ранней грузинской государственности в бассейне Куры и Аракса мы находим в работах акад. Джанашиа С. Н., ср. например, Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока (на груз. яз. с русск. резюме), Изв. Инст. Яз. и Ист. Мат. Культ. им. Марра, т. V—VI, Тбилиси, 1940, стр. 677—690.
219. Langsdorff A. Eine prähistorische Siedelung bei Persepolis. Studies in Ancient Oriental Civilisation, VI, Chicago, 1934, цит. по Walter Andrae E. Vorderasien в изданном Walter Otto Handbuch der Archäologie, Bd. I₃, München, 1939, табл. 115₂, стр. 654.
220. Пассек Т. Н. Трипольские модели жилища. Вестник Древней Истории, 1938, № 4(5), стр. 235—247, рис. 1, 2. Здесь обращают также внимание, по форме и характеру отделки, края крестовидных жертвенников из Владимировки (рис. 3, 4), сходные с бортом глиняного стола из Ахыллара в Триалети (табл. XXVII₅).
221. Тер-Аветисян С. В. и Пиотровский Б. Б. **43**, стр. 158.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ ТАБЛИЦАХ

- I. Керамика из игдырского „колумбария“, около $\frac{1}{3}$ нат. вел.: 1. Черносерый тяжелый горшок № 47 (погр. 1); 2. Краснополированный кувшин с лентовидной ручкой № 48 (погр. 1); 3. Краснополированная урна № 1, орнаментированная по плечикам клиновидным штампом (см. рис. 14), девятью шевронами; 4. Краснополированная урна № 16, орнаментированная по плечикам клиновидным штампом, пятью шевронами (см. рис. 13); 5. Фрагмент № 122 краснополированного ребристого кувшина с местом отлома ручки; 6. Полая снизу ножка краснополированной вазы № 155 (см. рис. 18₃); 7. Краснополированный пятнисто обожженный кувшинчик с просверленным отверстием и обломанной ручкой № 111 (см. рис. 18₂), содержавший в себе прах, и стоящий на нем темный, слабо ангобированный красным „молочник“ с обломанным сосочком № 112, из детского погребения (пункт 9); 8. Вышеописанный молочник № 112 (см. рис. 18₁); 9—10. Фрагмент краснополированной двойной чаши № 154 (см. рис. 17), в двух положениях (пункт 13); 11. Краснополированная тонкостенная чаша-фиала № 83 с наружным углублением на дне (пункт 4).
- II. Керамика из игдырского „колумбария“, в $\frac{1}{3}$ нат. вел., кроме 1-го: 1. Краснополированная тяжелая чаша № 85, в $\frac{1}{3}$ нат. вел. (пункт 5); 2. Краснополированная урна малого размера № 16 (см. табл. 1₁) с просверленным в корпусе отверстием и орнаментированная пятью шевронами; 3. Тоже № 1 (см. табл. 1₃), орнаментированная девятью шевронами; 4. Тоже № 131, большого размера, орнаментированная полулунным штампом (см. рис. 14₁) семью шевронами (пункт 11); 5. Серый горшок № 147 (под сплошным известковым налетом), служивший в качестве погребальной урны, с просверленным отверстием (пункт 12); 6. Краснополированная тонколепленная, неорнаментированная урна № 146 с конически просверленным отверстием в корпусе (пункт 12); 7. Тоже № 145, более тяжелая с отверстием в корпусе, тщательно пробитым (пункт 12); 8. Черносерый горшок № 104 под известковым налетом (пункт 7); 9. Тоже № 156, репчатой формы.
- III. Фрагменты бронзовых предметов, главным образом, сосудов из игдырского „колумбария“ (пункт 10, кроме № 7), в $\frac{1}{2}$ нат. вел.: 1. Центральная часть крышки с кнопкой № 115; 2. Репей брон-

- зовый с петлей внутри № 124; 3. Ребристая чаша № 126 (фрагменты венчика, корпуса и дна); 4. Пара дугообразных ручек № 125; 5. Железная дугообразная ручка от бронзового котла № 121А; 6. Зооморфная ручка № 120 от бронзовой кружки; 7. Нижняя половина стаканчика № 21 (изолированная находка).
- IV. Фрагменты бронзового пояса №№ 123, 140 и 52 (пункты 10, 11 и 2) и других предметов листовой бронзы № 92 (пункт 5) из игдырского „колумбария“.
- V. Бронзовые предметы туалета из игдырского „колумбария“ около $\frac{3}{5}$ нат. вел.: 1—2. Булавки №№ 39 и 40 с отверстиями в основании колонкообразных головок, из которых одна якоревидно увенчана четырьмя изогнутыми отростками (погр. 1); 3. Бронзовый детский браслет, обвитый железной проволокой № 35 (погр. 1); 4—5. Пинцет и ухвертка № 117 (погр. 10); 6. Биконическая бронзовая буса № 118в (погр. 10); 7. Бронзовый браслет с червеобразным стержнем № 118д (погр. 10); 8. Четковидный бронзовый браслет № 49 (пункт 2); 9—10. Бронзовые браслеты №№ 75 и 72, подвергавшиеся музейной очистке (пункты 3 и 4); 11. Группа соединенных окислами бронзовых браслетов и бронзовых биконических бус № 118 (пункт 10).
- VI. Бусы из игдырского „колумбария“ (уменьшение 1—26 в 2 раза, 27—28 в 3 раза и 29—33 в 4 раза): 1—5. Из бесцветного иридизованного стекла № 22 (погр. 1); 6. Агатовая линзообразная буса (пункт 10); 7. Чернокаменная пронизка—двусторонняя гемма № 23, (погр. 1); 8—9. Столбчатые печати (см. табл. IX_{1,2}), каменная № 115 (пункт 10) и керамическая № 98 (пункт 5); 10. Сердоликовая округлая буса с цилиндрической сверлиной; 11. Пронизка из раковины рода Turbo с пунктирной орнаментацией № 116 (пункт 10); 12—13. Бусы минеральные серо-молочного цвета, шаровидные № 98 (пункт 5); 14—15. Бусы агатовые, округлые с биконическими сверлинами; 16. Шестиугольная призматическая буса из твердой грюнштейновидной породы № 24 (погр. 1); 17. Буса шестифасеточная овальная из светло-розового сердолика (погр. 1); 18—26. Низка бус № 28 (погр. 1): 18. Пастовая темнокоричневая глазчатая с выпавшей инкрустацией, 19. Сердоликовая уплощенной формы, 20. Стекловидно-пастовая раз'еденная с выпавшей инкрустацией (волнистый пояс), 21. Сердоликовая грушевидная, 22. Пастовая тыквовидная, светло-оливкового цвета, 23. Минеральная черная, 24. Кварцевая белая, 25. Сердоликовая фрагментированная, 26. Черная тонкополированная; 27. Бронзовые буски и трубочки № 152 (пункт 13); 28. Две низки жженных агатовых (округлых, грушевидных, чечевицеобразных, биконически и коническо-цилиндри-

- чески сверленных и стеклянных шаровидных бус № 137, 153 (пункт 11 и 13); 29. Агатовые цилиндрично-боченковидные бусы № 27 (погр. 1); 30. Сердоликовые округлые бусы № 31 (погр. 1); 31. Подушко-видные грубообработанные бусы из молочного халцедона № 115 (пункт 10); 31. Агатовые веретенообразные и шестифасеточные продолговатые бусы № 116 (пункт 10); 33. Бусы шаровидные из прозрачного стекла № 115 (пункт 10); (1—26 в $1/2$ нат. вел.; 27—28 в $1/3$ нат. вел. и 29—33 в $1/4$ нат. вел.).
- VII. Инвентарь погребения (№№ 91—98) в пункте 5 и др. предметы из игдырского „колумбария“, в $1/3$ нат. вел.: 1. Железный широко-клиновидный меч № 93; 2. Бронзовый тазик № 92; 3. Полая бронзовая подвеска или пуговица № 124 (пункт 10); 4—7. Железные наконечники стрел № 95; 8. Железный наконечник копья № 60 с отломанной втулкой (пункт 3); 9. Железный нож; 10. Браслет бронзовый № 91; 11. Железный наконечник стрелы № 95; 12—13. Бронзовые браслеты №№ 72 и 73 (пункт 3); 14. Печать из обожженной глины № 98; 15. Крышка сосуда из вулканического туфа № 101 (изолированная находка).
- VIII. Фрагменты железных предметов из игдырского „колумбария“: 1—2. Гвоздиры с втулками и острым краем №№ 97 и 63 (пункты 5 и 3); 3. Круглый железный прут кольцевидно согнутый № 63 (пункт 3); 4. Наконечник копья согнутый № 63 (пункт 3); 5. Фрагмент в форме топорной лопасти № 63 (пункт 3); 6—8. Ножи №№ 150, 142 и 79 (пункты 4, 11 и 13); 9. Скобообразная согнутая железная пластина с отверстием в одном конце № 110 (пункт 8).
- IX. Урартские штемпельные печати: 1—2. Столбчатые—керамическая № 98 и каменная № 115—печати из игдырского „колумбария“ (пункты 5 и 10); 3. Блочковидная двусторонняя чернокаменная печать № 23 из игдырского „колумбария“ (погр. 1); 4. Оттиск с печати № 98 в полуторном увеличении при двух разных освещенных; 5. Два оттиска с разных сторон печати № 23 в полуторном увеличении; 6. Оттиск с печати № 115 в 4-кратном увеличении при двух разных положениях к источнику света; 7—8. Оттиски с двух столбчатых печатей Государственного Музея Армении из могильника близ Келанкранской крепости (Цовенар) в 3-кратном увеличении.
- X. Бронзовые головы быков около $1/2$ нат. вел.: 1. Из собрания Келикяна на Международной Выставке Иранского искусства в Лондоне 1931 г.; 2. По фотографии с находки 1905 года в с. Гушчи на оз. Урмия.
- XI. 1. Фрагмент бронзового пояса из с. Гушчи на оз. Урмия с трехрядным расположением стрельцов, бегущих львов, быков и туров

около $\frac{3}{4}$ нат. вел. (рис. худ. Т. С. Шевяковой по графической реконструкции автора и фотографиям); 2—4. Бронзовые головы быка из Топрак-кале (Британский Музей), из сел. Гушчи на оз. Урмия и из Иранского Курдистана (Эрмитаж № 16004).

- XII. 1. Бронзовая кружка из Лечхумского клада 1924 г. в с. Окуреша (Тб. Общ. Ист. Этн. инв. 4057); 2. Бронзовая ручка от кружки из игдырского „колумбария“ (Гр. инв. 30—14: 120); 3—4 Бронзовая ситула и бронзовый топор из Лечхумского клада 1924 г. в с. Окуреша (Тб. Общ. Ист.-Этн. инв. 4056).
- XIII. Бронзовые топоры из Лечхумского клада 1924 г. в с. Окуреша около $\frac{2}{5}$ нат. вел.: 1. Парадный тонкополированный неорнаментированный топор (Гр. инв. 11—32:23); 2. Парадный топор с рельефно-шнуровидным и прямолинейно-геометрическим гравированным орнаментом (Гр. инв. 11—32:25); 3. Рабочий топор с грязнометаллической поверхностью (Гр. инв. 11—32:14); 4. Массивный топор с прокованной поверхностью (Гр. инв. 11—32:68); 5. „Серп-топор“ (Гр. инв. 11—32:54); 6. Миниатюрный топорик с незаглаженными отливными швами.
- XIV. Бронзовый инвентарь из Лечхумского клада 1924 г. в сел. Окуреша около $\frac{2}{5}$ нат. вел.: 1. Плоский браслет со спирально-завернутыми концами (Гр. инв. 18—32:64); 2. Ленточный ребристый браслет (Тб. Общ. Ист.-Этн. инв. 4087); 3. Бронзовая гривна из круглого прута (Гр. инв. 18—32:200); 4. Фрагмент бронзовой пластинки с пунктирным орнаментом (Тб. Общ. Ист.-Этн. инв. 4088); 5. Плоский топор с боковыми выступами (Гр. инв. 11—32:64); 6. Топор с прокованной поверхностью (Гр. инв. 11—32:13); 7—8. Бронзовые браслеты из овального в сечении прута с полированной поверхностью (Гр. инв. 18—32:202, 203).
- XV. Фрагменты глиняных сосудов с полушарными ручками энеолитического типа, около $\frac{2}{5}$ нат. вел.: 1—4. Фрагменты с черной тонкополированной поверхностью и светлобурой подкладкой из игдырского зольника (Гр. инв. 30—14), с ручками над линией перегиба плечиков в шейку (№№ 1, 2 и 4) и с ручкой у венчика (№ 3); 5—7. Фрагменты из городища Ахыллар в Бешташени (Триалети) розовато-бурой керамики, с ручками ассиметричными по горизонтальной оси и с прогибом стенки сосуда под ними, и чернолощенной керамики, с цилиндрическим тангентальным поверхности сосуда проемом ручки (№ 7).
- XVI. Фрагментированная керамика энеолитического типа (кроме № 4) из игдырского зольника и цельная из Азербайджана около $\frac{2}{5}$ нат. вел.: 1—2. Фрагменты чернолощенной чаши с желобчатым спиральным узором по среднему поясу; 3. Фрагмент черносерой миски с

- обломанной петлевидной ручкой от края венчика к корпусу над резным орнаментальным пояском; 4. Фрагмент черно-серой керамики с линейно-гребенчатым волнообразным поясом; 5. Фрагмент кубка с черной поверхностью и резко отграниченной светлобурой подкладкой; 6—7. Фрагменты чернополированных прямогорлых сосудов с резкоотграниченной светлобурой подкладкой; 8. Чернолощенный с бурой подкладкой орнаментированный с противоположной ручке стороны (см. табл. XXIV) узкодонный кубок с отбитым дном из нахичеванских раскопок (Гр. инв. 20—05:В—9); 9. черносерый горшочек-кубок из Заглика (Ув. 1823) орнаментированный только с одной стороны, на треть поворота от ручки (см. табл. XXII³).
- XVII. Очажные глиняные подковообразные подставки: 1 и 5 из сел. Мечетлы между Каракуртом и Саракамышом Карской области (Ув. 2932) около $1/10$ и $1/7$ нат. вел.; 2 и 3. Фрагменты из раскопок Уварова в Армавир-Блуре (Ув. 2920 и 2922), около $1/10$ нат. вел.; 4, 6—8. Фрагменты из игдырского зольника (Гр. инв. 30—14), около $1/10$ нат. вел.
- XVIII. Керамика с росписью черной и красной краской: 1. Фрагмент стенки крупного сосуда с растительно-подобным орнаментом из игдырского зольника в $1/5$ нат. вел.; 2. Фляга бихромно расписанная, шестилучевой красной звездой, с одной лицевой выпуклой стороны из зольного холма Кюль-Тапа, близ Нахичевана (Гр. инв. 20—05:В 2) в $1/3$ нат. вел.
- XIX. Фрагменты каменных поделок и медные бруски (Гр. инв. 30—14:18) из игдырского зольника: 1 и 6. Концы ладьевидных зернотерок из серой пористой лавы; 2. Обломок плоского шлифовальника с отверстием из легкой пемзоподобной лавы; 3. Поделка из красноватой лавы неопределенного назначения; 4. Наковальня из диорита; 5. Шаровидное орудие из вулканического туфа; 7. Красномедные и бронзовые прокованные бруски; 8. Красномедная прокованная пластина в форме лопасти топора с обломанными концами.
- XX. Керамика энеолитического слоя, в $1/4$ нат. вел.: 1. Тонколепленный чернополированный, с розовой подкладкой ковш (см. табл. XXVI³) из сел. Алигрых на южном берегу Севанского озера (Гр. инв. 50—06:Е1); 2. Чернолощенная с светлобурой подкладкой кружка (см. табл. XIII³) из Армавир Блур (Ув. 2896); 3. Толсто-стенная чернолощенная с розовой подкладкой миска (см. рис. 55²) из Кикетского погребения (Гр. инв. 1—36:189, Общ. И. Э. 3673); 4. Светлобурая лощенная кружка из сел. Заглик (Ув. 2896); 5. Фрагмент розовато-бурого сосуда (см. рис. 55¹) со следами ангоба с обломанной миниатюрной ручкой и двубороздчатым орнаменталь-

- ным зигзагом с ямками в углах (Гр. инв. 20—32:165, Общ. И. Э. 367¹); 6. Фрагмент розовато-бурого, широко-цилиндрического сосуда (см. рис. 55¹ и XXI¹) с ангобированной мелко-трещиноватой поверхностью, миниатюрной ручкой и плоскорельефной орнаментальной фигурой (Гр. инв. 20—32:163, Общ. И. Э. 367²).
- XXI. Орнаментированные фрагменты двух сосудов из Кикетского погребения: 1 и 2. Горло розово-бурой урны (см. рис. 55¹ и табл. XX) с плоскорельефными страусовидными фигурами; 3. Фрагмент плечика чернополированного пифоса (см. рис. 55²) с очковидной двуспиральной фигурой, в $\frac{1}{3}$ нат. вел.
- XXII. Кувшинчики-кубки буроватого обжига с ангобированной поверхностью из разных мест Южного Кавказа, около $\frac{1}{3}$ нат. вел.: 1. Двуручный широкогорлый сосуд, пятнисто обожженный из зольного слоя в Тбилиси-Дидубе (Гр. инв. 19—30:1); 2. Одноручный темный сосудик из зольного слоя в Тбилиси-Дидубе (Гр. инв. 19—30:7); 3. Двуручный буровато-розового обжига кувшинчик со сглаженной поверхностью из раскопок в сел. Ниж, Нухинского района (Гр. инв. 163—16:10); 4. Черносерый сглаженный с бурой подкладкой кувшинчик из Заглика с „лицевым“ орнаментом на треть поворота от ручки (Ув. 2823); 5. Светлобурый реставрированный кувшинчик с графоморфной резной орнаментацией по плечикам, из циклопического городища Ахыллар в Триалети (Ц⁴ 327); 6. Буrolощеная кружка из ящичного энеолитического погребения в Триалети (Ц¹ 724).
- XXIII. Глиняная посуда из энеолитических погребений, раскопанных А. С. Уваровым в Армавир-Блуре, около $\frac{2}{3}$ нат. вел.: 1. Кувшин чернобуро-пятнистого обжига с лощено-сглаженной поверхностью (Ув. 2885); 2. Кувшин красновато-пятнисто обожженный с мелко-трещиноватой поверхностью, лощеной по красновато-бурой обмазке (Ув. 2884); 3. Кружка (см. табл. XX²) черносерая с светлобурой подкладкой, кругом лощеная (Ув. 2896); 4. Миска с черносерой лощеной снаружи поверхностью и красновато окрашенная внутри (Ув. 2886); 5. Миниатюрная цилиндрическая кружка с черносерой лощеной поверхностью (Ув. 2897); 6. Кубок с темной лощеной поверхностью и двумя парами шишек вместо ручек (Ув. 2898); 7. Чаша кругом лощеная, снаружи темная, внутри светлобурая (Ув. 2887).
- XXIV. Односторонне орнаментированные глиняные узко-вогнутодонные одноручные кубки из Нахичевана, в $\frac{2}{3}$ нат. вел.: 1. Чернолощенный с бурой подкладкой кубок с тонкой вогнуто-выпуклой орнаментацией (см. табл. XXV¹) шейки и корпуса, разделенных выпуклым остро-резным пояском (Гр. инв. 20—05:D—8); 2. Черно-

лощенный снаружи и бурый внутри кубок, орнаментированный резным и выемчато-выпуклым узором (см. табл. XXV₂), с отбитым дном (Гр. инв. 20—05:D—9).

XXV. Гипсовые развернутые на плоскость отливки орнаментов с глиняных кубков предыдущей таблицы: 1. Орнаменты с шейки, корпуса и разделяющий их пояс (по карандашной протирке) на первом кубке; 2. Орнаменты с шейки и корпуса на втором кубке.

XXVI. Энеолитические и ранне-бронзовые глиняные сосуды из разных мест Кавказа: 1. Миниатюрный темносерый лощеный кубок с двумя вдавленными стенками корпуса и выступом с третьей стороны из Нор-Баязетского района, в $\frac{4}{9}$ нат. вел. (Гр. инв. 64—05:B—37); 2 и 4. Глиняная чаша (в двух положениях) светлого обжига, в форме „отреза человеческого черепа“, овальной формы, с вдавленными стенками у венчика, из раскопок Лалаяна, в $\frac{1}{3}$ нат. вел. (Гр. инв. 20—05:F—4); 3. Гонколепленный глиняный ковш (см. табл. XX₁) темнopolированный снаружи и розовый полированный внутри из сел. Алигрех, Нор-Баязетского района (Гр. инв. 50—60:E—1) 5 и 6. Темносерые, прямостенные кружки с сглаженной поверхностью архаичного облика из Екатеринодара (Ув. 3090) и станции Чамлыцкой (Ув. 3070) в $\frac{2}{7}$ нат. вел.

XXVII. Керамические фрагменты из энеолитического слоя циклопического городища Ахыллар в Триалети, в $\frac{2}{7}$ нат. вел.: 1 и 2. Глиняные крышки с плоской нижней и выемчатой верхней стороной (см. рис. 38_{3,4}); 3. Фрагменты а и б (Ц⁴ 247 и 231^а), из 2-го слоя „рва“, от портативного очага (37 см в диаметре) с внутренними выступами, в фотореконструкции и в профильном сечении; 4. Фрагмент лощеной внутри и шероховатой снаружи стенки ванообразного (с диаметром дна 43 см), но с открытым боком, (типа лотка) „сосуда“, неясного назначения* и реконструкция его в ракурсе, со стороны края дна, и в профильном сечении; 5. Фрагмент края круглого, около 80 см в диаметре, „стола“, со светло ангобирванной поверхностью и следами красной ленточной окраски, и его профильное сечение (Ц⁴ 669).

XXVIII. Образцы орнаментированной керамики из энеолитического культурного очага Куро-Аракского Двуречья, в $\frac{2}{5}$ нат. вел.: 1. Чернolощеная керамика из Эйлара с глубоко линейно-вдавленной орнаментацией (Ар. инв. 127:85); 2. Профильное сечение горловой части сосуда с орнаментальным линейно-вдавленным пояском из

* Возможно, это—фрагмент одного из типов культовой открытой сверху модели круглого жилища со входом, подобные которым хорошо известны по образцам трипольской и сродным ей культурам (220).

сел. Диряклара Ленинанканского района (Ар. инв. 1655:2); 3. Чернобуро-лощенный с красной подкладкой черепок, орнаментированный желобчатой спиралью из сел. Дирякляр, Ленинанканского района (Ар. инв. 1653); 4. Профильное сечение верхней части прекрасно чернополированного сосуда и образец желобчатой орнаментации из холма Кюль-Тапа близ Эчмиадзина (Ар. инв. 408:2); 5. Профильное сечение корпуса прекрасно чернополированного сосуда с бурой подкладкой и желобчатым узором* из нижнего культурного слоя холма Шреш-Блур, близ Эчмиадзина (Ар. инв. 1232:3); 6. Профильное сечение горла чернополированного сосуда с краснобурой сглаженной подкладкой и тонколинейными лощеновдавленными узорными поясками из Шенгавитского селища у Еревана (Ар. инв. 1330—131) 7 и 8. Кувшинчик узко-вогнутодонный, темного насквозь обжига, полированный, с выемчато-выпуклой односторонней орнаментацией из Лоре, близ сел. Артви, Ленинанканского района, и развертка центральной фигуры его узора (Ар. инв. 1038); 9. Профильное сечение верхней части чернобурой полированной миски и образец орнаментации линейным лощеновдавленным узором, на верхней части корпуса, и узко-желобчатым—, на нижней части корпуса, сосуда из Шенгавитского селища у Еревана (Ар. инв. 1330:32).

XXIX. Образцы орнаментированной керамики из энеолитического культурного очага Куро-Аракского Двуречья, в $\frac{1}{3}$ нат. вел.: 1. Развернутый желобчатый замкнутый узор с прекрасно чернополированного крупного сосуда с темнобурой подкладкой из Эчмиадзинской коллекции (Ар. инв. 607); 2. Профильное сечение верхней части корпуса и горла крупного грубовато-чернолощеного с темносерой подкладкой сосуда из нижнего слоя Шреш-Блура, близ Эчмиадзина и образец двузональной орнаментации** : вдавленным прямолинейно-геометрическим узором, по выпуклому пояску, и желобчатым—, на кузове (Ар. инв. 1227:1); 3. Развертка желобчатого замкнутого узора (левый край отсутствует) с фрагмента прекрасно чернополированного с темнобурой подкладкой глиняного кубка (13 см в диаметре) из Эчмиадзинской коллекции (Ар. инв. 607); 4. Часть широкожелобчатого спирального мотива с крупного, полуторо-сантиметровой толщины, прекрасно чернополированного, с розовой подкладкой, сосуда из Шенгавитского селища у Еревана (Ар. инв. 1330:158).

* Рисунок узора был опубликован в журнале „Советская Археология“, III, 1937, стр. 210, рис. 1.

** Рисунок узора был опубликован в журнале „Советская Археология“ III, 1937, стр. 211, рис. 3.

- XXX. Орнаментальные мотивы керамики из энеолитического культурного очага Куро-Аракского Двуречья, в $1/2$ нат. вел.: 1. Предгорловой фрагмент (диаметр горла 35 см) светло-бурого полированного сосуда с линейно-вдавленным орнаментом на выступающем лентовидном пояске и выемчато-выпуклыми „флажковидными“ и спиральными мотивами на основной поверхности сосуда из городища Такаворанаст у Кировакана (Ар. инв. 1445); 2, 4. Образцы тонколинейных лощеновдавленных узоров с прекрасно чернополированной керамики из Шенгавитского селища у Еревана (Ар. инв. 1330:96 и 101); 3. Образец выемчато-выпуклой орнаментации с косою заштриховкой ребристых выступов на прекрасно чернополированном фрагменте сосуда из Шенгавитского селища у Еревана (Ар. инв. 1330:68); 5. Прекрасно чернополированный фрагмент с двузональной орнаментацией: линейно-вдавленной, по выступающему пояску, и выемчато-выпуклой с „флажковидными“ и спиральными мотивами, по основной поверхности корпуса сосуда, из городища Такаворанаст у Кировакана (Ар. инв. 1475:23); 6. Профильное сечение чернополированного сосуда и образец двузональной орнаментации, линейно-вдавленной, на горле, и выемчато-выпуклой с „флажковидными“ и спиральными мотивами, на корпусе, из Дманиси (Дм. инв. 39—37:77); 7. Образец линейной вдавленной орнаментации системой заштрихованных углов, подобных предыдущему фрагменту, на светло-буром черепке из городища Такаворанаста у Кировакана (Ар. инв. 1475:20); 8. Образец тонколинейного лощено-вдавленного узора на чернополированном фрагменте из Шенгавитского селища у Еревана (Ар. инв. 1442:86).
-

ბ. ნიორაძე

არქეოლოგიური დაზვერვები მტკვრის ხეობაში

(ბორჯომიდან ახალციხის მიმართულებით)

1941 წლის აპრილის პირველ რიცხვებში შესაძლებლობა მოგვეცა არქეოლოგიური დაზვერვები ჩაგვეტარებინა მტკვრის ხეობის იმ ნაწილში, რომელიც მდებარეობს ბორჯომიდან ახალციხის მიმართულებით. დაზვერვები სწარმოებდა 3-დან 6 აპრილამდის. ვინაიდან დაზვერვების ვადა მეტად მოკლე იყო, ამიტომ საშუალება არ გვქონდა მუშაობა ფართოდ გაგვეშალა და თანაც უფრო გულდასმით მოგვეხედაინა დაკვირვებანი ამ მეტად საინტერესო კუთხის შესასწავლად.

ჩვენი დაზვერვები და დაკვირვებანი უმთავრესად შემოიფარგლა იმ ადგილებით, სადაც 1941 წელს, რკინიგზისათვის მიწის სამუშაოების დროს, შემთხვევით იქნა აღმოჩენილი არქეოლოგიური ნაშთები. მაგრამ ამავე დროს ვცდილობდით მხედველობიდან არ გამოგვრჩენოდა ის გამოუქვეყნებელი მასალები, რომლებიც მოპოვებულ იქნა არქეოლოგიური აღმოჩენების დროს ბორჯომის ხეობაში, თუმცა, სამწუხაროდ; ყველა ამ მასალების შესახებ ფოტო-სურათებს ვერ ვიძლევიტ ჩვენგან დამოუკიდებელი მიზეზების გამო.

პროფ. პ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინისა და ი. ვლასოვის ხელნაწერების მიხედვით, რომლებიც დაცულია ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში, აგრეთვე ვაზეთ „Тифлисский Листок“-ში¹ გამოქვეყნებულ ცნობებისა და თვით პროფ. ვ. გოროდცოვის მიერ ჩემს სახელზე გამოგზავნილი წერილის საფუძველზე შეიძლება ითქვას, რომ ბორჯომის ხეობაში მთელ რიგ არქეოლოგიურ აღმოჩენებს ჰქონია ადგილი 1911 წლიდან დაწყებული და უფრო ადრეც.

აღნიშნულ პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინის ხელნაწერებში ავტორი იხსენიებს ნეოლითური ნაშთების აღმოჩენას წალვერში, ტაბაწყურის ტბასთან და ბორჯომის ხეობის სხვა ადგილებშიც. თუ რამდენად სარწმუნო არის ნეოლითური იარაღის აღმოჩენა ტაბაწყურის ტბასთან და სხვა ადგილებში, ჩვენ ამის შესახებ არ მოგვეპოვება არავითარი სხვა დამადასტურებელი ცნობები და არც არაეინ იცის ამ მასალის შესახებ რაიმე, ხოლო, რაც შეეხება წალვერში აღმოჩენილ „ნეოლითურ“ ძეგლებს, დანამდვილებით შეგვიძლია ვთქვათ, რომ პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინი სცდება².

¹ Б.—ли, „Раскопки в Боржомском имении“, № 165, Тифлис 1911 г.

² ჩვენ საერთოდ კი არ უარყვით ბორჯომის ხეობაში ნეოლითური და თუნდაც პალეოლითური ძეგლების არსებობას. პირიქით, ჩვენ დარწმუნებული ვართ, რომ ამ სახის ძეგლები იქ მოიპოვებინან. ჩვენ გვინდა მხოლოდ აღვნიშნოთ, რომ პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინის ცნობები სრულიად დაუსაბუთებელი და მცდარია.

წალვერში აღმოჩენილი ობსიდიანისგან (ვულკანური შუშა) გაკეთებული იარაღი და ობსიდიანის უამრავი ნამტვრევები, რომლებსაც პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინი ნეოლითს აკუთვნებს, სინამდვილეში ყოფილა ლითონის პერიოდის ნაშთები და არა ნეოლითის. ამის შესახებ ჯერ კიდევ საკმაოდ ნათლად აღნიშნავდა თავის დროზე გაზეთ „Тифлисский Листок“-ში ვინმე Б—ლი („Раскопки в Боржомском имении“, № 195, Тифлис 1911 г.) და თვით ამ ობსიდიანების აღმოჩენი საბჭოთა კავშირის ცნობილი დიდი სპეციალისტი— არქეოლოგი პროფ. გოროდცოვი.

პროფ. გოროდცოვი ერთ-ერთ თავის ვრცელ წერილში, რომელიც მე მან გამომიგზავნა, სრულიად გარკვევით და ნათლად აღნიშნავს, რომ წალვერში აღმოჩენილი ობსიდიანის იარაღი და ობსიდიანის ნამტვრევები ნეოლითს არ ეკუთვნიანო.

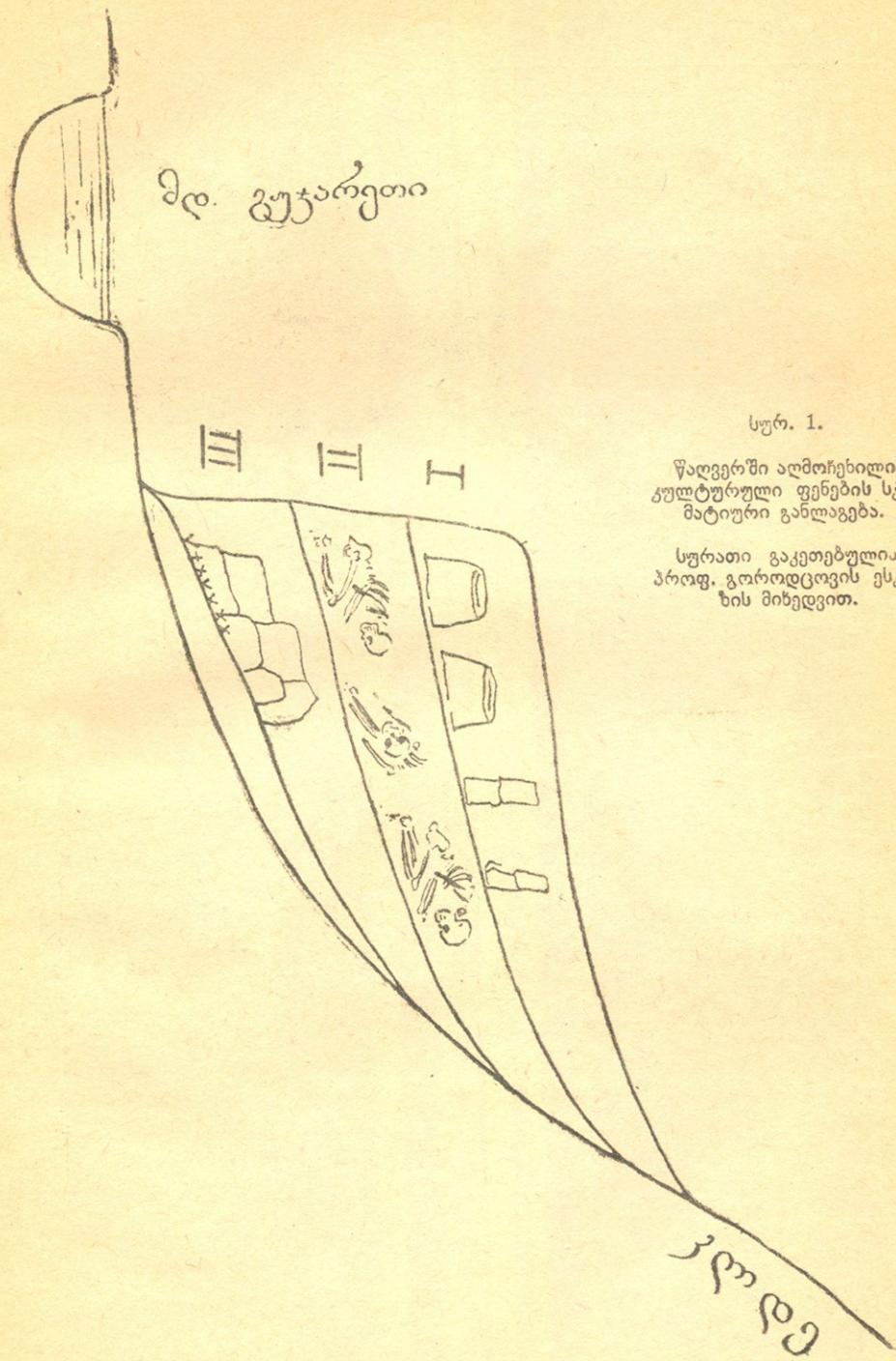
პროფ. გოროდცოვი უშუალოდ აწარმოებდა გათხრებს წალვერში 1911 წელს; მან უშუალოდ მოიპოვა ეს მასალა გათხრების საშუალებით და თავის დროზე კიდევაც ჰქონდა შესწავლილი იქ აღმოჩენილი მასალა, ამიტომ მისი სიტყვები საესებით სანდოა¹.

პროფ. გოროდცოვის ცნობების მიხედვით², ბორჯომის ხეობაში, 1911 წელს გათხრები გაგრძელებულა ორ თვეს და გათხრების ხელმძღვანელადაც თვითონ პროფ. გოროდცოვი ყოფილა.

წალვერში გათხრები დაუწყიათ ერთ-ერთი კლდის გვერდზე, ტერასისებურად გაკეთებულ მილლობზე, რომლის სიღრმეში ერთი-მეორისაგან დამოუკიდებელი სამი კულტურული ფენა აღმოჩენილა (სურ. 1). პირველ ფენაში გასარჩევი ყოფილა ქართველების სოფლის ნანგრევები სხვადასხვა სახის ნაშთებით. მეორე ფენაში აღმოჩენილა მოკრუნჩხული პოზით მდებარე ადამიანის ჩონჩხები. ამავე ფენაში ყოფილა აგრეთვე ადამიანის ერთი ჩონჩხი მჯდომარე პოზით. მესამე ფენაში აღმოჩენილა სახელოსნოს ნაშთები. ეს სახელოსნო განკუთვნილი ყოფილა ბრინჯაოს ნივთების ჩამოსასხმელად და ობსიდიანისგან იარაღის გასაკეთებლად. ამ სამი კულტურული ფენის საერთო სისქე ყოფილა 7,5 არშინი (532 см).

¹ პროფ. გოროდცოვი იწერება, რომ ბორჯომის ხეობაში, მის მიერ ჩატარებულ არქეოლოგიურ გათხრებით მოპოვებული მასალა თავის დროზე მას უკვე დამუშავებული ჰქონია და სურდა დაებეჭდა „Материалы по археологии Кавказа“-ში. მაგრამ, სამწუხაროდ, მან ვერ მოახერხა ამ მასალის გამოქვეყნება, ვინაიდან თეთრად გადაწერილი ხელნაწერი („белая рукопись“) და ბორჯომის ხეობაში აღმოჩენილი არქეოლოგიური ნაშთების ერთი ნაწილი და ფოტო-სურათები ინახებოდა არქეოლოგ პ. უვაროვას სახლში, რომელიც ოქტომბრის დიდი რევოლუციის დროს სრულებით დანგრეულა და ნანგრევების ქვეშ მოყოლილა ყველაფერი და დაკარგულა. პროფ. გოროდცოვის ხელზე შერჩენია მხოლოდ დღიურები, ნახაზები და რეფერატი, რომელიც მას წაუკითხავს მოსკოვის არქეოლოგიურ საზოგადოებაში, სადაც გამოუწვევია დიდი ინტერესი (იხ. აგრეთვე Древности, Труды Московского Археологического Общества, т. XXIV, Москва 1914, стр. 301).

² იხ. მისი წერილი, რომელიც მე მან გამომიგზავნა. ვინაიდან ამ ფრიად საინტერესო გათხრების შესახებ პროფ. გოროდცოვს სრულებით არაფერი გამოუქვეყნებია, ამიტომ მისი წერილის შინაარსი დაწვრილებით მოგვყავს.

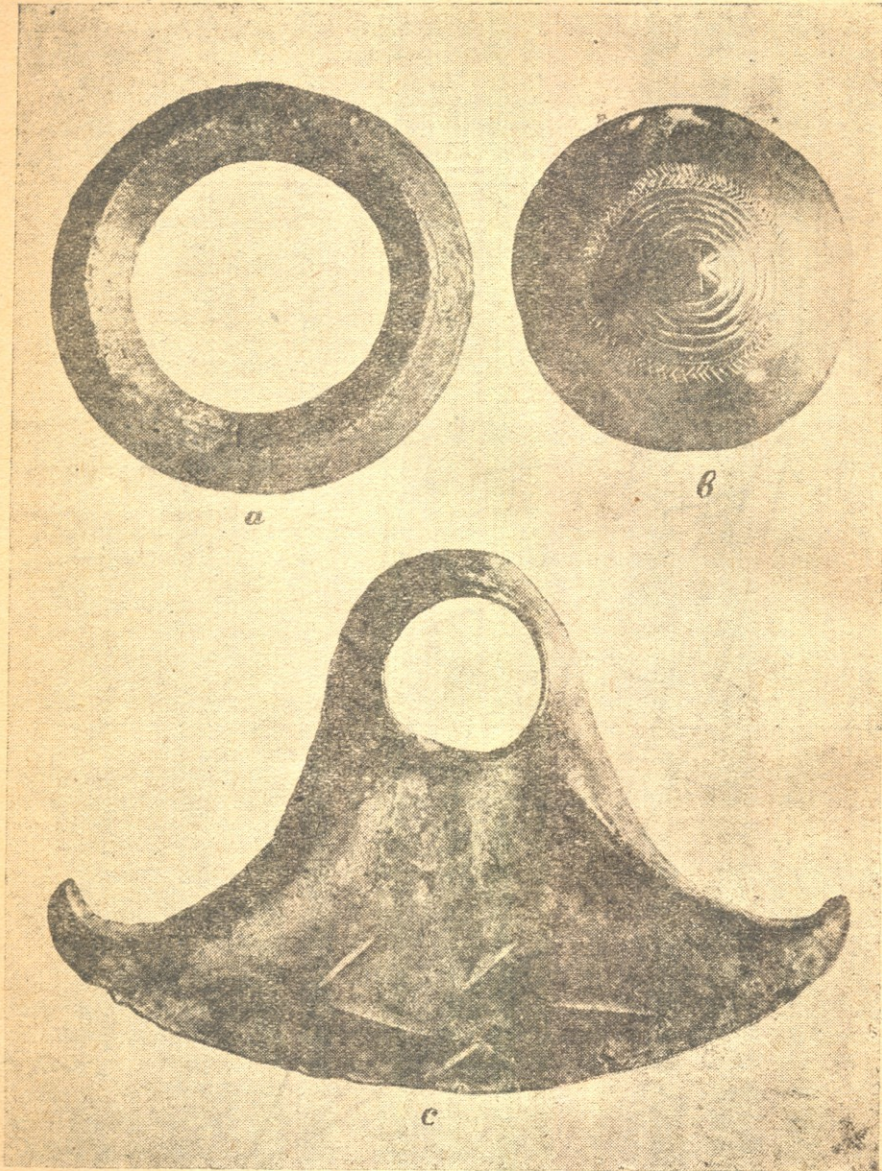

სურ. 1.

წადგერში აღმოჩენილი
კულტურული ფენების სქე-
მატიური განლაგება.

სურათი გაკეთებულია
პროფ. გოროდცოვის ესკი-
ზის მიხედვით.

ტაბულა I.

წაღვერში და სოფ. თელივანში აღმოჩენილი ნივთები.

ტაბულა II.

ბორჯომსა და ხაშურს შუა მდებარე ადგილზე აღმოჩენილი ძეგლები.

პირველი ფენის (ქართველების სოფლის, სურ. 1, I) ნაშთებს უმთავრესად შეადგენდა ქვით ნაშენი კედლების ნანგრევები, სადაც გასარჩევი ყოფილა კირის გამოყენება კედლების შენების დროს. ამავე ფენაში უნახავთ რამდენიმე „თიხატკეპნილი“ ლუმელი (несколько глинобитных печей)¹, რამდენიმე ცალი ღვინის ჩასასხამი ჭური, თიხისა და შუმის ჭურჭლის ნამტვრევები, სამაჯური და ლითონის სხვადასხვა სახის წვრილი ნივთები, რომლებიც ეკუთვნოდნენ, დაახლოებით, ჩვენი წელთაღრიცხვის XII საუკუნეს.

მეორე ფენა (სურ. 1, II) ყოფილა სასაფლაო. ამ ფენაში გაუთხრიათ რვა სამარე, რომლებიდანაც შვიდ სამარეში დაუდასტურებიათ მიცვალებულების მოკრუნჩხული პოზით დასაფლავება, ხოლო მერვეში—მჯდომარე პოზით².

თითოეულ ჩონჩხთან უპოვნიათ რამდენიმე თიხის ჭურჭელი, ბრინჯაოს სამკაულები, ობსიდიანის ნამტვრევები³ და ერთი ცალი კაქის ქვის იარაღი. ამ ფენისათვის დამატარიღებელი ნივთები არ ყოფილა აღმოჩენილი.

მესამე ფენაში (სურ. 1, III) აღმოუჩენიათ სახელოსნო, რომელსაც დაკავებული ჰქონია საკმაო ზომის ბრტყელი ფართობი და რომლის განივა (поперечник) უდრიდა რვა არშინს (569 см). სახელოსნოს გვერდებზე შემოვლებული ყოფილა დიდი ზომის ანდეზიტის ქვები. სახელოსნოს იატაკი დაფარული ყოფილა „მსუქანი“ შავი ფერის მიწით, რომელშიაც სჭარბობდა ნაცარი, მური, ნახშირი, ობსიდიანის უამრავი ნამტვრევები, თიხის ჭურჭლის ნამსხვრევები, ცხოველების დამტვრეული ძვლები და სხვა. რაც უფრო საყურადღებოა, ამ სახელოსნოს იატაკზე უპოვიათ ბრინჯაოს ჩამოსასხამი ათი ცალი თიხის ყალიბი ნამტვრევების სახით, რომლის მიხედვით არ შეიძლებოდა ადამიანს ჰქონოდა ნათელი წარმოდგენა, თუ რა სახის ნივთების ჩამოსხმა შეიძლებოდა მათი საშუალებით. იქვე აღმოუჩენიათ თიხის ტიგელების (тигли) რამდენიმე ნამტვრევი. ერთ-ერთ მათგანში აღმოუჩენიათ სპილენძის მადნის ნატეხები და წიდა. უნახავთ თიხისგან გაკეთებული საბერვლის საქმენის (соло) ნამტვრევებიც. აღმოუჩენიათ აგრეთვე ბრინჯაოს ნივთები ჯართის სახით, ობსიდიანისა და ძვლისგან გაკეთებული იარაღი, საღესი ქვები, რომლებიდანაც ერთი ცალი მეტად დიდი ზომის ყოფილა. უნახავთ კიდევ ორი როდინი ანდეზიტის ქვისგან გაკეთებული. საფიქრებელია, რომ ეს როდინები განკუთვნილი იყვნენ სპილენძის მადნის, ან სხვა რაიმე მავარი ნივთიერების დასამტვრევ-დასაფხვნელად. ეს აღმოჩენა აშკარად გვეუბნება, რომ ადგილობრივად ხდებოდა როგორც სპი-

¹ უნდა ვიგულისხმოთ თორნეები.

² მიცვალებულის მჯდომარე პოზით დამარხვა საქართველოს ტერიტორიაზე ცნობილია ზემოაველაშიაც (გ. ნიორაძე, „ზემოაველის სამარე“, საქართველოს მუზეუმის მოამბე, ტ. VI, ტფილისი 1931, გვ. 139—228). მჯდომარე პოზით დამარხვზე სამთავროში ლაპარაკობს Fr. Bayern-ი (Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien, herausgegeben von Rud. Virchow. Supplement zu Band XVII der Zeitschrift für Ethnologie, Berlin 1885, S. 3). ამგვარსავე დამარხვის წესზე საგურამოში მოგვითხრობს E. Пчелина («Отчет о раскопках блзи деревни Сагурамო», საქართველოს მუზეუმის მოამბე, ტ. III, ტფილისი 1927, გვ. 150) და სხვები.

³ ობსიდიანის ნამტვრევების ჩატანება საფლავებში აიხსნება სარიტუალო მნიშვნელობით და ფართოდ იყო გავრცელებული სხვადასხვა ქვეყნებში.

ლენძის მადნიდან სპილენძის მიღება, აგრეთვე სპილენძ-ბრინჯაოსაგან სხვადასხვა ნივთების ჩამოსხმა. ამ სახელოსნოს ხნოვანებას პროფ. გოროდცოვი ათარილებს კობანის ტიპის ცულის ყალიბის მიხედვით, რომელიც აღმოჩენილი ყოფილა ჯერ კიდევ არქეოლოგიური გათხრების დაწყებამდე¹ და აკუთვნებს XIV საუკუნეს ჩვენს წელთაღრიცხვამდე, პროფ. გოროდცოვის აზრით ეს თარიღი გეშველის ჩვენ განვსაზღვროთ მეორე ფენის (სურ. 1, II) დათარიღებაც, რომელსაც მიაწერს X საუკუნეს ჩვენს წელთაღრიცხვამდე ან უფრო ახლო დროს. დაბოლოს, თავის წერილში შენიშნავს პროფ. გოროდცოვი, რომ წალვერში ჩატარებული არქეოლოგიური გათხრების დროს მოპოვებული ნივთები ინახება მოსკოვის ისტორიულ მუზეუმში გარდა იმ ნივთებისა, რომლებიც დაიკარგა დასაბეჭდად დამზადებულ მის ხელნაწერთან².

აი ყველაფერი ის, თუ რა ცნობებს იძლევა პროფ. გოროდცოვი მის მიერ წალვერში ჩატარებული არქეოლოგიური გათხრების შესახებ 1911 წ. მართალია, ეს ცნობები ვრცელი არ არის, მაგრამ აქედანაც ბევრი რამ საყურადღებოა და საინტერესო მით უმეტეს, რომ ამ ფრიად შესანიშნავი გათხრების შესახებ, როგორც უკვე იყო აღნიშნული, პროფ. გოროდცოვს შრომა არ გამოუქვეყნებია.

წალვერში ჩატარებულ არქეოლოგიური გათხრების შესახებ ლაპარაკობს პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინიც თავის ხელნაწერებში (ინახება ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში) და, როგორც ზემოთ აღვნიშნეთ, წალვერში აღმოჩენილ ყველაზე ძველ ფენას აკუთვნებს ნეოლითს, რაც არ არის სწორი. ამ გათხრების შესახებ «Тифлисский Листок»-ში (№ 65, 1911) მოთავსებული წერილის ავტორი Б—ли-ც უარყოფს ნეოლითური ნაშთების არსებობას მესამე (უძველეს) ფენაში³.

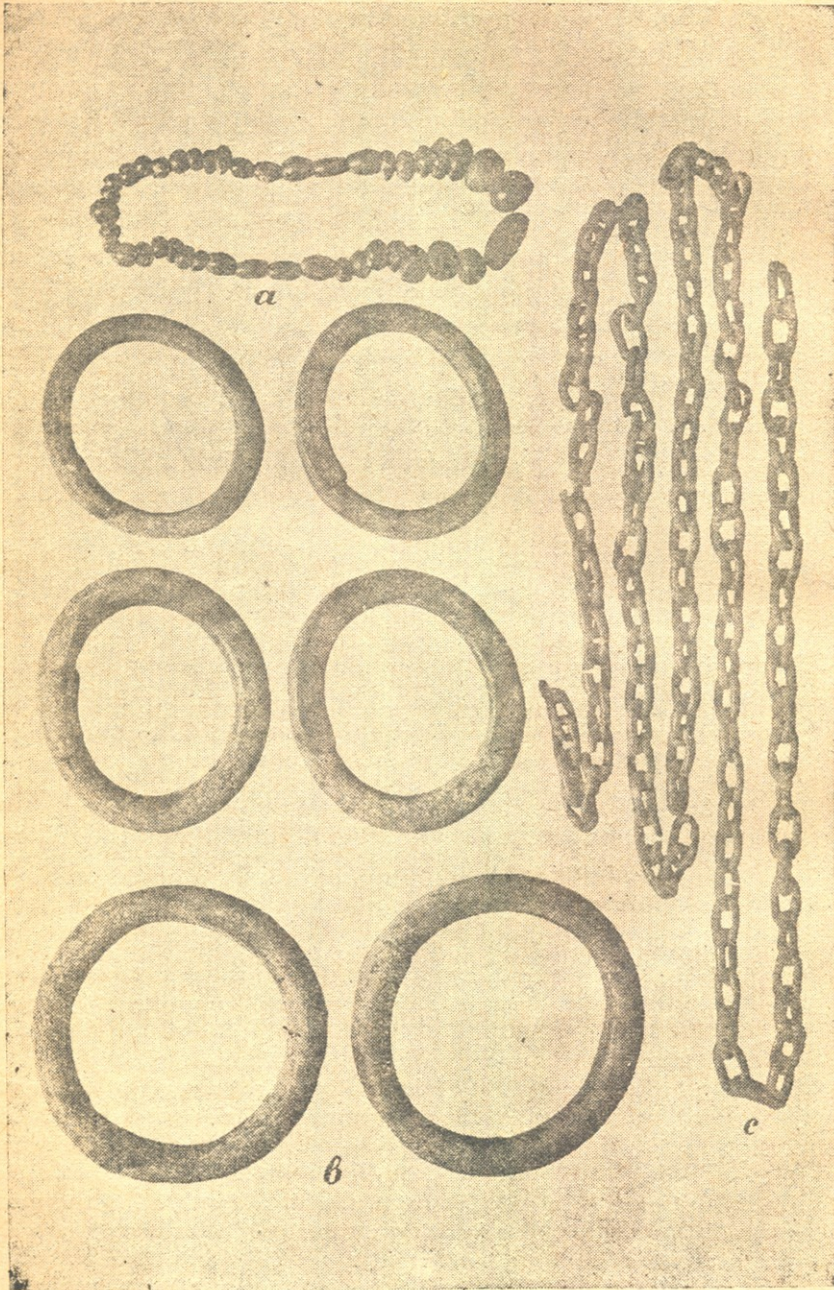
წალვერის გათხრებს იხსენიებს А. Иессен-ი თავის შრომაში «Из истории древней металлургии Кавказа» (Известия ГАИМК, вып. 120, Москва—Ленинград 1935, стр. 140—141), მაგრამ მის მიერ დაბეჭდილი ცნობები მოითხოვენ შესწორებებს. ასე, მაგალითად, კობანის ტიპის ცულის ყალიბის ერთი

¹ როგორც შემდეგში დავინახავთ, ეს ყალიბი არ უნდა იყოს წალვერში აღმოჩენილი.

² ეს ნივთები, რომ მართლაც მოსკოვის ისტორიულ მუზეუმში დღესაც ინახება და კიდევაც გამოფენილია, ამის შესახებ ლაპარაკობს ე. კრუპნოვიც (Е. Крупнов, «Кавказ в первом тысячелетии до нашей эры», Советский Музей, № 5, Москва 1936, стр. 42).

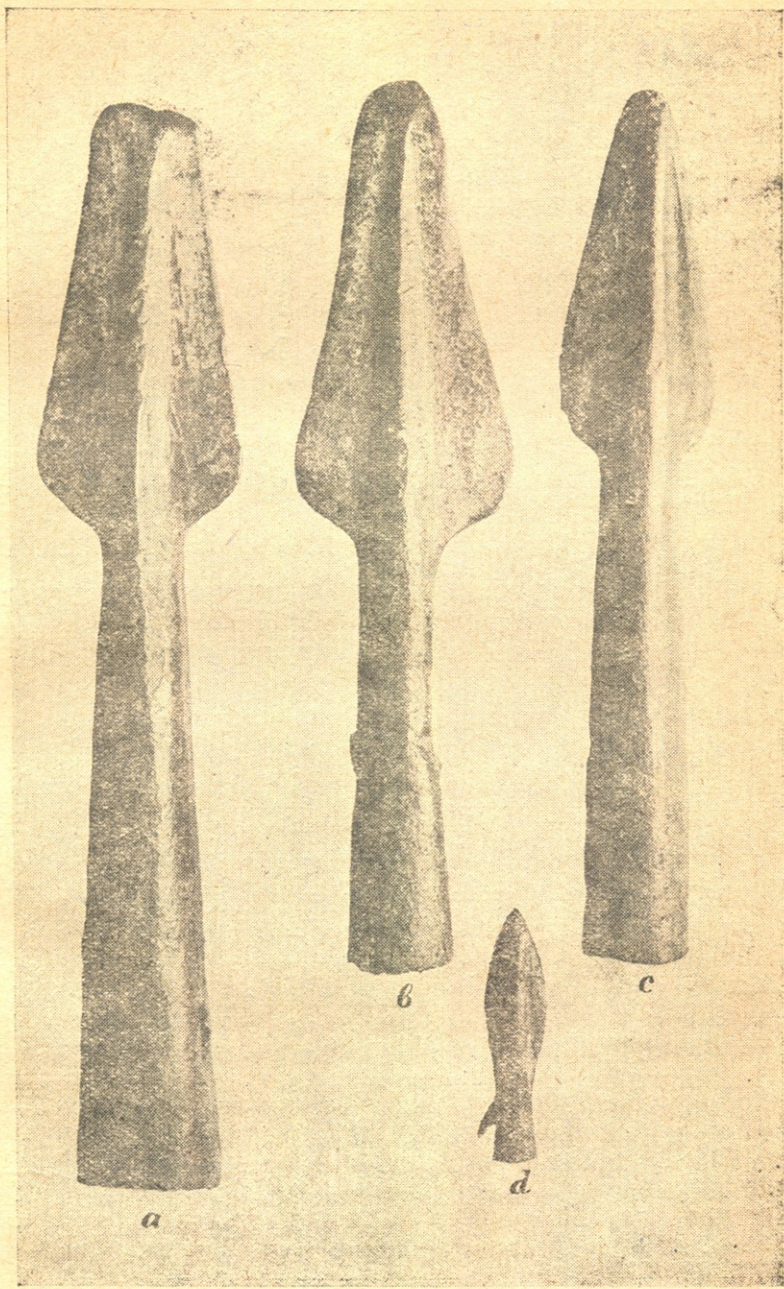
³ ნაწილობრივ ჩვენ არ შეგვიძლია გავიზიაროთ პროფ. გოროდცოვის აზრი კობანის ტიპის ცულების დათარიღების საკითხში. პროფ. გოროდცოვი კობანის ტიპის ცულებს ათარილებს XIV საუკუნით ჩვ. წელთაღრიცხვამდე. მართალია, კობანის ტიპის ცულების დათარიღებაში აზრთა დიდი სხვადასხვაობა არსებობს (მაგ., R. Virchow, «Das Gräberfeld von Koban im Lande der Ossete, Kaukasus», Berlin 1883, S. 118 u. 124, А. С. Уваров, «К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. Труды Археол. Съезда в Тифлисе, Тифлис 1881, стр. 8—9, Ernst Chantre, Recherches Anthropologiques dans le Caucase: Etudes paleontologiques dans le bassin du Rhone. Age de bronze. Tome 2, p. 245 და სხვა), მაგრამ დღეს ჩვენ მოგვეპოვება იმდენად საკმაო მასალა, რომ შეგვიძლია კობანის ტიპის ცულების ხნოვანება XIV საუკუნეზე (ჩვენს წელთაღრიცხვამდე) აქვთ, ე. ი. უფრო ახალი დროსკენ ვადმოვიტანოთ.

ტაბულა III.

ბორჯომისა და ტყეშოვის შუა მდებარე ადგილზე აღმოჩენილი ძეგლები.

ტაბულა IV.

ქვაბისხევში აღმოჩენილი ბრინჯაოს იარაღი.

ნახევარი, რომელიც აღმოჩენილია ს. თელოვანში¹, ა. იესენის გადმოცემით, ვითომც აღმოჩენილი უნდა იყოს წაღვერში იმ ადგილას, სადაც პროფ. გოროდცოვი მაჩაატარა გათხრები. დაზუსტებას მოითხოვს ა. იესენის ცნობა, რომ ვითომც პროფ. გოროდცოვის მიერ წაღვერში აღმოჩენილი ნივთები ინახება მოსკოვის ისტორიულ მუზეუმში; ჩვენ ვიცით, რომ ნაწილი ამ ნივთებისა დაკარგულია. ბორჯომის მამულის მმართველად იხსენიებს ვინოგრადოვ-ზახაროვს—ნაცვლად ვინოგრადოვ-ნიკიტინისა და სხვა.

სოფ. წაღვერიდან საქართველოს მუზეუმში მოიპოვება ოთხწახნაგოვანი ბრინჯაოს რგოლი (ტაბ. 1, სურ. ა, ინვ. 102—14/1), რომლის გარეთა ნაწილს ეტყობა თევზის ფხისებური ორნამენტი (ფხური) და შემოვლებული აქვს ოთხი წრე. ერთი შეხედვით ეს რგოლი სამაჯურს გვაგონებს, მაგრამ ის ამ დანიშნულებისათვის არ უნდა ყოფილიყო გამოყენებული. შესაძლოა, რომ ის ხმარებული იყო, როგორც „პორტუპეია“. რგოლის შიგნითა დიამეტრი 4 cm, გარეთა—6,2 cm.

როგორც ირკვევა, პროფ. გოროდცოვს 1911 წელს გათხრები უწარმოებია უზნარიანის ციხის შიგნით და აღმოუჩენია საშუალო საუკუნეებისათვის დამახასიათებელი ძეგლები², მასვე ჩაუტარებია გათხრები სოფ. საღვერთან და აღმოუჩენია XIV საუკუნის (ჩვენი წელთაღრიცხვის) დროის სასაფლაო უამრავი ჩონჩხებით, რომლების უმეტესი ნაწილი მონღოლური ტიპის ყოფილა. ამავე სასაფლაოზე უნახავს საუცხოვო ხელობის ქვის (ანდუზიტის) სარკოფაგი, მთლიანი ქვისაგან გათლილი. გაუთხრია აგრეთვე XIV საუკუნის ნასახლარი ადგილებიც³.

ბორჯომის ხეობაში ბრინჯაოს ნივთების აღმოჩენას ადგილი ჰქონია ბანისხევში იმ ადგილას, სადაც მდინარე ბანისხევი ერთვის მტკვარს (ბანისხევი დაცილებულია ბორჯომს 4 კილომეტრით მტკვარის მიმართულებით). აქ გათხრები უწარმოებიათ პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინსა და ე. თაყაიშვილს და აღმოუჩენიათ სამი საფლავი, რომლებშიც მიცვალებულები ყოფილა მოკრუნჩხული პოზით. სამარეებში უნახავთ თიხის ჭურჭელი და ისრის წვერობსიდიანისაგან გაკეთებული. განსაკუთრებით საინტერესო ყოფილა ქალის საფლავი. ამ საფლავში მიცვალებულის ჩონჩხის მკლავის ძვლებზე უნახავთ პატარა

¹ ამას ადასტურებს პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინი თავის ხელნაწერებში. ეს ყალიბი (უფრო სწორად ყალიბის ერთი ნახევარი) მას შეუძენია და მის პირად კუთვნილებას შეადგენდა მისვე სიკვდილამდე. პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინის სიკვდილის შემდეგ კი მისი არქეოლოგიური კოლექციები შეიძინა ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმმა. პროფ. ვინოგრადოვ-ნიკიტინის კოლექციებს, სადაც სხვა ნაშთებთან ერთად მოხსენებულია «медная форма для литья бронзовых топоров», სწავლობდა თავის დროზე პროფ. გოროდცოვი (Известия Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 42, Петербург 1911, стр. 107).

² უზნარიანის ციხე იყო ერთ-ერთი მაგარი და შეუვალი ციხეთაგანი გუჯარეთის ანუ თორის ხეობაში. „... არს ციხე თორის წყლის აღმოსავლეთის კიდესა ზედა, უზნარიანისა, ფრიად მაგარი“, ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, თ. ლომოურისა და ნ. ბერძენიშვილის რედაქციით, თბილისი 1941 წ., გვ. 84.

³ Известия Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 42, Петербург 1911, стр. 107.

ზომის მეტად მსხვილი ბრინჯაოს სამაჯური, სერდოლიკის (სარდიონის) მძივები, ბრტყელი ფორმის ძვლის სამკაული, რომელზედაც ამოკვეთილი ყოფილა კონცენტრული წრეები. იქვე აღმოუჩენიათ ბრინჯაოს ქინძისთავები დისკოიდალური ფორმის ბრტყელი თავებით. იმავე ბანისხევაში სხვადასხვა დროს აღმოჩენილი ყოფილა შუბის წვერი, ბრინჯაოს სამაჯური, ფიბულა, ბრინჯაოს შუბის წვერი დიდი ზომის (23,5 cm) და ბუნიკი. აღსანიშნავია ის გარემოებაც, რომ, როგორც ბორჯომის მუზეუმში დაცული მასალებიდან ჩანს (ვლასოვის მიერ შესრულებული სურათები), ბანისხევაში გათხრები უწარმოებია პროფ. გ. ო. ო. დ. ცოცსაც 1911 წელს და აღმოუჩენია მიცვალებულის ჩონჩხები მოკრუნხული პოზით.

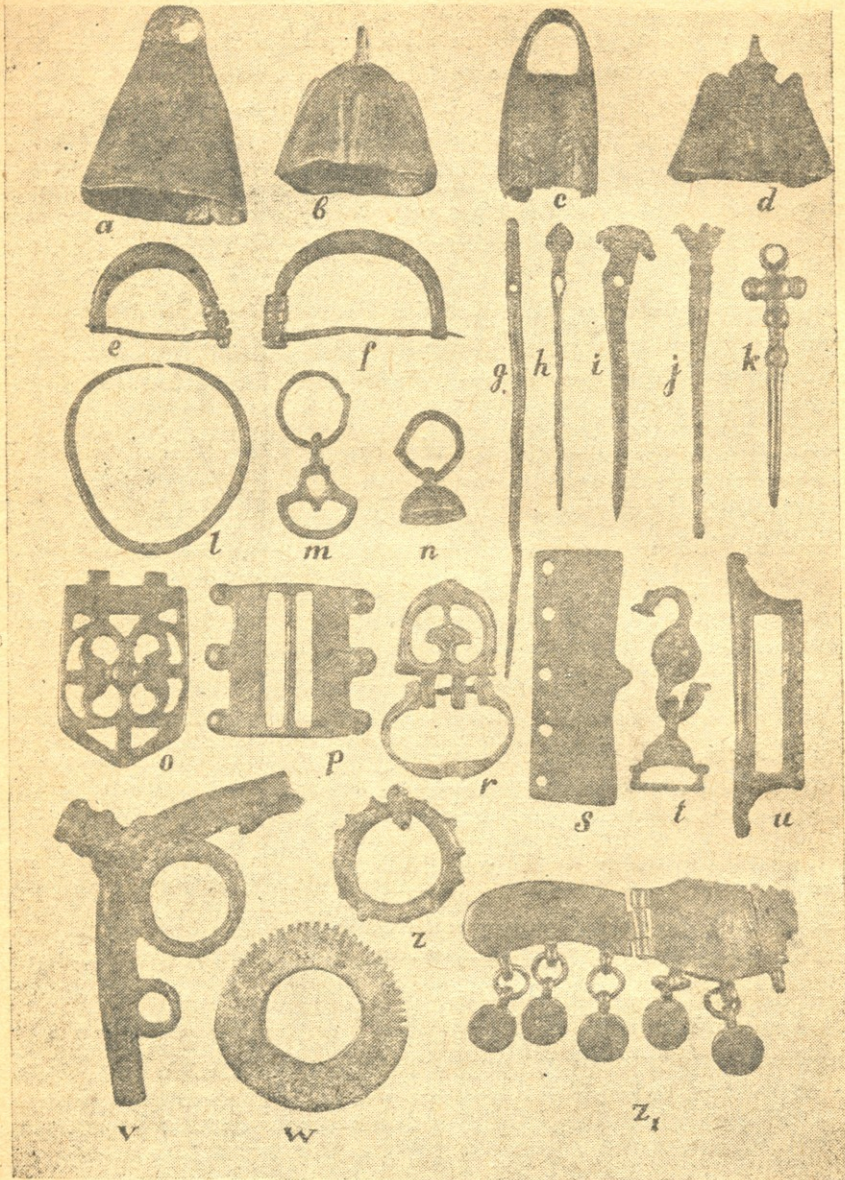
არქეოლოგიური ნივთების აღმოჩენას ადგილი ჰქონია ყვიბისშიაც (დაცობილია ბორჯომს ორი კილომეტრით, ხაშურის მიმართულებით). აქ აღმოუჩენიათ სამი ცალი ბრინჯაოს რგოლი, რომლებიც ინახება ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში.

ბორჯომსა და ხაშურს შუა მდებარე ადგილზე, მდინარე მტკვრის ნაპირთან (ადგილმდებარეობა ზუსტად გაურკვეველია), 1941 წლის შემოდგომაზე, მიწის სამუშაოების დროს, სრულიად შემთხვევით აღმოუჩენიათ ორი ცალი კობანის ტიპის ბრინჯაოს ცული (სიგრძე 16—17 cm). ერთ მათგანს (ტაბ. II, სურ. b) კარგად ეტყობა ყუაზე და საერთოდ „ქედებზე“ გამოყვანილი ფხისებური ორნამენტი. ამ ცულის შუა წელს ჰორიზონტალურად უვლის გარშემო ორ ზოლად გამოყვანილი წერტილები შემოზღუდული ორი ტეხილი ხაზით. მეორე ცულს (ტაბ. II, სურ. c) სრულებით არავითარი ორნამენტი არ ეტყობა. ცულებთან ერთად უპოვნიათ სადად გაკეთებული ბრინჯაოს ხანჯლის ტარი (სიგრძე 10,5 cm, ტაბ. II, სურ. d), რომელსაც ეტყობა, რომ პირი რკინის უნდა ჰქონოდა და მაგრდებოდა სპეციალურად გაკეთებულ ნახვრეტებისა და მოქლონის საშუალებით. ხანჯლის ტართან ერთად უპოვნიათ 20 cm სიგრძის ბრინჯაოს შუბის წვერი (ტაბ. II, სურ. a). იქვე უპოვნიათ ექვსი ცალი ერთიმეორეზე თავებგადადებული ბრინჯაოს რგოლი (ტაბ. III, სურ. b), ბრინჯაოს ჯაჭვი (ტაბ. III, სურ. c), 42 ცალი სერდოლიკის მძივი (ტაბ. III, სურ. a) და შავი ფერის თიხის თასი (სურ. 2). ბრინჯაოს რგოლებს სრულებით არავითარი ორნამენტი არ აქვთ, ჯაჭვის „რგოლები“ მაგრძო და არა მრგვალი ფორმის არიან; ისინი გაკეთებულია 3 mm სიმახით მავთულისაგან და თავები უბრალოდ აქვთ ერთიმეორესთან მიყვანილი და დაუკავშირებელი. სერდოლიკის მძივები კი სრულებით სხვადასხვა ზომისანი და ფორმის არიან. ზოგიერთი მათგანის დამუშავების ტექნიკა მაღალია. თიხის თასი გარედან გაპრიალებულია. მისი სიმაღლე 10 cm უდრის, პირის დიამეტრი—12,5 cm, ძირის დიამეტრი—9,5 cm. თასის შუა წელზე ჰორიზონტალურად მიუყვება ორი ამოღარული წრე და გაკეთებული აქვს პატარა ზომის სახელური. ეტყობა, რომ ყველა ეს ნივთი ერთსა და იმავე ადგილას არიან აღმოჩენილი და ერთსა და იმავე დროს ეკუთვნიან¹.

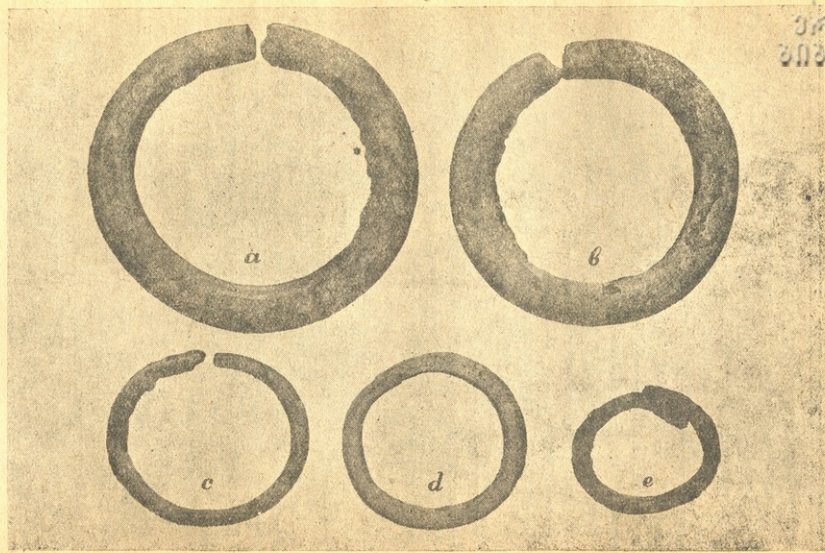
არქეოლოგიური ნივთების აღმოჩენას ადგილი ჰქონია თვითონ ბორჯომ-

¹ ნივთები გადმოსცა საქართველოს მუზეუმს აკად. ს. ჯანაშიამ და ინახებიან არქეოლოგიურ განყოფილებაში, ინვ. 1—42/1—13.

ტაბულა V.

სოფ. აწყურში აღმოჩენილი ძეგლები.

სოფ. აწყურში აღმოჩენილი ბრინჯაოს ნივთები.

შიაც. მაგალითად, ბორჯომის აბანოს საძირკველის გათხრის დროს 1938 წელს უპოვნიათ ბრინჯაოს „შუბის“ წვერი, რომელსაც აქვს მსხვილი და გრძელი მილისა. ბორჯომშივეა აღმოჩენილი კობანის ტიპის ცული, პატარა ზომის ბრინჯაოს დაღარული რგოლი და მინიატურული ქინძისთავი (ინახებთან ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში). მეტად საინტერესოა აღმოჩენები ბორჯომის მინერალურ პარკშიაც 1913 წელში. მინერალური წყლის ერთ-ერთ წყაროს გარშემო საკაპტაჟო მუშაობა მიდიოდა. ამ სამუშაოების დროს აღმოჩენილა თლილი ქვებით გაკეთებული აბაზანების ნაშთები იატაკებისა და ზოგიერთი შერჩენილი კედლების სახით. ამ აბაზანების რიცხვი ყოფილა ექვსი. პროფ. ვინოგრადოვი-ნიკიტინის აზრით აღნიშნული აბაზანები ჩვენი წელთაღრიცხვის პირველ საუკუნეს ეკუთვნოდნენ. ეტყობა, რომ ბორჯომის მინერალური წყლები უხსოვარი დროიდან ყოფილა ცნობილი. ამიტომ სამართლიანად არ უნდა ჩაითვალოს ის მოსაზრება, რომ ვითომც ბორჯომის მინერალური წყლები ცნობილი არიან მხოლოდ 1852 წლიდან, როდესაც მას ვითომც პირველად მიაგნეს გორში მობინადრე გრენადერებმა, რომლებიც ხის მასალასა და შემას ამზადებდნენ ბორჯომში, ანუ, როგორც მაშინ ეძახდნენ, ნუაში¹.

სურ. 2.
თიხის თასი. 1/4 ნატ. სიდ.

სოფ. ლიკანში აღმოუჩენიათ პატარა ზომის სპილენძის ხანჯალი, რომელსაც აქვს შერჩენილი ყურწი ტარის დასაგებად (ინახება ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში).

სოფ. ქვაბისხევის ქვემოთ უნახავთ შავი ფერის თიხის ჭურჭელი, რომელსაც ზემოდან ჰქონია დაფარებული ბრტყელი ქვა და რომელშიაც აღმოუჩენიათ ადამიანის დამწვარი ძვლები. ასე რომ, ამ შემთხვევაში ჩვენ საქმე გვაქვს მიცვალებულის დავის წესთან. უფრო ადრე კი იმავე მიდამოებში უპოვნიათ ბრინჯაოს სამკაულები, სამაჯურები და

ქინძისთავები. ერთ-ერთ ქინძისთავზე ყოფილა გამოყვანილი დათვის ფიგურა. ქვაბისხევაში აღმოჩენილი ნივთები ინახება აგრეთვე საქართველოს მუზეუმის არქეოლოგიურ განყოფილებაში. ეს ნივთები უპოვნიათ 1914 წელს სხვადასხვა ადგილას და სხვადასხვა დროისანი არიან. ამ ნივთებიდან აღსანიშნავია სამი ცალი რკინის შუბის წვერი (ინვ. 65—14/1—3), თერთმეტი ცალი რკინის ისრის წვერი სხვადასხვა ფორმის (ინვ. 65—14/4—14). აღსანიშნავია აგრეთვე სამი ცალი ბრინჯაოს შუბის წვერი (ტაბ. IV, სურ. a, b, c), რომლების საშუალო სიგრძე 15 სმ უდრის, და ბრინჯაოს ორფრთიანი სკვითური ისრის წვერი (ტაბ. IV, სურ. d, ინვ. 65—14/18). სკვითური ისრის წვერი ფართოდ იყო გავრცელებული კავკასიაში (განსაკუთრებით მის ჩრდილო ნაწილში), საიდანაც ის სხვადასხვა ქვეყნებისაკენ გავრცელდა. ასე, მაგალითად, სკვითური ისრის წვერი თითო-ორიოლა გვხვდება ეგვიპტეში, ასურეთში და სხვა. ასურეთში ამ

¹ სხვათა შორის უნდა აღვნიშნოთ, რომ ვახუშტის გეოგრაფიაში ბორჯომის მინერალური წყლები არ იხსენიება.

ისრის წვერის ჩამოსასხამი ყალიბიც კი ნახეს, თუმცა ეს გარემოება სრულებით არ მოწმობს სკვითური ისრის წვერის წარმოშობას აღმოსავლეთში¹. სამფრთიანი ისრის წვერები, როგორც ეს თავის დროზე აღნიშნეს A. Tallgren-მა და H. Schmidt-მა და როგორც ამას ადასტურებს M. Ростовцев-ი, შესული არიან ციმბირში სამხრეთ რუსეთიდან².

ამავე სამხრეთ რუსეთიდან ამ ტიპის ისრის წვერები შესული არიან შუა ევროპასა და იტალიაში³. სკვითური ისრის წვერის პროტოტიპად ძვლისაგან გაკეთებულ ისრის წვერს სახავენ, რომელიც კარგად იყო ცნობილი ვოლგას მხარეში (Tallgren, La Pontide préscythique, 1926, გვ. 79). რაც შეეხება სკვითური ისრის წვერის ხნოვანებას, როგორც ამას აღნიშნავს M. Ebert-ი (Südrussland, Reallexikon der Vorgeschichte, B. XIII, Berlin 1929, S. 83), თარიღდება ტამანის ნახევარკუნძულზე, ცუკურას დასავლეთ სანაპიროზე ანუ სტებლევის ლიმანზე აღმოჩენილ „ტამანის ენობოას“ მიხედვით, რომელიც შეისწავლა E. Петрушевская-მ⁴. ამ ტამანის ენობოასთან, რომელიც შედარებით კარგად თარიღდება მეშვიდე საუკუნის უკანასკნელი მეოთხედით ჩვ. წელთაღრიცხვამდე, აღმოჩენილია სკვითური ისრის წვერები. მაშასადამე, ეს სკვითური ისრის წვერებიც დაახლოებით უნდა მივაკუთნოთ მეექვსე საუკუნეს ჩვენს წელთაღრიცხვამდე (E. Петрушевская, стр. 58).

ქვაბისხევის ნივთებიდან განსაკუთრებულ ყურადღებას იპყრობს აგრეთვე „შუბის წვერი“ (ტაბ. IV, სურ. a, ინვ. 65—14/15), რომელსაც მშვენივრად ეტყობა წვერის თავზე გადაღესვა. ეს გადაღესვა ისე მძლავრადაა, რომ იარაღს წვერიც კი დაუკარგავს და გადაღესვა ფრთების შუა აზურგულეზულ ქედსაც ძალზე შეხებია. ასეთი საქმის გარემოება გვაფიქრებინებს, რომ შუბის წვერი არ ყოფილა გამოყენებული არც საბრძოლო და არც სანადირო იარაღად და უხმარიათ მიწიდან მცენარის ფესვებისა და ბოლქვების ამოსაღებად. ასეთნაირად ძალზე დიდი გადაღესვა, როგორც ეს აქვს ჩვენს შუბის წვერს, დასაშვებია მხოლოდ მიწის მოძვრის პროცესში და ისიც ხანგრძლივი ხმარების შედეგად. ამიტომ ადვილად დასაშვებია აზრი, რომ ეს შუბის წვერი, ტარის დაგების შემდეგ, ჯგუთის ან палка-копалка-ს მაგვარ დანიშნულებას ასრულებდა. აქვე აღვნიშნოთ, რომ ნაწილობრივ გადაღესვა ეტყობა მეორე შუბის წვერსაც (ტაბ. IV, სურ. b), თუმცა არა ისე ინტენსიურად, როგორც—პირველს.

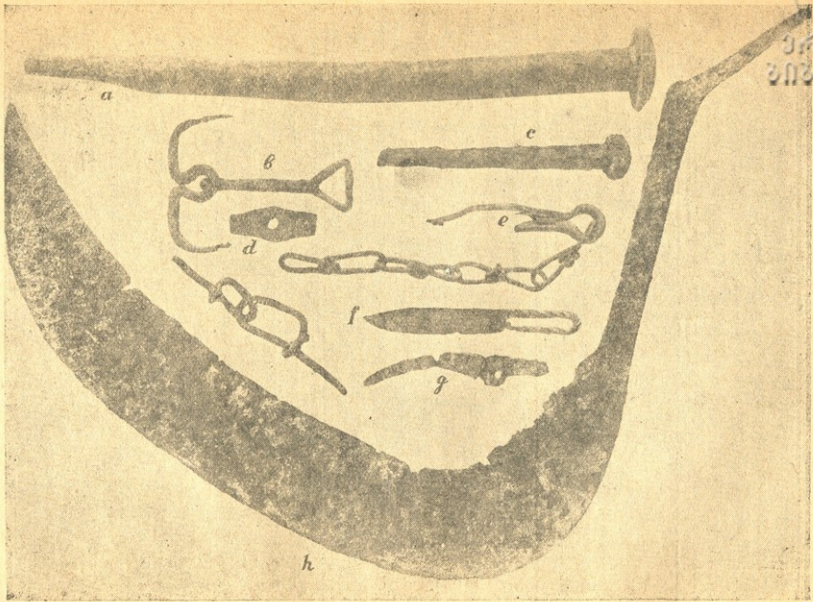
ბაკურიანის რკინიგზის გაყვანის დროს და კიდევ უფრო ადრეც, მიწის სამუშაოების დროს ცემში უბოვნიათ მთელი რიგი სხვადასხვა სახის ბრინჯაოს ნივთები. ეს ნივთები შემდეგია: ა) სამაჯური, რომლის გარეთა ნაწილი ორ-

¹ Hans Bonnet, Die Waffen der Völker des alten Orients, Leipzig 1926, S. 165.

² Курганные находки Оренбургской области. Материалы по археологии России № 37, Петроград 1918, стр. 63.

³ Ernst Sprockhoff, Pfeilspitze, Reallexikon der Vorgeschichte, B. X, Berlin 1927/28, S. 106. სამფრთიანი ისრის წვერის გავრცელების შესახებ საინტერესოა შრომა: P. Reinecke, Die Skythischen Alterthümer im mittl. Europa, Zeitschr. f. Ethnol., XXVIII, Berlin 1896.

⁴ «Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове», Известия Археологической Комиссии, вып. 63, Петроград 1917, стр. 29—58.

ბ. ნიოტაძე

ტაბულა VII.

სოფ. უაფაში აღმოჩენილი ნივთები.

ტაბულა VIII, IX.

სოფ. გომნა და არქეოლოგიური ძეგლების აღმოჩენის ადგილები (ა).

გომნაში აღმოჩენილი თიხის ჭურჭელი.

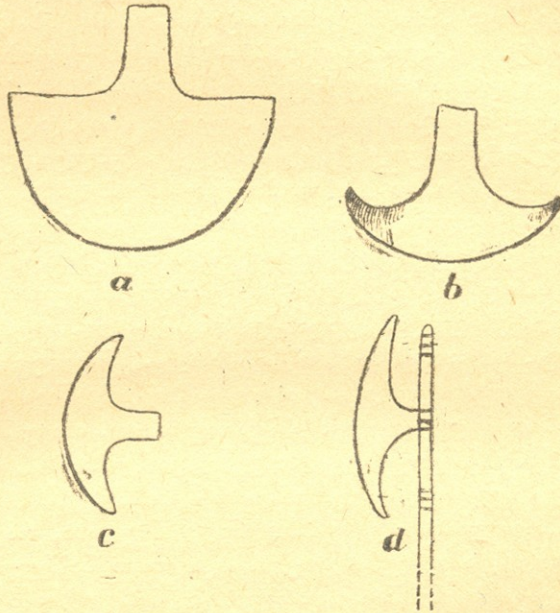
წახნაგოვანია; ბ) თავებგახსნილი ორი სამაჯური თხელი ფურცლიდან გაკეთებული. სამაჯურები საკმაოდ ფართოა და მათ შუა ადგილზე გასწვრივ მიუყვება ზიგზაგი ხაზი; გ) სამი ცალი ვიწრო ზომის მილი; დ) ქინძისთავი, რომლის თავზე ირმის გამოსახულებაა; ე) ოთხი ცალი ანკესი; ვ) წვერმოტეხილი ხანჯალი; ზ) გობაკი (უმბო); თ) დუგმის ფორმის მზგავსად გამოყვანილი დიდი ზომის სამკაულები; ი) მოგრძო ფორმის მძივი; კ) გრიენა (ხატის უღელი); ლ) სპირალი; მ) პასტისგან გაკეთებული ცისფერი, დაღარული მძივი, რომლის მაგვარი ჩნდება ხოლმე ჩვენი წელთაღრიცხვის I საუკუნის ფულებთან და კიდევ ზოგიერთი სხვა ნივთები, რომლებიც სხვადასხვა დროისანი არიან. ნივთები ინახება ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში.

ბორჯომის ხეობიდან არ შეიძლება არ მოვიხსენიოთ სოფ. თელოვანი, რომელიც მდებარეობს გუჯარეთის ხეობაში, წაღვერის მახლობლად. სოფ. თელოვანის ახლოს მდებარე ადგილებში უპოვნიათ სამი ცალი სპილენძის, პატარა ზომის „ნიჩაბი“ („ბარი“), სპილენძის „თოხი“—ესეც პატარა ზომის, რკინის ხანჯალი და სხვა. ნივთები დაცულია ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში. ყველა ამ ნივთის ნახვა ვერ მოვახერხეთ. ამ ნივთებიდან განსაკუთრებულ ყურადღებას იპყრობს სპილენძის „ნიჩაბი“, რომლის მაგვარი ბევრია ცნობილი არქეოლოგიაში. ამ „ნიჩბებს“ საერთოდ ახასიათებს თხელი პირი. ცალი მხარე სარკისებურად ბრტყელი აქვს, ხოლო მეორე მხარე უსწორ-მასწორია და ალაგ-ალაგ ბევრს მათგანს შეამჩნევთ გამოკვერვის საშუალებით მიცემულ პატარ-პატარა ზომის ჩაღარულ ზოლებს, მაგრამ რა დანიშნულებისათვის უკეთებდნენ ამ „ღარებს“—ძნელი სათქმელია. „ნიჩბების“ პირი ცალ მხარეზეა გადაღესილი და საჭრელი პირი აქვს გამოყვანილი. ამ სახის ნივთებს ზოგიერთი მკვლევარი „წყვილცულას“ ერთ ნაწილად სთვლის, მაგ., კ. ბ ი ტ ე ლ ი¹. ზოგი კიდევ ამ ნივთებს ნიჩბად აღიარებს. ამგვარი ნივთები საკმაო რაოდენობითაა ცნობილი როგორც აღმოსავლეთ, აგრეთვე დასავლეთ საქართველოში. მათი ზომა და ცალკეული ნაწილების მოყვანილობა სხვადასხვაობას განიცდიან და, ჩვენი ფიქრით, მათ ყველას ერთბაშად ვერ მივიჩნევთ ვერც „წყვილცულებად“ და ვერც „ნიჩბებად“. თითოეული მათგანი ცალკე უნდა იქნას შესწავლილი და მისი დანიშნულებაც ცალკეულად გარკვეული. თუ ჩვენ საკითხს ასეთნაირად მივუდგებით, მაშინ დავრწმუნდებით, რომ ზოგიერთი ამ სახის ნივთი უეჭველად ნიჩბად იყო ხმარებული, ზოგი—საომარ ცულად, ზოგი—თოხად, ზოგი—ღარეოდ და ზოგი კიდევ მედაბახის ერთ-ერთ ხელსაწყო იარაღად, რომელიც ტყავის დასამუშავებლად იხმარებოდა. მაგალითად, სოფ. ტერეგვაში აღმოჩენილი ამ სახის სპილენძის ნივთი (სურ. 3 ა), რომლის სიგანე 16 см კიდევაც აღემატება, ხოლო პირის სიმაღლე 9,5 см აღწევს², უეჭველად ნიჩბად უნდა ყოფილიყო ხმა-

¹ კ. ბ ი ტ ე ლ ი, ართვინში აღმოჩენილი ბრინჯაოსაგან გაკეთებული არქეოლოგიური ნაშთები (ენციკლ-ს მონამბე, II, თბილისი 1938, გვ. 260). D-r Kurt Bittel-მა ამ „ცულის“ შესახებ წერილი დაბეჭდა სტამბულის თურქულ ჟურნალში, Türk tarih arkeologya ve etnografya dergisi. Sayı: 1 Temmuz 1933, Devlet matbaası İstanbul 1933, გვ. 150—156. ეს წერილი თურქულიდან სთარგმნა დოც. ს. ჯიქიაშ.

² ინახება საქართველოს მუზეუმის არქეოლოგიურ განყოფილებაში. ინვ. 64—14/12.

რებული. ამ ნიჰბის მხრები ჰორიზონტალურია და ტარის დასაგებ ყურწთან „სწორკუთხედს“ აკეთებს. საომარ ცულად შესაძლოა ხმარებული იყო ბათუმის მახლობლად ციხისძირში აღმოჩენილი სპილენძის „ნიჰაბი“ (სურ. 3, c, ინახება საქართველოს მუზეუმში, ინვ. 93—07/6), რომლის მხრები ზემოთკენაა ამოდრეკილი და ცოტად თუ ბევრად ამ მხრების ნაპირის ხაზი რკალის ფორმას იღებს. ამ ნივთის პირის სიგანე 14 cm აღწევს, ხოლო მისი სიმაღლე 4 cm არ აღემატება. ეს ნივთი, მართლაც, გვაგონებს საომარ ბრტყელ ცულს კარგად

სურ. 3.

საქართველოსა და ეგვიპტეში (d) აღმოჩენილი სპილენძის იარაღი. $\frac{2}{3}$ ნატ. სიდ.

ცნობილს ეგვიპტესა და ზოგ სხვა ქვეყანაში (სურ. 3, d)¹. ჩვენი ფიქრით ნიჰბად აღიარებული სპილენძის ნივთი (სურ. 3, b, ინახება საქართველოს მუზეუმში, ინვ. 93—07/7) ხმარებული იყო როგორც ღარეჩო, რომლის მხრების ზემო ნაპირი ტარის ყურწის ნაპირთან რკალის მოხაზულობას აკეთებს², თანაც მხრების ბოლოები შიგნივ აქვს მოღუნული.

სოფ. თელოვანისავე მახლობლად ნაპოვნი არის გამოჭედილი სპილენძის ქვაბის ნაწილი, რომელსაც შერჩენილი აქვს მოქლონის ნიშნები. იმავე თელოვანის მახლობლად არაჩვეულებრივ აღმოჩენას ჰქონია ადგილი. მიწის სამუშა-

¹ Hans Bonnet, S. 25, Abb. 12 i.

² რაც შეეხება ზემოთ ნახსენებ კ. ბიტელის „წყვილცულას“, შეიძლება დანამდვილებით ითქვას, რომ ის წყვილცულა არ არის და თუ მას ცულად ვაღიარებთ, ის მაინც არ გამოადგება ხის მოსაჭრელ ცულად და საომარ იარაღად უნდა მივიჩნიოთ.

ოების დროს შემთხვევით უპოვნიათ სპილენძის ყალიბის ერთი ნაწილი (ერთი ნახევარი), რომელიც დღეს შენახულია ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში (სურ. 4 ა). როგორც პროფ. ვინოგრადო-ენიკიტიჩის ხელნაწერებიდან ჩანს, ამ ყალიბის მეორე ნახევარი მას უნახავს 1898 წელს ბორჯომის მამულის მმართველთან—ვინმე ჩხე ე. იუტნერთან, რომელიც აპირებდა მის გაგზავნას ვენის მუზეუმში.

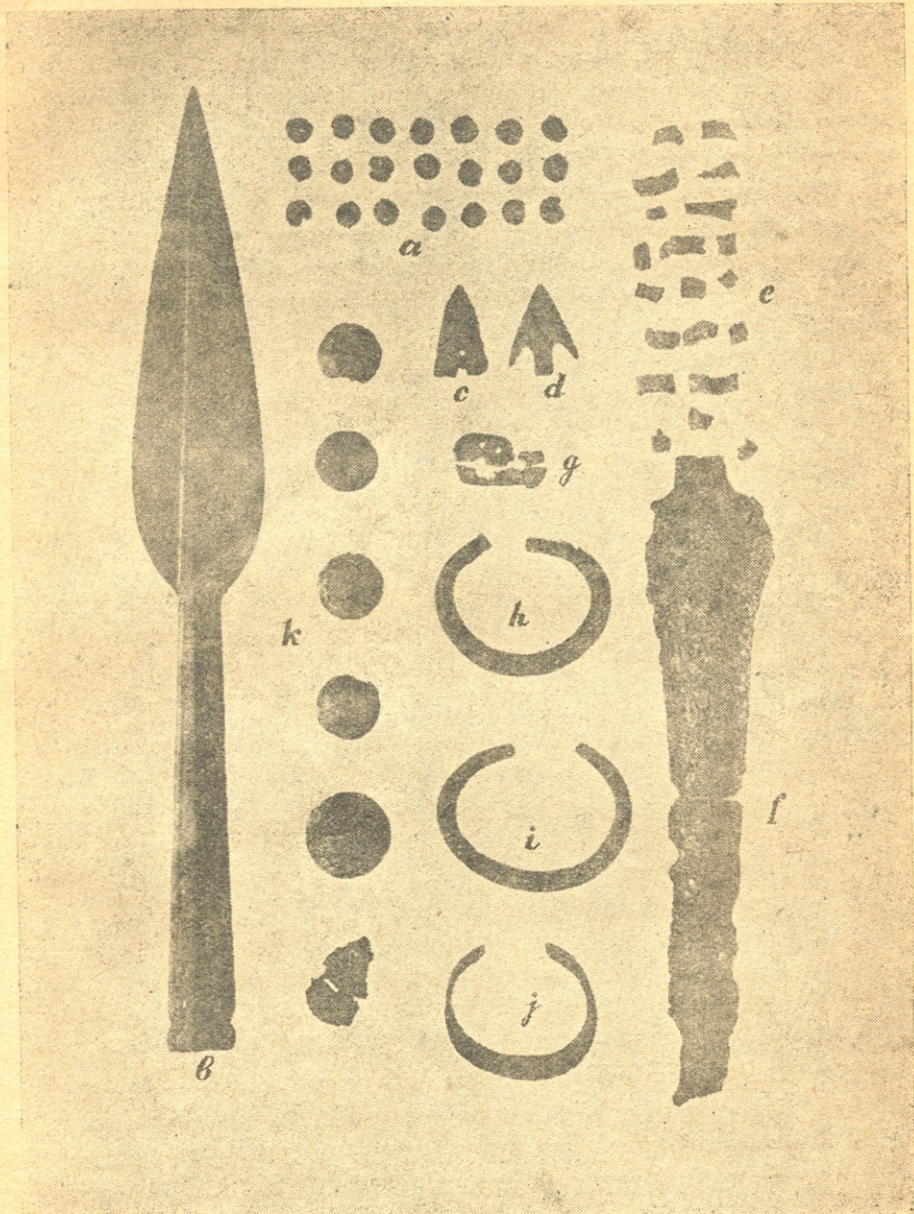
სოფ. თელოვანში აღმოჩენილი ნივთები საქართველოს მუზეუმშიაც მოსპობება. სახელდობრ, საქართველოს მუზეუმში დაცულია 1914 წელს ნაპოვნი ბრინჯაოს შემდეგი ნივთები: ა) ხელეჩო პატარა ზომის (ტაბ. I, სურ. c, ინვ. 102—14/2), ბ) უშბო (ტაბ. I, სურ. ხ, ინვ. 102—14/3) და გ). ოთხი ცალი სპილენძის ფული (ორი მთელი და ორიც ნატეხი, ინვ. 102—14/4—7). ნივთები სხვადასხვა დროს ეკუთვნიან და სხვადასხვა ადგილას არიან აღმოჩენილი, თუმცა მუზეუმის კატალოგში ერთ კოლექციად არის გატარებული. ფულები ეკუთვნიან XII ს. მეორე ნახევარსა და XIII ს. პირველ მეოთხედს¹.

სოფ. თელოვანში აღმოჩენილი ბრინჯაოს ხელეჩოს მავგარი იარაღი ფაოთოდაა ცნობილი საქართველოს ტერიტორიაზე. მაგალითად, ისინი ცნობილი არიან სოფ. სოფ. ხანიდან, ორბელიდან, ხიდისთავიდან, ციხისძირიდან, ჩრდილიდან, კინჩხიდან, ტერეგვადან, კოდისწყაროდან, კალვათიდან, ჩურისხევიდან და სხვა. ეს იარაღი, საერთოდ, პატარა ზომისაა და არქეოლოგები მას თოხებს უწოდებენ, რაც არ არის სწორი. ამ იარაღის პირი შიგნივ მხარისკენ იმდენადაა მოღუნული, რომ გულიც კი აქვს გამოყვანილი. ამავე შიგნივ მხარეზე დატანებული აქვს ამოზურგულბული ზოლები, რომლებიც არამც თუ საჭიროა თოხისთვის. არამედ ხელსაც კი შეუშლის მის დანიშნულებას. საჭრელი პირის ორივე მხარეზე მშვენივრად აქვს გამოყვანილი ნიღრები, რაც საჭიროა ხისა და განსაკუთრებით ხის ამოთლის პროცესში და თვით საჭრელი პირიც შიგნივიდან არის გამოყვანილი ისეთნაირად, როგორც ეს შეეფერება ნამდვილ ხელეჩოს. ჩვენი ხელეჩოს მეორე მხარე (გარეთა) სრულებით გატკეცილია, სარკისებურია. ტარის დასაგებად გაკეთებულ ნახვრეტს (სატარეს) ერთნაირი სიმსხო არა აქვს, ე. ი. მისი შიგნივა და გარეთა წრეების დიამეტრი ერთი და იმავე ზომისა არ არის. სატარეს შიგნივა თავის დიამეტრი უფრო პატარაა, ვიდრე გარეთასი და საერთოდ იმავე მოწყობილობისაა, როგორც ეს შეეფერება ნამდვილ ხელეჩოს. სატარეს ამგვარად კონსტრუქციული მოწყობა საშუალებას იძლევა ტარი მეტად მაგრად დაეგოს ხელეჩოს და მუშაობის პროცესში არ წამოსძვრეს.

აქვე საინტერესოა აღინიშნოს, რომ ხის მოსაჭრელსა, თუ ხის გასათლელ-ამოსათლელ იარაღს დღესაც ისეთნაირად აქვს სატარე მოწყობილი, როგორც ჩვენს ხელეჩოს, ე. ი. სატარეს ნახვრეტის შიგნივა წრე უმეტეს შემთხვევაში უფრო პატარა არის, ვიდრე გარეთასი. ასე აქვს, მაგალითად, დღესაც მოწყობილი ნაჯახს, წალდსა და ხელეჩოს, რაც უეჭველად საესებით მართლდება ტექ-

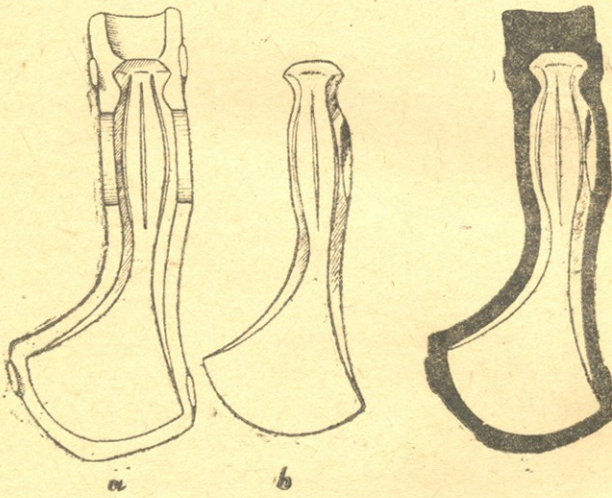
¹ ამ ფულებიდან ერთი ცალი ეკუთვნის გიორგი მესამეს (1156—1184), მეორე და მესამე — გიორგი მეოთხეს (1212—1223).

ტაბულა X.

გომნას პირველ საფლავეში აღმოჩენილი ნივთები.

ნიკური თვალსაზრისით. ასეთი სახის იარაღს ტარიც ვარგთა მხრიდან ეგება. ხოლო რაც შეეხება თოხის სატარეს, ის კი სულ სხვანაირადაა მოწყობილი და ტარიც შიგნითაა მხრიდან ეგება. თოხის სატარეს სხვანაირად მოწყობა ყოველთვის იწვევს, როგორც წესი, ტარის დაგების დროს სოლის გაკეთებას ტარის თავში, ურომლისოდაც თოხს ტარი წასძვრება. მაგრამ ჩვენ, როდესაც ვაღიარებთ თელოვანში აღმოჩენილ ნივთს (ტაბ. I, სურ. c, ინვ. 102—14/2) და მის მაგვარ სხვა ნივთებს ხელეჩოდ, ჩვენ აქ მხედველობაში მართო სატარე კი არა გვაქვს, არამედ—მთელი რიგი სხვა ნიშნებიც: ლინგი, ნიღრი, პირის ტანის მოხრილობა, საჭრელი პირის მოწყობა, სატარეს მოყვანილობა და სხვა, რომლებიც საერთოდ გვეუბნებიან, რომ ჩვენ, მართლაც, ხელეჩოსთან გვაქვს საქმე და არა თოხთან.

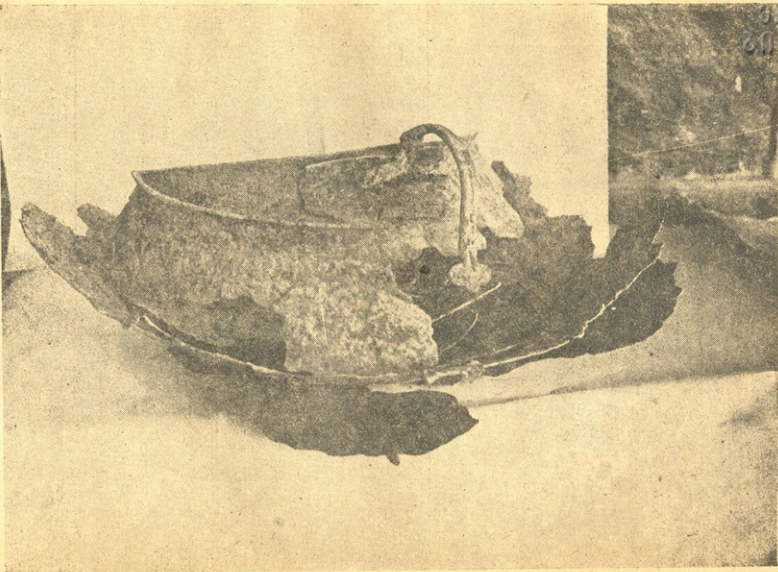
სურ. 4.

სოფ. თელოვანის მახლობლად აღმოჩენილი სპილენძის ყალიბი (a) და სოფ. მიტარბაში ნაპოვნი „ყობანის“ ტიპის ცული (b). 1/4 ნატ. სიდ.

ფრიად საინტერესოა ის გარემოება, რომ სოფ. მიტარბაში აღმოუჩენიათ „ყობანის“ ტიპის ცული (სურ. 4, b), რომელიც მშვენივრად ერგება სოფ. თელოვანის მახლობლად აღმოჩენილ ცულის ყალიბს (სურ. 4, c). ეს ფაქტი კი უდავოდ გვეუბნება, რომ ცულების გაკეთება ადგილობრივ ხდებოდა. ახლა, თუ ჩვენ მოვიგონებთ ზემოთ უკვე აღნიშნულ პროფ. გოროდცოვის აღმოჩენას წაღვერში, სადაც ნათლად იყო მოცემული ყველაფერი ის, რაც საჭიროა სპილენძის მადნის დასამუშავებლად, ე. ი. სპილენძის მისაღებად, ჩვენთვის აშკარა ხდება, რომ როგორც სპილენძის მიღება სპილენძის მადნიდან, აგრეთვე სპილენძის იარაღის გაკეთება უეჭველად ადგილობრივი იყო. სპილენძისა და ბრინჯაოს ადგილობრივ დამუშავებაზე მიგვითითებს აგრეთვე ტაბაწყურის ტბის

საქართველოს
საქართველოს

არქეოლოგიური დახეობები მტკვრის ნეოლითში

ტაბულა XI.

მახლობლად დიდი რაოდენობით აღმოჩენილი ბრინჯაოს წიდა 112 კილოგრამის რაოდენობით¹.

არ არის ინტერესს მოკლებული სოფ. აწყურის აღმოჩენებიც, ამ ადგილიდან ცნობილი არიან 1914 წელს საქართველოს მუზეუმში შემოსული ბრინჯაოს ნივთები. სახელდობრ:

ა) ოთხი ცალი პატარა ზომის ზარი (მათი საშუალო სიმაღლე 4 სმ-ია, ტაბ. V, სურ. a, b, c, d, ინვ. 56—14/1—4); ბ) ორი ცალი ფიბულა (ტაბ. V, სურ. e, f, ინვ. 56—14/5—6), რომლებსაც „ნემსი“ ცალკე აქვს ვაკეთებული და ფიბულას რკალთან ერთ მთლიან ერთეულს არ წარმოადგენს; „ნემსის“ ერთი თავი დასამცნევადაა განკუთვნილი, — მეორე კი სპირალისებურადაა შემოხვეული ფიბულის რკალის ერთ-ერთ ბოლოს „ნემსის“ ღეროს დასამაგრებლად. ასეთ ფიბულებს ჩვენ შეგვიძლია ვუწოდოთ „ორნაწილადი“ ფიბულები, თუმცა ამ ტიპის ფიბულები კონსტრუქციულად მკვეთრად განსხვავდებიან იმ „ორნაწილადი“ ფიბულებსაგან, რომლების სამშობლოდ ჩრდილო გერმანიასა და სკანდინავიის ქვეყნებს სთვლიან. ჩვენი ფიბულები განვითარებული არიან fibula ad arco-საგან; გ) ხუთი ცალი ქინძისთავი (ტაბ. V, სურ. g, h, i, j, k, ინვ. 56—14/7—11). აქედან ყველაზე გრძელი ქინძისთავის სიგრძე 12 სმ უდრის (ტაბ. V, სურ. g). ამ ქინძისთავის ღერზე დატანებულია ნახვრეტი. მეორე ქინძისთავის (ტაბ. V, სურ. h) ზომა 7,3 სმ-ია. ბოლოსთან ახლოს მისაც აქვს დატანებული ნახვრეტი. ბოლო წარმოადგენს ოთხწახანაგოვან პირამიდას. მესამესა და მეოთხე ქინძისთავსაც (ტაბ. V, სურ. i, j) დატანებული აქვს ნახვრეტები ჩამოსაკიდებლად განკუთვნილი. ერთი მათგანის ბოლო ვაბრტყელებულია და გამოყვანილი აქვს ოთხი მორჩი ქინძისთავის წვეროსკენ მიმართული (ტაბ. V, სურ. i), ხოლო მეორეს ბოლოზე გამოყვანილია სამი მორჩი ჩიტის თავების მავგარად (ტაბ. V, სურ. j). ამ ქინძისთავების სიგრძე 8 სმ აღწევს. მეხუთე ქინძისთავი (ტაბ. V, სურ. k) ბევრად კარგი ხელობისაა ყველა ნახსენებ ქინძისთავებზე და განსხვავდება მათგან როგორც მძალი ტექნიკით, აგრეთვე ჩამოსაკიდის მოწყობილობით, რომელიც დატანებული აქვს ბოლოზე; დ) თავებგახსნილი მცირე ზომის რგოლი (ტაბ. V, სურ. l, ინვ. 56—14/12), რომელიც პატარა ბავშვის სამაჯურს გვაგონებს, მაგრამ სამაჯურად არ უნდა ყოფილიყო გამოყენებული. საფიქრებელია, რომ ეს რგოლი გამოყენებული იყო იმავე დანიშნულების ნივთად, როგორც ამს გვიჩვენებს სურათი 5, ე. ი. საკიდად ან საყურედ. ეს ნივთი დაცულია საქართველოს მუზეუმში (ინვ. 18—32/60), თუმცა მისი სადაურობა ვაუტრკვეველია; ე) ორი ცალი „საკიდი“ (ტაბ. V, სურ. m, n, ინვ. 56—14/13, 14); f) ექვსი ცალი „აბზინდი“ (ტაბ. V, სურ. o, p, r, s, t, u, ინვ. 56—14/15, 16, 17, 19, 21); ერთ მათგანზე (ტაბ. V, სურ. s) გამოყვანილია ორი ცხოველის (თხის?) სურათი; ზ) ლაგმის ნატეხი (ტაბ. V, სურ. v, ინვ. 56—14/20); თ) საცერული (досвое калыно, ტაბ. V, სურ. w; ინვ. 56—14/22); ი) დაკორხლილი, თავებგახსნილი რგოლი (ტაბ. V, სურ. z, ინვ. 56—

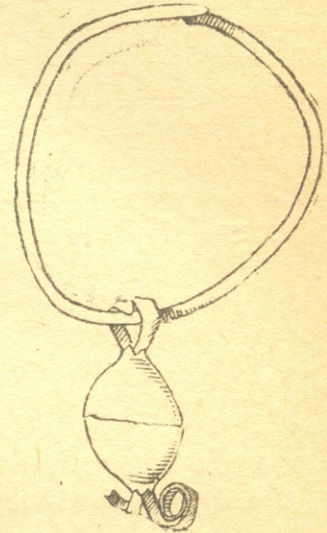
¹ ცნობები ამოღებულია პროფ. ვინოგრადოვი-ნიკიტინისა და ი. ვლასოვის ხელნაწერებიდან, რომლებიც დაცულია ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში.

14/23)¹ და კ) ერთი ც ნივთი გაურკვეველი დანიშნულების (ტაბ. V, სურ. z, ინვ. 56—14/24). ამავე აწყურიდან საქართველოს მუზეუმში შემოსულია 1932 წელს ორი ცალი დიდი ზომის თავებგახსნილი ბრინჯაოს რგოლი (ტაბ. VI, a, b), რომლებიც შესაძლოა საკანქურად (ე. ი. ფეხზე გასაკეთებლად) და არა სამაჯურად იყო ხმარებული (ინვ. 18—32/178, 191). ერთ-ერთი საკანქურის წრის შიგნივა დიამეტრი 9 cm-ს უდრის, ხოლო მეორესი—7.5 cm-ია. ორივე ამ სამაჯურის სიმსხო ორ სანტიმეტრს აღწევს. იმავე აწყურიდან ცნობილია აგრეთვე სამი ცალი პატარა ზომის თავებგახსნილი ბრინჯაოს სამაჯური (ტაბ. VI, სურ. c, d, e, ინვ. 18—32/139, 144, 146). ყველა ეს სამაჯურები საქართველოს მუზეუმის არქეოლოგიურ განყოფილებას გადმოსცა საქართველოს საისტორიო-საეთნოგრაფიო საზოგადოების მუზეუმმა.

ბორჯომის ხეობიდან ცნობილი იყო სხვა ძეგლებიც, რომლებიც პროფ. ვინოგრადოვი ნიკიტინის მიერ დაგროვლი ყოფილა მდინარე ბორჯომელას ნაპირზე, ბორჯომის პარკის მახლობლად ე. წ. „არქეოლოგიურ მოედანზე“. სამწუხაროდ, ეს ნივთები 1918 წლის საშინელ ნიდვარს მთლიანად გაუნადგურებია².

ჩვენ მიერ ჩატარებული დაზვერვის დროს გამოირკვა, რომ 1941 წელს, მტკვრის ხეობაში ბორჯომიდან ახალციხის მიმართულებით ადგილი ჰქონია მთელ რიგ არქეოლოგიურ აღმოჩენებს სოფ. სოფ. ფაფაში, გომნაში, ლარებში, დვირში, საკვირიკეში, სლესისციხეში, ბაღების დელეში და სხვა.

დავიწყით სოფელ ფაფიდან, რომელიც მდებარეობს თრიალეთის ქედის ჩრდილო დასავლეთის პერიფერიაზე და დაცილებულია ბორჯომს 1,5 კილომეტრის მანძილზე. ამ სოფელში 1941 წ. იანვარში სრულიად შემთხვევით აღმოუჩენიათ მეტად საინტერესო ქვის საწნებელი (სიგრძე 2,6 m, განი—1,5 m, სიმაღლე 1,06 m), რომლის ცალ გვერდად ერთი მთლიანი 14 cm სისქის გათლილი ქვა ყოფილა გამოყენებული³. საწნებლის თავში ქვიდან გათლილი 43 cm

სურ. 5.

საყურე, 1/1 ნატ. სიღ.

¹ ეს ნივთი, მართალია, სამაჯურს გვაგონებს და ზოგი მას კიდევაც სამაჯურს ეძახის, მაგრამ ის სამაჯურად არ იხმარებოდა. შესაძლოა ის გამოყენებული იყო, როგორც საკიდი, რისი ნიშანიც მას შერჩენილი აქვს ანდა ის შესაძლოა გამოყენებული იყო როგორც „პორტუპეია“.

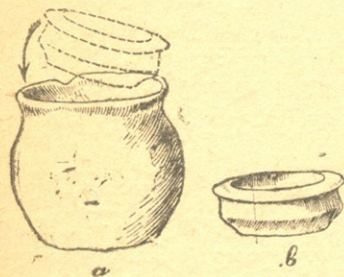
² ამ ძეგლების ფოტო-სურათი, შემორჩენილი ბორჯომის მუზეუმში, გამოაქვეყნა გ. ჩიტაიამ ვინიკის მოამბეში, ტ. VIII, თბილისი 1940, სურ. 6, გვ. 8.

³ ამ აღმოჩენის ადგილობრივ შესასწავლად თავის დროზე მივლინებული იქნა საქართველოს სამეცნიერო აკადემიის ისტორიის ინსტიტუტის უფროსი მეცემუშაო ნ. ხოშტარია, რომელიც ამ აღმოჩენების შესახებ ცალკე ვრცელ შრომას ამზადებს.

სიგრძის ღარი იყო დატანებული ტკბილის გადმოსასხამად. საწნეხლის შიგნით ნაწილი მთლიანად გამოღესილი ყოფილა ცემენტით. ქვის საწნეხლის არსებობას საქართველოში ადასტურებს პ. კანდურალოვი — ქართლში. სხვათა შორის პ. კანდურალოვი იმასაც კი ადასტურებს, რომ ქვის საწნეხლის შიგნით ნაწილი კირ-სილით ილესებოდა¹. ქვის საწნეხლის არსებობის შესახებ კახეთში ლაპარაკობენ ა. ფირალოვი და ს. შავერდოვი². აზერბაიჯანში³ და სომხეთშიაც⁴ დადასტურებულია ქვის საწნეხელი მეტად დიდი ზომის.

საწნეხლიდან ექვსი მეტრის დაცილებით აღმოჩენილა ღვინის ჩასასხამი 12 ცალი ჭური, რომლებიც ერთ მწკრივად და ერთიმეორესთან ახლოს ყოფილან მიწაში დაფლული. ეს ჭურები დასავლეთის მხარეზე ჭქონია საწნეხელს მოქცეული. საწნეხლის აღმოსავლეთით და მისგან 1,5 მეტრის დაცილებით კიდევ უნახავთ ორი ჭური. ყველაზე დიდი ჭურის სიმაღლე 1,35 m-ია, ხოლო ყველაზე მცირესი — 96 cm. იქვე მახლობლად აღმოუჩენიათ ყურძნის საწური 35 cm სისქის ბრტყელი ქვეები (დიამეტრი 1 m) და ყურძნის საწური საქაჩველი. ჭურებიდან დასავლეთის მიმართულებით უნახავთ თორნე, იმავე ადგილზე აღმოუჩენიათ აგრეთვე ქვის როდინი ქვა-სანაყით, რკინის კაკვი ხორცის ჩამოსაკიდად (ტაბ. VII, სურ. b), რკინის ჩაქუჩი (ტაბ. VII, სურ. d), რკინის დანა (ტაბ. VII, სურ. f), ნამგალი მარცხენა ხელით სახმარი (ტაბ. VII, სურ. h), ვენახის სასხლავი დანა მოხრილი ფორმის (ტაბ. VII, სურ. g), კარის საკეტი (ტაბ. VII, სურ. c) და მოგრძო ფორმის რკინა საქაჩველის ქვების მოსაბრუნებლად (ტაბ. VII, სურ. a). იმავე არეზე უნახავთ მიწაში ამოშენებული 2 m სიმაღლის ხარო მარცვლეულის შესანახად.

სურ. 6.

სოფ. დვირში აღმოჩენილი თიხის ჭურჭელი, რომელშიაც ოქროს ფულები იყო ჩაწყობილი. 1/1 ნატ. სიდ.

აქ ჩამოთვლილი ნივთების დიდი ნაწილი, ცხადია, რომ მევენახეობაზე მიგვითითებს და არც ძალიან ძველი დროის არიან. საინტერესოა აღინიშნოს, რომ დღეს სოფ. ფაფაში იქაური მკვიდრი მცხოვრებლები მევენახეობას სრულებით აღარ მისდევენ და არც არაფის ახსოვს სოფ. ფაფაში ვაზის გაშენება. ცხადია, რომ მევენახეობა როგორც სოფელ ფაფაში, აგრეთვე მთელ ბორჯომის ხეობაში მივიწყებას მიეცა, რადგან ეს კუთხე არაერთხელ ყოფილა მეტრის მიერ მთლიანად აოხრებული და განადგურებული და მოსახლეობაც მოსპობილი, ცნობილია, რომ ჯერ

¹ П. Кандуралов, Очерк виноградарства и виноделия в Карталиннии. Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе, вып. VIII, Тифлис 1897, стр. 81.

² А. Пиравлов и С. Шавердов, Очерк виноградарства и виноделия Кахетии, Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе, вып. VII, Тифлис 1896, стр. 76.

³ П. Кандуралов, Очерк виноградарства и виноделия в Шемахинском и Геокчайском уездах, Бакинской губ. Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе, вып. V, Тифлис 1896.

⁴ И. Андроников, Очерк виноградарства и виноделия в Эриванской губ.,

მონღოლების შემოსევისა და შემდეგ XVI ს. სამცხე-საათაბაგოს ოსმალეთის მიერ დაპყრობის გამო, აქ ცხოვრება თითქმის მთლიანად მოისპო. ცხადია, რომ ძველ დროში აქ მრავალრიცხოვანი და თანაც დიდი კულტურის მატარებელი მოსახლეობა ყოფილა. ხეობები სავსე ყოფილა ვენახებით, ხეხილით, საუცხოო ხელოვნების ძეგლებით, რომელთა ნაშთებსაც დღესაც ბევრს შეხვდებით და რომლებსაც თავის დროზე მიაქციეს ყურადღება ევროპეელმა მოგზაურებმა — შარდენმა (1672 წ.), გიულდენშტედტმა (1770 წ.), ბროსემ (1830 წელს), დიუბუამ და სხვებმა. ვახუშტიც იხსენიებს ამ ადგილების ნასოფლარებს და ამბობს: „არა არიან დაბანი ანუ აგარაკნი, რომელსა შინა არა იდგეს ეკლესია თლილის ქვისა, უგუნბათონი, მცირენი და დიდნი და მით იცნობების ნასოფლარნი“¹.

გურჯისტანის ვილაიეთის დიდ დავთარში, რომელიც დათარიღებულია 1595 წლით, სოფ. ფაფა მოხსენებულია, როგორც დაუსახლებელი პუნქტი და გადასახადი შეწერილი აქვს 10 645 ახჩას რაოდენობით².

საინტერესოა აღინიშნოს, რომ გურჯისტანის ვილაიეთის დიდ დავთარში სხვადასხვა გადასახადებთან ერთად მოხსენებულია შირა (აკეთებენ ყურძნიდან) და ხორბალი. აქედან ცხადი ხდება, რომ აღნიშნულ ადგილებში იმდენად სკოდნით ვენახის გაშენება და ხორბლის მოყვანა, რომ მათზე გადასახადი დაუდევიათ³.

სოფ. ფაფიდან ორი კილომეტრის დაცილებით და ახალციხის მიმართულებით, თრიალეთის ქედის ჩრდილო-დასავლეთის პერიფერიაზე არის ადგილი გომნა (ტაბ. VIII), რომელიც დაახლოებით ლიკანის პირდაპირ მდებარეობს მტკვრის მარჯვენა ნაპირზე. სოფ. გომნა ამ ადგილიდან დასავლეთითაა მოქცეული, ხოლო ლიკანი — ჩრდილოეთით. ეს ადგილი ცოტად დაქანებულია და საყანე მიწად არის გამოყენებული⁴. აქ წარმოებული მიწის სამუშაოების დროს, 1941 წლის თებერვლის ბოლო რიცხვებში, შემთხვევით აღმოუჩენიათ ქვენიადგის (გრუნტის) სამი საფლავი (ტაბ. VIII, a), რომლების გარშემო, როგორც

Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе, вып. VI, Тифлис 1896, стр. 85.

¹ ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, თ. ლომოურისა და ნ. ბერძენიშვილის რედაქციით. თბილისი 1941, გვ. 85.

² „გურჯისტანის ვილაიეთის დიდი დავთარი“, თარგმანი ს. ჯიქიასი, წიგნი II, თბილისი 1941, გვ. 331.

³ საინტერესოა ისიც აღინიშნოს, რომ გურჯისტანის ვილაიეთის დიდ დავთარში მოხსენებულია პეტრეს რაიონი, სადაც შედის ნასოფლარი ფაფაც. პეტრეს რაიონში სულ არის მოხსენებული 38 სოფელი. აქედან კი მხოლოდ 6 სოფელი არის აღნიშნული, როგორც დასახლებული. ამ ექვს სოფელში სულ ყოფილა 29 კომლი (გვ. 326—331), სახელდობრ, სოფ. ლაბაში ყოფილა 2 კომლი, სოფ. სერსეში (უნდა იყოს ეხლანდელი ცემი) — 4 კომლი, სამზიოსხევში — 3 კომლი, სოფ. გოგაისუბანში — 3 კომლი, სოფ. ნაწუკართუბანში — 5 კომლი და ცინისჯვარში — 12 კომლი. აქედანაც შეიძლება წარმოიდგინოს ადამიანმა, თუ როგორი დაცარიელება გაწვდია კუთხეს თურქების დაპყრობის შედეგად XVI საუკუნეში.

⁴ ამ ადგილიდან სამხრეთ-აღმოსავლეთის მიმართულებით პეტრეს ციხეა აპართული ფრიალო კლდეზე. იქვე ახლოს მოსჩანს სოფ. გომნის ძველი ეკლესიის ნანგრევებში და ახალი სასაფლაო.

გადმოგვეცეს, სრულებით არ ყოფილა არც ქვეებისა და არც სხვა რაიმე საამშენებლო მასალის ნიშნები¹. საფლავებში მდებარე ჩონჩხებს მოკრუნხული პოზი-ჰქონია და ორიენტირებული ყოფილან სამხრეთ-აღმოსავლეთიდან ჩრდილო-და-სავლეთისაკენ. თავის ქალები სამხრეთ-აღმოსავლეთისაკენ აღმოჩენილან. სამარეები დაცილებული ყოფილან მიწის ზემო პირს 270 cm-ის სიღრმეზე. სამარეებში მეტად საყურადღებო ინვენტარი აღმოჩენილა, ერთ-ერთ საფლავში (პირველში) აღმოჩენილი ნივთების განლაგებით ჩვენ შეგვიძლია დავასკვნათ, რომ ამ საფლავში ჩასვენებულ მიცვალებულის თავთან ჩაუდვიათ პატარა ქოთანი (ტაბ. IX, სურ. f) საკმლით, რასაც მოწმობდა მასში აღმოჩენილი ცხოველების ძვლები. კისრის მალეებთან მიცვალებულს ჰქონია ნახევრად სფეროსებრი ფორმის ბრინჯაოს სამკაულები პატარა ზომის (ტაბ. X, სურ. a). ზურგის უკან, წელის გასწვრივ, დაუდგამთ მოზრდილი ზომის ორყურა ქოთანი (ტაბ. IX, სურ. i) და კიდევ ორი ცალი პატარა ზომის თიხის ჭურჭელი (ტაბ. IX, სურ. g, h), წელზე ჩამოუკიდებიათ ხანჯალი (ტაბ. X, სურ. f), სახის გასწვრივ და იქვე ახლო დაუდვიათ ბრინჯაოს შუბის წვერი (ტაბ. X, სურ. b; უნდა ვიგულისხმოთ, რომ შუბის წვერს ტარი ჰქონდა დაგებული) და მკლავებზე გაუკეთებიათ სამაჯურები (ტაბ. X, სურ. h, i, j). მუცლის წინ დაუდვიათ სპილენძის ქვაბი (ტაბ. XI) და ფეხებთან კიდევ საკმელი, რასაც ადასტურებს ამ ადგილზე აღმოჩენილი ცხვრის, ღორისა და ხარის ძვლები. ამ საფლავში აღმოჩენილი ბრინჯაოს შუბის წვერის პირი შუაზე ამოზურგულელებულია (ტაბ. X, სურ. b). ტარის დასაგებ ადგილთან აქვს ორი ნახვრეტი, რომ შესაძლო იყოს შუბის ტარის უფრო მაგრად დამაგრება ლურსმნების საშუალებით. შუბის წვერის მთლიანი სიგრძე 40 cm-ია, პირის სიგრძე 21 cm, ხოლო მისი სიგანე შუა წელზე 5,5 cm. შუბის წვერს, რომ უფრო კარგად დაეგოს ტარი, ბოლოზე გამოყვანილი აქვს 25,5 cm-ის სიგრძის მილისა (втулка), რომელიც თანდათან ვიწროვდება და ნაწილობრივ შუბის პირის ამოზურგულელებულ ნაწილს მიყვება შიგნივ. ამგვარი ტიპის შუბის წვერები წარმოადგენენ შუბის წვერის კარგად განვითარებულ ფორმას და იშვიათ მოვლენად არ ითვლებიან არქეოლოგიაში. შუბის წვერთან ერთად აღმოუჩენიათ ორი ცალი ბრტყელი ისრის წვერი ბრინჯაოსი. ერთი მათგანი სამკუთხედი ფორმისაა (ტაბ. X, სურ. c); მისი მთლიანი სიგრძე 3,8 cm, სიგრძე 2,2 cm. მას დატანებული აქვს პატარა ნახვრეტი, რომ შესაძლო ყოფილიყო ლურსმნით დამაგრება ისრის ზროზე (ტანზე). მეორე ისრის წვერი ისეთნაირადაა ბოლოსკენ ამოკბილული, რომ ორი წაწვეტილი „თავი“ აქვს გამოყვანილი და თანაც მათ შუა ვაკეთებული აქვს ოთხკუთხედი ფორმის მოგრძო ბოლო ისრის ტანში ჩასაჯენად (ტაბ. X, სურ. d). ამ ისრის წვერის მთლიანი სიგრძე 3,9 cm, განი—3 cm. ამავე სამარეში უპოვნიათ შუაზე გადატეხილი და ნახევრად კუნწმოტეხილი ხანჯალი (ტაბ. X, სურ. f) სიგრძით 26,3 cm. ხანჯალს წვერი მოტეხილი აქვს. ხანჯლის პირის შუა წელი ძალზე სქელია და „ღარები“ სრულებით არ ეტყობა, როგორც ეს საერთოდ ახასიათებს ხოლმე ხანჯლებს. ხანჯალთან ერთად, მისი ყუნწის გარშემო უნახავთ ბრინჯაოს პა-

¹ როდესაც ადგილობრივ ვინახულეთ აღმოჩენის ადგილი, რიყის ქვები საკმაო რაოდენობით შევამჩნიეთ და ეტყობოდა, რომ ისინი სხვა ადგილიდან იყო მოტანილი.

ტარ-პატარა ზომის თხელი ფრაგმენტები (ტაბ. X, სურ. ე). ზოგ მათგანს შე-
რჩენილი აქვს მოკლე ზომის ლურსმანი, რაც გვაფიქრებინებს, რომ ისინი გამო-
ყენებული ყოფილან ხანჯლის ხის ტარის გასალამაზებლად. პირველი საფლავის
ინვენტარიდან საყურადღებოა თავებგახსნილი ბრინჯაოს ბრტყელი სამაჯური
ტაბ. X, სურ. j), რომლის სიგრძე 15,2 cm-ია, სიგანე—2,8 cm. სამაჯურის ბო-
ლოებზე 3,3 cm სიგრძეზე გამოყვანილია სწორხაზოვანი ორნამენტი ისეთნაი-
რად, რომ „მოწულს“ მოგვაგონებს. ამ მოწულ-ხაზოვან ორნამენტებს შუა
სამაჯურის ნაპირებზე შემოყოლებულია თევზის ფხის მავგარი ორნამენტი (ფხუ-
რი), ხოლო სამაჯურის შუა წელზე გამოყვანილია სვასტიკა. სვასტიკის ანუ კა-
კეებიანი ჯვრის გამოსახულება ცნობილია როგორც ძველს, აგრეთვე ახალ დროშიაც.
სვასტიკას არქეოლოგები უწოდებენ „გამას მავგარ ჯვარს“ (crux gammata, croix
gamée), ვინაიდან მისი გამოსახულება მოგვაგონებს ბერძნული ალფაბეტის ოთხ
ასოს Γ (გამას) ფუძეების სწორკუთხედებად ერთს ცენტრთან ისეთნაირად შე-
ერთებას, რომ ჯვრის სახეს იღებს. თავდაპირველად სვასტიკას ჰქონდა რელი-
გიურ-ალეგორიული მნიშვნელობა. ზოგიერთი მკვლევარის აზრით სვასტიკა უნ-
და იყოს სიმბოლო „ცოცხალი“ ცეცხლისა, რომელსაც იღებდნენ ხის ორი ნაჭ-
რის ერთი-მეორეზე ხახუნის საშუალებით და ფიქრობენ, რომ ჯვარედინად გა-
კეთებული ორი ხის ნაჭერი ასეთი „ცოცხალი, მუდმივი ცეცხლის“ ამსახველს
ნიშანი უნდა იყოს. ზოგიერთებს სვასტიკა მიაჩნიათ „ბრწყინვალეების“ სიმბო-
ლოდ, ზოგს კიდევ—რომელიც ცვთაების გამოხატულებად და სხვა¹. ზოგი-
ერთის აზრით კიდევ სვასტიკა არის „მისალმებისა“ და „კეთილდღეობის“ ალ-
მნიშვნელი სიმბოლო. ძველი დროის ქრისტიანები მას უყურებდნენ, როგორც
„მადლისა“ და „შველის“ ალეგორიულ-სიმბოლიურ გამოსახვას. ამგვარივე შე-
ხედულება ჰქონდათ სვასტიკაზე აღმოსავლურ ქვეყნებში². ფ. ლუშანის გად-
მოცემით ჩინელები სვასტიკის გამოსახვით აღნიშნავდნენ, როგორც რიცხვს
„10.000“-ს, აგრეთვე—„ბედნიერებასაც“. სამურაელების ზოგიერთ გვარს სვას-
ტიკა, სხვათა შორის, მიჩნეული ჰქონდა ჰერალდიკურ ემბლემად³. სვასტიკის გა-
მოსახულებას ჩვენ ვხვდებით დიდი რაოდენობით ინდოეთში, ჩინეთში, იაპონია-
ში და საერთოდ აღმოსავლეთ აზიაში, სადაც მას ხმარობდნენ ბუდისტები⁴
და ბრამინისტები, როგორც რელიგიურ სიმბოლოს. ხმარობდნენ მას ორნა-
მენტულად და დამწერლობაშიაც. ჩინეთსა და სამხრეთ აზიის ქვეყნებში სვასტი-
კის გამოსახულებას შეხედება ადამიანი საკულტო დანიშნულების ნივთებზე
რომლებიც ასი-ათასობით დაითვლებიან. სვასტიკის გამოხატულება ცნობილია
ჰისარლიკში (ტროიაში), ხმელთაშუა ზღვის ქვეყნებში, საბერძნეთში, შუა ევრო-
პაში, სლავიანების მიერ დასახლებულ ადგილებში და სხვ. აფრიკაში სვასტიკა

¹ Л. Нидерле, Человечество в доисторические времена, Петербург 1898, стр. 219—220. M. Zmigrodzki, Zur Geschichte der Swastika. Archiv für Anthropologie, XIX. S. 173.

² Р. С—в, Энциклопедический словарь, Петербург 1900, т. XXIX, стр. 71—72.

³ Ф. Лушан, Народы, расы и языки, Ленинград 1923, стр. 171.

⁴ დ. ანუჩინის აზრით სვასტიკა, როგორც რელიგიური სიმბოლო, ცნობილი იყო ბუ-
დიზმის წარმოშობამდე (Нидерле, стр. 219).

შემოღებული ჰქონდათ ორნამენტიკაში აშანტიებს, ხოლო ამერიკაში კოლორადოს ზოგიერთ ტომსა და სოფ. პუებლოს მცხოვრებლებს. ამ ცნობას ადასტურებს ფ. ლუშანი ერთ-ერთ თავის შრომაში, რომელიც ზემოთ გვქონდა ნახსენები¹. აღსანიშნავია, რომ სვასტიკას არ იცნობენ ოკეანისა და ავსტრალიის მცხოვრებლები; მას არ იცნობენ აგრეთვე პალესტინა-სირიაში², თუმცა, საერთოდ, როგორც ვხედავთ, სვასტიკას ფართო გავრცელება ჰქონია.

ყველაზე ძველი დროის სვასტიკის გამოსახულება ჯერ-ჯერობით ცნობილია მესოპოტამიის (Susa, Mussian) ენეოლითურ (ქვა-სპილენძის დროის) მოხატულ თიხის ჭურჭელზე (5.000 წ. ჩვენს წელთაღრიცხვამდე). სვასტიკის გამოსახულება იცის ტროიას სულ უძველესმა (პირველმა) კულტურულმა ფენამ, რომელსაც აკუთვნებენ გვიანდელ ნეოლითს (მეორე ათასწლეულის ბოლო და მესამე ათასწლეულის შუა პერიოდი). ტროიას სხვა კულტურულ ფენებშიაც დიდი რაოდენობით აღმოჩენილ ნივთებზე (კვირისტავებზე, აღმოსავლური ტიპის თიხისა და ტყვიისაგან გაკეთებულ კერპებზე, ადამიანის სახის მსგავს ზოგიერთ თიხის ურნებზე და სხვა) თქვენ შეამჩნევთ სვასტიკის გამოსახულებას, რომელსაც აშკარად ეტყობა მესოპოტამიის გავლენა³. დუნაის ქვეყნებში, ცნობილ ეგრეთწოდებულ „ლენტთან“ კერამიკაზედაც გასარჩევი ხდება სვასტიკის გამოსახულება, რომელიც მესოპოტამიურ-მცირეაზიურ გავლენის ქვეშაა მოქცეული⁴. სვასტიკის გამოსახულება გვხვდება ძველი ქრისტიანების მიერ გაკეთებულ კატაკომბების შინა კედლების მოხატულობებზე, საშუალო საუკუნეების ზოგიერთ საფლავის ქვებზე, სასულიერო პირთა ტანისამოსზე, რომელიც იხმარებოდა საკულტო მოქმედების დროს (XII—XIV ს.). ამას შეხვდებით შედარებით ახალი დროის ორნამენტებში (მაგალითად, სლავიანებისაში), შეხვდებით ნაქარგებში და სხვა⁵. მაგრამ ყველაფერი ეს აღმოცენებულია აზიის გავლენის შედეგებზე. ამიტომ ადვილად დასაშვებია ის მოსაზრება, როგორც ამას გამოსთქვამდნენ მთელი რიგი მეცნიერები, რომ სვასტიკის გამოსახულება აზიიდანაა ევროპაში შესული და გავრცელებული. ხოლო ევროპის სხვადასხვა კუთხეში მისი გაცნობა უფრო ადრე მოხდა სამხრეთით მდებარე ქვეყნებში და შემდეგ ჩრდილოეთით. ამიტომ ტყუილად ცდილობს გერმანიის ლიტერატურა (მაგალითად, J. Lechler, Vom Hakenkreuz, Leipzig 1921, Bider, Das Hakenkreuz, Leipzig und Berlin 1921 და სხვა) სვასტიკის (კაკვიანი ჯვრის) სამშობლოდ აღიაროს გერმანიის ჩრდილო მხარე. ასეთი მტკიცება მოკლებულია ყოველგვარ მეცნიერულ

¹ Ф. Лушан, стр. 171.

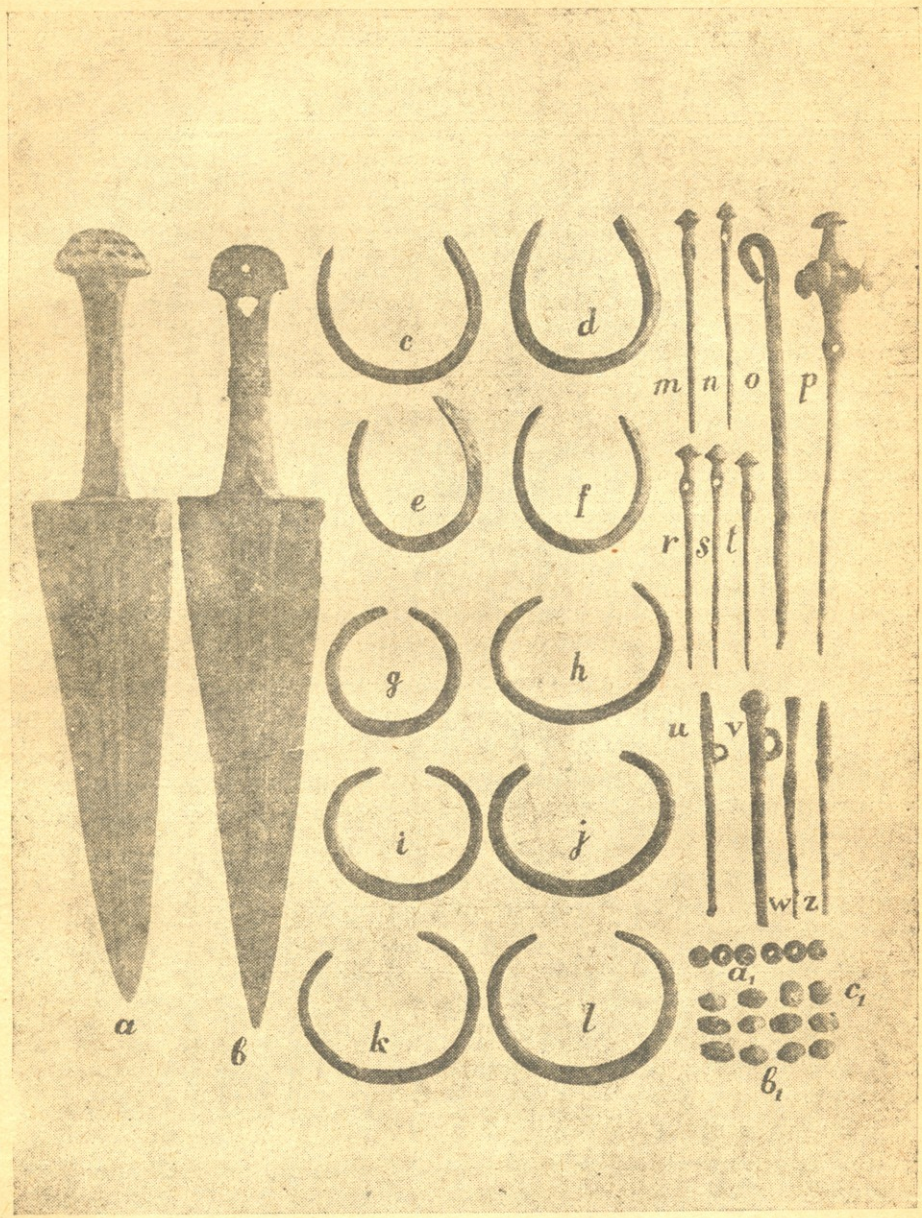
² Ф. Лушан, стр. 171. Peter Thomson, Hakenkreuz, Reallexikon der Vorgeschichte, Berlin 1926, B. V, S. 21. სვასტიკის გამოსახულების აღმოჩენას პალესტინა-სირიაში ადგილი ჰქონდა მხოლოდ ერთს თიხის ჭურჭელზე და ერთსაც თიხის ფრაგმენტზე, რომლებიც უცხო-ქვეყნის წარმოშობისა არიან (P. Thomson, S. 21).

³ აღსანიშნავია ის გარემოებაც, რომ ტროიაში აღმოჩენილი აბბერევიატურული (შემოკლებით) ცხოველების გამოსახულება და „სავარცხლის“ მოტივი ელამის შეღებილი კერამიკიდანაა აღებული, F. A. v. Scheltama, Reallexikon der Vorgeschichte, Berlin 1926, B. V, S. 20.

⁴ F. D. v. Scheltama, Hakenkreuz, Reallexikon d. Vorgeschichte, Berlin 1926, B. V. S. 20.

⁵ Нидерле, стр. 220, А. С—в, Энци. сл., т. XXIX, стр. 71—72.

ტაბულა XII.

გომნას მეორე საფლავეში აღმოჩენილი ნივთები.

საფუძველს და, როგორც თავის დროზე აღნიშნავდა ფ. ლუშანი თავის შრომაში, წარმოადგენს მხოლოდ „ბავშვურს და გულუბრყვილო ფრაზას“ (Ф. Лушан, стр. 171)¹. დღეს დანამდვილებით შეგვიძლია ვთქვათ, რომ სვასტიკის პირველმა გამოსახულებამ აზიაში (მესოპოტამიაში) ჰპოვა ადგილი და რომ ეს ნიშანი აზიიდანაა შესული ევროპაში. ყოველ შემთხვევაში ამას გვეუბნება არქეოლოგიური მასალა. სვასტიკა რომ აზიიდანაა ევროპაში შესული, ამ აზრს თავის დროზე დიდის თავგამოდებით იცავდა სახელოვანი მეცნიერი გ. მორტილიე, როდესაც მან წამოაყენა ყველასათვის ცნობილი „ინდოეთური ანუ ბოშური თეორია“ ბრინჯაოს სამშობლოს შესახებ².

რაც შეეხება სხვა ქვეყნებში (აფრიკა, ამერიკა) აღმოჩენილ სვასტიკის გამოსახულებას, რომელიც მოცემულია ორნამენტულ კაპიტელაში და წარმოადგენს უბრალოდ გადაჯვარედინებულ ხაზებს, უნდა ვიფიქროთ, რომ ისინი დამოუკიდებლად არიან წარმოშობილი. ჩვენ ვიცით, რომ შესაძლოა წარმოიშვას ორნამენტალური ნაწილები სხვადასხვა და სხვადასხვა ადგილას ერთი-მეორისაგან სრულებით დამოუკიდებლად. ასეთ ორნამენტალურ ნაწილებად, მაგალითად, შეგვიძლია ჩავთვალოთ წრეები, ხვეული ხაზები და სხვა. შეგვიძლია აღვნიშნოთ ის გარემოებაც, რომ სვასტიკის გამოსახულებას არც ერთი ხალხი არას დროს არ აძლევდა იმ მნიშვნელობას, რომელიც მას მიაკუთვნეს ფაშისტებმა. ეს ნიშანი (სვასტიკა) ფაშისტებმა ჯერ გამოიყენეს ანტისემიტურ ემბლემად და ახლაც სვასტიკის გამოსახულება ანტისემიტისმის, კაცუჭამიობის, სხვისი დაჩაგვრის, მონობისა და აგრესიის ზრახვების სიმბოლოდ აქციეს.

ბრტყელ სამაჯურთან ერთად აღმოუჩენიათ კიდევ ბრინჯაოს ორი სამაჯური, ესენიც თავებგახსნილი (ტაბ. X, სურ. h, i). ორივე სამაჯურის ბოლოები დაწვრილებულია და გარშემო პარალელურად უვლის ამოღარული ხაზები. ერთ მათგანს (ტაბ. X, სურ. h) პარალელური ხაზები შუა წელზედაც უვლის და შემკულია თევზის ფხის მაგვარი ორნამენტით. ამავე საფლავის ბრინჯაოს ნივთებიდან აღსანიშნავია ნახევრად-სფეროსებრი, მაგრამ საკმაოდ ბრტყელი სამკაულები (ტაბ. X, სურ. a), რომლების დიამეტრი 1 cm უდრის და ექვსი ცალი (ესენიც ნახევრად-სფეროსებრი) ბრტყელი სამკაული (ტაბ. X, სურ. k). ამ სამკაულებს გარდირგარდმო ორ წყებად მიუყვება სწორი ხაზები და შიგნითა მხარეზე მოწყობილი აქვს პატარა ყური ტყავზე ან სხვა რამეზე დასამაგრებლად (ყველაზე დიდის დიამეტრი 3,5 cm—დანარჩენების 2,5 cm). ესენი გამოყენებული უნდა ყოფილიყო ქაბრის ან ცხენის სამკერდულის სამკაულად.

განსაკუთრებით აღსანიშნავია სპილენძის ორყურიანი ქვაბის ფრაგმენტები (ტაბ. XI), რომლის საშუალებით შესაძლოა აღვადგინოთ ქვაბის პირვანდე-

¹ მართალია, Apulen-ში აღმოჩენილ ნეოლითურ თიხის ჭურჭლის ნატეხზე ვითომც უნდა იყოს სვასტიკის მსგავსი გამოხატულება, მაგრამ, როგორც ამას სამართლიანად აღიარებენ თვითონ ევროპის მეცნიერები, ეს აღმოჩენა მეტად საეჭვოა. ხოლო ევროპის ბრინჯაოს ხანისათვის სვასტიკა მეტად იშვიათად გვხვდება. ევროპისათვის სვასტიკა ცნობილია მხოლოდ მიკენის ბოლო პერიოდისათვის, ე. ი. მეთერთმეტე საუკუნის შემდეგ და ისიც ევროპის სამხრეთ ნაწილში (F. A. Scheltens, S. 20).

² G. de Mortillet, Origine du Bronze, Paris 1876.

ლი ფორმა. ქვაბს თხელი კედლები აქვს. ყური გაუკეთებიათ სპილენძის მსხვილი ორმაგი მავთულიდან, რომლის ბოლოები გაბრტყელებულია და სპილენძის მოკლონით შეუკავშირებიათ. ქვაბის ზემო პირის დიამეტრი 70 cm უნდა ყოფილიყო. ქვაბის ძირი ნახევრად-სფეროსებურადაა მოყვანილი და შეუძლებელი ხდება მისი სწორად დადგება. ამიტომ, საფიქრებელია, რომ ქვაბს ხმარების დროს ჩამოკიდებდნენ და ან სპეციალურად მოწყობილ სადგამზე ან სამფეხზე სდგამდნენ.

ძვლის მასალიდან ნაკეთები მხოლოდ პატარა ზომის ბრტყელი ნივთია აღმოჩენილი (ტაბ. X, სურ. გ), რომელიც ოთხ ადგილას არის გახვრეტილი. ამ ნივთის დანიშნულება გაურკვეველია. ეს ნივთი აღმოჩენილი ყოფილა პატარა ქოთანში (ტაბ. IX, სურ. f), რომელშიაც სხვა ძვლებიც ყოფილა. ამავე პირველ საფლავეში აღმოჩენილია ოთხი ცალი შავი ფერის თიხის ჭურჭელი. ერთი მათგანი უყუროა (ტაბ. IX, სურ. f). შუა წელზე მკვეთრი გარდატეხა ეტყობა როგორც ზედა, აგრეთვე ქვედა ნაწილისკენ. ქვედა ნაწილი თავგადაკვეთილ კონუსს წარმოადგენს. ზედა ნაწილზე ორ წყებად მიუყვება ქღოვანი ორნამენტი. სხვა ორნამენტები მას არავითარი არა აქვს და არც გაპრიალება ეტყობა.

მეორე ჭურჭელი (ტაბ. IX, სურ. h) არის 11,5 cm სიმაღლის, პირი ფართო აქვს ($D=13,5$ cm). ქოთნის შუა ტანის დიამეტრი 17 cm-ია, კედლები თხელი აქვს (სისქე 0,5 cm) და გარედან გაპრიალებულია.

მესამე ჭურჭელი არის ცალყურიანი ფართო-პირა ქოთანი (ტაბ. IX, სურ. გ), დაზიანებული. მისი სიმაღლე 12,5 cm. პირის დიამეტრი 10,5 cm, შუა წელის დიამეტრი 15 cm. არავითარი ორნამენტი მას არ აქვს.

მეოთხე ჭურჭელი არის ორყურა ქოთანი საკმაოდ სქელკედლიანი (სისქე 1 cm) და თანაც მაღალყელიანი (ტაბ. IX, სურ. i). ყურები გაკეთებული აქვს შუა ტანზე და მათ ზედა ნაწილზე გამოყვანილია ცერის ჩასადები, რომ უფრო მომარჯვებულად შესძლებოდა ადამიანს ხელის მოკიდება. ქოთნის ზედა ნაწილზე გამოყვანილია ხაზოვანი ორნამენტი და ყელის გარშემო კი უვლის პარალელურად მიმდევრო სამი ამოღარული ზოლი. ჭურჭლის სიმაღლე 21 cm, პირის დიამეტრი—11 cm, შუა წელის დიამეტრი—23 cm და ძირის კი—8 cm. ჭურჭლის გარეთა პირს გაპრიალება კარგად ეტყობა.

მეორე საფლავეში აღმოუჩენიათ ორი ბრინჯაოს ხანჯალი. ერთი მათგანის (ტაბ. XII, სურ. a) პირის სიგრძე 20,5 cm უდრის, პირის განი ვადასთან 5,4 cm-ია. ტარის სიგრძე—10,5 cm მთლიანად, მხოლოდ კოტას სიგრძე 8,4 cm-ით განისაზღვრება. ტარის ბოლო ნახევრად-სფეროსებრი ფორმისაა და სამკუთხედის მოყვანილობის ნახვრეტებითაა დაფანჯრული, რომლებშიაც სილამაზისათვის უნდა ყოფილიყო ჩასმული ხის ნაწილები ან სხვა რაიმე ნივთიერებანი ფერადი პასტისა და ან ნახევრად ძვირფასი ქვების სახით. ამავე ტარის ბოლოზე გამოყვანილია გარდიგარდმო მდებარე 0,6 cm სიგანის ორი ზოლი. ხანჯლის პირის შუა ნაწილის გასწვრივ, მის მთელ სიგრძეზე, რელიეფურად მისდევს ვიწრო „ზოლი“, რომელზედაც გამოყვანილია ღარი (შაშარი, Blutrille). მეორე ხანჯალს (ტაბ. XII, სურ. b) აღარ აქვს შერჩენილი ტარის

ბოლოზე ნახევრად-სფეროსებრი დამატებითი ნაწილი. ამიტომ ხანჯლის ტარი მთლიანად არაა წარმოდგენილი და შერჩენილი აქვს მას კოტის ბოლოს პატარა ნახვრეტი ტარის ბოლოს დამატებითი ნაწილის დასამაგრებლად. ტარის შუა წელზე შემოვლებულია წვრილი სალტები ხუთი ცალის რაოდენობით. შერჩენილი ტარის მთლიანი სიგრძე 10,2 cm უდრის, კოტის სიგრძე 8 cm-ია, პირის სიგრძე 21,8 cm-ია, ხოლო მისი განი ვადასთან 6 cm-ს არ აღემატება. ამ ხანჯლის პირის გასწვრივ მის მთელ სიგრძეზე მიუყვება რელიეფური ზოლი, რომელზედაც გამოყვანილია ოთხი ვიწრო შაშარი. ხანჯლები აღმოჩენილი ყოფილან ჩონჩხის წელის მალეების გასწვრივ. ამავე მეორე საფლავეში აღმოჩენილია თავებგახსნილი ექვსი ცალი ბრინჯაოს სამაჯური (ტაბ. XII, სურ. გ, ხ, ი, j, k, l). სამაჯურების შიგნითა მხარე ბრტყელია, ხოლო გარეთა პირი ამოზურგულებული, თუმცა, საერთოდ, ისეთ შთაბეჭდილებას სტოვებენ, რომ ვითომც გაკეთებული უნდა იყვნენ მსხვილი და თანაც მრგვალი ფორმის „მავთულისაგან“. სამაჯურები ჟანგით არის დაფარული, მიუხედავად ამისა სამს მათგანს (ტაბ. XII, სურ. h, j, l) მაინც ეტყობა გეომეტრიული ორნამენტი. ამავე საფლავეში აღმოჩენილათ კიდევ ოთხი ცალი ბრინჯაოს სამაჯური (ტაბ. XII, სურ. c, d, e, f). თერთმეტი ცალი ქინძისთავი (ტაბ. XII, სურ. m, n, o, p, r, s, t, u, v, w, z) და ბრინჯაოს მძივები (ტაბ. XII, სურ. a, b). ეს სამაჯურებიც თავებგახსნილია (ტაბ. XII, სურ. c, d, e, f). შიგნითა მხარე ბრტყელი აქვთ, ხოლო გარეთა მხარე ორწახნაგოვანი ფორმისაა. ისინი შემკული არიან წიწვიანი და ან უბრალო ხაზოვანი ორნამენტით. მათი სიგრძე საშუალოდ 16 cm-ს უდრის. ქინძისთავები სხვადასხვა ტიპისანი არიან. ხუთი მათგანი ერთსა და იმავე ტიპს ეკუთვნის (ტაბ. XII, სურ. m, n, r, s, t). მათი თავები კონუსის ფორმის მავარია. თავებთან ახლო დატანებული აქვთ ოვალური ფორმის ნახვრეტები, რომლის საშუალებით შესაძლო ყოფილიყო მათი ჩამოკიდება. ამ ქინძისთავების სიგრძე საშუალოდ 8 cm-ია.

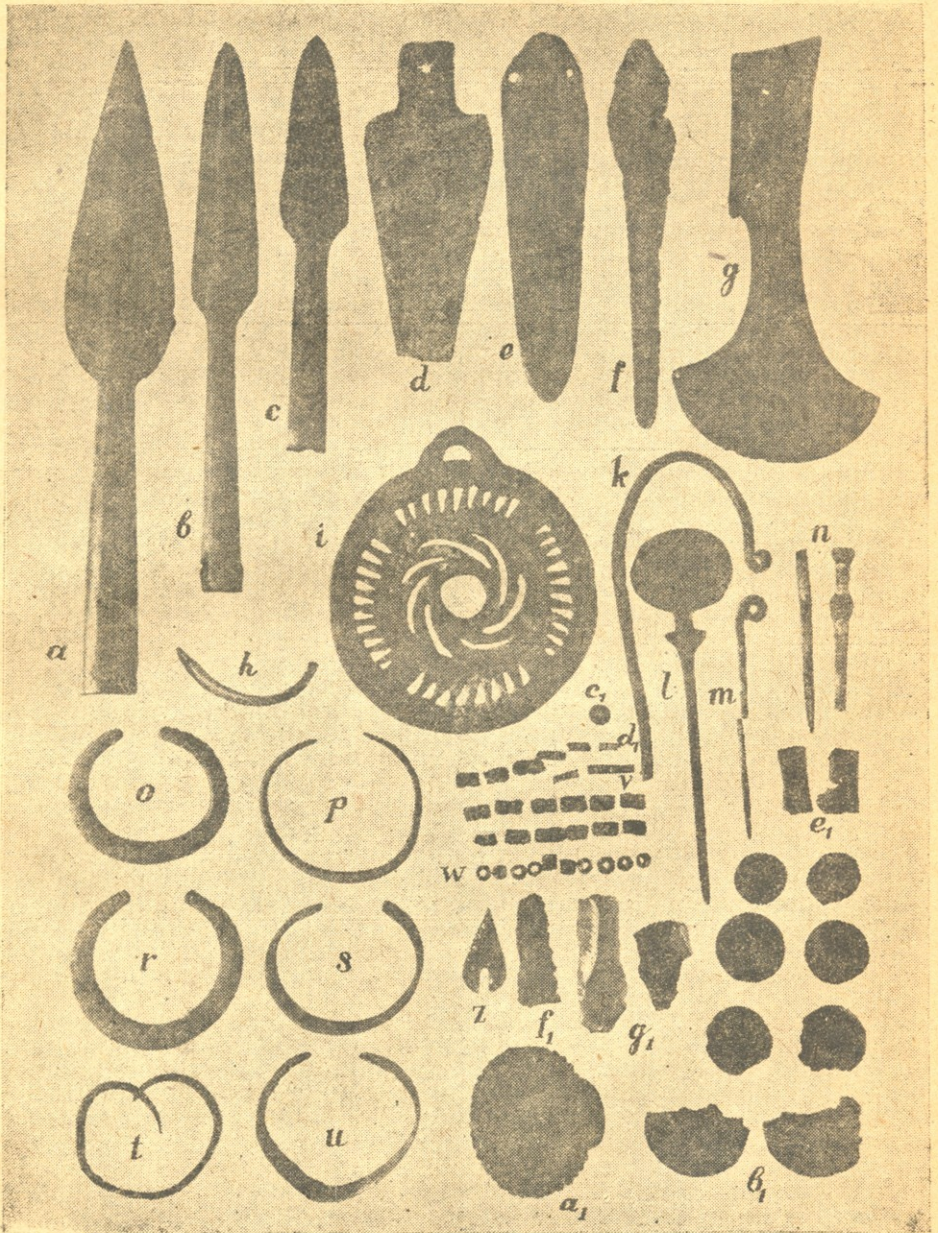
ამ ტიპის ქინძისთავები კარგად არიან ცნობილი საქართველოში და საერთოდ კავკასიაში. ისინი არიან აგრეთვე ცნობილი კვიპროსზე, პალესტინაში, ეგვიპტესა და ტროიაში. კვიპროსზე ისინი აღმოჩენილი არიან უძველეს ნეკროპოლებში, ხოლო ეგვიპტეში კი გვხვდება მე-18 და 19 დინასტიის (1580—1200 წ.) დროის ნივთებშიაც¹.

ფრანც ჰანჯარის აზრით კავკასიაში აღმოჩენილ ნახვრეტიან ქინძისთავებს (Lochnadel) უშუალო კავშირი აქვს სამხრეთთან, განსაკუთრებით სირიასთან².

გომნაში აღმოჩენილ დანარჩენ ქინძისთავებიდან აღსანიშნავია უბრალოდ თავმოკაუჭებული ქინძისთავი, რომელიც საკმაოდ მსხვილია (ტაბ. XII, სურ. o). ამ ქინძისთავის სიგრძე 17 cm-ია. საინტერესოა მოვიხსენიოთ, რომ თავმოკაუჭებული ქინძისთავი წარმოადგენს უძველეს ფორმას. ამ სახის ქინძისთავები

¹ Nadel, Reallexikon der Vorgeschichte, B. VIII, Berlin 1927, S. 403.

² Franz Hančar, Die Nadelformen des Kaukasusgebietes, Eurasia Septentrionalis Antiqua, B. VII, Helsinki 1932, S. 123.

გომნაში აღმოჩენილი ნეტეზი სხვადასხვა საფლაკიდან.

ფართოდაა ცნობილი როგორც ამიერ-კავკასიაში, აგრეთვე სხვა ქვეყნებშიაც, მაგალითად, პალესტინა-სირიაში, ევროპაში და სხვ. სხვათა შორის, ამ სახის ქინძისთავეებს ფრანც ჰანჩარი არჩევს განჯა-ყარაბაღის კულტურაში და აკუთვნებს მას აღრინდელ რკინის ეპოქას (?)¹ და სამთავროს ძირა სართულის საფლავეებზე უფრო ძველად სახავს², რაც საკიროებს უფრო მეტ არგუმენტაციას. ამ სახის ქინძისთავეები მოპოვებული არიან ტროიაში, სადაც ნათლად დადასტურებული, რომ ისინი დიდი ხნის განმავლობაში განაგრძობდნენ არსებობას. ასე, მაგალითად, ამ სახის ქინძისთავეები ტროიაში ნახულია II—V ფენებში; ისინი დიდი რაოდენობითაა აღმოჩენილი VI ფენაში, ხოლო ერთეული ეგზემპლარები ცნობილია VII ფენაშიაც. თუ რამდენად მართალია ფრანც ჰანჩარი, როდესაც ამბობს, რომ თავმოკაუჭებული ანუ თავმოხვეული ქინძისთავეები ტროიიდან არიან ექსპორტირებული და ან რომ ტროია იყო ამ ქინძისთავეების დამწერველი ამიერ-კავკასიაში³, ამის შესახებ შეიძლება ითქვას, რომ ეს საკითხი ფრიად საყურადღებოა და სპეციალურ კვლევა-ძიებას ითხოვს არა მარტო ქინძისთავეების მიმართ, არამედ სხვა ნივთების მიმართაც. აღწვნილ ქინძისთავეებს გარდა, გომნაში აღმოჩენილი არის ისეთი ქინძისთავეიც, რომლის თავზედაც სოკოს მაგვარი ფორმის მსგავსად ცალ-ცალკე კოპები აქვს გამოყვანილი (ტაბ. XII, სურ. p). არის ისეთი ქინძისთავეიც, რომელსაც გვერდზე აქვს დატანებული ჩამოსაკიდი (ტაბ. XII, სურ. u); მისი სიგრძე 9,5 cm, თავი დაღარული აქვს. არის ისეთიც, რომელსაც თავი ბირთვის ფორმის მაგვარი აქვს და ჩამოსაკიდი კი გვერდზე აქვს მოწყობილი (ტაბ. XII, სურ. v); სიგრძე 10 cm. გვხვდება ისეთიც (ორი ცალი), რომელსაც ნახვრეტი დატანებული აქვს შუა წელზე (ტაბ. XII, სურ. w). ამავე მეორე საფლავეში აღმოჩენილია ბრინჯაოს მძივები. ამათგან ორი ცალი ბრტყელი ფორმისაა (ტაბ. XII, სურ. c₁), ათი ცალი ისეთი ფორმისაა, რომ გვაგონებს თავებგადაკვეთილ ორ კონუსს, რომლის ფუძეები ერთადაა შეერთებული (ტაბ. XII, სურ. b) და ექვსი ცალი მრგვალი ფორმის (ტაბ. XII, სურ. a₁). მძივების საშუალო სიგრძე 1,2 cm-ია, ხოლო მათი სიმაღლე 1 cm უდრის. თიხის ჭურჭელი მეორე საფლავეში ყოფილა მხოლოდ ერთი ცალი, რომელიც დაუმტვრევიათ მუშებს და ნატეხები გადაუყრიათ.

მესამე საფლავეში ყოფილა სულ სამი ცალი თიხის ჭურჭელი, მაგრამ არც ესენი არიან გადარჩენილი. დაუმტვრევიათ.

სხვა ნივთებიდან, რომლებიც გომნაშია აღმოჩენილი, ყურადღებას იპყრობს ბრინჯაოს შუბის წვერები (სამი ცალი, ტაბ. XIII, სურ. a, b, c) იმავე ტიპის, როგორიც იყო აღმოჩენილი პირველ საფლავეში. ეს შუბის წვერები ზომით უფრო ნაკლები არიან პირველი სამარის შუბის წვერებზე. აღსანიშნავია აგრეთვე სამი ცალი ბრინჯაოს ხანჯალი, რომლებსაც ტარი აღარა აქვთ შერჩენილი. ორ მათგანს უფრო სამკუთხედის ფორმა აქვს (ტაბ. XIII, სურ. d, f) და პი-

¹ Franz Hančar, S. 123.

² Franz Hančar, S. 140.

³ Franz Hančar, S. 128.

რის ბოლოში დატანებული აქვთ გახვრეტილი ყუნწი ტარის დასაგებად. მესამე ხანჯალი უფრო „ოვალური“ ფორმისაა (ტაბ. XIII, სურ. e) და ამასაც აქვს პირის ბოლოზე მოწყობილი სამი ნახვრეტი ტარის დასაგებად. საერთოდ ეს ხანჯალი უფრო პრიმიტიულია და თანაც არქაული ნიშნების მქონეა. ამ ხანჯლის პირის სიგრძე ტარის დასაგები მოწყობილობით 15,5 cm-ია. სამკუთხედი ფორმის ერთ-ერთი ხანჯლის (ტაბ. XIII, სურ. f) პირის სიგრძე 16,5 cm-ია, მეორესი კი (ტაბ. XIII, სურ. d) გაურკვეველია, ვინაიდან მას ნაწილი აკლია. გომნაში აღმოჩენილი ბრინჯაოს ნივთებიდან საინტერესოა ე. წ. კობანის ტიპის ცული (ტაბ. XIII, სურ. g), ხაზოვანი ორნამენტით შემკული; ექვსი ცალი ბრინჯაოს სამაჯური (ტაბ. XIII, სურ. o, p, r, s, t, u) და ერთიც ბრინჯაოს სამაჯურის ნატეხი (ტაბ. XII, სურ. h). ამ სამაჯურებიდან ორი ცალი შუაზე მსხვილია და თავებისკენ წაწვრილებული (ტაბ. XIII, სურ. o, r) და ორი ცალი კი ბრტყელია (ტაბ. XIII, სურ. s, u). ერთ-ერთ სამაჯურს (ტაბ. XIII, სურ. p) ბოლოებზე გამოყვანილი აქვს თევზის ფხის მავგარი ორნამენტი და ერთიც წვრილი მავთულისგანაა გაკეთებული, რომელსაც თავები ერთიმეორეზე ჰქონია გადასული (ტაბ. XIII, სურ. t). სამაჯურის ნატეხი კი ყოფილა შიგნითა მხარეზე ბრტყელი. ხოლო გარედან—ორწახნაგოვანი (ტაბ. XIII, სურ. h). იქვე უნახავთ სხვადასხვა ზომის რვა ცალი ბრინჯაოს ნივთი, რომელიც იხმარებოდა ცხენის სამკერდულის ან ქამრის სამკაულად (ტაბ. XIII, სურ. b₁), 45 ცალი ბრინჯაოს წვრილი მძივი (ტაბ. XIII, სურ. w), ოთხი ცალი ცილინდრისებრი ფორმის გრძელი მძივი (ტაბ. XIII, სურ. v), ერთი ცალი პატარა ზომის სპირალი (ტაბ. XIII, სურ. d), ერთი ცალი სერდოლიკის (სარდიონის) მძივი (ტაბ. XIII, სურ. c₁), ერთი ცალი მრგვალი ფორმის (D=11,5 cm) საკიდი, რომელიც უნდა იყოს მზის სიმბოლიური ვადმოცემა (ტაბ. XIII, სურ. i) და ბირთვის ფორმის მავგარი გურზი ანუ თოფუზი (ტაბ. XIII, სურ. a₁). მისი სიმაღლე 4,8 cm-ია, დიამეტრი შუა წელზე—5,6 cm. გურზის ზედაპირი „დაკბილულია“ ღრმად ჩამჯდარი ხაზებით, რომლებსაც ისეთივე მიმართულება აქვთ, როგორიც არის პარალელებისა და მერიდიანების გლობუსზე. გურზი, საერთოდ, მეტად ძველი დროიდან იყო გავრცელებული მსოფლიოს სხვადასხვა კუთხეში და თავდაპირველად ის წარმოადგენდა ერთ-ერთ უძველეს სანადიროსა და საომარ იარაღს. გომნაშივე აღმოჩენილ ნივთებს ეკუთვნიან „გრივნას“ (ყელსაკიდის) ნატეხი (ტაბ. XIII, სურ. k), ბრტყელთავე ქინძისთავი (ტაბ. XIII, სურ. l), თავმოკაუქებული ქინძისთავი (ტაბ. XIII, სურ. m), ქინძისთავი (ტაბ. XIII, სურ. n)¹ და ორიც ბრინჯაოს ნატეხი (ტაბ. XIII, სურ. e₁). აღსანიშნავია აგრეთვე ობსიდიანის ისრის წვერი (ტაბ. XIII, სურ. z), კაჟის ქვის ხერხი (ტაბ. XIII, სურ. f₁) და ანატკეცები ობსიდიანისა და კაჟის ქვისა (ტაბ. XIII, სურ. g₁). მართალია, კაჟის ქვისა და ობსიდიანის იარაღი და ანატკეცები ცოტა რაოდენობითაა აღმოჩენილი, მაგრამ დამახასიათებელია, რომ ისინი ბრინჯაოს იარაღთან ერთად განაგრძობენ არსებობას. „ბრინჯაო გამოსადეგ ხელსაწყოსა და იარაღს იძლეოდა,—ამბობს ფ. ენგელსი,—მაგრამ მას არ შეეძლო ქვის იარა-

¹ სურათზე ორადნა გამოსული, რადგან შუაზედაა გადატეხილი.

ლი გავედევნა: ეს მხოლოდ რკინას შეეძლო. რკინის მოპოვება კი ადამიანმა ჯერ კიდევ არ იცოდა“ (ფ. ენ გელსი, „ოჯახის, კერძო საკუთრების და სახელმწიფოს წარმოშობა“, თბილისი 1938, გვ. 163). ასე რომ არქეოლოგიურ გათხრებში იშვიათ მოვლენად არ ითვლება, რომ ადამიანი შეხვდეს ქვის იარაღს სპილენძისა და ბრინჯაოს იარაღთან ერთად.

გარდა ზემოთ აღნიშნული თიხის ოთხი ქურჭლისა გომნაში აღმოუჩენიათ კიდევ რვა ქურჭელი, სახელდობრ:

- ა) დერგი, $H=36$ cm, $D=36$ cm (ტაბ. IX, სურ. ა);
- ბ) დერგი, $H=30$ cm, $D=32$ cm (ტაბ. IX, სურ. ბ);
- გ) ორყურა ქოთანი, $H=19$ cm, $D=20$ cm (ტაბ. IX, სურ. ც);
- დ) ღრმა ჯამი, $H=10$ cm, პირის დიამეტრი 15 cm (ტაბ. IX, სურ. დ);
- ე) ორყურიანი ქოთანი, შუა წელზე მკვეთრად გადატეხილი, დიდი ყურებით, რომლის ცალი თავი უერთდება ნაპირს. თიხა შავია და გაპრიალებული, $H=12$ cm, $D=15,5$ cm (ტაბ. IX, სურ. ე);
- ვ) ორი ქოთანი უყურო. მათი საშუალო სიმაღლე 11,5 cm, $D=15,6$ cm (ტაბ. IX, სურ. ჯ, კ);
- ზ) ქოთანი უყურო, $H=14,5$ cm, პირის $D=13,5$ cm. პირის ზემო ნაწილზე ტეხილი ხაზები და ეტყობა ოთხი ბორცვი. თიხა ცუდადაა დამუშავებული (ტაბ. IX, სურ. ლ).

გომნაში აღმოჩენილი ყოფილა აგრეთვე მთელი რიგი ნივთები, რომლებიც გლეხებს დაუტაცნიათ და დაკარგულად უნდა ჩაითვალოს, ვინაიდან მათი მონახვა და შეგროვება დღემდის შეუძლებელი შეიქნა¹.

როდესაც ჩვენ პირადად ვინახულეთ არქეოლოგიური ნაშთების აღმოჩენის ადგილი გომნაში, მაშინვე შევამჩნიეთ მიწის ჭრილის ერთ ადგილას ლიოსის მსგავს ქვენიადგაში (გრუნტში) ძვლის ნიშნები². საცდელმა და თანაც სწრაფად ჩატარებულმა გათხრებმა დაგვარწმუნა, რომ მართლაც მიცვალებულის მდებარეობა გომნაში უნდა ყოფილიყო მოკრუნჩხული პოზით და საფლავებიც ღრმად ყოფილან მიწის ზემო პირიდან. არც ჩვენ მიერ გათხრილი საფლავის გარშემო იყო რაიმე საშენი მასალის ნიშნები. მართალია, საფლავი ცოტად თუ ბევრად დაზიანებული აღმოჩნდა, მაგრამ მიცვალებულს შემორჩენილი ძვლების *in situ*-ში მდებარეობა (ტაბ. XIV) სწორედ მოკრუნჩხულ პოზაზე მიგვითითებდა. ჩონჩხის ორიენტირება იყო ჩრდილო-აღმოსავლეთიდან სამხრეთ-დასავლეთისკენ. სამარე დაცილებული იყო მიწის ზედაპირს 3 m-ით. მასში მხოლოდ სამი ქურჭელი აღმოჩნდა შავი ფერის.

ადგილ გომნაში აღმოჩენილ ნივთებს საკმაოდ ბევრი პარალელები მოეპოვება როგორც საქართველოში, აგრეთვე მის მოსაზღვრე ქვეყნებში აღმოჩენ-

¹ გომნაში აღმოჩენილი არქეოლოგიური ძეგლების შესახებ ცნობები მოგვაწოდა ბორჯომის მხარეთმცოდნეობის დირექტორმა აშხ. სარაჯიშვილმა, რაზედაც დიდ მადლობას ვუცხადებ მას. იქ აღმოჩენილი ნივთები დაცულია ბორჯომის მუზეუმში.

² ლიოსის მსგავსი ქვენიადგი უფრო ლიოსის მსგავსი სილიანი თიხაა, რომელიც მთის ქანების გამოფიტვის შედეგია და შემდეგ ჩამორეცხვის საშუალებით ჩამოტანილია და თანაც აკუმულაციამქნილი.

ტაბულა XIV.

გომნაში აღმოჩენილი საულავი.

ნილ არქეოლოგიურ ნივთებში და სინქრონიულად ეფარდებიან მცხეთაში (სა-
შთავროში) აღმოჩენილ ქენიადაგის (გრუნტის) სამარეებს, ე. ი. სამთავროში
ჯერჯერობით ცნობილ ყველაზე ძველ სამარეებს. ამიტომ, როგორც უკვე არა-
ერთხელ გვქონდა აღნიშნული (G. Nioradze, «Der Verwahrfund von Kvemo-
Sasirethi». Eurasia Septentrionalis Antiqua, VII, Helsinki 1922, S. 97, გ. ნიორა-
ძე, „ზემოაგქალის სამარე“, საქართველოს მუზეუმის მოამბე, ტ. VI, ტფილისი,
1931, გვ. 202), ისინი არ უნდა მივაკუთვნოთ XIII საუკუნეზე (ჩვენს წელთაღ-
რიცხვამდე) უფრო ადრინდელ დროს. თუ რა საფუძვლის მიხედვით ვიღებთ
ჩვენ ასეთს თარიღს, ამის შესახებ ნათქვამი გვაქვს ზემოთ ნახსენებ შრომებში.

ახლა საინტერესოა დავსვათ საკითხი, თუ რას გვეუბნება ჩვენ ის მცირე-
ოდენი, შემთხვევით აღმოჩენილი ნივთები, რომლებიც მოგვცა ჩვენ ადგილმა
გომნამ. ეს ნივთები გვეუბნებიან, რომ იმდროინდელი საზოგადოება უნდა ყო-
ფილიყო ბარბაროსობის შუა საფეხურზე, „მათ იცოდნენ ლითონების დამუშა-
ვებაც გარდა რკინისა, ამიტომ ჯერ კიდევ ვერ ელეოდნენ ქვის იარაღს“¹.
მეწველი და ხორცის მომცემი პირუტყვის მოშინაურობა უკვე კარგად უნდა ყო-
ფილიყო განვითარებული, რაზედაც მიგვითითებს იქ აღმოჩენილი ცხოველების
ძვლები და ზოგიერთი თიხის ჭურჭელი, რომელიც რძის ნაწარმოებისათვის იყო
განკუთვნილი (მაგალითად, ტაბ. IX, სურ. d, j და სხვა). მოშინაურობული „სა-
ქონლის გამოკვების მოთხოვნილებას“ უეჭველად უნდა გამოეწვია „თივისა და

¹ ფ. ენგელსი, ოჯახის, კერძო საკუთრების და სახელმწიფოს წარმოშობა, თბილისი
1938, გვ. 26.

პურეული მცენარის კულტურა“¹, ხოლო პურეულობის მოყვანა კი „გახდა მნიშვნელოვანი თვით ადამიანის კვებისათვის“².

ადგილ გომნას მთლიანად აღებული არქეოლოგიური მასალა ნათლად გვეუბნება, რომ საქონლის მოშინაურობა და მიწათმოქმედება უკვე გადაქცეულია წარმოების წამყვან ფორმებად; ხოლო მონადირეობა და შეგროვება ცხოვრების დამხმარე საშუალებად. აქედან გასაგები ხდება, რომ გომნაში აღმოჩენილ კულტურის მატარებელ ხალხს უკვე კარგად გაუუმჯობესებია ცხოვრების პირობები. მათ მოეპოვებოდა საზრდოდ ხორცი, რძის ნაწარმი და პურეული შეეძლო მოექსოვა შალის ტანსაცმელი, გაეკეთებია ფეხსაცმელი და სხვა ნივთები მოშინაურობული საქონლის მატყლისა და ტყავისაგან.

რაც შეეხება ლითონის დამუშავებას, ცხადია, რომ ლითონის დამუშავება იყო ადგილობრივი, რასაც მოწმობს აღმოჩენა იმდროინდელი ყალიბებისა ლითონის ჩამოსასხმელად (მოვიგონოთ ყალიბები—აღმოჩენილი თელოვანსა და წალვერში, სპილენძის ზოდები და წიდა იმ რაიონის სხვადასხვა ადგილას აღმოჩენილი) და თვით ლითონის დასამუშავებელი სახელოსნო წალვერში. მართალია, ეს ყალიბები და სახელოსნო ადგილ გომნაში არ არიან აღმოჩენილი, მაგრამ მათი ხნოვანება დაახლოებით იგივეა, როგორც არის გომნაში აღმოჩენილი ნივთებისა და ადგილმდებარეობითაც ერთი და იგივე რაიონით შემოიფარგლებიან.

ნივთების ჩამოსხმის ტექნიკის საშუალებით გარკვევით შეიძლება ითქვას, რომ ბრინჯაოს ასხამდნენ წმინდა სანთლის (ცვილის) მოდელით, როდესაც ყალიბი დაიმტვრეოდა ნივთის ჩამოსხმის შედეგად. მაგრამ ამავე დროს ჩვენ ვიცით ისეთი ყალიბებიც, რომლების საშუალებით შეიძლებოდა ნივთების მასობრივად გაკეთება და სხვა ადგილებშიაც გავრცელება. „ძველი ქართველების ტომებში მოსხებში, ხალიბებში და მათ ახლობელ ნათესავებში, ჭოროხის ხეობაში,—ამბობს ნ. მარი,—მეტალურგიული ინდუსტრიის განვითარება აყვავებული იყო“³. „დაბადების“ VI ს. (ჩვენს წელთაღრიცხვამდე) ერთ-ერთი ავტორი ეზეკიელისი (XXVII 13), როდესაც იხსენიებს ფინიკიელების მდიდარ ქალაქს ტირს, ამბობს: «Яван, Тубал и Мешех торговали с тобой, доставляли тебе рабов и изделия из меди»⁴. ვინ არიან ტუბალი (ტიბარენები) და მეშეხი (მოსხები)? რომ ტუბალი და მეშეხი ძველი ქართველების ტომები არიან, ამის შესახებ ფრიად საყურადღებო და საინტერესოა აკად. ს. ჯანაშიას შრომა: „თუბალ-თაბალი, ტიბარენი, იბერი“ (ენიმიკი-ს მოამბე, I, ტფილისი 1937, გვ. 185—245), სადაც ავტორი ვრცლად იხილავს ამ საკითხს, მოყავს გამოჩენილ მეცნიერთა მოსაზრებანი ამ საკითხზე და კრიტიკულად და ისტორიულად აშუქებს მას.

¹ ფ. ენგელსი, გვ. 27, 162, 163.

² იქვე, გვ. 27.

³ Н. Марр, История Грузии, Спб. 1906, стр. 19.

⁴ А. Захаров, «Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир», Труды Секции Археологии, II, Москва 1928, стр. 41.

სოფ. ლარგში აღმოჩენილი ნივთები.

ძველი ქართველების ზოგიერთი ტომი, ტუბალი და მეშხი, ლურსმული წარწერების მიხედვით, შესაძლოა ვივარაუდოთ, რომ VIII—VII სს. ცხოვრობდნენ ვანის ტბის ჩრდილო-დასავლეთით, მდინარეებს :ეფრატისა, ჭოროხისა და მტკვრის სათავეების მიმართულებით შავი ზღვის სანაპიროებამდის¹. ტუბალების მიერ დასახლებულ ადგილებისა და მათი საქმიანობის შესახებ უფრო აღრიხედელ დროში (პირველი ათასეულის პირველი საუკუნეები) შეიძლება ითქვას, რომ ისინი ცხოვრობდნენ „მერმინდელ დიდ კაბადუკიაში (შინაგანი მცირე აზია)“ და განვითარებული ჰქონდათ, როგორც ჩანს, მეტალურგია².

ზემოთ მოყვანილი ცნობები ძველი ქართველი ტომების მოსახლეობისა და მათი საქმიანობის შესახებ მეტად საყურადღებოა. მართალია, ეს ცნობები შედარებით უფრო ახალი დროისაა, ვიდრე ადგილ გომნაში აღმოჩენილი ნივთები, მაგრამ ჩვენთვის მაინც მეტად საინტერესოა, რადგან მათში მოხსენებულია ბრინჯაოს დროის მეტალურგიის განვითარება ძველი ქართველების ზოგიერთ ტომში და ცოტად თუ ბევრად აღნიშნავენ ამ ტომების მიერ ნამოსახლარ ადგილებს, რომლებიც მტკვრისა და ჭოროხის აუზების ზემო ნაწილებში თუ არ ექცევიან, ყოველ შემთხვევაში, მას უახლოვდებიან.

ადგილ გომნაში და მის მახლობლად მდებარე ადგილებში აღმოჩენილი არქეოლოგიური ძეგლები გვეუბნებიან არა მარტო მესაქონლეობის, მიწათმოქმედებისა და ადგილობრივ მეტალურგიულ ინდუსტრიის განვითარების შესახებ, არამედ იმდროინდელ კარგად განვითარებულ პატრიარქალურ ოჯახზე, სადაც მამაკაცი აბსოლუტურად იყო გაბატონებული.

ადვილად დასაშვებია ის აზრი, რომ იმ დროის ალებ-მიცემობა უკვე რეგულარული ხასიათისა იყო და რომ შრომის ნაყოფიერების აწვევაც თვალსაჩინო უნდა ყოფილიყო.

რაც შეეხება იმდროინდელ რელიგიას, ამის შესახებ გომნაში აღმოჩენილი ნივთები ცოტას გვეუბნებიან. საფიქრებელია, რომ მაშინდელი მცხოვრებლების წარმოდგენა იყო კოსმოსური, სადაც მნიშვნელოვან როლს ასრულებდა მზის კულტი. საქმის ამგვარ გარემოებაზე, სხვათა შორის, მიგვითითებს ბრინჯაოსაგან გაკეთებული დისკო (ტაბ. XIII, სურ. i), რომელიც მზის დისკოს გამოხატულება უნდა იყოს და ამრიგად მზის სიმბოლიურ გადმოცემას უნდა წარმოადგენდეს. შესაძლოა მზის სიმბოლიურ გადმოცემასთან იყოს დაკავშირებული ადგილ გომნაში აღმოჩენილი სვასტიკის გამოხატულებაც ბრინჯაოს ბრტყელ სამაჯურზე.

საერთოდ გომნაში აღმოჩენილი ნივთები მრავალმხრივია საინტერესო. სამწუხაროდ, იქ აღმოჩენილი ნივთები არ არიან მოპოვებული მეცნიერულად დაყენებულ არქეოლოგიურ გათხრების დროს. ამიტომ საჭიროა მოეწყოს სისტემატური არქეოლოგიური გათხრები გომნაში და მათ ახლო მდებარე ადგილებში, სადაც მოსალოდნელია ფრიად საყურადღებო მასალის მოპოვება წარსული დროის გასაშუქებლად.

¹ ა. ი ვ ს ე ნ ი, ტაბალსა და მეშხეს ათავსებს ვანის ტბისა და ურარტუს ჩრდილო-დასავლეთ ნაწილში მდ. ეფრატის აუზის ზემო ნაწილში და შესაძლებლად სთვლის, რომ ისინი შვი ზღვის სანაპიროებსაც კი აღწევდნენ (A. Hesse, *указанное соч.*, стр. 197).

² ს. ჯანაშია, ნახს. შრომა, გვ. 233.

ტაბულა XVI.

ადამიანის სახის გამოსახულება ჭურჭლის ტარის ერთ თავზე.

ტაბულა XVII.

სლესისციხეში და ბუზაში აღმოჩენილი ნივთები.

საინტერესოა არქეოლოგიური თვალსაზრისით სოფ. ლარებიც, რომელიც მდებარეობს თრიალეთის ქედის ჩრდილო-დასავლეთის პერიფერიაზე. ეს ადგილი დაცილებულია ბორჯომს 9 კილომეტრის მანძილზე. აქ მეტად საყურადღებო აღმოჩენას ჰქონდა ადგილი. სამწუხაროდ, ყველა აქ აღმოჩენილი ნივთი ჯერ კიდევ არ არის ერთად თავმოყრილი და მუზეუმში დაცული. ნივთები, რომლებიც სოფ. ლარებსა და მის მიდამოებში აღმოუჩენიათ და რომლებიც ბორჯომის მუზეუმში ვნახეთ, შემდეგია:

ა) სპილენძის ჭურჭელი ფართო და თანაც გრძელი ნისკარტით (ტაბ. XV, სურ. d). ტარის ერთ თავზე ადამიანის სახეა გამოხატული (ტაბ. XVI). მეორე თავზე ცერის ჩასადები აქვს მოწყობილი. ჭურჭლის ძირი ბრტყელი არ არის, ამიტომ მისი სწორად დადგმა შეუძლებელი ხდება. საერთო მისი გარეგანი

ფორმა უცბად ფრინველს მოგვაგონებს და შეიძლება ენობოიას ერთ-ერთ სახის მოყვანილობას მივაშვავსკოთ. თუ რომ ჭურჭელს ვერტიკალურად დავაყენებთ, მაშინ მისი სიმაღლე 30 cm-ით უნდა განვსაზღვროთ, სიმსხო—15,5 cm-ით. არავითარი ორნამენტი და ან რაიმე მოხატულობა, გარდა უკვე აღნიშნულისა, მას არა აქვს.

ბ) სპილენძის ნივთი ცილინდრისებრი ფორმის, შუა წელზე შეზნექილი (სიმაღლე 7,5 cm, სიმსხო შუა წელზე 6,5 cm, ტაბ. XV, სურ. ა); ძირი არა აქვს და ეტყობა, რომ ეს ნივთი ან იყო რაიმე ჭურჭლის ყელად გამოყენებული და ან ძირბ უნდა ჰქონდეს მომძვრალი. ყოველ შემთხვევაში, ნივთის დანიშნულება ჯერ-ჯერობით გამოურკვეველი რჩება.

გ) ვერცხლის ფიალა (პირის დიამეტრი 12 cm), პირგადაშლილი. ქვედა ნაწილი რელიეფური ორნამენტით შემკული (ტაბ. XV, სურ. ბ). სხვათა შორის, ამგვარი ვერცხლის ფიალა, მხოლოდ უფრო სადად გამოყვანილი, უნახავს კოლმეურნე ი. ჩაჩუას მიწის სამუშაოების დროს სოფ. დაბლა-გომში (ადგილ ნაციხვარში), სადაც სხვადასხვა ნივთთან ერთად აღმოუჩენია აგრეთვე კოლხური ფულბის განძიც. ფიალა დაცულია საქართველოს მუზეუმის არქეოლოგიურ განყოფილებაში, ინვ. 30—29/116.

დ) წითელი თიხის ჭურჭელი ყურიანი, უორნამენტო, პირი მრგვალი ფორმისაა და საკმაოდ ფართო (პირის დიამეტრი 7,5 cm, სიმაღლე—12,5 cm, ტაბ. XV, სურ. ხ).

ე) შავი ფერის ყურიანი ქოთანის (ტაბ. XV, სურ. გ), ყურის ცალი თავი შეერთებულია პირის ნაპირთან. ჭურჭლის სიმაღლე 9,5 cm, სიმსხო—11 cm.

ვ) ყურიანი ჭურჭელი, შავი ფერის (ტაბ. XV, სურ. ფ), ყური შეერთებულია ნაპირთან. სიმაღლე—10 cm, სიმსხო—8,7 cm.

ზ) შავი ფერის ყურიანი ჭურჭელი (ტაბ. XV, სურ. ე), ყური შეერთებულია ნაპირთან. წააგავს ალაზნის პირველი ტიპის ჭურჭელს¹. სიმაღლე 8 cm. სიმსხოს ზომა უდრის სიმაღლისას. საერთოდ ლარების ჭურჭელი მეტად გვაგონებს ალაზნის ველის ჭურჭელს და დროითაც მას უახლოვდება.

თ) ერთი მძივი პასტის, მოკისფერო და გარედან დაღარული (ტაბ. XV, სურ. ც). მძივის სიგრძეა 1,9 cm, სიმსხო—2,2 cm.

ი) ამ დაღარულ მძივთან ერთად აღმოუჩენიათ ვერცხლის პართული ფული მეფე გოტარზესი, არშაკუნიანების დინასტია (ჩვენი წელთაღრიცხვის 40—51 წ.). ფულის ერთ მხარეზე მოცემულია მეფის სურათი, ხოლო მეორე მხარეზე აქვს წარწერა: „მე მეფეთა მეფე არშაკი.....“.

ყველა შემოთ აღნიშნული ნივთი ერთ ფართობზეა აღმოჩენილი და დაახლოებით ერთი და იმავე დროისანე არიან.

ბორჯომის მუზეუმს მოეპოვნება აგრეთვე ლარებში აღმოჩენილი დირჰემი მეფე ყაზან-ხანის (ყაანი) 1295—1304 წ. ფულის ერთ მხარეზე აღნიშნულია: „არ არის ღმერთი გარდა ალახისა“, ხოლო მეორე გვერდზე აქვს წარწერა: ყაზან-ყაანი, წელი და ქალაქი, სადაც მოიჭრა ფული.

¹ გ. ნიორაძე, ალაზნის ველის გათხრები, თბილისი 1942, გვ. 24, სურ. 10.

სოფელ ლარებიდან ახალციხის მიმართულებით იმავე მტკვრის ხეობაში, მდებარეობს სოფ. დვირი, რომელიც დაცილებულია ბორჯომს 17 კილომეტრით. სოფ. დვირი თრიალეთის ქედის ჩრდილო პერიფერიაზეა გაშლილი. ამ სოფელში, 1941 წლის მარტის თვის პირველ რიცხვებში, უპოვნიათ ფიქალი ქვებისაგან აშენებული ქვის ყუთი მეტად ღარიბი ინვენტარით. ჩვენ პირადად ვინახულეთ ერთი ქვის ყუთი, რომელიც უკვე გახსნილი იყო და მთლიანად გასუფთავებული. ადგილობრივი მცხოვრებლების გადმოცემით ქვის ყუთში მხოლოდ ადამიანის ძვლები ყოფილა და ერთი ცალი მოწითური ფერის ლამაზად გაკეთებული თიხის ჭურჭელი. ეს ჭურჭელი პატარა ზომის ყოფილა და საფლავიდან ამოღების დროს მთლიანად დაშლილა, ხოლო მისი ნატყეხები ძვლებთან ერთად გადაუყრიათ. ბევრი ვეძებეთ, მაგრამ ამ ჭურჭლის ფრაგმენტების კვალს ვერ მივაგენით. ქვის ყუთი დაცილებული იყო მიწის ზედაპირს 80 სმ-ით და მიმართული იყო აღმოსავლეთსა და დასავლეთს შუა. მისი სიგრძე 190 სმ-ია, სიგანე—87 სმ და სიღრმე—87 სმ. საფლავის ქვები ადგილობრივი არ იყო. როგორც ეტყობა ისინი მოტანილია კვისინეთიდან, რომელიც დაცილებულია სოფ. დვირს 7 კილომეტრით. სოფ. დვირის მცხოვრებლების გადმოცემით თვითონ სოფ. დვირში არაერთხელ ჰქონია ადგილი თიხის ჭურჭლისა და ღვინის ჭურჭლის აღმოჩენას, რაც მევენახეობაზე მიგვითითებს, თუმცა დღეს ამ სოფელში მევენახეობას სრულებით აღარ მისდევენ. სხვათა შორის, სოფ. დვირი მოხსენებულია გურჯისტანის ვილაიეთის დიდ დავთარში და სხვადასხვა ვადასახადთა შორის ამ სოფელზე მიწერილი ყოფილა შირა (გვ. 95). ეს ფაქტიც იმას გვეუბნება, რომ გურჯისტანის ვილაიეთის დიდი დავთრის შედგენის დროს სოფ. დვირში მევენახეობა ყოფილა გავრცელებული, რადგან შირა ყურძნიდან კეთდებოდა.

აღსანიშნავია, რომ სოფ. დვირის გაღმით, მტკვრის მარცხენა ნაპირზე, მიწის სამუშაოების დროს აღმოუჩენიათ თიხის შავ ქოთანში ჩაწყობილი ბიზანტიის კეისრების 45 ცალი ოქროს ფული, საიდანაც 22 ცალი კონსტანტინე VIII-სია (1025—1028 წ.); 22 ცალი—კონსტანტინე X დუკასი (1059—1067 წ.) და ერთიც—რომანოზ IV-სი (1067—1071 წ.). ამ ოქროს ფულებთან ერთად ყოფილა აგრეთვე ოთხი ცალი მოყვითალო ფერის ლითონისგან გაკეთებული კონსტანტინე X დუკასის ფული (როგორც ფიქრობენ ყალბი) და ერთიც არაბული ვერცხლის დირჰემი, რომელიც მოჭრილია 758 წ. (140 წ. ჰიჯრით). ქოთანი, რომელშიაც აღმოჩენილა ჩაწყობილი ფულები, პატარა ზომისაა (სურ. 6, ა). მისი სიმაღლეა 8,5 სმ, სიშხო შუა წელზე—9,5 სმ, პირის დიამეტრი—8 სმ. ქოთანი უსწორ-მასწორო ფორმისაა და არც ეტყობა არავითარი ნიშანი, რომ მორგვე იყოს გაკეთებული. გადმოცემის თანახმად ქოთნის თავსახურავად გამოყენებული ყოფილა წითელი ფერის თიხის პატარა „ჯამი“ (სურ. 6, ბ), რომელიც, მართალია, თავსახურავად გამოდგება, მაგრამ ქოთნის თავსახურად სპეციალურად მაინც არ ყოფილა გაკეთებული და სრულიად შემთხვევითაა შერჩეული. ქოთნის ამ თავსახურის თიხის დამუშავება, ფერი, გამოწვა და სხვა სრულებით განსხვავდება ქოთნის თიხის ამავე ნიშნებიდან და აშკარად ეტყობა, რომ უფრო ახალი დროისაა, ვიდრე თვითონ ქოთანი. ამ „ჯამის“ სიმაღლე

2,5 cm-ა, ზემო პირის დიამეტრი—9,6 cm. თიხა მშვენივრადაა დამუშავებული და კარგადაცაა გამომწვარი. ქოთანი და „ჯამი“ ინახება საქართველოს მუზეუმის არქეოლოგიის განყოფილებაში (ინვ. 11—30/52, 11—30/51), ხოლო ქოთანში აღმოჩენილი ფულები საქართველოს მუზეუმის ნუმიზმატიკურ კაბინეტში.

არ არის ინტერესს მოკლებული სოფ. საკვირიკეში (მდებარეობს თრიალეთის ქედის ჩრდილო-დასავლეთის პერიფერიაზე) აღმოჩენილი რკინის ნივთები. სოფ. საკვირიკეც მტკვრის ხეობაშია ბორჯომიდან ახალციხის მიმართულებით და დაცილებულია ბორჯომს 23 კილომეტრით. აქ აღმოუჩენიათ მოხრილი ფორმის რკინის დანა სასხლავად გამოყენებული. უნახავთ აგრეთვე პატარა ზომის რკინის ნაჭერიც. რკინის სასხლავი დანა გვეუბნება, რომ ის გამოყენებული ყოფილა ვახის გასასხლავად, თუმცა დღეს იმ ადგილებში მევენახეობას უკვე აღარ მისდევენ.

ბორჯომსა და ახალციხის შუა, აჭარა-იმერეთის ანუ მესხეთის ქედის სამხრეთ-აღმოსავლეთის პერიფერიაზე მდებარეობს სლესისციხე, რომლის მიდამოებში ფიქალი ქვებიდან აშენებული ქვის ყუთები აღმოუჩენიათ. პირველ ქვის ყუთში უნახავთ მიცვალებულის ჩონჩხი და სამკაულები, რომლებიდანაც აღსანიშნავია:

- ა) ბრინჯაოს ბეჭედი (ტაბ. XVII, სურ. e);
- ბ) ვერცხლის ორი საყურე (ტაბ. XVII, სურ. f);
- გ) რკინის ფრაგმენტები (ტაბ. XVII, სურ. გ), და
- დ) რკინის რგოლი (ტაბ. XVII, სურ. d).

მეორე ქვის ყუთში უნახავთ ორი ცალი მოგრძო და ცხრა ცალი მრგვალი ფორმის წვრილი მძივი პასტისაგან გაკეთებული (ტაბ. XVII, სურ. h). მესამე საფლავი მთლიანი ქვებით ყოფილა აშენებული და მიწის ზედაპირს 2 m დაცილებული. ამ საფლავში უნახავთ ერთი ჩონჩხი. ხელები გულზე ჰქონია დაკრეფილი, თავი—დასავლეთით, ასე რომ მიცვალებული ორიენტირებული ყოფილა დასავლეთიდან აღმოსავლეთისაკენ. ჩონჩხთან ერთად აღმოუჩენიათ 7 cm-ის სიმაღლის ბრინჯაოს „სანემსე“, რომელიც წარმოადგენს ორ ვიწრო ლულას ერთად შეერთებულს ვიწრო სალტეებით (ტაბ. XVII, სურ. a). ამავე საფლავში აღმოუჩენიათ სამკაულების სხვადასხვა ფრაგმენტი (ტაბ. XVII, სურ. b). დანარჩენი საფლავები ძალზე ღარიბი ყოფილა. ზოგს მათგანში ორორი ჩონჩხი აღმოუჩენიათ¹.

სლესისციხიდან სამი კილომეტრის დაცილებით და ახალციხის მიმართულებით არის სოფელი ბაღების-ღელე, რომელიც მესხეთის ქედის სამხრეთ-აღმოსავლეთით მდებარეობს. ამ სოფელში აღმოუჩენიათ ღვინის ჭურები და ქვისაგან აშენებული საწნახლები, რაც ისევ მევენახეობაზე მიგვიბრუნებს. ბაღების-ღელეში დღეს უკვე მევენახეობას არ მისდევენ.

¹ სლესისციხეში ამ აღმოჩენების შესასწავლად მივლინებული იყო მარის სახელობის ისტორიის ინსტიტუტის უფროსი მეცნიერი მუშაკი ა. კალანდაძე. აღმოჩენილი ნივთები დაცულია ახალციხის მხარეთმცოდნეობის მუზეუმში.

ტაბულა XVIII.

სოფ. ბუზაში აღმოჩენილი ქვის ყუთი.

ამავე ახალციხის მიმართულებით, მესხეთის ქედის სამხრეთით არის სოფ. ზიკილია, სადაც მიწის სამუშაოების დროს ხუთი-ექვსი მეტრის სიღრმეზე აღმოუჩენიათ კულტურული ფენა, რომლის სისქე 40—60 cm უდრის. ეს კულტურული ფენა დიდ მანძილზე მიყვება და ეტყობა მდიდარი უნდა იყოს კერამიკის ფრაგმენტებით, დამტვრეული და დამწვარი ცხოველების ძვლებით და მეტად დიდძალი ნაცრისა და ნახშირის ნაშთებით. ეტყობა, რომ იმ ადგილზე ერთ დროს მრავალრიცხოვანი მოსახლეობა ყოფილა, რომელსაც რაღაც დიდი უბედურება განუცლია და მთლიანად შეუწყვეტია იმ ადგილას ცხოვრება.

ჩვენ თანდათან უახლოვდებით ახალციხეს. სულ კიდევ 11 კილომეტრის გზა გვქონდა გასავლელი, როდესაც შევამჩნიეთ ქვის ყუთი ადგილ ბუზაში. ეს ადგილი მდებარეობს სოფ. წნისსა და გიორგი-წმინდას შუა და დაცილებულია ბორჯომს 41 კილომეტრით. ამ ადგილზე აღმოუჩენიათ ქვის ყუთი (ტაბ. XVIII) მიწის სამუშაოების დროს, როდესაც გზა გაყავდათ. მუშების გადმოცემით ქვის ყუთში მხოლოდ პატარა ზომის ბრინჯაოს ზარი ყოფილა (ტაბ. XVII, სურ. c)¹.

ზემოთ აღნიშნული სხვადასხვა დროის ძეგლები, საერთოდ, გვეუბნება, რომ მტკვრის ხეობაში მეტად ძველი დროიდან ყოფილა მოსახლეობა. გვეუბნება, რომ ამ ადგილებში უცხოვრია მძალი კულტურის მატარებელ ხალხს. რომელიც მეორე ათასეულის მეორე ნახევარში (ჩვენს წელთაღრიცხვამდე) და უფრო ადრეც ცხოვრობდა, შეგვიძლია ვთქვათ, რომ ამ ხალხის კულტურა მკვიდრო ნათესაურ კავშირშია საქართველოს ტერიტორიაზე სხვადასხვა ადგი-

¹ ინახება ახალციხის მზარეთმცოდნეობის მუზეუმში.

ლას აღმოჩენილ არქეოლოგიურ ძეგლებთან. შეგვიძლია აგრეთვე ნაწილობრივ გავარკვიოთ ზოგიერთი საკითხი ამ ხალხის ყოფა-ცხოვრებიდან, სოციალური სტრუქტურიდან და სხვა, რაც ჩვენ უკვე ზემოთ გვქონდა აღნიშნული, როდესაც ადგილ გომნაში აღმოჩენილ არქეოლოგიურ მასალას ვინილავდით. ხოლო ამ ხალხის ვინაობისა და ცხოვრების მთლიანი სურათის აღსადგენად აუცილებელია ჩატარდეს მეცნიერულად დაყენებული სისტემატური არქეოლოგიური გათხრები და ჩვენც ვიმედოვნებთ, რომ სულ ახლო მომავალში განსაკუთრებული ყურადღება მიექცევა ამ მეტად საინტერესო მხარის არქეოლოგიურად შესწავლას, რაც არაჩვეულებრივ მასალას მოგვცემს ქართველების სულ უძველესი ისტორიის შესწავლის საქმეში.

G. NIORADZE

ARCHAEOLOGICAL INQUIRIES IN THE GORGE OF THE RIVER KURA

Summary

In the beginning of April, in the year 1941, we were able to make archaeological explorations in that part of the gorge of the River Kura which lies in the direction from Borjom to Akhaltsikhe. In view of the fact that these explorations lasted a few days (from the 3-rd to the 6-th of April), we were not able to develop our work on a large scale and to carry out research and observations in more detail for the study of this locality.

Our explorations were limited to those places along which had been made earth works for the construction of a railway, but along with this, as far as was necessary, we did not lose sight of the archaeological collections which have been found in the Borjom gorge.

According to the facts given in the manuscripts of N. Vinogradov-Nikitin and I. Vlasov, which are preserved in the Borjom Museum of Regional Studies, and also on the basis of the data published in newspapers and in a letter sent to me by prof. V. Gorodtsov, it is possible to say that many archaeological discoveries have been made in the Borjom gorge.

In one of his manuscripts prof. Vinogradov-Nikitin mentions the archaeological remains found in the village of Tsaghveri on Lake Tabatsquri and in other places in the Borjom gorge. But we doubt the truth of this information. It can definitely be said that, up to the present time, there have been no neolithic discoveries in Tsaghveri and that what prof. Vinogradov-Nikitin considers to be neolithic findings are actually findings of the bronze age.

The excavations in the village of Tsaghveri were conducted by prof. Gorodtsov in the year 1911 and revealed three independent cultural layers: a) a layer with the remains of an ancient Georgian settlement (fig. 1, I), b) a layer containing skeletons, some bent and one in a sitting position (fig. 1, II) and c) a layer with a work-shop where bronze objects were cast and obsidian weapons were wrought (fig. 1, III). As monuments of an ancient Georgian settlement there were walls of dwellings built of stone blocks, some earthenware vessels for storing wine, fragments of earthenware and glass vessels and other objects belonging approximately to the XII century A. D. In the second layer occur graves; eight of them have been opened up, seven with bent skeletons and one with a skeleton in a sitting position. With the skeletons were found earthenware vessels, bronze ornaments, splinters of obsidian and one flint weapon. The work-shop found in the third layer was a platform at the sides of which were placed blocks of andesite. The floor of the platform was covered with a black layer of earth, full of soot, ashes and charcoal, and abounding with splinters of obsidian, fragments of earthenware vessels and bones of animals. Among these scraps were found fragments of ten earthenware moulds, from which it was not possible to form a clear idea of the things which were cast in them; there were found also some fragments of crucibles, in one of which turned out to be molten copper; pieces of copper ore and slag, fragments of earthenware nozzles from air-bellows; small bronze odd work in the form of a crowbar, several obsidian and bone weapons; grinding stones; and fragments of two andesite mortars, used for breaking ore. The date of the work-shop, in the opinion of prof. Gorodtsov, is approximately the XIV century B. C.

There is in the Georgian Museum a small four-faceted ring („sword-hanger“), from the village of Tsaghveri, with fir tree ornament (plate I, fig. a).

Findings of bronze objects took place in the village of Baniskhevi. Here were found three graves with bent skeletons and with a poor grave inventory (one earthenware vessel, an arrow-head of obsidian, a bronze bracelet, and a bronze pin, a bone ornament and cornelian beads). From this same village are well-known objects made of bronze; a spear-head, a bracelet, a fibula and others.

There were interesting findings in the year 1941 in the district lying between Borjom and Khashuri. Bronze objects found here were: two axes of the Koban type (plate II, figs. b, c), the hilt of a dagger (plate II, fig. d), a spear-head (plate II, fig. a), six bronze rings (plate III, fig. b), and a chain (plate III, fig. c); besides this cornelian beads (plate III, fig. a), and an earthenware vessel (fig. 2) were found. All these objects are of the same time and are dated by the axe of Koban type.

Archaeological collections are well-known from Borjom itself. As, for instance, when the foundation was being dug for the building of a bath a spear-head was discovered and from other localities near Borjom a bronze axe

of the Koban type, a bronze ring and pin are well known. Besides this, in the mineral park at a depth of 5 *m*, the remains of six primitive baths, consisting of small basins made of hewn rock, were discovered accidentally; Judging from the position of the baths and the deposit of tufa, river shingle etc. on them, we must suppose that these baths belong to the dawn of our era. This finding makes it possible to conclude that the mineral sources of Borjom were used in ancient times, and not from the year 1852 as some still think up to the present.

Of the places in the neighbourhood of Borjom we mention Likani, where a copper dagger was found and Kvabiskhevi, from which place we have a black vessel with remains of cremation. In this same Kvabiskhevi were found bronze ornaments, bracelets, pins, iron spear-heads and arrow-head, three bronze spear-heads (plate IV, figs. a, b, c), and a bronze arrow-head of the Scythian type (plate IV, fig. d) which belongs to the VI century B. C.

When the Borjom railway was being constructed bronze objects were discovered: bracelets, tubes of bronze leaf, pins, fish-hooks, a dagger, beads, a neck-ring and a bead made of paste. Beads of the same kind have been found with coins belonging to the I century A. D. (The objects are kept in the Borjom Museum of Regional Studies). In this same museum can be seen bronze objects found in the village of Telovani. The objects are as follows: a copper «pick-axe», a copper «hoe», a small copper cauldron and other such articles which were packed up without our seeing them.

In the Georgian Museum there are kept bronze collections found accidentally in the village of Telovani: a «hoe» (plate I, fig. c), and four copper coins, belonging to the second half of the XII century and the first part of the XIII century.

Near the village of Telovani was found one part of a metallic mould for casting an axe of the Koban type (fig. 4 a) and in the village of Mitarba was found an axe (fig. 4 b), which was made in this mould (fig. 4 c). This finding, and also the findings of prof. Gorodtsov in the village of Tsaghveri, without any doubt point to the local mining of ore and the local working of metals. This is also indicated by the discovery of bronze slag (112 Kilograms) near Lake Tabatsquri.

The bronze findings in the village of Atsquri are not devoid of interest; there were found in the year 1914 four bells (plate V, figs. a, b, c, d), two fibulas (plate V, figs. e, f), five pins (plate V, figs. g, h, i, j, k), a ring (plate V, fig. l), six metal buckles (plate V, figs. o, p, r, s, t, u), a fragment of a bit (plate V, fig. v), a battle-ring (plate V, fig. w), a ring (plate V, fig. z), and an article of which the purpose is unknown (plate V, fig. z₁). In this same village were found bronze rings (plate VI, figs. a, b), and three bracelets (plate VI, figs. c, d, e).

There were other well-known archaeological monuments from the Borjom gorge which were kept near Borjom-Park on the so-called «Archaeological Square» but they were all ruined by a flood in the year 1918.

During the archaeological explorations it was ascertained that many archaeological collections were found in the gorge of the river Kura in the year 1941 in the villages of Papa, Gomna, Larebi, Dviri, Sakvirike, Slesistsikhe, Baghebis-ghele etc.

Let us begin with Papa which lies at a distance of 1,5 kilometres from Borjom. In this village there were found objects with different significations which must be referred to the middle ages. There also belong to this time fourteen earthenware vessels for storing wine, a press for making grape-juice and many other objects which indicate the occupation of vine-growing, although no one is concerned with this occupation at the present time.

Two kilometres from Papa on the right bank of the river Kura is the village of Gomna (plate VIII), where three graves were discovered by chance (plate VIII a). The skeletons in these graves are in a doubled up position. In one of these graves the following bronze objects were found: ornaments (plate X, fig. f), a spear-head (plate X, fig. b), two arrow-heads (plate X, figs. c, d), bracelets (plate X, figs. h, j, i); there were also found fragments of bronze leaf (plate X, fig. e), an article made of bone of which the purpose is unknown (plate X, fig. g), four earthenware vessels (plate IX, figs. f, h, g, i), and a copper cauldron (plate XI).

In the second grave were found: two bronze daggers (plate XII, figs. a, b), ten bronze bracelets (plate XII, figs. g, h, i, j, k, l, c, d, e, f), bronze beads (plate XII, figs. a, b, c, a₁) and eleven pins (plate XII, figs. m, n, o, p, r, s, t, u, v, w, z). Five of these pins (plate XII, figs. m, n, r, s, t) are of the same type and are well-known both in Georgia and in the Caucasus. They are known in the Crimea, Palestine, Egypt, Troy and in other places. In the Crimea they are met with in the oldest necropolises and in Egypt they can be traced as far back as the 18th and 19th dynasties (1580—1200). A pin with a hooked point (table XII, fig. o) appears to be of a very old form and it is known in Georgia, Palestine, Syria, Europe and in other places.

In the third grave were found three earthenware vessels which we did not succeed in saving.

Of the other monuments found in the village of Gomna some objects made of bronze are noticeable: a spear-head (plate XIII, figs. a, b, c), three daggers (plate XIII, figs. d, f, e), an axe of the Koban type (plate XIII, fig. g), six bracelets (plate XIII, figs. o, p, r, s, t, u), eight fragments (plate XIII, fig. b₁), forty five beads (plate XIII, figs. w, v), a spiral (plate XIII, fig. d), a pendant representing the sun's disc (plate XIII, fig. i), a mace (plate XIII, fig. a), an eck-ring (plate XIII, fig. k), a pin (plate XIII, fig. l) etc. Of the cera-

mic wares found in the village of Gomna eight black vessels (plate IX, figs. a, b, c, d, e, j, k, l) have survived.

The archaeological monuments found in the village of Gomna have many parallels both in Georgia and in the Caucasus. They are synchronous with the most ancient graves of Santavro and must be referred to a time not later than the XIII century B. C. These monuments tell us of the high state of culture of the society of that time which was in the middle stages of barbarism: cattle rearing and agriculture are already the chief forms of farming. At the stage of the history of society we are examining, local metallurgy is becoming wide-spread. The findings of moulds in the village of Tsaghveri and near the village of Telovani and also the copper slag and ingot in various places of that region bear witness to the local production of copper and bronze articles. In this period the technique of fusion was mastered to perfection. The casting of metallic objects took place in hard moulds made of clay and of copper.

Exchange, in all probability, had a regular character and the productivity of labour was rather high.

In the religion of this period primitive ideas predominated in which the chief rôle was played by sun worship.

The findings in the village of Larebi, which is at a distance of 9 kilometres from Borjom, are interesting from an archaeological point of view. In the Museum of Regional Studies in Borjom we have looked at the following objects from this village: a) copper vessel with a long spout (plate XV, fig. d); on the handle of this vessel is represented a human head (plate XVI); the base is convex; it is possible that it is one of the kinds of the epoch; b) a copper vessel cylindrical in shape and of unknown purpose (plate XV, fig. a); c) a small silver dish (plate XV, fig. b); d) earthenware vessels (plate XV, figs. h, g, f, e); e) a bead made of paste (plate XV, fig. c) and together with this a Parthian coin (40—51 A. D.). Not far from the village of Larebi, in the gorge of the river Kura, lies the village of Dviri. Here was discovered a grave made of stone slabs. We did not succeed in seeing the grave inventory. In the same village, on the left bank of the river Kura, there were found, by chance, Byzantine gold coins of the XI century and one Arabic coin (758). The coins had been placed in an earthenware pot.

We note also the findings of iron objects in the village of Sakvirike and stone boxes in the neighbourhood of Slesistsikhe. In the stone boxes were found: a bronze ring (plate XVIII, fig. e), silver ear-rings (plate XVII, fig. f), fragments of iron articles (plate XVII, fig. g), an iron ring (plate XVII, fig. d), beads made of paste (plate XVII, fig. h) etc.

In conclusion we mention the findings in the village of Baghebis-Ghele and in the locality of Zikilia. In Baghebis-Ghele were found earthenware vessels for storing wine, and in the locality of Zikilia a rich cultural layer abo-

unding in fragments of ceramic wares, in burnt and broken skeletons of animals, in coal etc.

The archaeological monuments mentioned above belong to different times and indicate to us that in the gorge of the river Kura there lived, from the most ancient times, people possessing a highly developed culture. We are also able to determine some questions concerning the conditions of life, social structure and so on of these people. It is also possible to say that these monuments are closely conneded wich other archaeological monuments found in various parts of Georgia.

ანტიმონის წარმოების ისტორიისათვის საქართველოში

უძველეს ქართულ მეტალურგიასთან დაკავშირებული საკითხების განხილვისას არსებითი მნიშვნელობა აქვს ბრინჯაოს ძველი ნივთების შემადგენლობის შესწავლას, რადგან შემადგენლობის მსგავსება თუ განსხვავება შესაბამის დახმარებას გაუწევს მკვლევარს თვით ნივთთა წარმოშობისა და ნათესაობის საკითხების დადებითად ან უარყოფითად გადაწყვეტისას. ამ მხრივ მნიშვნელოვანია უმთავრესად კალისა და ანტიმონის წარმოების ისტორიის შესწავლა და მათი როლის განსაზღვრა ბრინჯაოს მეტალურგიაში.

ამ წერილის მიზანია ანტიმონის გამოყენებასთან დაკავშირებულ საკითხთა განხილვა.

ანტიმონი, როგორც ცნობილია, იშვიათ ლითონთა ჯგუფს ეკუთვნის. ის ხშირად გვხვდება სხვადასხვა ქვეყანაში აღმოჩენილ ბრინჯაოს ძველ ნივთებში. მისი საბადოებიც ბევრგანაა აღმოჩენილი და ამიტომ მისი მონაწილეობა ბრინჯაოს შემადგენლობაში სპეციალისტთა შორის დღევანდელ დღეებში არ იწვევდა.

სხვაგვარად იდგა უკანასკნელ წლებამდე საკითხი საქართველოსა და საერთოდ ამიერ-კავკასიის ტერიტორიაზე აღმოჩენილ ნივთებში შემავალ ანტიმონის სადაურობისა და წარმოშობის შესახებ.

ჯერ ერთი, ანტიმონის არსებობა ჩვენში აღმოჩენილ ბრინჯაოს ძველ ნივთებში უმთავრესად უარყოფილი იყო. ასე მაგალითად, ჩაქვის 1896 წლის განძის, სამების 1905 წლის განძის, ციხისძირის 1927 წლის განძისა და არქეოლოგიურ ტექნოლოგიის ინსტიტუტში ჩატარებულმა ანალიზებმა (გარდა ორი შემთხვევისა სოფ. წინანდლიდან) უარყოფითი შედეგები მისცა საბანევს, სკინდერს (1), დანილევსკის (3, გვ. 213—225) და სხვ.

ასევე უარყოფითი შედეგები მოგვცა გოგჩის ტბის მიდამოებში ლალაიანციის მიერ აღმოჩენილ ნივთთა ანალიზმაც, რომელიც სკინდერმა ჩაატარა. თითქმის ყველა შემთხვევაში ნახსენები მკვლევარი ერთხმად აღნიშნავდა, რომ „ანტიმონის მხოლოდ კვალი ჩანს ამ ძველ ნივთებში“.

ვრცლად განიხილა ანტიმონის გამოყენების საკითხი პროფ. ვ. ნიორაძემ ერთ-ერთს უკანასკნელ ნაშრომში: „ალაზნის ველის გათხრები“. მან შეაჯამა ამ მხრივ ჩვენში არსებული მდგომარეობა და დაასკვნა შემდეგი: „როგორც ეტყობა ანტიმონს არ ამუშავებდნენ საქართველოს ტერიტორიაზე ძველ დროში, თუმცა მისი საბადოები გვხვდება მეტალოგენურ ზონაში, რომელიც მიჰყვება კავკასიის ქედს ყაზბეგის რაიონიდან ზემო-სვანეთამდის. ძველის დროის კავკასიის ბრინჯაოს ნივთების შემადგენლობაში ანტიმონი აქ სრულყოფითად არ გვხვდება და თუ გვხვდება, ისიც მეტად მცირე რაოდენობით“ (3).

ამასთანავე პროფ. გ. ნიორაძე მიუთითებს, რომ „ანტიმონი ხშირად გვხვდება წინა აზიაში, მცირე აზიის დასავლეთით, შემდეგ ირანის აღმოსავლეთ ნაწილში (ნაინში), კუპბენანში და დაბოლოს მიაწში“ (3, გვ. 11).

ასევე უარყოფელი შთაბეჭდილება იქმნება ა. იესენის ნაშრომის გაცნობისას, სადაც შეჯამებულია უმთავრესი ცნობები ბრინჯაოს ნივთების დღემდე ჩატარებული ანალიზებისა (4, გვ. 216—233).

ასეთი მდგომარეობა და უარყოფელი მოსაზრებანი გაბატონებული იყო 1940 წლამდე. 1940 წელს „ბაკურციხის არქეოლოგიური ძეგლების“ ავტორმა მიიღო ახალი მასალები: ბაკურციხეში, სამთავროს, ნინოწმინდას, ოყურშსა და სხვა ადგილებში აღმოჩენილ ბრინჯაოს იარაღთა და სამკაულთა ანალიზებისა, რომელიც თბილისის ქიმიურ ინსტიტუტში ჩატარდა (5, გვ. 56—82). ვითარება აქ ნახსენებ ანალიზთა წარმოდგენის შემდეგ შექმნილი უყოყმანოდ საყურადღებო შეიქმნა (იხ. ქიმიურ ანალიზთა ცხრილი № 1 5 გვ. 204).

ანალიზების ცხრილი გვარწმუნებს, რომ ანტიმონი საკმაო რაოდენობითაა შერეული საქართველოს ბრინჯაოს ძეგლს ნივთებში და ისიც, რა თქმა უნდა, არა შემთხვევით.

მიუხედავად იმისა, რომ ანალიზები შეეხო სხვადასხვა ადგილებში აღმოჩენილს ნივთებს, ანტიმონი ყველა ნივთში აღმოჩნდა თითქმის თანაბარი და უთუოდ მნიშვნელოვანი რაოდენობით. მათ შორის აღსანიშნავია ფრ. ბაიერის მიერ სამთავროში აღმოჩენილი იბერული მახვილი, რომელიც 12,88% ანტიმონს შეიცავს; ჩვენს მიერ 1938 წელს ბაკურციხეში აღმოჩენილი სატყევარი, რომელიც 4,54% შეიცავს; ბაკურციხეში აღმოჩენილი ზოდი, რომელიც 4,48% შეიცავს და მრავალი სხვა. საშუალოდ, ოცი ნივთის ანალიზმა 3,35% ანტიმონი გვიჩვენა, რაც შეუძლებელია შემთხვევითი შენარევი ან მადნისეული წარმოშობისა იყოს.

ჩვენს მიერ მოტანილი ცხრილი, როგორც ვნახეთ, ცვლის არსებულს, ტრადიციულს მდგომარეობას. ეს უფრო ცხადი გახდება, თუ რამდენიმე დამატებით მომენტს გავითვალისწინებთ.

ა. ივანოვსკის გათხრებმა (6, გვ. 170) მოგვცა რიგი ანტიმონის ნივთებისა; საყურადღებოა, რომ ანალოგიური საკიდრები ანტიმონისა აღმოჩნდა სამთავროში 1938—40 წლების არქეოლოგიური ექსპედიციის მუშაობისას, ღებში გათხრებისას და სხვა. ამ აღმოჩენის შემდეგ ანტიმონის შემოტანა საერთოდ საექვო ჩანს, რადგან უაზრო იქნებოდა შემოტანილისაგან სამკაული ჩამოეხათ და ისიც ასე დიდი რაოდენობით.

ანტიმონის მძივებისა და სხვა სამკაულების აღმოჩენა შეიძლება საკმარისი ყოფილიყო ავტორთა ზემოთ ხსენებული მოსაზრების გადასასინჯავად, მაგრამ ამჟამად ჩვენ ანტიმონის გამოყენების ისტორიის უკეთ გამოსაკვლევად კიდევ ახალი მასალები შეგვემატა. ესენია: ქართველს ტომებში ანტიმონის გამოყენების შესახებ ბ. კუფტინის ნაშრომში „არქეოლოგიური გათხრები თრიალეთში“ (7), გამოქვეყნებული ცნობები, გ. გობეჯიშვილის ნაშრომში „ბრინჯაოს ქართული უძველესი ბალთები“ (8) მოცემული მასალები, რიგი ახალი ცნობებისა მცხეთის არქეოლოგიური ექსპედიციის მოღვაწეობიდან, ცნობები

და რიგი მინერალოგიური მონაცემები ანტიმონის ძველი და ახალი საბადოების არსებობის შესახებ საქართველოში. ჩვენის აზრით ამ მასალების გაცნობას შეუძლია რიგი სიახლის შეტანა ჩვენთვის საინტერესო მასალების შესწავლაში.

ბ. კუფტინმა ანტიმონის აღმოჩენის საყურადღებო შემთხვევა გამოაქვეყნა, 1937 წელს აფხაზეთის დოლმენების გათხრების მასალებზე დაყრდნობით. ავტორი აფხაზეთის დოლმენების ქვედა—პირველ სტატიგრაფიულ ფენას მიიჩნევს სპილენძ-ბრინჯაოს კულტურის ნიმუშად, სადაც წარმოდგენილია შესანიშნავი შეცვლა კალისა ანტიმონით, რაც ზოგჯერ 5-დან 10%-მდე აღწევს. ამ უკანასკნელ გარემოებას ავტორი ძლიერ დიდ მნიშვნელობას ანიჭებს შესაბამისი კულტურული ფენის უფრო ფართო ტერიტორიაზე დასადასტურებლად. ავტორის მიხედვით ამ ფენასთანაა დაკავშირებული მილყუიანი ცულეების კულტურაც, ე. ი. ანტიმონის ნიშნები არქაულობის დამადასტურებელია და მეორე ათასეულის დასაწყისისა ჩანს (7).

განსხვავებული მოსაზრება გამოსთქვა ამ საკითხზე გ. გობეჯიშვილმა, თავის საკანდიდატო ნაშრომში; ის ეყამათება ბ. კუფტინს და აღიარებს, რომ კალის ანტიმონით შეცვლა არქაულობის დამახასიათებელი არაა, პირიქით, ანტიმონის გავრცელება განვითარებულ ბრინჯაოს ან უკეთ ბრინჯაო-რკინის კულტურისთვისაა დამახასიათებელი. უკანასკნელი დებულება, მიღებული ზემო რაჭის არქეოლოგიურ ძეგლთა ანალიზის შედეგად, ემთხვევა „ბაკურციხის არქეოლოგიურს ძეგლებში“ გამოთქმულ მოსაზრებას (5, გვ. 56—62). ზემო რაჭაში უთუოდ მნიშვნელოვანია მასობრივი ხასიათი ანტიმონის გამოყენებისა და ანტიმონის წარმოების განვითარების დამთხვევა, იქ აღმოჩენილ მილყუიან ცულეებთან, რაც სწორედ ბრინჯაო-რკინის კულტურისათვისაა დამახასიათებელი, ისიც უმთავრესად კოლხეთის მთიან რაიონებისათვის¹. როგორც მილყუიანი ცულეების, ისე ანტიმონის წარმოების აყვავების დათარიღებისათვის ძვირფას საბუთს სწორედ ლების გათხრების მასალები იძლევა, კერძოდ, ზემო რაჭის უძველესი ქართული აბზინდები; ამ მასალათა გათვალისწინება აფხაზეთის დოლმენების ქვედა ფენის ბ. კუფტინისეულ დახასიათების გაზიარებას გვიძნელებს; ყოველ შემთხვევაში ბ. კუფტინის მოსაზრების იმ ნაწილს მიიხედვით, რომელიც მხოლოდ ანტიმონის აღმოჩენის ფაქტს ეყრდნობა. არის მეორე გარემოებაც მოსალოდნელი, აფხაზეთის დოლმენების ქვედა სტატიგრაფიული ფენის ნივთთა შემადგენლობაში ანტიმონის აღმოჩენა შეიძლება ანტიმონის წარმოების ჩასახვის მომასწავებელი იყოს და არა განვითარებული მდგომარეობისა ამ შემთხვევაში უკანასკნელი გარემოება თავის მხრივ ამართლებს ჩვენს მოსაზრებას ანტიმონის ძველადვე წარმოების შესახებ ქართველი ტომების მიერ.

ამ საკითხის განხილვისას, რა თქმა უნდა, არსებითი მნიშვნელობა აქვს თანამედროვე მინერალურ მონაცემებსაც. ირკვევა, რომ ანტიმონის ადგილობ-

¹ საყურადღებოა ცნობა მილყუიანი ცულის შემონახვისა დასავლეთს საქართველოში „ჩენვის“ სახელწოდებით, რაც ნ. ზოშტარიამ გვაცნობა. ანალოგიური ცული ნაწი ამ წერილის ავტორმა იმერეთსა და სურამში ტყის მუშებთან. მათი გადმოცემით ის მოზრდილ ხეთა მოსაჭრელი იარაღია, — ნ. ზოშტარიას ცნობით ზის დაცურებისას გამოიყენება. ქართლში მას „ქართული მეტივური ცული“ ეწოდება.

რივ დამუშავებისათვის საჭირო პირობები არსებობდა საქართველოს ტერიტორიაზე უძველეს დროშიც, რადგან აქ მდიდრადაა წარმოდგენილი ანტიმონის საბადოები. ასე მაგალითად: სოფ. სნოსა და სიონს აღმოჩენილი მადნების ანალიზმა 67,43% ანტიმონი მოგვცა. ყაზბეგის რაიონი ამ მხრივ უთუოდ საყურადღებოა, ამ რაიონის საბადოთაგან აღსანიშნავია: სნო, სიონი, საქობო, გორის ციხე, გერგეში, ტყაშეთი და სხვა. საკმაო რაოდენობის ანტიმონია აღმოჩენილი ზემო რაჭაშიაც, რომელთაგან მთავარია: სოფ. ლების, ქვემო-საკაოს, ნიგაჯების, უწერისა და ლიხეთის მიდამოები.

ზემოსვანეთის საბადოთა შორის ყურადღებას იპყრობს სოფ. დალხარა, ხალდე და სხვა. მნიშვნელოვნადაა ანტიმონის საბადოები ცხენისწყლის სათავეებშიც (5, გვ. 60).

ანტიმონის დამუშავება სწარმოებს ამჟამად ბროლის მიდამოებში; მდ. ზოფხითურას მარჯვენა შენაკადის (თეთრი წყარო) მარჯვენა ნაპირთან არსებობს ანტიმონის მადნის უძველესი მალარო, რომელიც დღეს ნაწილობრივ მიწითაა აყვებულნი (8, გვ. 117).

ამრიგად, მინერალოგიური მონაცემების მიხედვით ანტიმონის ადგილობრივი დამუშავება საკლებით ნორმალური ჩანს და არის შემთხვევა უძველესი მალაროს აღმოჩენისაც. ამ გარემოებათა გათვალისწინების შემდეგ შეიძლება უარი ვთქვათ დღემდე გაბატონებულ მოსაზრებებზე და ვალიაროთ ანტიმონის წარმოება ძველადვე ქართველურს ტომებში.

გ. გობეჯი შვილი იმდენად დარწმუნებულა ამაში, რომ მას შესაძლებლად მიაჩნია რაჭველ მელითონეებს მოემარაგებიათ თავის ეზოში მონაპოვარნი ამ ლითონით კავკასიის ზოგიერთი სხვა კუთხეებიც (8, გვ. 117).

საქართველოს ტერიტორიაზე აღმოჩენილ ბრინჯაოს ნივთთა ქიმიური ანალიზების შედეგები, ანტიმონის სამკაულთა აღმოჩენები, ანტიმონის საბადოებისა და ძველი მალაროს აღმოჩენა ჩვენ უფლებას გვაძლევს გადავსინჯოთ რიგ ავტორთა მოსაზრებანი და ანტიმონის ადგილობრივი დამუშავება შესაძლებლად მივიჩნიოთ.

ანტიმონის სამკაულები და ანტიმონნარევი ნივთები ბრინჯაოს კულტურის დასასრულს ეკუთვნის, ძველი წელთაღრიცხვის პირველი ათასეულის პირველივე საუკუნეებისა; ეს, როგორც ცნობილია, უძველესი მეტალურგიის აყვავების ხანაა და ამიტომ ანტიმონის ასე ფართოდ გამოყენება შესაძლებელია გარკვეულ მეტალურგიულ პროცესთან იყოს დაკავშირებული შეიძლება დარწმუნებით ითქვას, რომ ძველს ქართველ მელითონეებს ანტიმონი სპილენძის გასამაგრებლად უნდა გამოეყენებიათ და საჭირო შემთხვევაში კალის შემცველადაც ეხმარათ. ეს ტრადიცია თავის დედასამშობლოდან ჩრდილოეთით განვრცობილ ქართველ ტომებს დიდხანს შემოუნახავთ; ამის ანარეკლი უნდა იყოს ძველ რომაელ მწერალთა ცნობა იმის შესახებ, რომ აქაური ლითონი განსაკუთრებული სიმაგრისაა, ბზინვარებისაა და მელითონეები რაღაც თეთრ მიწას ურევენ ლითონშიო—შესაძლებელია ეს თეთრი მიწა სწორედ ანტიმონი იყოს და ბუნებრივია ანტიმონნარევი ლითონი უცხოელთა ძლიერ ყურადღებას მიიპყრობდა კიდევაც.

ქიმიურ ანალიზთა ცხრილი

№ 1 ბ რ ი ნ ჯ ა ო *

№ სან- ვეტარო დავთრით	Cu	Sn	Sb	Pb	Te	Ab	Zn	ნივთის დასახე- ლება	აღმოჩე- ნის ადგი- ლი
ბ 38/2	95,50	0,18	2,58	0,64	0,35	0,12	არ არის	სატევარი	ბაკურციხე
ბ 38/3	96,85	0,46	1,40	0,58	0,27	0,09	არ არის	"	"
ბ 38/5	არ არის	არ არის	0,11	98,67	0,14	0,05	0,25	"	"
12—32/32	86,35	10,15	2,66		0,25	0,10	არ არის	მახვილი	"
18—32/01	86,10	11,61	1,60		0,30	0,06	არ არის	რგოლი	ნინოწმინ.
1—36/28	79,4	14,56	3,31	0,35	0,54	0,041	არ არის	ცული	?
1—36/44	90,32	6,66	1,93	არ არის		0,038	არ არის	მახვილი	
11—32/57	90,42	4,76	2,38	0,38	0,24	0,054	არ არის		
ბ 38/1	86,68	6,62	3,40	0,41	0,31	0,038	არ არის	სატევარი	ბაკურციხე
12—32/31	88,83	10,24	0,74	არ არის	არ არის	არ არის	არ არის	მახვილი	"
—38	81,34	17,72	0,51	"	"	"	არ არის	მახვილი	?
11—32/64	81,80	10,06	6,36	0,38	0,38	0,041	არ არის	მახვილი	ბაკურციხე
12—32/26	83,85	12,28	3,41	არ არის	არ არის	არ არის	არ არის	მახვილი	ნინოწმინ.
1—02/8	76,44	8,96	12,88	0,54	0,52	0,038	არ არის	მახვილი	?
12—32/29	87,04	7,71	3,91	0,38	არ არის	არ არის	არ არის	მახვილი	ბაკურციხე
ბ 38/4	89,51	4,18	4,15	0,91	0,24	0,06	არ არის	სატევარი	"
88/12	88,79	4,3	4,54		0,28	0,02	არ არის	მახვილი	?
ბ 38/6	93,10	2,72	3,12	არ არის	არ არის	არ არის	არ არის	ნამგალი	ბაკურციხე
ბ 32/54	90,12	4,08	3,48	0,41	0,34	0,05	არ არის	ცულნამგ.	ოყურეში
14—32/16	93,14	0,34	4,48	0,42	0,32	0,06	არ არის	ზოდი	ბაკურციხე

* ანალიზები შესრულებულია საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის ქიმიის ინსტიტუტში.

მისათითებელია ერთი საყურადღებო გარემოება: ანტიმონი თითქოს ერთნაირად გვხვდება, როგორც აღმოსავლეთ, ისე დასავლეთ საქართველოს ბრინჯაოს ნივთებში, დასავლეთში ის ბუნებრივი ჩანს—საბადოთა მიხედვით; კახეთის ტერიტორიაზე კი ანტიმონის საბადო აღმოჩენილი არაა; ამასთან დაკავშირებით ისმის საკითხი—ხომ არ არის ალაზნის მიდამოების საბადოთა შორის ანტიმონის უძველესი, მაგრამ დღეს უცნობი საბადო? მომავალმა კვლევამ კახეთის ტერიტორიაზე ანტიმონის ძველი საბადოებისა და შალაროს არ ეობა რომ არ დაადასტუროს, ჩვენ საკმაო საბუთი მაინც არა გვაქვს ანტიმონის შახლობელ აღმოსავლეთის ქვეყნებიდან შემოტანა ვალიართ რადგან აღმოსავლეთ საქართველოში მოსახლე ტომთა ურთიერთობა დასავლეთთან იმ ხანებში, თუ არქეოლოგიურს მონაცემებს გავითვალისწინებთ, საკმაოდ მტკიცე და განვითარებული ჩანს, ეს ორი ნაწილი ქვეყნისა ერთი კულტურის ორ შტოს წარმოადგენს და ამიტომ მრავალი თანაგვარი მომენტი ახასიათებს.

ლიტერატურა

1. Skinder V. A., Chemisch-physikalische Untersuchungen alter Bronzen aus den Ausgrabungen von Lalajants im Sommer 1906. Tiflis 1907.
2. Данилевский В. В., Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий Кавказа и Сев. Урала. Археологические работы на Новостройках, т. II. Изв. ГАИМКА, вып. 110.
3. ნიორაძე გ., ალაზნის ველის გათბრები. თბილისი 1940.
4. Иенин А. А., Древнейшая металлургия меди на Кавказе. ИГАИМК. вып. 120. М. М. 1935.
5. აფაქიძე ა., ბაკურციხის არქეოლოგიური ძეგლები. მანჯანაზე ნაბეჭდი. თბილისი. 1940.
6. Ивановский А. А., По Закавказью. МАК. вып. VI.
7. Купфин Б. А., Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси 1941.
8. გობეჯიშვილი გ., ბრინჯაოს ქართული უძველესი ბალოები. მანჯანაზე ნაბეჭდი. 1941. თბილისი.

